

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2018 Том 9 № 3

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Россия

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Россия

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Россия

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный Университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory):

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.university

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.university

Подписано в печать 21.09.2018. Выход в свет 28.09.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 35,34. Тираж 500 экз. Заказ № 832. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2018 VOLUME 9 No. 3

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denissenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: denissen-

ko_yn@rudn.university

DEPUTY-EDITOR-IN CHIEF

Natalia Novospasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russia)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Evgeniy Tarasov, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticj@rudn.university

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dvoglevskaya*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

- Огуречникова Н.Л. (Россия, Москва).** Метафора формы в «Лилии» (архитектоника исландской христианской драпы XIV века) 505
- Вышенская Ю.П. (Россия, Санкт-Петербург).** Синтаксические приметы «золотого» стиля произведений средневековой английской поэзии 536
- Ткач Д.Г. (Россия, Москва).** Литературные первоисточники орнаментальных сюжетных композиций французского печатного текстиля конца XVIII — начала XIX века 553
- Рогачевская М.С. (Беларусь, Минск).** Жесткая проза перевода поэзии: Стихи не-гения, перевод не-носителя... 564

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

- Труфанова И.В. (Россия, Москва).** К вопросу о местоимении *один одного* 575
- Попова Е.Н., Томашевич С.Б. (Россия, Москва).** Соотношение морфологического и фонетического членения в русском языке 595

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

- Никитин О.В. (Россия, Мытищи).** «Лингвистическая энциклопедия» — неизвестный лексикографический проект 1930-х гг. 612
- Денисенко В.Н., Романова И.А. (Россия, Москва).** Содержание и структура ядра и приядерной зоны лексико-семантического поля «межличностные отношения» на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот» 625
- Чичина М.О. (Россия, Москва).** Лингвистический сопоставительный анализ речей Президента России В.В. Путина и 44-го Президента США Б. Обамы, произнесенных на 70-й Генеральной Ассамблее ООН в 2015 году 640
- Ремчукова Е.Н., Апостолиди А.А. (Россия, Москва).** Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности 651
- Москвичева С.А., Ли Сюэ (Россия, Москва).** Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве Китайской Народной Республики 669

НАУКА 21.0

- Yuryeva Yu.B. (Russia, Moscow).** Honorific titles in British English and American English (**Юрьева Ю.Б. (Россия, Москва).** Почтительные обращения в британском варианте английского языка и американском варианте английского языка) 685
- Мамбетова Г.Ж. (Узбекистан, Нукус).** Грамматический строй гидронимов северных районов Каракалпакстана 696
- Омельяненко В.А. (Россия, Москва).** Отонимные прагматонимы с национально-культурным компонентом в российской рекламе 712
- У Пэйхуа (Россия, Москва).** Семантика цветообозначения *желтый* в китайской и русской лингвокультурах 729
- Пашаева Г.Г. (Азербайджан, Баку).** Нахчиванские этнопонимы в русских источниках XIX — начала XX веков 747
- Mohammed A. Ali Al Fuadi (Iraq, Al Diwaniyah).** Language and Culture: Contexts in British English and Iraqi Arabic (**Мухаммед Ахмед Али Альфуади (Ирак, Эд-Дивания).** Язык и культура: контексты на английском и иракском арабском языках) 761
- Калбаева Г.С. (Узбекистан, Нукус).** Мотив *чудесного рождения* в каракалпакских народных легендах и его исторические основы 774

CONTENTS

LINGUISTICS OF THE TEXT

- Nataliya L. Ogurechnikova (Russia, Moscow).** Metaphor of Form in “Lily” (architectonics of Icelandic Fourteenth century Christian Drapa) 505
- Vyshenskaya Y.P. (Russia, St.-Petersburg).** Syntactic Markers of the “Aureate” Style of the English Medieval Poetry 536
- Tkach D.G. (Russia, Moscow).** Literary sources of ornamental subject compositions of french printed textiles of the end of the XVIII — the beginning of the XIX century 553
- Ragachewskaya M.S. (Belarus, Minsk).** Hard prose of poetry translation: Poetry written not by a genius, translated not by a native speaker... 564

FUNCTIONAL GRAMMAR

- Trufanova I.V. (Russia, Moscow).** To the question of the pronoun *one* 575
- Popova E.N., Tomashevich S.B. (Russia, Moscow).** Correlation of morphemic and syllabic division in the Russian language 595

FUNCTIONAL SEMANTICS

- Nikitin O.V. (Russia, Mytishchi).** “Linguistic encyclopedia” — an unknown lexicographical project of the 1930s 612
- Denisenko V.N., Romanova I.A. (Russia, Moscow).** The Content and the Structure of the Nuclear and Circumnuclear Zones of Lexical-Semantic Field “Interpersonal Relations” on the Material of F. Dostoevsky’s Novel “The Idiot” 625
- Chichina M.O. (Russia, Moscow).** A linguistic comparative analysis of the speeches of the President of Russia Vladimir Putin and the 44-th President Barack Obama delivered the Heads of the Russian Federation and the United States at the 70-th managing Assembly of the UN in 2015 640
- Remchukova E.N., Apostolidi A.A. (Russia, Moscow).** Small-format “News flow” mediatexts in the focus of linguistics: genre and language peculiarities 651
- Moskvitcheva S.A., Li Xue (Russia, Moscow).** Categorization of language nominations in the sociolinguistic space of the People’s Republic of China 669

SCIENCE 21.0

Yuryeva Yu.B. (Russia, Moscow). Honorific titles in British English and American English	685
Mambetova G.J. (Uzbekistan, Nukus). Grammatical build of hydronyms of northern regions of Karakalpakstan	696
Omelianenko V.A. (Russia, Moscow). Pragmatonyms on the basis of proper names with a national-cultural component in Russian advertising	712
Wu Peihua (Russia, Moscow). The semantics of <i>yellow</i> color terms in Chinese and Russian linguocultures	729
Pashayeva G.G. (Azerbaijan, Baku). Nakhchivan ethnotoponyms in russian sources of the 19th century — the beginning of the 20th century	747
Mohammed Ahmed Ali AlFuadi (Iraq, Al Diwaniyah). Language and Culture: Contexts in British English and Iraqi Arabic	761
Kalbaeva G.S. (Uzbekistan, Nukus). Theme of Miraculous Birth in Karakalpak folk Legends and its historical bases	774

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

УДК: 81'37:26:821.113.3-21"13"

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-505-535

МЕТАФОРА ФОРМЫ В «ЛИЛИИ» (архитектоника исландской христианской драпы XIV века)

Н.Л. Огуречникова

Российский университет дружбы народов
Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Целью исследования является описание техники работы автора «Лилии»; рассмотрение указанного вопроса требует внимания к следующим аспектам драпы: 1) ее архитектонике, то есть соотношению формы и содержания, включая топику, символику и сюжетные линии; 2) языковым средствам и формам речи, представленным в тексте, а также 3) взаимодействию языка и стиха в «Лилии». Первый из трех указанных аспектов исследования является предметом настоящей статьи, внимание уделяется значимости текста для скальдической поэтики и словесной культуры Исландии.

Материал и методы. В первом разделе рассмотрены основные сохранившиеся рукописи «Лилии», показано место «Лилии» в культуре Исландии; упоминания «Лилии» в собраниях исландского фольклора способствуют пониманию значимости текста. Второй раздел посвящен анализу техники работы автора, взаимодействию текста со средневековой латинской литературой и словесной культурой средневековой Исландии. Исследование проводится на материале издания [8] и существующих русскоязычных переводов средневековой латинской литературы, анализ которых позволяет установить литературные топосы и соответствующие им архетипы средневекового религиозного сознания, отраженные в «Лилии». В третьем разделе рассматривается смысл названия и символика чисел в тексте. В четвертом разделе обсуждается способ бытования текста и вопрос об авторстве.

Результаты. Выявленные параллели между «Лилией» и средневековыми латинскими текстами, приведенные в статье, говорят о том, что в плане содержания текст соответствует нескольким архетипам средневекового исландского и европейского христианского сознания. Спецификой текста является метафора формы; словосочетание использовано для обозначения совокупности семантических процессов, связанных с переносом скальдической формы в сферу средневековой христианской культуры, полностью традиционной. Метафора формы трактуется в статье как закономерное следствие основного завоевания скальдов — «отчуждения» формы и превращения ее в художественный прием [5], что является предпосылкой для универсализации скальдической поэзии в плане содержания.

Заключение. «Лилия» классифицирована в работе как текст, в котором ярко проявляется семантико-функциональный потенциал скальдической формы, и в целом текст соответствует скальдическому канону. Высказана гипотеза, согласно которой автор текста, работая с традиционным содержанием, не осознавал свое индивидуальное усилие как авторство; при создании текста он, по всей вероятности, следовал принципам передачи информации в устной традиции Исландии.

Ключевые слова: драпа, стев, метафора формы, христианская культура, латинская литература, архетип, тоpos, устная традиция, авторство, Исландия

Кровь норманнских викингов недаром течет в жилах
Иоахима: будет и он завоевателем всемирным,
но уже не морей и земель, а духа.

Дмитрий Мережковский

For a good reason the blood of norman vikings flows
in the veins of Jóakim: he will be a great conqueror;
neither lands nor seas will he conquer, but the spirit of all ages.

Dmitrij Merezhkovskij

ВВЕДЕНИЕ. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ РАБОТЫ

Классифицируя «Лилию» как скальдическую драпу, исследователи не всегда уверены в правомерности такой классификации [1. С. 48; 2]. Основанием для сомнений, как правило, являются слова скальда о том, что ему тесно в скальдическом каноне и он отказывается от темных слов скальдического языка. Исследования, посвященные скальдической поэтике, рассматривают «Лилию» как произведение периферийное, а упоминания текста в историях исландской литературы и средневековой поэтики приближаются к эпиграфам скальдической поэзии. Как правило, отмечается разрушение скальдического канона, стих более свободный по сравнению с жестко регламентированным дротткветтом, отсутствие кеннингов и переплетений предложений, типичных для скальдических форм. «Драпа Эйстейна „Лилия“ — это закат скальдической традиции. История освоения поэзией скальдов нетрадиционного для нее материала завершена, взорванная новым содержанием скальдическая форма полностью уничтожена. Провозглашен девиз нового стиля — ясность и простота: Бог есть свет. Забыт наказ Снорри Стурлусона, призывавшего в „Младшей Эдде“ скальдов хранить искусство кеннингов» [3. С. 677].

Между тем исландцы помнят и любят «Лилию», и несмотря на то, что самая ранняя рукопись драпы датируется XIV в., текст не забыт по сей день. «Лилия», без сомнения, далека от сферы скальдического небытия, в которой нет ничего, кроме отсутствия, а апофатическая трактовка по условию не может охарактеризовать что-либо положительным образом; «открытие предмета в качестве апофатического есть тем самым его „закрытие“» [4. С. 227].

В «Лилии», действительно, нет места кеннингам и переплетению предложений, характерному для скальдического синтаксиса, однако язык драпы, включая кеннинги и синтаксис, — это не единственный аспект скальдической поэзии. Имеет значение и стих как метод работы с языком. «Версификаторское мастерство скальда связывалось по преимуществу с хендингами» [5. С. 34], и в этом аспекте «Лилия» не нарушает скальдического канона.

Именно форма песни, и не только структура драпы, продуманная и символическая в «Лилии», но и скальдическое стихосложение (в основном — хрюнхент), требующее постоянного внимания к просодике и фономорфологии слова, служит ответом на упрек во враждебности текста по отношению к скальдическому канону и советам Снорри Стурлусона. В аспекте стихосложения, которым отчасти

определяются и возможности поэтической формы, «Лилия» соответствует представлениям Снорри уже потому, что хрюнхент включен Снорри в перечень размеров [6. С. 27—28]. Несколько забегаая вперед, отметим, что поэтические усилия автора «Лилии» были связаны преимущественно с формой, и с этой точки зрения характер работы автора «Лилии» не отличался от характера работы исландских скальдов (мы не говорим здесь об особых текстах, таких, например, как лирические стихи Эгиля; в этой связи см. [5. С. 49—54; 7]).

Чем объясняется невероятная жизнеспособность «Лилии»? Какова структура текста и как работал его автор? Каков способ бытования текста? Как следует классифицировать этот текст, каков его тип и место в научных классификациях? Дальнейшее повествование посвящено месту «Лилии» в словесной культуре Исландии; архитектура «Лилии» рассматривается нами в связи со способом бытования текста и его отношением к традиции; частным аспектом этого вопроса является авторство. Мы не обращались к рукописям «Лилии», и анализ текста, результаты которого представлены в статье, опирается на издание [8], в основе которого лежит рукопись «Лилии» *Holm perg 1 fol Bergsbók*.

1. «ЛИЛИЯ» И СЛОВЕСНАЯ КУЛЬТУРА ИСЛАНДИИ

Сто вис (800 стихов) «Лилии», по-видимому, записаны монахом, в жилах которого текла кровь викингов. Вопрос об авторе текста остается предметом научных дебатов [8—13]. В самой древней и самой полной из сохранившихся рукописей *Holm perg 1 fol Bergsbók* (Bb), датируемой XIV—XV вв., информация об авторе отсутствует; писец, комментировавший рукопись, снабдил текст лишь следующей надписью, ничего, впрочем, не проясняющей: *Dette Er Itt Merckeligt Rim, och kaldis denn Lilliae* («Этот стихотворный текст заслуживает внимания, он называется „Лилия“») [14; 8. С. 554]. Имя автора появляется на полях более поздней рукописи AM 622 4°, датируемой второй половиной XVI в.: *Hier hefur Liliu brodur Eysteins* «Здесь начинается „Лилия“ брата Эйстейна». Имя автора отсутствует в двух важных изданиях «Лилии», в сборнике исландской поэзии Гвюдбранда Торлаукссона (*Vísnaþók*. 1612), где текст под редакцией Арнгрима Йоунссона назван „*Þad gamla Liliu Kuæd*“ («Древняя песнь „Лилия“»); нет имени автора и в сборнике исландской поэзии Паутла Хатлссона 1656 г., где текст назван „*Eet Gammelt Isslandske Rim*“ («Древнеисландское стихотворение»). В рукописях XVII—XVIII вв. автор «Лилии» указан как *Eysteinn* (информация о надписях в рукописях приведена в соответствии с изданием [8]). На данный момент текст считается анонимным; исследователи, упоминая автора текста, называют его «автором „Лилии“».

Издания «Лилии», включая издание, подготовленное Мартином Чейзом в рамках проекта *Scaldic Poetry* [8], опираются на рукопись Bb, учитывая по мере надобности содержание более поздних списков. Текст датируется первой половиной XIV в. по следующим причинам: язык «Лилии» отражает изменения, завершившиеся к началу XIV в. [1. С. 228], кроме того, «Лилия» перекликается с «Драпой о (епископе) Гудмунде» (*Guðmundardrápa*), датировка которой не вызывает сомнений, драпа датируется 1345 г.

Ханс Шотман [13] и Вестейн Оуласон [1] утверждают, что оригинальным является текст «Лилии», заимствующим текстом является «Драпа о Гудмунде», и, вероятно, «Лилия» была записана до 1345 г. Учитывая данные языка, исследователи полагают, что запись «Лилии» приходится на первую половину XIV в. (период между 1300 г. и 1345 г.).

Яркий, самобытный и очень красивый текст, написанный большим мастером слова, покорила красотой исландцев: *Öll skálld villdu Lilju kveðit hafa* «Все скальды хотели бы сказать „Лилию“» Это изречение, процитированное в 1774 г. епископом Финнуром Йоунссоном, повторяет каждый, кто обращается к «Лилии» [15], цит. по [8. С. 561]. Фраза свидетельствует о бытовании текста в традиции в течение долгого времени (ср. [9. С. 11]).

Исландский фольклор хранит память о том, что «Лилия» понравилась исландцам, они навсегда запомнили текст и размер песни (*Liljulag*). В собрании Йоуна Ауртнасона есть один рассказ, записанный Паутлом Оулафссоном; судя по содержанию рассказа, в XIX в. знание «Лилии» было весьма желательным, и исландцы считали текст надежной защитой от злых духов.

- (1) *Ýms kvæði eru talin óbrigðul vörn gegn draugagangi og ásóknum illra anda og skal hér greina tvö dæmi til þess. Sagt er að Lilja hafi kraft til að stökkva óhreinum öndum burtu og er það til marks að gömul kerling var einhver tíma á bæ sem kunni Lilju og kvað hana í hverju rökkri. En fólkið gjörði gabb að þessu og lærði ekkert af kvæðinu. Þegar kerling var dáin gjörðist mjög reimt á bænum; var þá stundum sagt með dimmum róm: „kveðið þið nú Lilju“. En það gat enginn og lagðist bærinn svo í eyði [16. I. С. 307].*

«Разные песнопения считаются надежной защитой от приведений и злых духов, и здесь нужно рассказать две истории, которые служат тому подтверждением. Рассказывают, что „Лилия“ способна была прогонять злых духов, и об этом есть вот такая история. Однажды жила-была старуха, которая знала „Лилию“ и всегда читала ее, когда спускались сумерки. Как только старуха умерла, дом наполнился приведениями, и тогда прозвучали такие слова, сказанные низким голосом: „Скажите *Лилию!*“. Этого никто не смог сделать, и приведения разорили дом».

Рассказ был впервые записан Скули Гисласоном (1771—1839), священником, жившим в селении Брейдабоульстадир (*Breiðabólstaðir*), на юго-западе Исландии, к юго-востоку от Рейкьявика, неподалеку от бухты Эльфюс. Скули записал рассказ со слов Паутла Оулафссона (1825—1888), человека из селения Брусастадир (*Brúsastaðir*), что неподалеку от Полей Тинга (*Þingvellir*) [17. I. С. 274; 18. С. 85], и рукопись Скули Гисласона попала в собрание Йоуна Ауртнасона [17. I. С. 679].

Черт, как будто бы, тоже знал «Лилию», и размер песни его беспокоил, подталкивая к творчеству. Вот как об этом сказано у Йоуна Ауртнасона:

- (2) *Sagt er að kölski hafði fyrst upp fundið Liljulag og sé þessi vísa fyrst undir því orkt af honum: Vinduteininn fyrðar fundu / fór þú grein af vinduteini; / vinduteinn lét aldrei undan, / einatt hvein í vinduteini [16: IV, 48].*

«Рассказывают, что как только черт узнал о размере „Лилии“, он сказал такую вису: „Люди придумали мотовило / это стихотворный отрывок про мотовило, /

мотовило ничто не остановит, / всегда шумит мотовило“. Виса черта бестолкова и неказиста; примечательно, тем не менее, что в этой висе соблюдены все формальные признаки хрюнхента (*hrynjandi háttir* „любящийся размер“) [6. С. 27]), запомнившегося исландскому народу как *Liljulag*, размер «Лилии».

Любопытно, что хрюнхентом выполнен рассказ о мотовиле (палке, на которую наматывается нить, собираясь в клубок), олицетворяющем неумную энергию вращения, с которой невозможно совладать.

В исландском фольклоре история с чертом и его висой в хрюнхенте принимает разные формы и обрастает разными подробностями, включая попытку ответить на вопрос о том, зачем бы «Лилия» могла понадобиться черту [19. С. 98—100, 394].

Строфы «Лилии» воспроизводятся до сих пор. «Эпитафия» Сверрира Гвюдйоунссона [20], посвященная средневековой Исландии, записана в 2012 г. в Исландии, в церкви Скаульхольта, неподалеку от вулкана Хекла. Восемь разделов «Эпитафии» соответствуют световому дню. Одна и та же строфа «Лилии» звучит в эпитафии на рассвете и на закате, открывая и завершая драму. Канон, заданный автором «Лилии», не забыт и не нарушен, при том, что со времени создания текста прошло более 700 лет.

Скальдическая драпа, как будто бы периферийная, проходит сквозь пространство и время. Исландские монахи слышат «Лилию» во чреве матери, издания текста разыскивают в анналах библиотек, слово «Лилии» живет на устах и в записях. Жизнеспособность «Лилии» удивительна, но не случайна, ведь молитва, обращенная к Богу с просьбой о слове живом и животворящем (*lifleg orð, ft.*), была искренней и сильной. Жизнеспособность «Лилии» является следствием ее невероятной притягательности, это текст повышенной значимости из числа тех уникальных текстов искусства, о которых писал Ю.М. Лотман [21. С. 36], момент динамики в словесной культуре Исландии.

2. АРХИТЕКТОНИКА «ЛИЛИИ»

Говоря о «Лилии», исследователи пользуются термином «драпа», что справедливо не только в отношении условно отчуждаемой формы, но и в отношении поэтики песни. Начнем, однако, с формы.

Драпа — это торжественная скальдическая хвалебная песнь, представляющая собой цикл вис со стевом (канонизированным повтором), разбивающим драпу на несколько частей: начальную (*upphaf*), среднюю, отмеченную стевом (*steffabálkur*), и заключительную (*slæmur*). «Драпа начинается с просьбы скальда выслушать сочиненные им стихи. Затем следует перечисление подвигов прославляемого, восхваляются его храбрость и щедрость. Заключение драпы может содержать просьбу скальда о награде за его произведение» [22. С. 110]. Стев не только отмечает начало и окончание средней части, но и делит ее на равные сегменты, каждый из которых называется *steffamél* (промежуток между стевами). Стев позволяет отличить драпу не только от флокка, хвалебной песни, требовавшей меньшего

мастерства, но и от хвалебных песней других культур. Основной функцией стева является «внесение симметрии в общую композицию песни» [3. С. 366], что отличает стев как от эпического рефрена-лейтмотива (термин Э.М. Мелетинского [23. С. 24]), так и от повторов иного рода, включая припев. Как правило, содержание стева не отличалось от содержания хвалебной драпы и сводилось к восхвалению адресата, но важно, что стев связан преимущественно с формой драпы, а не с ее содержанием. «Драпа вообще не существовала вне того исполненного строгой симметрии узора, ответственность за создание которого была целиком и полностью возложена на стев. При этом существенно, что и самое стремление к симметрии, воплотившееся в архитектонике хвалебной песни, отражало не только представление о красоте и совершенстве поэтической композиции, но и неотделимую от него веру в ее магическую действенность: недаром симметрия — частый элемент рунических формул» [3. С. 377].

Стевы являются важным компонентом в архитектонике «Лилии». В «Лилии» два стева, которые делят песнь на четыре части: вступление (висы 1—25), раздел со стевами и (заключение, висы 76—100), при этом средняя часть (раздел со стевами, висы 26—75) разделена двумя разными стевами на две равных части. Первым стевом отмечены висы 26—50 (и на левом поле листа 114 rþ рукописи Bb начало раздела с первым стевом отмечено крестом и квадратом [8. С. 592]); вторым стевом отмечены висы 51—75, это раздел со вторым стевом. Таким образом, стевы превращают «Лилию» в образец симметрии, которая соответствует логике повествования.

Композиция первой части драпы такова: скальдическое вступление (висы 1—5); сотворение мира (висы 6—10), сотворение человека и его грехопадение (висы 11—20); решение Творца спасти мир (висы 21—22); виса 23 — апострофа к языку; виса 24 — обращение Творца к Гавриилу с просьбой лететь к Марии; виса 25 — славословие Марии.

Первая часть отрабатывает два известных и переходящих друг в друга топоса (или «места» (*loci*)) средневековой христианской культуры «вся природа Господа хвалит» и «неизреченность красоты Творения». Корни этих топосов уходят в Писание, они связаны с натурфилософией и отрабатываются во многих текстах, в особенности в шестодневах (о жанре см. [24. IV. С. 384]). Сюжетная линия вступления — это история сотворения мира (висы 6—10), за которой следует история сотворения человека и его грехопадения (висы 11—20), при этом средневековая натурфилософия напоминает о себе не только в повествовании о сотворении мира, но и в истории грехопадения человечества (висы 10; 20). Виса 10:

- (3) *Dagarnir sex að vísu vuxu /veltiligir um sjávarbelti, / áðr en feingi alla þrýði / jörð og loft, það er drottinn gjörði: / pressað vatn í himininn hvassa, / hjörn og eld sem merkistjörnur, / hagl og dýr sem fiska og fugla, / fagran plóg sem aldinskóga.*

«Дни прирастали, и вшестером / пояс морской они огибали, / время пришло, когда пышным нарядом / землю и небо украсил Господь: / водой, спрессованной в ветреном небе, / огнем и снегом, и светом планет, / дождем и градом, и зверем, и птицей, / вспаханным полем и садом фруктовым».

Описание красоты природы (виса 10) сменяется описанием ее пагубы и страдания человека. Виса 20:

- (4) *Remman brast af rót í kvistu / ran þá glæpr af hverjum til annars; / leið svá heimr um langan tíma / lífs andvani en fullr af grandí. / Liettir hvorki ugg nie ótta, / eftir mest en þó er að lesti; / opið helvíti búið með bölví / bauð sig fram við hvers manns dauða.*

«Горечь пошла от корня к ветвям, / и преступления преумножались, / так мир существует долгое время, / жизни лишенный, он боли исполнен; / не утихают в нем страх и боязнь, / но самое худшее будет в конце: / адова пропасть и злоключения / на смертном одре ждут каждого мужа».

Драпа открывается славословием Троице:

- (5) *Almáttigr guð allra stietta, / yfirbjóðandi eingla og þjóða, / ei þurfandi staða nie stunda, / staði haldandi í kyrleiks valdi, / senn verandi úti og inni, / uppi og niðri og þar í miðju, / lof sie þier um aldr og æfi / eining sönn í þrennum greinum.*

«Всемогущий Бог всех иерархий, / верховный правитель ангелов и народов, / нужды не имеющий в месте и времени, / удерживающий земли во власти покоя, / все пронизано Тобой внутри и снаружи, / сверху и снизу, и в самом центре, / вечная слава во веки веков / Тебе, воистину сущему в трех ипостасях!».

Эта же виса завершает драпу (виса 1 и 100).

Комментируя вису, исследователи указывают на то, что ее прообразом выступает «Гимн Троице» Хильдеберта Лаварденского (1056—1133) [25. С. 238; 13. С. 195].

Мысль об имманентности и трансцендентности Троицы представляет собой «общее место» в религиозной поэзии XI—XII вв., и Хильдеберт Лаварденский не был единственным или тем более первым клириком, писавшим о Троице. Вот, например, как пишет о Троице Герман Расслабленный (1013—1054), разбитый параличом и неспособный к движению монах обители Рейхенау, в «Секвенции о Святейшей Троице»: «Троичной Единости, / единосущной Божественности, / Хвала многовидная Владыке, / что в безначальном / самотождестве покоится, / как Вечность, / Иатриилу дивному / и Слову, / собезначальной / Отчей Мудрости зиждительной, / от века / просиявшей Истине; / ... / Истинная и благая / Вечность, / вечная же и благая / Истина, / истинная и вечная Благость!» [26. С. 188—190].

Представление о трансцендентности, имманентности и единосущности Троицы дает о себе знать и позже, в религиозной поэзии XII в., Герману и Хильдеберту вторит, в частности, Адам Сен-Викторский (ум. 1192) в стихе «На праздник Святой Троицы»: «Не постигнет разуменье / Ипостасей единенье, / как и то, в чем разнятся, / Не под силу мысли бремя: / ни пространство и ни время / в Боге не присутствуют / ... / Образ Троицы трисиянной, / нераздельной, неслиянной, / Возвещаем правогласно, / Что различие ипостасно / при единой сущности» [26. С. 315—316].

В висе 1 использовано слово *stéttur* (букв. «ступень») для обозначения иерархии тварных сущностей. Концепт иерархии отсылает к космологии томизма, учения XIII в., близкого по времени к моменту создания окончательного текста драпы. В томизме мир предстает как лестница или иерархия сущего, на низших

уровнях которой находятся неорганическая природа, следующие уровни отданы живой природе, включая весь растительный и животный мир, а также человека, занимающего последнюю, четвертую, ступень; над человеком расположены ангелы, и на вершине лестницы (высшей ступени сущего) находится Бог, являющий собой одновременно причину, смысл и цель бытия.

Фома Аквинский не был автором этого понятия; как известно, понятие иерархии Фома воспринял из сочинений монаха, жившего в VII в. и писавшего под именем Дионисия Ареопагита (см. его трактаты «О небесной иерархии», «О церковной иерархии»). Возможно, автор драпы опирается не только на Фому, но и непосредственно на Дионисия, включая его «Таинственное богословие». Иеромонах Александр (Голицын) [27] пишет, что в Средние века, начиная с XII в., Дионисий стал чрезвычайно популярен, и Фома Аквинский цитирует его почти так же часто, как Священное Писание, более 1000 раз. Аргументом в пользу осведомленности автора «Лилии» о работах Дионисия служит повтор славословия Троице в начале и в конце текста («Кольцо Троицы»); точно так же построен текст Дионисия «Таинственное богословие» [28], начинающийся и заканчивающийся молитвой пресущественной Троице.

Славословия Троице (виса 1), а также молитвы Творцу (виса 2) и Марии (виса 3) входят в состав скальдического вступления (висы 1—5), в котором скальд просит выслушать его стихи; обращение скальда к адресату с просьбой выслушать его стихи является обязательным компонентом скальдической драпы, в «Лилии» оно отличается лишь адресатом и тональностью: скальд обращается не к конунгу и не к аудитории, а (сначала) к Творцу и (потом) к Богородице. Виса 2:

- (6) *Æski eg þín hín mikla miskunn / mîer veitiz, ef eg eftir leita / klökkum hug — því að inniz ekki / annað gott, en af þîer til, drottinn. / Hreinsa brjóst, og leið með listum / líflig orð í stuðla skorðum / steflig gjörð að vísan verði / vunnin yðr af þessum munni. 3. Beiði eg þîg, mæer og móðîr, / mínum að fyrir umsjá þîna / renni mál af raddartólum / rîettferðugt í vísum sliettum, / skýr og sæt af vörðrum várurum / vorðin svá, að mætti orðin / laugaz öll í glóanda gulli; / guði væri eg þau skyldr að færa.*

«Желаю великой милости твоей, / и дадена будет, елико прошу смиренный / духом, да не глаголю о добре другом, / как только от Тебя, Господь, исходящем. / Очисти душу мою, и слова животворные / умело направь, укрепив созвучиями, / укрась повторами речь мою, чтобы с уст моих / стихи сходили при всяком к Тебе обращении. / Молю Тебя, Дева и Матерь, / призри на меня, пусть под приглядом Твоим / уста изрекут речи праведные, / и соберутся они висы внятные, / висы складные, с губ моих / слова сойдут сладостно-елейные, / пусть слово всякое в золоте искупается; / со словами такими я обратился бы к Богу». В этих обращениях к Создателю и Богородице дает о себе знать и забота о своем профессиональном умении, характерная для скальдов [3. С. 368—369].

Элементами вступления являются слова скальда о том, кто является адресатом драпы (виса 4), а также о том, что побуждает его сложить песнь. Скальд славит Творца за его чудесные деяния аналогично тому, как хвалили конунгов и правителей их придворные скальды.

Предполагалось, что конунгов надобно прославлять за деяния (подвиги), достойные славы; автор «Лилии», тем не менее, противопоставляет себя древним скальдам, говоря о неискренности последних. Виса 4:

- (7) *Fyrri menn, er fræðin kunnu / forn og klók af sínum bókum / slungin, mjúkt af sínum kóngum / sungu lof með danskri tungu. / Í þvilíku móðurmáli / meir skyldumz eg en nökkurr þeira / hrærdan dikt með ástarorðum / allsvaldanda kóngi að gjalda.*
 «Люди в прошлом знанием жили / древним, коварным, из старых книг / исходящим, и конунгам словами льстивыми / пели хвалу они на языке датском. / На том же языке, родном для меня, / я обязан более тех, кто был прежде, / песнь свою со словами любви / в дар принести Всемогущему Управителю».

В следующей висе обозначена основная тема песни. Виса 5:

- (8) *Skapan og fæðing, skírni og þrýði, / skynsemd full, að betri er gulli, / dreyrinn Krists af síðusári / syndalíkn og dagligt yndi, / háleit ván á himnasælu, / hrygðin jarðar netzu bygðar / bjóða mior í frásögn færa / fögr stórmerkin drottins verka.*
 «Творение, Рождение, Крещение и Слава, / разум вселенский, что золота краше, / кровь Христова из раны в боку, / прощение грехов и вечная благодать, / взоры с надеждой на рай в небесах, / и в нижнем мире страдания людские / меня побуждают слово сказать / о чуде великом деяний Господних».

Скальдическое вступление перекликается с апострофой к языку. Виса 23:

- (9) *Tendraz öll og tala með snilli, / tunga mín, af herra þinum! / Um stórmerkin áttu að yrkja / yfirspennanda heima þrenna.*
 «Воспламенись, язык, и о Господе / песнь искусно сложи и ликуй, / пристало тебе воспеть чудеса / Того, кто три мира держит в объятьях».

Апострофа к языку, обычная для средневекового гимна, связана с Писанием (Деяния 2.1); композиционно она предваряет первый стев, отрабатывающий тот же мотив: пламенность проповеди как оружия покорения мира к подножию Креста Христова (см. анализ первого стева ниже).

Завершается первая часть славословием Марии. Виса 25:

- (10) *Móðir oss er Mária þessi, / mektarblóm en full af sóma, / glæsilig sem roðnuð rósa / runnin upp við lifandi brunna, / rót ilmandi lítillætis, / ogandi öll með skírleiks anda / guði unnandi og góðum mönnum, / guði líkjandi í dygðum slikum.*
 «Дева Мария великолепна, / пресветлая мать, как красная роза, / могущества цвет, исполненный чести, / который стал источником жизни; / благоухающий корень смиренья, / охваченный пламенем чистого духа, / она возлюбила людей добронравных, / своей неподкупностью Богу подобна».

Прославление Марии — излюбленный топос средневековой религиозной литературы разных жанров, включая религиозную поэзию. Топос связан с средневековым католическим культом Мадонны Милосердия; нет нужды перечислять многочисленные аналоги, но прямых текстологических соответствий висы 25 найти не удастся; по-видимому, это оригинальный текст.

Внутренние переключки между висами, являясь характерным признаком всего текста, присутствуют и в первой части и связаны с ее основной темой — Чудом

Творения; с этой темой связана и религиозная топика. Виса 1 (гимн Троице) перекликается с висой 6 (Творение), в обеих висах присутствует мысль о трансцендентности и имманентности Творца. Виса 6, второй хельминг:

(11) *Áðr, var hann þó jafn og síðan / ærinn sier, en skepnan væri; / gjörði hann heim og teygði tíma / tvá jafnaldra í sínu valdi.*

«В начале времен и после творения / был самодостаточен и не изменялся; / и властью своей Он мир сотворил / и вытянул время на два равных срока».

Обе висы (висы 1; 6) перекликаются с висами, посвященными Творцу (виса 5, хвала деяниям Господним) и Творению (виса 10), всем указанным висам вторит апострофа к языку (виса 23), призыв к языку воспламениться, дабы прославить Творца.

Средняя часть «Лилии», как уже сказано, отмечена стевами. Стевы «Лилии» отличаются образностью и символичностью. Они не способствуют развитию сюжета, но как славословия Создателю в структуре песни они обретают роль символов христианской веры и этим отличаются от стева типичной скальдической драпы. Стевы «Лилии», кроме того, взаимодействуют с сюжетной линией и содержанием драпы в целом (о чем будет сказано в дальнейшем изложении), это также функционально отличает их от стевов обычной драпы.

1. Первый стев:

(12) *Sé þér dýrð með sannri þrýði, / sunginn heiðr af öllum tungum / eilífliða með sigri og sælu; / sæmd og vald það minkaz aldri.*

«Тебя учestim в красу и в славу! / Пусть все языки воспоют благодать, / блаженство и счастье, победу над страстью; / в веках не иссякнут Сила и Власть!»;

структурно стев соответствует вторым хельмингам вис 26; 32; 38; 44; 50.

2. Второй стев:

(13) *Æfinliða með lyftum lófum, / lof ræðandi, á kné sín bæði /skepnan öll er skyld að falla, / skapari minn, fyrir áson þinni.*

«И ныне, и присно руки вздымая, / и славословя, на оба колена / всей твари пристало припасть в умилении, / Создатель мой, пред ликом Твоим»;

структурно стев соответствует вторым хельмингам вис 51; 57; 63; 69; 75.

Первый стев — это реминисценция из Писания (Деяния 2.1.), уже упоминавшаяся в связи с апострофой к языку при анализе первой части (виса 23): «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать». Смысл стева проясняется комментариями к Писанию, см., например, комментарии А.П. Лопухина: «Шум с неба знаменовал также могучесть силы Св. Духа, сообщенной апостолам („сила свыше“ Лук. XXVI, 49), а языки — знаменовали пламенность проповеди, которая должна была служить единственным оружием покорения мира к подножию Креста Христова. Вместе с тем языки являлись также точным обозначением

совершившейся в душах Апостолов перемены, которая выразилась в неожиданно почувствованной ими способности говорить на других языках» [29. X. С. 13].

Первый стев является логическим продолжением первого хельминга висы 26:

(14) *Eingin sé eg að jarðlig tunga, / inn háleiti syjörnu reitar / dróttin, þér, sem verðugt væri, / vandað fái nú stef til handa.*

«Господь, я не знаю земных языков, / Высший Властитель звездных путей, / таких, на которых / я смог бы искусно / стев сложить достойный Тебя».

В структуре драпы первый стев переключается с апострофой к языку (виса 23, о ней см. выше), которую отделяют от стева всего две висы: виса 24, в которой Создатель обращается к Гавриилу с поручением лететь к Деве Марии, и виса 25, представляющая собой описание Марии, переходящее в хвалу (см. анализ первой части драпы выше).

Смысл стева варьируется при его взаимодействии с сюжетной линией: до Крещения (висы 26; 32; 38) стев звучит как славословие Творцу, а после Крещения (висы 44; 50) стев преобразуется в славословие Христу, что поддерживается и первыми хельмингами соответствующих вис. Сравним, к примеру, звучание стева в висте 32 (см. также вису 26 выше) и висте 44. Виса 32:

(15) *Hjörtun játi; falli og fljóti / fagnaðarlaug af hvers manns augum; / æ þakkandi miskunn mjúka / minn drottin, í holdgan þinni; / Sie þier dýrð með sannri þrýði;* (далее — продолжение первого стева).

«Сердца согласились; из глаз человек / радости слезы текли и струились, / Господа славили, благодарили / за воплощение, великую милость. Тебя учestim в красу и в славу!»; (далее — продолжение первого стева).

Виса 44:

(16) *Sonr Máriu, sonr inn dýri, / sonr menniligr guðs og hennar, / kenndu mier að forðaz fjandann / fjölkunnigan, en þier að unna. / Sie þier dýrð með sannri þrýði;* (далее — продолжение первого стева).

«Отпрыск бесценный Марии и Бога / их доблестный Сын! Меня научи / врага избегать искусного в магии, / дай мне, Иисус, Тебя возлюбить! Тебя учestim в красу и в славу!»; (далее — продолжение первого стева).

В последний раз первый стев звучит в висте 50, следуя при этом за картиной Распятия, представленной в висте 49, стев звучит в тот момент, когда Иисус на Кресте и Зло побеждает, что превращает стев в символ глубокой веры:

(17) *Ættim vier á Jésúm drottin / ifunarlaust með fullu trausti / út af hjartans instum rótum / allir senn með gráti að kalla. / Sie þier dýrð með sannri þrýði;* (далее — продолжение первого стева).

«Нам надлежит / без тени сомнения / вместе воззвать к владыке Иисусу / с полным доверием, с плачем сердечным, / из глубины души исходящим. / Тебя учestim в красу и в славу!»; (далее — продолжение первого стева).

Сюжетная линия раздела, отмеченного первым стевом, представляет собой библейскую историю от воплощения Святого Духа до Распятия; стев (второй хельминг висы 50) завершает раздел с первым стевом. Стев повторяется в каждой

пятой висе и делит повествование (висы 26—50) на четыре фрагмента (промежутка между стевами). В каждом фрагменте отрабатывается относительно самостоятельная сюжетная линия: 1) воплощение Святого Духа (висы 27—31); 2) Новозаветная история от Рождества до Крещения (висы 33—37); 3) уязвленный Люцифер задумывает искушать Христа (висы 39—43); 4) синхронные действия Христа и Люцифера: Люцифер ищет поделщика и находит Иуду, в это время Иисус идет по селениям и находит учеников (висы 45—49).

Висы, входящие в структуру каждого промежутка между стевами, тематически самостоятельны, при этом их порядок соответствует логике сюжета. К примеру, второй промежуток между стевами в разделе с первым стевом (который не содержит диалогов и славословий и в силу своей исключительной «сюжетности» лучше иллюстрирует самостоятельность отдельных вис) выстроен следующим образом: виса 34 — констатация Чуда Рождества; виса 35 — Обрезание; виса 36 — прибытие Волхвов; виса 37 — Крещение.

Раздел средней части, отмеченный первым стевом, коррелирует с первой частью драпы, особенно важны следующие висы 31; 34; 37.

Виса 31 говорит о состоянии природы в момент Воплощения и перекликается с висами первой части (виса 1, висы 6—10), напоминая о Троице в контексте философии природы:

- (18) *Lofin öll af ljósi fyllaz; / legir á grundu stóðu og undraz; / kúgið sjálf af nærri nógu / náttúran sier ekki mátti. / Giftiz öndin guðdóms krafti / góð og huldiz Máriu blóði; / glaðrar dvelz í jungfrú iðrum / Ein persona þrennar greinar.*

«Все небеса исполнились света, / восстав над землей, воды дивились, / сама природа смиренной стала, / и не могла себя защитить. / Соединилась с божественной силой / душа и окуталась плотью Марии, / Одна Персона ветви тройной / пребудет в утробе Девы блаженной».

Виса 34 утверждает Чудо Рождества и перекликается с висой 5, повествующей о намерении автора. Виса 34:

- (19) *Eingin heyrðuz eingi vurðu / jöfn tíðindin fyrr nie síðar, / bæði senn því mæð og móður, / mann og guð, bauð trúan að sanna. / Loftin sungu komnum kóngi / kunnigt lof, þar er hirðar runnu; / himna dýrðin hneigð á jörðu; / Hier samteingduz men og einglar.*

«Неслыханный случай: ни прежде, ни впредь / событиям подобным не было места, / но веровать в истину вера звала, / в Деву и Мать, в Человека и Бога. / Пришедшему конунгу пели хвалу / все небеса над местом пастушьим, / слава небес на землю спустилась, / где люди и ангелы соединились».

Виса 37 говорит о сиянии Троицы в момент Крещения и перекликается с гимном Троице, открывающим драпу.

- (20) *Vígðiz oss, þá er vatni dögðiz, / valdr himnanna á þritugsaldri, / í Jórdán við æðar hreinar; / Jón baptista drottinn þjónar. / Þessi ástvinr Jésu Kristi / Er nú váttr, er þann dag mátti / sjá skinandi á grænni grundu / Guðs þrenning með lýðum kennaz.*

«Небес управитель тридцатилетний / себя посвятил нам, водой окропившись / в реке Иордане, источнике чистом; / Йоун Креститель Иисусу служил. / Друг дорогой свидетелем стал / Крещения Иисуса; в тот день он увидел, / как солнце светило и Троица Божья / людям явилась, сияя над твердью».

Второй стев (второй хельминг висы 51) маркирует начало раздела со вторым стевом и начало второй части драпы; Ф. Пааше пишет о полном соответствии формы и содержания в этом моменте повествования [30. С. 534], который соответствует поворотной точке в истории спасения человечества: Христос на Кресте, время остановилось и вся природа в ожидании того, что случится дальше. Примечательно, что в семантической структуре второго стева присутствует древний молитвенный жест, известный из многих источников [31. С. 244—246], можно также указать на Псалмы LXXVI.3, CXVIII.48, CLXII.6, CXXXIII.3.

Поднятие обеих рук — традиционный символ молитвы, покорности и смирения: «И стал Соломон пред жертвенником Господним впереди всего собрания Израильтян, и воздвиг руки свои к небу» (Третья книга Царств 8: 22). Другим семантическим компонентом второго стева является утверждение о том, что всей твари следует восславить Господа. Призыв к природе (земле) и народам прославить Господа является характерным признаком Псалмов Давида (Псалмы LXV.4, LXVI. 4—8, XCV, XCVI, XCVIII, CXVI, CXLVIII. 1—14), но в Средние века это становится топосом всей религиозной литературы, в первую очередь поэзии, включая как латинскую поэзию, так и поэзию на национальных языках. Топос, правда, может быть оформлен по-разному; в «Лилии» он звучит не так, как в Псалмах Давида, в гимне Франциска Ассизского «Песнь о Солнце или Славословие творений» [32. С. 8—11] тот же топос представлен не так, как в «Лилии» («вся природа Господа славит» → «я славлю Господа за все Творение»).

Однако вариативность вектора и словесной формы не снимает семантического единства топоса, который является основным в драпе, соответствует намерению автора (виса 5, см. в этой связи анализ первой части драпы, представленный выше) и многократно поется в стевах, напомним, что его вариации представлены в висах 51; 57; 63; 69; 75.

Функционально второй стев не отличается от первого, он маркирует раздел со вторым стевом и разбивает его на отдельные фрагменты повествования (промежутки между стевами). Сюжетная линия всего раздела — это Новозаветная история, начинающаяся описанием крестных мук и заканчивающаяся победой Христа над силами Ада, символом которой являются шествие святых и небеса, открывающиеся всем, кто проникнут истинной верой. Виса 62:

(21) *Hvað er tíðinda? Hraktr er fjandinn. / Hverr vann sigrinn? Skapari manna. / Hvað er tíðinda? Helgir leiðaz. / Hvert? Ágætir í tignarsæti. / Hvað er tíðinda? Hjálpar lýðir. / Hví nú? Því liet Jésús pinaz. / Hvað er tíðinda? Himnar bjóðaz. / Hverjum? Oss, vier prísum krossinn.*

«Какие известия? Враг побежден. / Чья это победа? Творца человеков. / Какие известия? Святые идут. / Куда же идут? / На почетное место. / Какие известия? Люди спаслись. / Почему же сейчас? Это время страданий. / Какие известия? Небо открылось. / Кому же открылось? Всем славящим Крест».

Каждый промежуток между стевами в разделе со вторым стевом отрабатывает определенную тему: 1) крестные муки Христа и страдания Марии (висы 52—56); в следующей висе (виса 57) стев звучит в контексте просьбы о Спасении, обращенной к Христу, но с упоминанием Марии, Бога Отца и Святого Духа; 2) смерть Иисуса на Кресте, являющая собой победу Христа над искушающим его Люцифером, и переполох в Аду (висы 58—62); в следующей висе стев звучит в контексте молитвенного обращения к Христу с просьбой о спасении от дьявольского логова (виса 63); 3) Воскресение, Вознесение и Богоявление, сопровождающиеся описанием радости Адама (виса 64) и драматизированным обращением к Дьяволу (висы 65—66); в следующей висе (виса 69) стев звучит в контексте обращения к Христу с просьбой признать свою земную природу и помнить о скальде в Царствии Небесном; 4) заключительный промежуток между стевами в разделе со вторым стевом (в средней части драпы) отрабатывает тему Божьего Суда (висы 71—74); промежуток между стевами завершается стевом, представляющим собой заключительную часть молитвы ко Христу, в которой автор выражает готовность к страданиям и просит о помощи (виса 75).

С точки зрения композиции вторая часть драпы звучит как самостоятельное повествование, чему способствует второе скальдическое вступление, функция которого не очевидна с учетом того, что скальдическое вступление есть в первой части драпы и его адресатом выступает Создатель. В первой висе раздела со вторым стевом (виса 51), с которой начинается вторая часть драпы (висы 51—100), автор вновь просит слова, только на этот раз — у Иисуса как властителя искусств. Виса 51:

(22) *Yfirmeistarinn allra lista, / Jésús góðr, er lífgar þjóðir, / veittu mér að stilla og stýra, / steflig orð megí tungan efla.*

«Мастер великий, властитель искусств, / Иисус всеблагод, воскреситель народов! / Слово мне дай, достойное стева, / и славу Тебе язык воспоет».

Слово, достойное стева, не заставило себя ждать и явилось (в виде стева) незамедлительно, во втором хельминге той же висы. Второе вступление вызывает вопросы: автор обращается с просьбой к Иисусу в момент распятия, Иисус, кроме того, оказывается властителем искусств, а не воином духа, например (как возможный вариант). Такое обращение в момент крестных мук можно объяснить только уподоблением Иисуса Одину, страдающему на Иггдрасиле с целью овладения искусством поэзии. Однако и к Одину лучше было бы обратиться в другой час. Таким образом, налицо некоторый структурный (композиционный и содержательный) разлад, для нас, однако, важна реминисценция из «Старшей Эдды» (Hávamál 138 [33. С. 350]).

Кульминацией раздела со вторым стевом является крик природы в момент смерти Христа (виса 59), коррелирующий с висами 6; 10; 20; 31 первой части драпы. Природа является одним из основных действующих лиц драпы, и содержание висы 59 связано со средневековой философией природы, оформившейся в самостоятельное учение в XII в. в связи с появлением теоретического интереса

к философии природы у философов, включая Радульфа Арденского, Гугона Сен-Викторского, Доменико Гундиссалина [34. С. 348—350]. Виса 59:

(23) *Eg segi riett, að einginn mætti / ógrátandi vörðum láta, / Jesús minn, ef letrið læsi, /
linhjartaðr, af þíslum þínum, / því að náttúran æpti af ótta / öll skjálfsandi, en himnar
sjálfir / týndu ljós, þá er berr var bundinn; / bifaðiz hauðr í þínum dauða.*

«Мой милый Иисус! Никто не в силах / без слез рассказать о муках Твоих, /
если ему, чуткому сердцем, / прочесть довелось свидетельства все. / Природа
кричала, стонала от страха, / свет вдруг померк в открывшемся небе; / когда
обнаженного перевязали; / земля содрогнулась от смерти Твоей».

Средневековая философия природы восходит к работам Исидора Севильского, Фомы из Шантемпре, Александра Неккама и других философов раннего средневековья. Натурфилософия занимала умы Альберта Великого (р. 1193 или 1206 (7) — ум. 1280) и его ученика, Фомы Аквинского (р. 1225 (6) — ум. 07.03.1274).

Для Альберта, принимавшего во всей полноте христианское учение о божественной и сверхъестественной жизни Души, природа была первичной, реальной, автономной сферой, на которую были направлены его интеллектуальные усилия. Разделяя традиционные взгляды естественных теологов и считая философию природы необходимой основой христианского мироощущения и понимания Вселенной, Альберт считал человека частью природы. В соответствии с религиозным мироощущением Альберта все естественные способности были даны человеку Богом Природы [35. С. 254] Фома Аквинский, ученик Альберта Великого, разделял сферы разума и божественного откровения, соответственно этому он разделял теологию и философию.

Говоря о существовании пределов, за которые не может выйти человеческий разум, Фома признавал единство истины. Все Творение и, следовательно, вся Истина имеют один источник, поэтому существует порядок и гармония в Творении. Фома понимал природу как Творение Бога, индивидуализирующего материю благодаря форме. Эта идея Фомы воплотилась в его известной фразе из «Суммы Теологии» *Gratia non tollit sed perficit naturam* [35. С. 262] «Благодать не умерщвляет, а совершенствует природу».

В XIII в. природа понимается как наместница Бога в деле Творения, чему сопутствует стремление авторов сконцентрировать усилия на божественные смыслы, прочитываемых в природе, как в Писании. В поздней схоластике усилия философов и поэтов были сосредоточены на (рациональном) постижении смыслов природных явлений. Природа является основным действующим лицом в сочинениях Алана Лилльского «Плач Природы», «Антиклавдиан». О божественной сущности природы и месте человека в ней размышляет Жан де Мён в «Романе о Розе», особый интерес представляет его речь Природы, подчеркивающая, «что Бог, сохраняя всеведение, не вмешивается в каждое деяние человека, а предоставляет ему свободу выбора между добром и злом» [36]. Природа неизменно присутствует в Божественной Комедии Данте (1308—1321), написанной примерно тогда, когда была написана «Лилия», или немногим позже. Несмотря на то, что у Данте нет аллегорического образа природы, как у Де Мёна, тем не менее, природа — это смыслообразующий фон, задающий, кроме того, тональность повествования в «Божественной Комедии». В связи со сказанным достаточно

вспомнить начальные строки «Божественной Комедии»: «Земную жизнь пройдя до половины, / я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины. // Каков он был, о, как произнесу, / Тот дикий лес, дремучий и грозный, / чей давний ужас в памяти несущу! // Так горек он, что смерть едва ль не слаще. / Но, благо в нем обретши навсегда, / скажу про все, что видел в этой чаще» [37. С. 77].

Третья (заключительная) часть драпы представляет собой молитву Христу и Богородице о спасении. Основная тема части — отпадение от добродетели и истинной веры и ожидание Божьего гнева, тема раскрывается как глубоко личное переживание автора, которое в контексте предшествующего повествования воспринимается как следствие библейской истории, рассказывающей об отпадении человека от Бога и изложенной в предшествующих разделах. Автор настолько поэтичен, что его самоуничтожение и мысли о греховности вырастают в метафору, образность которой сравнится с кеннингами скальдической поэзии, но сила ее художественной выразительности выше по причине простоты языка и стиля. Виса 78:

(24) *Festiz og með fjúki lasta / frost ágirni mier í brjósti; / græðgi drep með glæpum auðgum / grefz hier inn með krókum stinum. / Hraðiliga með blindri blíðu / blekkið hold af dauðans flekkum; / heldr af slíku ætti eg aldri / ugglaus vera, þó að miskunn huggi.*

«Окутан я метелью пороков, / грудь мне сковал алчности холод; / пагуба жадности и преступления / вонзают в меня прочно крючки. / Обманута плоть, и в восторге слепом / она покрывается пятнами смерти, / исполнена страхом; об ужасе этом / забыть я не смею в надежде на милость».

Структура третьей части такова: 1) молитва ко Христу (висы 76—85), начинающаяся с самоуничтожения автора (висы 76—78) и заканчивающаяся просьбой о прощении (виса 79); 2) молитва к Марии (висы 86—95), в состав которой входит славословие Марии (висы 89—91; 93—94); 3) принесение стиха в дар Христу и Богородице с надеждой на то, что стих будет принят и избавит автора от адовой пропасти (висы 96—99); 4) гимн Троице (виса 100), открывающий и замыкающий драпу.

Представляют интерес висы 96—98, где автор оценивает свое сочинение в плане его соответствия скальдическому канону и говорит о том, что осуществление его (автора) поэтической миссии затруднено необходимостью соответствовать требованиям стиха. Эти рассуждения предваряет обращение ко Христу, после чего автор сообщает о том, как он себя чувствует в рамках скальдического канона. Автору «тесно», его буквально мучает *теснота стихотворного ряда* (известный термин Ю. Тынянова [38]), — в тексте использовано словосочетание *þraungskorðaðra kvæðisorða*, перевод которого звучит не слишком поэтично, но соответствует скальдической (в своей основе карабельной) терминологии: «слова песни, опирающиеся на тесные подпорки». Виса 96:

(25) *Inn krossfesti, kraft inn hæsti, / Krístr, er fjórir broddar nistu, / þier býð eg og þinni móður / þetta verk, er í einn stað settag. / Þá látið mig þessa njóta / þraungskorðaðra kvæðisorða, / er þið sjáið mig öllu varða, / öndin mín að forðiz þínu.*

«Распяты́й Христос! Великая Сила! / Тебя пронзили четыре гвоздя, / Тебе и Марии я приношу / свой труд, сочиненный в месте одном. / Позвольте же мне пользу извлечь / из тесных слов и подпорок стиха, / ведь стих для меня превыше всего, / он душу мою от пытки избавит».

Висы 96—98 перекликаются с висой 2, где автор после обращения к Творцу говорит о созвучиях и повторах (хендингах), которые укрепляют стих и весьма желательны в поэтической речи. Виса 2:

(26) *Æski eg þín hín mikla miskunn / mîr veitiz, ef eg eftir leita / klökkum hug — því að inniz ekki / annað gott, en af þier til, drottinn. / Hreinsa brjóst, og leið með listum / líflig orð í stuðla skorðum / steflig gjörð að vísan verði / vunnin yðr af þessum munni.*

«Очисти душу мою, и слова животворные / умело направь, укрепив созвучиями, / укрась повторами речь мою, чтобы с уст моих / стихи сходили при всяком к Тебе обращении».

Именно хендинги более всего ценились скальдами. О.А. Смирницкая отмечает, что Олав Белый Скальд сравнивал хендинг с корабельным планширом «И, как бывает, крепко сбиты доски гвоздями, но не обработаны, таково и стихотворение без хендингов» [5. С. 35]. Поясняя данное сравнение, Смирницкая пишет следующее: «Планшир на старинных судах не только обрамлял борт, но одновременно с этим служил „верхней связью ребер корабля“ (Даль), то есть был его конструктивной частью. Совершенно так же и хендинг, который с ним сравнивается, не только украшал стих, но и давал направление искусственному стихотворному ритму, помогая ему „оттолкнуться“ от акцентных стереотипов эддической строки» [Ibid].

Неполное соответствие скальдическому канону, о котором говорит автор, является его осознанным выбором (а не забвением скальдического канона и не отказом от него). Виса 97:

(27) *Veri kátar nú, virða sveitir; / vætti þess, í kvæðis hætti, / várkunnî, að verka þenna / vanda eg minnr, en þætti standa. / Varðar mest, að allra orða / undirstaðan sie ríettlig fundin, / eigi glögg þó að eddu regla / undan hljóti að víkja stundum.*

«Возрадуйте люди! Я песни размер / в речи своей не во всем соблюдал / и с тщанием меньшим, чем надлежит; / на снисхождение я уповаю. / Гораздо важнее, что каждого слова / значение верное найдено будет, / хотя бы пришлось нам поступиться / правилом Эдды, скрывающим смысл».

Важно, что несоответствие требованиям стиха не касается хендингов, предполагающих постоянный фонеморфологический анализ слова, обязательный в речи скальда.

Интересно, что автор указывает на сокрытие смысла как функциональную характеристику скальдического стиха. Генетическая связь поэзии скальдов с руническим письмом отмечалась исследователями [22. С. 86—90; 5. С. 24—25], но при этом во главу угла ставилась функция воздействия на актуальную ситуацию. Высказывание автора «Лилии» самоценно, поскольку оно, во-первых, сообщает о восприятии скальдической поэзии скальдами (правда, поздними) и, во-вторых, подчеркивает не функцию воздействия, а «тайнопись» скальдического стиха (функцию сокрытия смысла), что так же роднит его с руническим искусством. Поэтиче-

ский выбор автора «Лилии» заключается в замене слов древних скальдов, скрывающих смысл (*hulin fornyrðin*), простыми словами, способствующих максимальному раскрытию замысла. Виса 98:

- (28) *Sá, er óðinn skal vandan velja, / velr svá mörg í kvæði að selja / hulin fornyrðin; trautt má telja; / tel eg þenna svá skilning dvelja. / Vel því að hier má skýr orð skilja, / skili þjóðir minn ljósan vilja; / tal óbreytiligt veitt að vilja; / Vil eg, að kvæðið heiti Lilja.*

«Истинный мастер речи искусной / в песнь предпочтет множество вставить / слов стародавних, я полагаю, / что тем затрудняет он понимание. / Простые слова нетрудно понять, / пусть каждый оценит мои усилия, / слова раскрывают замысел мой, / хочу, чтобы песнь называлась „Лилия“».

В связи с анализом топики текста отметим, что отказ от «правила Эдды» в XIV в. становится топосом исландской поэзии [3. С. 663], и автор «Лилии» работает с традиционным содержанием.

3. СИМВОЛИКА ДРАПЫ

Смысл названия («Лилия») проясняется характером славословий и молитвенных обращений, а также их местом в «Лилии». Песнь воспринимается исследователями как славословие Богородице. Однако молитвенные обращения и славословия адресованы не только Марии. Первая часть в целом представляется собой славословие Создателю (1—25). При этом первая и последняя висы (висы 1; 100) представляют собой славословие Троице (об этом в разделе, посвященном анализу первой части драпы), после чего начинается христианский вариант скальдического вступления (висы 2—5), перерастающий в молитву (см. анализ вис 2—5 в разделе, посвященном первой части). Основным адресатом песни является Создатель.

Оба стева представляют собой славословия Создателю (об этом в разделе, посвященном анализу средней части драпы); стевы по объему равны хельмингу, и повторяются по пять раз каждый (как указано выше, первым стевом отмечены висы 26; 32; 38; 44; 50; вторым стевом — висы 51; 57; 63; 69; 75); автор, кроме того, обращается к Создателю в висе 38. Виса 38:

- (29) *Finn eg, alt manvit manna / mæðiz, þegar er um skal ræða / mátrinn þinn, inn mikli drottinn; / meiri er hann en gjörvalt annað. / Sie þier dýrd með sannri þryði / sunginn heiðr af öllum tungum / eilífliða með sigri og sælu; / sæmd og vald það minkaz aldri.*

«Я признаю, что ум человека /изнемогает, когда говорят им / о силе Твоей, Господь всемогущий, / все сущее в мире она превосходит. // Тебя учestim в красу и в славу! / Пусть все языки воспоют благодать, / блаженство и счастье, победу над страстью; / в веках не иссякнут Сила и Власть!».

Славословие Создателю, частью которого является стев, представлено и в висе 26. Виса 26:

- (30) *Eingin sé eg, að jarðlig tunga, / inn háleiti stjörnu reitar / drottinn, þier, sem verðugt væri, / vandað fái nú stef til handa. / Sie þier dýrd með sannri þryðjano / sunginn heiðr af öllum tungum / eilífliða með sigri og sælu; / sæmd og vald það minkaz aldri.*

«Господь, я не знаю земных языков, / высший властитель звездных путей, / таких, на которых я смог бы искусно / стев сложить достойный Тебя. / Тебя учestim в красу и в славу! / Пусть все языки воспоют благодать, / блаженство и счастье, победу над страстью; / в веках не иссякнут Сила и Власть!»

Драпа пронизана молитвенными обращениями к Христу, это висы 44; 52; 59; 63; 69; 75; 79; 80; 81; 82; 83; 85; 96. Виса 69:

- (31) *Máriu son, fyrir miskunn dýra /manns náttúru og líkam sannan / kennztu við, svá að mín þú minniz, / minn drottinn í ríki þínu.*

«Сын Марии! Милости ради / признай свою природу земную / и подлинность тела; в царстве своем / помни меня, мой Повелитель!».

Виса 82 (обращение к Христу, начинающееся с упоминания Марии):

- (32) *Beiði eg nú fyrir Máriu móður / mjúka bæn og fagran tænað / á treystandi, Jesús Kristi, / yðra vægð, er týndum nægðiz. / Þín mig, áðr en detti á dauðin, / drottinn minn, í kvölum og sóttum, / að því minnur sie eg þá síðan / slitinn af fñandans króki bitrum.*

«К Деве Марии я обращаюсь, / и тайно прошу о благоволении, / надеюсь, Христос, что милости вашей / хватит на всех грешников павших. / Меня истязай болезнью и болью, / Мой Господин, до самой до смерти; / страдать буду меньше потом, когда враг / меня разорвет острым крючком».

Виса 57 формально представляется собой обращение к Христу, но при этом упоминаются Бог Отец, Святой дух и — дважды — Мария:

- (33) *Fyrir Máriu faðmin dýra, / fyrir Máriu grátinn sára, / lát mig þinnar lausnar njóta, / lifandi guð með feðr og anda.*

«Во имя теплых объятий Марии, / во имя горьких рыданий Марии / дай мне познать спасение Твое, / с Отцом и с Духом сущий Господь!».

Молитвенные обращения и славословия Марии не так многочисленны. В висе 25 хвала не сопряжена с молитвой:

- (34) *Móðir oss er María þessi, / mektarblóm en full af sóma, / glæsilig sem roðnuð rósa / runnin upp við lifandi brunna, / rót ilmandi lítillætis, / logandi öll með skírleiks anda / guði unnandi og góðum mönnum, / guði líkjandi í dygdum slíkum.*

«Дева Мария, ты великолепна, / пресветлая мать, как красная роза, / могущества цвет, исполненный чести, / который стал источником жизни; / благоухающий корень смиренья, / охваченный пламенем чистого духа, / она возлюбила людей добронравных, / своей неподкупностью Богу подобная».

Самостоятельную молитву Марии представляют собой висы 86—91, это очень красивый фрагмент «Лилии», и он был весьма популярен в средневековой Исландии. Исследователи указывают на то, что молитва воспринималась и воспроизводилась как самостоятельный текст, который назывался *Máriuvísur úr Lilju* («Висы Марии из „Лилии“») [8. С. 658]. Многочисленные параллели к образной и смысловой сфере этих вис можно найти в латинских гимнах [Ibid]. Виса 94, представляющая собой хвалу Богородице, интересна тем, что тоπος «вся природа поет Тебе славу», актуализация которого в Средние века принимала разные формы (например, «слава Твоя неизреченна»), в висе 94 реализуется применительно к Марии: «слава Марии неизреченна, и здесь бессильна даже природа». Висы 93—94:

- (35) 93. *Hræðr af list þó að hvers manns verði / hold og bein að tungum einum, / vindur, leiftur, grænar grundir, / grös ilmandi, duft og sandar, / hagl og drif sem fjadrir fugla, / fiskar, dýr sem holt og mýrar, / hár og korn sem heiðar stjörnur, / hreistur, ull,*

sem dropar og gneistar, 94. víðr og grjótt sem steinar, stræti, / streingir, himnar, loft og einglar, / orma sveit og akrar hvítir, / jurtir, málmr sem laufgir palmar / augabragð þó aldri þegði / allar þær, af fyrnsku væri / móðar, fyrr en Máriu þrýði / mætti skýra fullum hætti.

«93. И если дар речи вдруг обретут / плоть и кровь всех человеков, / и молнии с ветром, зеленые степи, / и травы пахучие, пыль и пески, / град и метель, и птиц оперенье, / рыбы и звери, леса и болота, / былинки и зернышки, яркие звезды, / шерсть, чешуя, и капли, и искры, 94. деревья, скалы, камни и улицы, / небо, стремнины, воздух и ангелы, / полчища змей и пашни с пшеницей, / растения, металлы и пальмы с листвою, / и если даже они никогда / ни на единый миг не замолкнут, / они утомятся, прежде чем смогут / великолепие Марии воспеть».

Сравним висы 93—94 «Лилии» с фрагментом «Исповеди стихотворной» Альфана Салернского (ум. 1085 г.): «Если бы в хор языков превратились огнистые звезды, / Или песчинки в морях, или в земле семена, / Или дождинки в дожде, / или волны в прибрежном прибое, — / Все, чего счетом не счесть и не исчислить числом, — / Все же они не могли бы тебя, Иисусе, прославить, / От недостойных гремя к небу достойной хвалой» [26. С. 203].

Из сказанного выше следует, что драпа славит Творца, ее задача — воспеть Чудо Творения, она пронизана славословиями и молитвами Троице (две висы), Богу Отцу (три висы и десять хельмингов-стевов), Христу (четыренадцать вис) и Марии (молитва объемом в шесть вис, два молитвенных обращения и одно славословие, подставляющее собой известный средневековый топос). Таким образом, славословия и молитвенные обращения составляют примерно третью часть от совокупного объема драпы.

Образ лилии неизменно трактуется исследователями «Лилии» как символ Девы Марии. Текст драпы не способствует такой трактовке названия; если верить автору (виса 4), задачей драпы является не прославление Марии, или, по меньшей мере, не исключительно это. Образ лилии встречается в средневековой латинской поэзии, где цветок является символом как Марии, так и Христа. Обращаясь к Марии или упоминая ее, авторы анонимных гимнов XI в. называют ее лилией. Лилия упоминается в «Гимне Деве Марии»: «Слово сладкого привета / Воспоем затем, / что это / Слово внявши, / Домом Света / Стала Благодатная. / ... / Восприяв припев священный, / Восприяла Плод нетленный / Дева, Храм одушевленный, / Между терний Лилия» [26. С. 186]. Такое же обращение можно найти в Секвенции Деве Марии: «О, святая Лилия, осиянный Цвет веселия!» [Ibid]. Образ лилии как символ Марии встречается и в религиозной поэзии XII в., приведем в качестве примера строфы из «Гимна святой Деве Марии» Хильдегарды Бингенской (1098—17.11.1179): «Радуйся, благородная, / славная и непорочная Девица — / око целомудрая, / вещество освящения, / Господу угодное. / ... / О Белая Лилия, / ее же призрел Господь / превыше всего творения» [26. С. 324]. Между тем в средневековой молитве лилия является и обозначением Христа (как плода чрева Марии). Обратим внимание на молитвенное обращение к Марии в «Молитве Богу Сыну» Петра Дамиани (1007—1072): «Но поелику моления мои, возносимые столь нечистыми устами, недостойны восходить к тебе, молю я тебя, благодатная дева

Мария, храм Бога живого, чертог царя вечного, святилище Духа святого, благословенная в женах; *обоняю сердцем моим благоуханное поле чрева твоего, ибо на этом поле произросла единственная и несравненная лилия, из коей возник нераздельно с нею весь росток духовных доблестей*, ибо ты — небесная почва, приносящая плод свой, ты — вещество небесной Премудрости, из коего создала она храм собственному телу» [26. С. 195] (*курсов мой*. — Н.О.).

Многозначность лилии как символа средневековой культуры [39] ограничена контекстом драпы: название вводится как слово, отражающее поэтический замысел автора. Виса 98:

(36) *Sá, er óðinn skal vandan velja, / velr svá mörg í kvæði að selja / hulin fornyrðin; trautt má telja; / tel eg þenna svá skilning dvelja. / Vel því að hier má skýr orð skilja, / skili þjóðir minn ljósan vilja; / tal óbreytiligt veitt að vilja; / Vil eg, að kvæðið heiti Lilja.*

«Истинный мастер речи искусной / в песнь предпочтет множество вставить / слов стародавних, я полагаю, / что тем затрудняет он понимание. / Простые слова нетрудно понять, / пусть каждый оценит мои усилия, / слова раскрывают замысел мой, / хочу, чтобы песнь называлась „Лилия“».

Поэтический замысел прописан в висах 4—5 и заключается в прославлении Творца и чуда Творения как результата его славных деяний. Представляется, что поэтический замысел, как и слово, соответствующее названию драпы, перекликаются с Евангелием от Матфея: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; ... Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матф. 6: 26—34). Итак, лилия, как и драпа в целом, являются символами религиозного мироощущения и веры в Творца и Святую Троицу, заключающую драпу в свои объятия по модели «Таинственного Богословия» Дионисия Ареопагита.

Символика чисел, характерная для средневековой экзегетики [40. С. 65—91], ярко проявляется в драпе. Исследователи неоднократно обращали внимание этот аспект текста, указывая, в частности, на количество вис в драпе. Здесь просматривается аналогия с «Божественной Комедией» Данте, в которой количество песен составляет сотню, учитывая три кантики и вступление. Автор «Лилии», как и Данте, руководствовался средневековым пониманием сотни как идеального числа, представляющего собой сумму десяти нечетных чисел в интервале от единицы до девятнадцати. Вероятно, для автора «Лилии» несколько более существенной была структура речи Ангела, приветствовавшего Марию, в Евангелии от Луки; количество букв в этом тексте составляет сотню: *Ave Maria, gracia plena, dominus tecum, benedicta tu in mulieribus, et benedictus fructus ventris tui, Jhesus Cristus, Amen.* (Цит. по [8. С. 559].)

В структуре «Лилии» число дает о себе знать неоднократно; помимо сотни имеет значение и число 33: в висе 33 рассказывается о воплощении Святого Духа, что, по мнению исследователей, не случайно. Т. Хилл [41] полагает, что символика числа 33 дает о себе знать и в висе 66, в которой подвиг Иисуса противопоставлен

злодеянию Дьявола, обманувшего Еву и обрекшего человечество на смерть. По мнению Хилла, структурный принцип, в основе которого лежит число 33, делит драпу на три части: 1) события от сотворения мира до воплощения Святого Духа, 2) земной век Христа, 3) новый век, начинающийся со смерти Христа как символа его победы над силами Ада. М. Чейз усматривает сходство между структурой драпы и формой триптиха, в центре которого — образ Христа, а начальная и заключительная части — крылья триптиха [8. С. 561]. Ранее о драпе как о триптихе писал А. Баумгартнер [42. С. 30—31].

В связи с символикой чисел заслуживает внимания еще один аспект драпы; в отличие от двух уже описанных исследователями числовых принципов, связанных с количеством и последовательностью вис, этот двоичный принцип задан стевами, то есть структурными элементами драпы.

Смысл двоичного принципа явствует из повествования о сотворении мира во втором хельминге шестой вису. Виса 6 (второй хельминг):

(37) *Áðr, var hann þó jafn og síðan / ærinn sier, en skepnan væri; / gjörði hann heim og teygði tíma / tvá jafnaldra í sínu valdi.*

«В начале времен и после творения / был самодостаточен и не изменялся; / и властью своей Он мир сотворил и вытянул время на два равных срока».

Словам о «вытягивании времени» Творцом соответствуют два стева, которые особым образом структурируют описываемые события и одновременно задают хронотоп драпы. Интересно, что в двухчастной структуре драпы первая часть соответствует циклу Тварной Вечности, которой соответствуют богослужения православной Божественной Литургии: события от сотворения мира (Вечерня) до момента, когда Иисус предаёт Свой дух Богу на Кресте (девятый час Утрени). В этот момент первый стев поётся в драпе в последний раз. Жизнь Христа, события которой укладываются в раздел с двумя стевами, так же разделена стевами на два срока: первый — от воплощения Духа до Распятия, второй — от смерти на Кресте (второй стев поётся в первый раз) и предания своего духа Богу до Богоявления (второй стев поётся в последний раз). Хронотоп, заданный стевами, удивительным образом соответствует современным представлениям о свойствах временных циклов православного богослужения и циклических процессах в естествознании [43; 44].

Рассмотренный фрагмент повествования интересен не только в связи с символикой драпы; мысль о гуттаперчевом времени, которое Бог мог тянуть и, возможно, сжимать и плющить, требует более подробного рассмотрения в контексте средневековых представлений о времени как тварной сущности. Комментируя вису 6, исследователи трактуют словосочетание *teygði tíma tvá jafnaldra* «(Он) вытянул время на два равных срока» как создание Богом времени и пространства [8. С. 568—569], однако учитывая внимание средневековых теологов и философов, в частности, Фомы Аквинского, к понятию времени, предлагаемое здесь сугубо временное прочтение указанного фрагмента представляется предпочтительным с учетом того, что пространство не упоминается в исландском тексте.

4. СПОСОБ БЫТОВАНИЯ ТЕКСТА И ВОПРОС ОБ АВТОРСТВЕ

Анализ архитектоники «Лилии» позволяет утверждать, что и форма, и содержание текста не произвольны, а традиционны, при этом форма принадлежит национальной традиции Исландии, а содержание транснационально, оно отражает христианское мироощущение средневековых католиков. Работа автора «Лилии» представляет собой поиск корреляции между традиционным и известным не только ему содержанием, с одной стороны, и структурно-семантическими возможностями исландской драпы, с другой. Художественная ценность текста определяется особенностями взаимодействия двух указанных аспектов его архитектоники.

Автор «Лилии» работает с формой так, как работали до него все скальды, и делает это на высочайшем уровне мастерства. Другое дело — отношение текста к традиции как характеристика содержания. Скальд, сочинявший хвалебную драпу конунгу, создавал актуальный текст, называл себя и тем самым брал на себя ответственность за достоверность сведений о славных делах конунга, упомянутых в драпе. Содержание «Лилии» принадлежит традиции, оно достоверно по определению. И даже молитва, за которой, безусловно, стоит индивидуальное переживание автора, обязательно соответствует молитвенному правилу, укорененному в традиции.

Традиционный (хотя и не сугубо исландский) характер содержания сближает «Лилию» с текстами, бытовавшими в устной традиции Исландии. Любопытны в этой связи наблюдения Рассела Пула [7]: изучая различные тексты и рукописи, где воспроизводится скальдический текст, *Bersöglavísur* («Висы Берсёгли»), Пул отмечает, что объем «Вис Берсёгли» не совпадает в различных рукописях и, в частности, составитель текста „*Ágrip af Nóregs konunga sögum*“ («Извлечение из рассказов о Норвежских конунгах») при передаче «Вис Берсёгли» следовал правилам устной традиции: „*Árip* compiler is not always accurate in his use of skaldic verse, and it seems likely to me that his handling of the stanza from “*Bersöglivísur*“ reflects the conventions of oral narrative“ [7. С. 8]. В «Лилии» индивидуальное повествование синтезирует и переосмысляет опыт предшественников, и текст, как явствует из анализа, аккумулирует религиозный и философский опыт разных эпох. Работая с традиционными сведениями (текстами), принадлежащими христианской (транснациональной) традиции, автор «Лилии», вероятно, работал с ними так, как он работал бы со сведениями, принадлежавшими устной традиции Исландии (или текстами, бытовавшими в этой традиции); в «Лилии» есть и ссылка на традицию (в висе 9): *svá er greinanda* «так рассказывают».

Одним из важных свойств скальдической поэзии является фиксированность ее содержания, невозможность модификации текста при его последующем воспроизведении в традиции. «Строгая форма скальдического стиха фиксирует содержание, представляя его как данность и предотвращая его „порчу“ в устной передаче. В силу своей условности скальдическая форма предполагает расшифровку текста, но никак не индивидуальное его осмысление» [5. С. 51]. В связи со словами О.А. Смирницкой возникает вопрос о том, вся ли скальдическая поэзия соответ-

ствуется этому тезису в равной мере. Было ли фиксированным содержание «Лилии» и насколько необходимо было зафиксировать содержание, принадлежавшее традиции? Стих «Лилии» и сопутствующая ему специфика поэтического языка (отсутствии кеннингов и переплетений предложений) явно не способствовали фиксации текста.

В отличие от строго регламентированного дроткветта, хрюнхент представляет собой относительно простой и свободный скальдический размер, который не требует модификации естественной просодики слова и синтаксиса фразы, но допускает их. Таким образом ни содержание, ни стих не препятствовали модификации «Лилии» при воспроизведении.

Учитывая не-индивидуальное (традиционное) содержание «Лилии» и относительно свободную форму текста, не препятствующую его модификации, а также относительную тематическую самостоятельность отдельных вис, включая молитвенные обращения, славословия и промежутки между стевами, можно предположить возможность трансформации (дописывания при переписывании) этого текста, наличие у него не одного, а многих авторов, что, однако, не отменяет того индивидуального усилия и мастерства, результатом которого является архитекторика текста, зафиксированного в рукописи *Holm perg 1 fol Bergsbók*. Высказанное предположение поддерживается и тем, что один из фрагментов драпы, а именно висы, посвященные Марии, представляет собой самостоятельный текст, который регулярно воспроизводился и назывался „*Máruvísur úr Lilju*“ [8. С. 658]. Наличие в драпе двух скальдических вступлений, при том, что с семантико-функциональном плане второе вступление не является необходимым, наводит на мысль о том, что драпа, возможно, опирается на другие тексты, бытовавшие в традиции. Дополнительным (при этом второстепенным) аргументом является объем: текст сопоставим не со скальдическими драпами (весьма лаконичными на фоне «Лилии»), а со средневековыми европейскими произведениями крупной формы, такими как “*Chateau d’Amour*” («Храм любви») Роберта Гроссетеста или “*Cursor Mundi*” («Бегун по миру»), сюжетом которых, как и в случае «Лилии», является библейская история.

Завершая анализ архитектуры «Лилии» и следуя канону драпы, вернемся к вопросу об авторстве, с которого начинается статья. Вопрос об авторе текста является аспектом более общего вопроса о способе бытования этого текста, в частности, о возможности его трансформации при воспроизведении (включая письменные фиксации). Автор «Лилии» неизвестен, и нельзя исключить закономерность, стоящую за этим фактом. В случае, если предположение о способе бытования «Лилии» верно, автор окончательного варианта, зафиксированного в рукописи Bb, мог не осознавать свое индивидуальное усилие как индивидуальное творчество. Ясно, что надпись *Hier hefur Liliu brodur Eysteins* «Здесь начинается „Лилия“ брата Эйстейна» в рукописи AM 622 4°, датируемой второй половиной XVI в., ничего не говорит о том, кто стоит за окончательным текстом «Лилии», датируемым первой половиной XIV в. Между тем нельзя исключить того обстоятельства, что сидельцы средневековых исландских монастырей помнили тех, кто

мог исполнить древнюю песнь „*Það gamla Liliu Kúæð*“ и был достоин этого произведения. Возможно, здесь имеет место прикрепление имени к тексту, о котором говорит С.С. Аверинцев, речь идет не столько об авторстве, сколько об авторитете: «Чтимое имя прикрепляется к чтимому тексту как ритуальный знак его чтимости — процедура, которая понятным образом наиболее характерна для текстов более или менее сакральных или воспринимавшихся как таковые („Давидовы псалмы“, „Книга притчей Соломоновых“), но ими никогда не ограничивается» [4. С. 222—223]. Исследователи скальдической поэзии обращают внимание на то, что человек, говоривший скальдическую вису или хвалебную песнь, мог быть принят за ее автора [45. С. 76; 4. С. 91—95, 109, 169]. Прикрепление имени к тексту имеет место в разных культурах, и эта практика представляется весьма вероятной в случае «Лилии».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ТИП ТЕКСТА (к вопросу о классификации «Лилии»)

Автор «Лилии» создает свой текст как драпу и приносит свой стих в дар Творцу подобно тому, как скальд дарит стих конунгу; противопоставление себя древним скальдам не снимает аналогии. Виса 4:

(38) *Fyrri menn, er fræðin kunnu / forn og klók af sínum bókum / slungin, mjúkt af sínum kóngum / sungu lof með danskri tungu. / Í þvílíku móðurmáli / meir skyldumz eg en nökkurr þeira / hrærðan dikt með ástarorðum / allsvaldanda kóngi að gjalda.*

«Люди в прошлом знанием жили / древним, коварным, из старых книг / исходящим, и конунгам словами льстивыми / пели хвалу они на языке датском. / На том же языке, родном для меня, / я обязан более тех, кто был прежде, / песнь свою со словами любви / в дар принести Всемогущему Управителю».

Учитывая хрюнхент, требующий постоянного фонеморфологического анализа слова, можно с уверенностью утверждать, что перед нами, несомненно, скальдическая драпа, у которой, тем не менее, есть свои особенности.

Важнейшим отличительным признаком «Лилии» является отношение текста к традиции: в форму драпы укладывается не индивидуальное и актуальное, а традиционное содержание, очевиден перенос скальдической формы в смысловую сферу средневековой христианской культуры с сопутствующим семантическим приращением: традиционное содержание переживается автором и читателем (слушателем) как актуальное. Использование скальдической формы для освоения новых семантических сфер и ценностей, включая сопутствующие семантические процессы, названо здесь метафорой формы. В основе метафоры лежит аналогия: Творец уподобляется конунгу, и все этапы Творения рассматриваются как подвиги Творца.

Возможность использования скальдической формы для передачи сведений, принадлежащих христианской традиции, определяется «главным открытием скальдов — осознанием и возведением в художественный канон условности языкового знака» [5. С. 24]. Выход скальдической формы за пределы семантических сфер исландской традиции является закономерным и определяется «отчужде-

нием формы». «Отчуждение формы, т.е. превращение ее в осознаваемый прием, — это также условие ее универсализации, открывающее для скальда возможность поэтического овладения всею областью актуального настоящего без каких-нибудь тематических и ценностных ограничений» [5. С. 25]. К сказанному остается добавить, что к XIV в. превращение формы в художественный прием сделало возможным определение сферы актуального настоящего посредством формы.

Метафора формы, безусловно, выделяет «Лилию» на фоне других произведений скальдической поэзии; между тем «отчуждение» как основное свойство скальдической формы не позволяет классифицировать изучаемый текст как девинантный, отклоняющийся от скальдического канона. Напротив, метафора формы в «Лилии» является закономерным итогом развития скальдической поэзии, убедительным доказательством универсализации скальдической формы и ее высокого семантического потенциала. Отсутствие в «Лилии» кеннингов и переплетений предложений представляется нам важным, но частным нюансом языка «Лилии», следствием ее содержания; этот аспект языка мы не рассматриваем как определяющий при классификации текста. (Вопрос о языке и формах речи в «Лилии» обсуждается в другой нашей статье.)

Завершая анализ архитектоники «Лилии», отметим, что скальдическая форма была использована для словесного воплощения архетипов (топосов и символов) средневековой христианской культуры очень творчески, перенос формы оживил не только традиционные христианские темы и сюжеты библейской истории, но и молитвенное правило, что подчеркивает универсальность формы драпы, являющейся результатом многовековой работы с языком, прделанной исландскими скальдами.

«Лилия» относится к неслучайным текстам, тем текстам, которые являются символами исландской культуры. Такие тексты не подлежат забвению по причине своей глубины и динамичности, простоты и естественности и — что особенно важно — малой дистанции между словом и смыслом, к которой так стремился наш автор. Чувством просодики и фонеморфологии слова, а также вниманием к форме, завораживающим современного читателя, но естественным для скальда, определяется сила, красота и притягательность текста, — характерный признак словесной культуры Исландии.

© Н.Л. Огуречникова
Дата поступления: 16.05.2018
Дата приема в печать: 6.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ólason, Vésteinn. Old Icelandic Poetry. In: *A History of Icelandic Literature*. Ed. by Daisy Neijmann. Lincoln & London: Nebraska Press, 2006. pp. 1—64.
2. Chase, Martin L. Devotional Poetry at the End of the Middle Ages in Iceland. In: *Eddic, Scaldic and Beyond*. Ed. By Martin Chase. Oxford: University Press, 2014. pp. 136—149.
3. Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2000.

4. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
5. *Смирницкая О.А.* Древнегерманская поэзия. М.: Языки славянских культур, 2005.
6. *Sturluson, Snorri.* Edda. Háttatal. Ed. By Anthony Faulkes. (Viking Society for Northern Research). London: University Colledge, 1999.
7. *Poole, Russel G.* Viking Poems on War and Peace. A Study in Skaldic Narrative. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1991.
8. *Chase, Martin L.* Chase. Anonymous, Lilja. Introduction // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Volume VII. Part 2: The Fourteenth Century. Edited by Margaret Clunies Ross. Belgium: Brepols Publishers, 2007. pp. 554—677.
9. *Finnbogason, Gunnar* (cand. mag.). Formáli í // Eysteinn Ásgrímsson. Lilja. Útgáfu annaðist. Reykjavík, Stafafell, 1974. Bls. 5—13.
10. *Helgason, Jón.* Norges og Islands digtning // Nordisk kultur. Litteraturhistorie. B. Norge og Island. Uppsala, 1953. Bls. 99, 153, 156.
11. Lilja: Kristis konungs drápa tíræð eftir Eystein munk. Ed. by Jónsson, Guðbrandur. Preface by Pétur Már Ólafsson. Reykjavík: Vaka-Helgafell, 1992.
12. *Meissner, Rudolf.* Die Kenningar der Skalden: Ein Beitrag zur skaldischen Poetik. Bonn, Leipzig, 1921.
13. *Schottmann, Hans.* Die isländische Mariendichtung: Untersuchungen zur volkssprachigen Mariendichtung des Mittelalters. Münchener germanistische Beiträge 9. Munich: Fink, 1973.
14. *Lindblad, Gustaf*, ed. Bergsbók: Perg. fol. nr.1 in the Royal Library, Stockholm. EIM 5. Copenhagen: Rosenkilde & Bagger, 1963.
15. *Jónsson, Finnur.* Historia ecclesiastica Islandiæ. 4 Vols. Copenhagen, 1772—8.
16. *Arnason, Jón.* Íslenskar þjóðsögur og æfintýri. Ný útg. Árni Böðvarsson og Bjarni Vilhjálmsson (útg.). Bindar I—V. Reykjavík: Önnuðust útgafa. Reykjavík: Bókaútgáfan Þjóðsaga. 1954.
17. Íslenskt þjóðsagna safn. Ritstjórar Ólafur Ragnarsson, Sverrir Jakobsson og Margrét Guðmundsdóttir. Bindar I—V. Reykjavík: Vaka-Helgafell, 2000.
18. *Skúli Gíslason.* Sagnakver Skúla Gíslasonar. Sigurður Nordal (útg.). Reykjavík: Helgafell, 1947. 2. útg. 1984.
19. *Dorkelsson, Jón.* Þjóðsögur og munnmæli. Önnur útgáfa. Reykjavík: Bókfellsútgáfan, 1956. (Fyrsta útgáfa 1899).
20. *Guðjónsson, Sverrir* (executive recording producer). Epitaph “Medieval Iceland”. Digital recording of Artcentrum AC001, 2012.
21. *Лотман Ю.М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин: TLU Press, 2010.
22. *Стеблин-Каменский М.И.* Поэзия скальдов. М.: Наука, 1979.
23. *Мелетинский Э.М.* Эдда и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968.
24. *Степин В.С., Гусейнов А.А., Семизин Г.Ю., Огурцов А.П.* Новая философская энциклопедия Т. IV. М.: Мысль, 2010.
25. *Paasche, Fredrik.* Kristendon og kvad. En studie i norrøn middelalder. Kristiania: Forlag av N. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), 1914.
26. *Грaбарь-Пассек М.Е., Гаспаров М.Л.* (ред). Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков / АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1972.
27. *Иеромонах Александр (Голицын).* Дионисий Ареопагит: Христианский мистицизм? 2016/03/11. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/4870531.html>. (дата обращения: 15.04.2018).
28. *Дионисий Ареопагит.* Корпус сочинений. С толкованиями преподобного Максима Исповедника / Перевод и вступительная статья Г.М. Прохорова. Издание 6-е. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017.
29. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А.П. Лопухина. Второе издание. Стокгольм: Институт перевода Библии, 1987.

30. *Paasche, Fredrik*. Lilja. Et kvad til Guds Moder. Andet oplag. Kristiania: Aschehoug & Co. (W. Nygaard), 1924.
31. *Голубцов А.П.* Литургия в первые века христианства (из лекций). Часть 3. М.: Лань, 2014.
32. Итальянская поэзия XIII—XIX вв. в русских переводах. Составитель Р. Дубровкин. М.: Радуга, 1992.
33. *Kristjánsson, Jónas og Ólason, Vésteinn* (útg.) Eddukvæði. Bd. I—II. Fyrsti bindi: Goðakvæði. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 2014.
34. *Степин В.С., Гусейнов А.А., Семизин Г.Ю., Огурцов А.П.* Новая философская энциклопедия. Т. III. М.: Мысль, 2010.
35. *Knowles, David*. The Evolution of Medieval Thought. New York: Vintage Books, 1973.
36. *Забабурова Н.В.* Средневековый французский «Роман о розе». История и судьба. Режим доступа: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/zababurova-roman-o-roze.htm>. (дата обращения: 12.05.2018).
37. *Данте Алигьери*. Новая Жизнь Божественная Комедия. Перевод с итальянского М. Лозинского. М.: Изд-во «Художественная литература», 1967.
38. *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. М.: Academia, 1924.
39. *Солоницына М.Н.* Символика лилии в европейской художественной культуре // Концепт. 2015. Спецвыпуск № 18. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/75262.html>. (дата обращения: 12.05.2018).
40. *Гуревич А.Я.* Популярное богословие и народная религиозность средних веков. Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 65—91.
41. *Hill, Thomas*. Number and Pattern in Lilja // The Journal of English and Germanic Philology. 1970. Vol. 69. no. 4. pp. 561—567. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/27705928>. (дата обращения: 12.05.2018).
42. Isländische Mariendichtung aus dem 14. Jahrhundert. Übersetzt und mit Einleitung versehen von Alexander Baumgartner. Freiburg im Breisgau: Herder, 1884.
43. *Паришин А.Н.* Циклы в православии и естествознании. 2012/06/08. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/2609572.html>. (дата обращения: 09.05.2018).
44. *Гайденко П.П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
45. *Gordon, Ida L.* Oral Tradition in the Sagas of Poets // Studia contentalia in honorem memoriae Benedikt S. Þórarinsson. Ed. B.S. Benedikz. Reykjavík, 1961. pp. 69—76.

УДК: 81'37:26:821.113.3-21"13"

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-505-535

METAPHOR OF FORM IN “LILY” (architectonics of Icelandic Fourteenth century Christian Drapa)

Nataliya L. Ogurechnikova

RUDN University
Miklukho-Maklaja 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. Aim of the study is explication of the narrative technique of the person who composed “Lily”; research demands attention to the following aspects of the drapa: 1) its architectonics, i.e. correlation between the form and the content including topoi, symbolism and narrative strands; 2) the language of “Lily” and forms of narration in the text; 3) correlation between language and meter in “Lily”. The first of the three mentioned aspects of the text constitutes the subject matter of the paper, attention is also given to the value of the text in skaldic poetics and verbal culture of Iceland.

Materials and methods. The first section presents information on the surviving manuscripts and shows the value of “Lily” in the culture of Iceland; references to Icelandic folklore and modern recordings help realize importance of the text. In the second section technique of the author(s) is studied with regard to both, medieval Christian literature and verbal culture of medieval Iceland. The study is carried out on the basis of edition [8] and all available Russian translations of medieval Latin literature. Analysis of the latter enables to identify the literary topoi and corresponding archetypes of medieval consciousness reflected in “Lily”. The third section is devoted to semantics of the title and to other textual symbols. The fourth section considers the mode of text existence and addresses authorship.

Results. Analysis shows that the content of “Lily” does not go beyond few archetypes of medieval Icelandic and European Christian consciousness. Specificity of “Lily” is described as *metaphor of form*; the collocation denotes all semantic processes entailed by the transfer of the form of drapa into the sphere of traditional Christian culture. Metaphor of form is treated as a natural consequence of the main achievement of Icelandic skalds — involution of poetic form and turning it into artistic device [5], — a prerequisite to versatility of poetic content.

Conclusion. “Lily” is finally classified as a text which highlights semantic and functional potential of the skaldic form and on the whole complies with the canon of skaldic poetics. Assumption is made that the author of “Lily” did not realise himself as the author of the text, though the surviving text is, no doubt, result of his individual effort. Working with traditional material, the author of “Lily” most probably created his text in accordance with principles of Icelandic Oral Tradition.

Key words: drapa, stef, metaphor of form, Christian culture, Latin literature, archetype, topos, oral tradition, authorship, Iceland.

REFERENCES

1. Ólason, Vésteinn (2006). Old Icelandic Poetry. In: *A History of Icelandic Literature*. Ed. by Daisy Neijmann. Lincoln & London: Nebraska Press. pp. 1—64.
2. Chase, Martin L. (2014). Devotional Poetry at the End of the Middle Ages in Iceland. In: *Eddic, Scaldic and Beyond*. Ed. by Martin Chase. Oxford: University Press. pp. 136—149.
3. Gurevich, E.A. & Matjushina, I.G. (2000). Poetry of skalds. Moscow: Publishing house of the Russian State University for Humanities. (In Russ.)
4. Averincev, S.S. (1996). Retic and the origins of the European literary tradition. Moscow: Shkola “Jazyki russkoj kul'tury” publ. (In Russ.)
5. Smirnickaja, O.A. (2005). Old Germanic Poetry. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur publ. (In Russ.)
6. Sturluson, Snorri (1999). *Edda. Háttatal*. Ed. By Anthony Faulkes (Viking Society for Northern Research). London: University Colledge.
7. Poole, Russel G. (1991). *Viking Poems on War and Peace. A Study in Skaldic Narrative*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press.
8. Chase, Martin L. (2007). Anonymous, Lilja. In: *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Volume VII. Part 2: *The Fourteenth Century*. Edited by Margaret Clunies Ross. Belgium: Brepols Publishers. pp. 554—677.
9. Finnbogason, Gunnar (cand. mag.). (1974). Formáli. In: *Eysteinn Ásgrímsson. Lilja. Útgáfu annaðist*. Reykjavík, Stafafell. Bls. 5—13.
10. Helgason, Jón (1953). Norges og Islands digtning. In: *Nordisk kultur. Litteraturhistorie*. B. *Norge og Island*. Uppsala.
11. Lilja: Kristis konungs drápa tíræð eftir Eystein munk. (1992). Ed. by Jónsson, Guðbrandur. Preface by Pétur Már Ólafsson. Reykjavík: Vaka-Helgafell.
12. Meissner, Rudolf (1921). *Die Kenningar der Skalden: Ein Beitrag zur skaldischen Poetik*. Bonn, Leipzig.
13. Schottmann, Hans (1973). *Die isländische Mariendichtung: Untersuchungen zur volkssprachigen Mariendichtung des Mittelalters*. Münchener germanistische Beiträge 9. Munich: Fink.

14. Lindblad, Gustaf (ed.) (1963). Bergsbók: Perg. fol. nr. 1 in the Royal Library, Stockholm. EIM 5. Copenhagen: Rosenkilde & Bagger.
15. Jónsson, Finnur (1772—8). *Historia ecclesiastica Islandiæ*. 4 Vols. Copenhagen.
16. Árnason, Jón (1954). *Íslenskar þjóðsögur og æfintýri*. Ný útg. Árni Böðvarsson og Bjarni Vilhjálmsson (útg.). Bindar I—V. Reykjavík: Önnuðust útgafa. Reykjavík: Bókaútgáfan Þjóðsaga.
17. Íslenskt þjóðsagna safn. (2000). Ólafur Ragnarsson, Sverrir Jakobsson og Margrét Guðmundsdóttir (útg.). Bindar I—V. Reykjavík: Vaka-Helgafell.
18. Skúli Gíslason (1947). *Sagnakver Skúla Gíslasonar*. Sigurður Nordal (útg.). Reykjavík: Helgafell. (2. útg. 1984).
19. Þorkelsson, Jón (1956). *Þjóðsögur og munnmæli*. Önnur útgáfa. Reykjavík: Bókfellsútgáfan, (Fyrsta útgáfa 1899).
20. Guðjónsson, Sverrir (executive recording producer) (2012). Epitaph “Medieval Iceland”. Digital recording of Artcentrum AC001.
21. Lotman, Ju.M. (2010). *Unpredictable mechanisms of culture*. Tallin: TLU Press. (In Russ.)
22. Steblin-Kamenskij, M.I. (1979). *Poetry of skalds*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)
23. Meletinskij, Je.M. (1968). *Edda and forms of early epic texts*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)
24. Stepin, V.S., Gusejnov, A.A., Semigin, G.Ju. & Ogurcov, A.P. (2010). *New encyclopedia of philosophy*. Vol. IV. Moscow: Mysl' publ. (In Russ.)
25. Paasche, Fredrik (1914). *Kristendon og kvad. En studie i norrøn middelalder*. Kristiania: Forlag av H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard).
26. *Latin literature of X—XII centuries*. (1972). Ed. by Grabar'-Passek, M.E. & Gasparov, M.L. at Russian Academy of Sciences, A.M. Gorky's Institute of World Literature. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)
27. Father Aleksandr (Golicyn) (2016/03/11). *Dionysius the Areopagite: Christian Mysticism?* (In Russ.) URL: <http://www.bogoslov.ru/text/4870531.html>. (accessed: 15.04.2018)
28. *Dionysius the Areopagite* (2017). *Corpus dionysiacum*. With commentary by the Venerable Maxim the Confessor. Translation and introduction by G.M. Prohorov. Sixth edition. Saint-Petersburg: Oleg Abyshko publ. (In Russ.)
29. *The Holy Bible with Commentary, or Commentary to all the books of Holy Scripture including Old and New Testaments*. (1987). Published by successors of A.P. Lopuhin. Second edition. Stokholm: Publishing House of the Institute for Bible translation. (In Russ.)
30. Paasche, Fredrik (1924). *Lilja. Et kvad til Guds Moder*. Andet oplag. Kristiania: H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard).
31. Golubcov, A.P. (2014). *Liturgy during the first centuries of Christianity (from lectures)*. Part 3. Moscow: Lan' publ. (In Russ.)
32. *Italian Poetry of XIII—XIX centuries in Russian translations*. (1992). Compiled by R. Dubrovkin. Parallel texts in Russian and Italian. Moscow: Raduga publ. (In Russ.)
33. Kristjánsson, Jónas & Ólason, Vésteinn (útg.) (2014). *Eddukvæði*. Bindar I—II. Fyrsti Bindi: *Goðakvæði*. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag.
34. Stepin, V.S., Gusejnov, A.A., Semigin, G.Ju. & Ogurcov, A.P. (2010). *New encyclopedia of philosophy*. Vol. III. Moscow: Mysl' publ. (In Russ.)
35. Knowles, David (1973). *The Evolution of Medieval Thought*. New York: Vintage Books.
36. Zababurova, N.V. *French medieval “Novel about Rose”. History and destiny*. (In Russ.) URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/zababurova-roman-o-roze.htm>. (accessed: 12.05.2018).
37. Dante, Alighieri (1967). *The New Life. Divine Comedy*. Translation from Italian by M. Lozinskij. Moscow: Hudozhestvennaja literature publ. (In Russ.)
38. Tynjanov, Ju.N. (1924). *The problem of poetic language*. Moskva: Academia publ. (In Russ.)
39. Solonicyna, M.N. *Lily as a symbol in European art and culture*. *Koncept*. 2015. Special issue № 18. (In Russ.) URL: <http://e-koncept.ru/2015/75262.html>. (accessed: 12.02.2018).

40. Gurevich, A.Ja. (1976). Popular theology and piety in Middle Ages. From the history of culture in Middle Ages and Renaissance. Moscow: Nauka publ. pp. 65—91. (In Russ.)
41. Hill, Thomas (1970). Number and Pattern in Lilja. *Journal of English and Germanic Philology*, 69 (4). 561—567. URL: <http://www.jstor.org/stable/27705928>.
42. Isländische Mariendichtung aus dem 14. Jahrhundert. (1884). Übersetzt und mit Einleitung versehen von Alexander Baumgartner. Freiburg im Breisgau: Herder.
43. Parshin, A.N. (2012/06/08). Cycles in Orthodoxy and natural science. (In Russ.) URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2609572.html>. (accessed: 09.05.2018).
44. Gajdenko, P.P. (2007). Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science. Moscow: Progress-Tradicija publ. (In Russ.)
45. Gordon, Ida L. (1961). Oral Tradition in the Sagas of Poets. In: *Studia contentalia in honorem memorie Benedikt S. Þórarinsson*. Ed. B.S. Benedikz. Reykjavík. pp. 69—76.

Для цитирования:

Огуречникова Н.Л. Метафора формы в «Лилии» (архитектоника исландской христианской драпы XIV века) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 505—535. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-505-535.

For citation:

Ogurechnikova, N.L. (2018). Metaphor of Form in „Lily“ (architectonics of Icelandic Fourteenth century Christian Drapa). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 505—535. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-505-535.

Сведения об авторе:

Огуречникова Наталия Львовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов (РУДН); *научные интересы*: язык и культура Исландии, историческая поэтика, история английского языка, теория грамматики; *e-mail*: ogurechnikowa@mail.ru.

Information about the author:

Nataliya L. Ogurechnikova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at „RUDN University“; *scientific interests*: the language and culture of Iceland; historical poetics, history of the English Language, theory of grammar; *e-mail*: ogurechnikowa@mail.ru

УДК: 81'367:821.111-1"653"
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-536-552

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ «ЗОЛОТОГО» СТИЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Ю.П. Вышенская

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
наб. реки Мойки, 48, к. 14, Санкт-Петербург, 191186

Данная статья посвящена проблеме исследования поэтического языка в ракурсе обретаемой им значимости под влиянием связей с грамматической тканью художественного произведения. Настоящая проблема рассматривается на примере феномена «золотого» стиля, характерного для произведений английской поэтической словесности. Синтаксические характеристики «золотого» стиля изучаются на текстовом материале куртуазных рыцарских поэм как наиболее репрезентативном.

Художественный стиль рассматривается как элемент триады «стиль — текст — дискурс», характер корреляционных связей между которыми оказывает влияние на компоненты стиля и нюансы их аранжировки.

В эпоху смены средневековья Возрождением наблюдается смена устных форм существования текста письменными, сопровождаемая взаимодействием форм книжной и устной речи.

Направление процесса формирования грамматической базы произведений английской словесности зрелого средневековья во многом определяют отношения синтаксиса рассматриваемой эпохи и возникших в результате набравшего в Европе гуманистического течения стилистических тенденций.

В рамках этих тенденций происходит замена античных риторик национальными риториками, ориентированными на латинские, французские и провансальские модели, чем обуславливается их подражательность, проявление которой заключается в одновременном использовании опыта как античных, так современных итальянских авторов (Данте, Боккаччо, Петрарка).

Ситуация в Англии рассматриваемого периода времени в полной мере отражает ситуацию в континентальной Европе, что сказывается, прежде всего, в характерном для итальянской гуманистической культуры стремлении к изысканности и утонченности стиля, обозначаемого термином “golden” или “aureate”, введенного в научный обиход Лидгейтом, синтаксический подъярус которого избирается в качестве предмета настоящего исследования.

Ключевые слова: дискурс, «золотой» стиль, модель, подражательность, поэтический синтаксис, художественный текст

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы по теории художественного стиля, основы которой были заложены в трудах академика В.В. Виноградова, в настоящее время остаются в центре исследовательского интереса, что связано с проникновением в переживаемую современным гуманистическим знанием эпохи интеграции наук элементов анализа дискурса в область традиционного стилистического анализа. Наложением триады «стиль — текст — дискурс», предложенной Е.А. Гончаровой [1. С. 10], на материал произведений средневековой словесности возможно переосмыслить процессы стилегенерации удаленного во времени периоды смены средневековья Возрождением, характеризуемого бурными процессами, имевшими место в социуме, языке, художественной литературе и литературе научно-теоретического характера.

Дискурс, понимаемый как совокупность различных факторов языковой и неязыковой природы, включая доминирующие и периферийные тенденции в социуме, литературе и научной мысли, и текст, фиксируемый на письме некоей связной последовательностью знаков [2. С. 9], фрагмент порождающей его реальной действительности, объединяются, по мысли Е.А. Гончаровой, стилем (модусом формулирования) текста [1. С. 10].

Специфика собственно исторически направленных стилистических изысканий, по настоянию В.В. Колесова, заключается в изучении становления и развития стилей средневекового языка на фоне нейтральной нормы и в связи с развитием системы языка, качественными преобразованиями в стилевом ряду языка [3. С. 18].

Диапазон стилей, возможных на любом этапе развития литературного языка, «укладывается в схему» из трех компонентов, в которой находят отражение различные сферы коммуникации, вытекающие, тем не менее, из «принципиальных установок самой системы языка: логичность — образность — эмоциональность, что подразумевает актуализацию на уровне текста, сменяемую жанром, завершаемую стилем» [3. С. 20].

Фактура и способ организации стиля художественного произведения неоднородна, многослойна, все слои этого феномена при этом оказывают эстетическое воздействие на эмоциональное состояние реципиента (читателя или слушателя), однако интенсивность этого воздействия представляет собой варьирующуюся величину. Стилистический ярус, образуемый синтаксическими стилистическими приемами и средствами, является предметом настоящего исследования, выполненного на материале английских куртуазных аллитеративных поэм, одного из наиболее репрезентативных литературных жанров рассматриваемого периода времени. Стиль художественного произведения изучается сквозь призму изменений в обществе, формирующемся национальным языке и создававшейся на нем литературе в анализируемую временную эпоху.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭПОХИ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Многие работы по изучению поэтического синтаксиса являют собой развитие мысли Р. Якобсона о зависимости действительной значимости поэтического языка от его грамматической ткани [4. С. 84], например, О.А. Лаптевой [5], Е.В. Литвиненко [6], Н.В. Патроевой [7], Z. Klemensiewicz [8].

Формирование грамматической основы стиля произведений английской словесности эпохи смены Средневековья Возрождением происходит в условиях мощного влияния процессов интенсивного взаимодействия синтаксиса Возрождения и стилистических тенденций, толчок к возникновению которых дало крепнущее в Европе гуманистическое течение [9. С. 183].

В условиях изменения формы бытования устных текстов — их фиксация на письме — особенно заметной становится функция стиля как связующего звена между текстом и дискурсом: способ существования текста, определяемого лучеобразным дискурсом, оказывает влияние на элементы, образующих в совокупности художественный стиль [10. С. 10].

Результатом независимых процессов возникновения письменной фиксации бытования текстов и взаимодействия форм книжной и устной речи является рождение нового качественного образования, некоего сплава отмеченных типов элементов. Тем очерчиваются перспективы стилистического характера для выражения различного по своей природе содержания (абстрактный, обобщенный, понимаемый как возвышенный и как сниженный) [11. С. 203].

Как отмечает В.Е. Хализев, доминанта мыслеопределяющей функции речи, среды ее абсолютного осуществления, — производная взаимосвязи речи и мышления, чем, в свою очередь обуславливается способность художественной литературы к широкому воссозданию процесса мышления людей в адекватной форме [12. С. 104].

Литература «в рамках устойчивых жанрово-стилистических форм ... эстетически значимых приемов и средств речеведения, которые являют собой характеристику самого жанра» [12. С. 107]. Иными словами, стиль текстов былин, исторических песен, сказок, эпических произведений хранит рудименты коллективного сознания, что предполагает отсутствие у «выразительная стороны высказываний» индивидуализированности [там же].

Благодаря условности поэтического языка литературный язык обретает устойчивость и внутреннее единство, характерные и важные для него качества. Согласно концепции литературности языка на начальном этапе его становления эти параметры формируются как категория «облагороженности», тем самым укрупняется ракурс собственно языковой проблемы нового литературного языка, то есть размежевание языка, используемого в литературных целях, и обыденного разноречия, представленного вариантом искусственной сублимации. Требования по благородству форм предьявлялись в лексико-семантической сфере, что включало также и фонетический рисунок слова, и синтаксис [13. С. 127].

В грамматическом строе литературного языка начального этапа становления обнаруживается гетерогенность с сопутствующей ей «известной множественностью проявлений, характер которых совершенно иной, чем у их аналогов на этапе более высокой эволюционной ступени» [5. С. 7]. Особыми чертами грамматического строя начального этапа развития является «нормативная неупорядоченность», связанная непосредственно с его территориально диалектным варьированием и одновременно «взаимодействием народной и иноязычной стихий» [там же].

Следствием письменной фиксации речи, по аналогии со всеми прочими вторичными по отношению к естественному языку системами, являет собой «усиление кода», то есть установление различий в сфере процессов формирования грамматической нормы и синтаксической организации, что ведет к упрощению системы, уменьшению вариативности форм, сопровождаемому единообразием. Синтаксическая организация способствует усложнению системы, качественному повышению вариативных конструкций и прочих средств синтаксической природы для выражения одного и того же смысла. По установлении грамматической нормы более дифференциальных отношений в парадигматическом плане и увеличением взаимодействия их элементов в синтагматическом плане язык переходит в фазу более высокого развития, обретает гибкость. Фонд средств выражения обогаща-

ется, тем не менее, обязательной силы жестких законов установленные отношения не обладают [13. С. 137].

Необходимая для формирования стиля стабильность норм имеет универсальный характер, поскольку XIV—XV-й вв., эпоха Возрождения в Европе, — это и время выбора характера языковой стабильности.

Самый процесс взаимодействия включает, как пишет Л.Г. Степанова, «особую обработку и планомерную перестройку» разговорного узуса, который по прохождении этих процедур превращается в фон, наделенный способностью и способствующий формировать *usus scribendi* [13. С. 138].

В эпоху зрелого Средневековья в сфере регламентирующих правил, подчиняющих себе поэтический язык (стиль), возникающий как следствие преобразования языка естественного, происходит смена доминирующих античных риторик руководствами подобного рода на национальных языках.

На этапе формирования литератур на нарождающихся национальных языках важная роль ориентиров принадлежит латинским, французским и провансальским моделям, тем обусловливается феномен подражательности, отличительной черты европейских национальных литератур в рассматриваемую эпоху, в том числе и английской.

Английские авторы, подобно авторам континентальной Европы, обращались, согласно традиции, к опыту античных, но одновременно и современных итальянских авторов (Данте, Боккаччо, Петрарка), заимствуя, подражая и преобразовывая найденные ими стилистические решения и ходы.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ «ЗОЛОТОГО» СТИЛЯ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В английской интеллектуально-писательской среде крепнет перенятая у итальянской гуманистической культуры тенденция, суть которой заключается, прежде всего, в стремлении к изысканности и утонченности стиля, для обозначения которого Лидгейтом был введен термин «golden» или «aureate» («золотой»).

Следует отметить, что заимствованное стремление на Британских островах сочеталось с приверженностью национальным стилистическим традициям, сформировавшимся в англо-саксонском стихосложении.

В том находит проявление отмеченная П. Дронке специфика, отличающая произведения и стилистическую манеру представителей творческого содружества поэтов скальдов, типичную для ареала распространения германских языков, сложившихся в раннее Средневековье. Согласно стилистической традиции, бытовавшей в культуре древнегерманских, прежде всего древнескандинавских поэтов, версификация основывается на сочетании уже сформировавшихся к тому времени стилистических предпочтений, что включает комбинирование местных наречий с латынью, языческих представлений с христианскими, светского с религиозным, устного с письменным [14. С. 22].

В том видится раскрытие своеобразия британской этнической модификации ситуации билингвизма, которая типична для социумов, в которых сосуществуют два и более языка, что характерно для европейских стран эпохи Средневековья.

Их использование, как указывает Х. Хок, сравнимо с использованием различных социо- и региональных диалектов в монолингвальном социуме [15. С. 492].

Стилизация под эпические произведения наблюдается в использовании синтаксических стилистических приемов, в основу которых положен принцип повторяемости. Таково, например, использование полисиндетона, представленного многократным анафорическим повторением союза *and*.

Очевидность стилистической родственности германского соединительного элемента *and* и романского соединителя *et*, «надбавок к естественному изложению», находит проявление в особенности их функционирования, что, как указывает Л.Г. Степанова, означает парадоксальную контаминацию интонационной сегментации текста с объединением составляющих текст частей в единое целое, благодаря чему достигается эффект изображения многого как единое. Сущность этого приема формирования цельной текстовой структуры, принадлежащей к нанизывающему типу, сводится к «воспроизведению основного структурообразующего принципа, который лежит в основе исходного сегмента, а также в сочетании идентичных средств связи, иначе пограничных элементов» [13. С. 138].

Отмеченный тип стиля формируется во времена античности и получает детальное освещение в трудах Аристотеля, согласно трактовке которого данное явление представляет собой универсальный способ повествования на раннем этапе складывания литературы, характеризуемый «беспредельностью», его основным качеством, что отличает его от «„сплетенного“» стиля, складываемого из периодов, текстовых отрезков, обладающих началом и концом, как и хорошо обозримой протяженностью» [там же].

Параллели прослеживаются также в траекториях развития этих стилевых разновидностей. Одна из них обладает количественной природой и сводится к увеличению количества повторов. Качественная сущность другой из них предполагает усложнение структуры повторяемого фрагмента [13. С. 142].

Ситуация в германских языках во многом схожа с ситуацией, сложившейся в странах романской речи, что получает описание в исследовании В.Г. Адмони. Для количественного пути развития вводится термин «разрыхление» (*Auflockerung*), что подразумевает «массовый отход от рамочной конструкции, широкое обращение к обособлению и парантезе (вставному предложению или компоненту предложения), что вызвано возрастающим воздействием на литературный язык форм разговорно-обиходной речи» [16. С. 162].

Отмеченный феномен представлен в тексте поэмы «Lay le Freine»:

We redeth oft and finfeth ywrite — / And this clerkes wele it wite — / Layes that ben in harping / Ben yfounde of ferli thing. / Sum bethe of wer and sum of wo, / And sum of joie and mirthe also, / And sum of trecherie and of gile, / Of aventours that fel while; / And sum of bourdes and ribaudy, / And mani ther beth of fairy. / Of al thinges that men seth, / Mest o love for soothe thai beth, / In Breteyne bi hold time / This layes were wrought, so seith this rime [19].

(Нам хорошо известно из сказаний и книг, / О том знают и писцы, что лэ, / сопровождаемые игрой на арфе, / полны описаний чудесных событий. / В одних повествуется о войнах и печалях, / в других — о радости и веселье, предательстве, злодея-

ниях, / приключениях, разбойниках, дурных людях. / Во многих рассказывается о волшебстве, / О виденном людьми, но большинство из них / посвящено истинной любви. / Лэ слагались в Бретани, откуда пришло и это [перевод наш — Ю.В.].

В цитируемом фрагменте отчетливо наблюдается созвездие разнообразных соединительных элементов, в первую очередь, использование отмеченного выше соединительного элемента *and*, вынесенного в открывающую позицию в рифмующихся строчках по принципу анафорического повтора, чередующегося с повтором предлога *of* на основе того же принципа.

Повторение отмеченных соединительных элементов внутри строк препятствует возникновению эффекта монотонности, сообщает стилю большой динамизм и живость, характерные для разговорной речи.

Сочетанием разных видов повторов достигается цельность всего рассматриваемого поэтического фрагмента с одновременным усложнением синтаксического узора текстовой ткани, что совместно с поддержкой на фонетических стилистических ярусах аллитерирующими согласными придает особую напевность и мелодику. В том видится связь синтаксической организации поэтического средневекового текста эпохи перехода от устной формы бытования к форме, фиксированной письмом, от текста более древнего периода формы устного существования, эпохи мощного влияния интонации, значение которой в разговорной речи было велико, на синтаксис создаваемого произведения словесного творчества. Лаконичность и легкость стиля напоминает о генетическом родстве анализируемых аллитеративных куртуазных поэм и лэ и произведений устного народного творчества.

Благодаря этому усиливается связь с эпическими произведениями не только в композиционно-организационном, но и репрезентационном плане: средневековые поэмы, как известно, предназначались для публичного исполнения под музыкальный инструмент, чаще всего арфу, столь любимую средневековыми менестрелями, упоминаемую в тексте: *layes that ben in harping*.

Следует отметить, что в повторы вовлекаются не только отмеченные служебные части речи, но также и, например, местоимения. Так, определенное местоимение *sum* выступает начальным звеном цепочки элементов существительных, обозначающих темы популярных лэ, объединенных в синонимические пары: *sum bethe of wer and sum of wo*; *sum of joie and mirthe*; *sum of trecherie and of gile*; *sum of bourdes and ribaudy*, еще одну характерную для стилистического оформления эпического текста черту. По исчерпанию тематического перечня элемент *sum* заменяется прилагательным *mani*: *mani ther beth of fairy*, сменяемый в последующей строчке своей формой в превосходной степени *mest* в комбинации с существительным *love*, главной темы жанра лэ, повествующем о любви: *mest o love for soothe thai beth*.

Превосходная степень *mest*, обрамляемая двумя инверсиями *of al thinges* и *in Breteyne bi hold time this layes were wrought*, привлекает внимание читателя или слушателя, нарушая вызванную перечислением монотонность, что способствует созданию эффекта ожидания, который можно определить антонимичным приня-

тому в стилистике декодирования термином «оправданного», что продиктовано искусственностью внимающей аудитории, подготавливая ее таким образом к дальнейшему ходу событий.

Фрагмент традиционно завершается инвертированным порядком слов *so seith this rime*, благодаря чему звучание отрывка обретает особую торжественность.

Феномен «разрыхления», отмечаемый М. Шлаух, наблюдается в области комбинации придаточного предложения с определяемым им существительным, осложняемой включением разнообразных видов парантезы. Наиболее часто употребляемым соединителем выступает в этих случаях местоимение *that*. Практика использования указательного местоимения *that* в функции соединительного элемента возникла задолго до XV-го в. В тот период времени допускалось сочетание местоимения этого разряда с последующим за ним усилительным личным местоимением, что в языке на современном этапе развития считается избыточным [17. С. 56].

Согласно сложившейся исследовательской традиции самая насыщенность текста союзом *Pat* рассматривается как несовершенство стиля: «неповоротливости», плеонастичности, неуклюжести, своего рода лишнего смысла заполнителя (*filler*), метрической уловкой, либо как рудимент устного стиля эпохи коллективного творчества [18. С. 73].

В отечественной научной среде на эту деталь также обращает внимание Л.Г. Степанова, указывая, что некую синтаксическую монотонность, отмечаемую в приведенных цитатах, как и повторение сходных либо тождественных по структуре «грамматических конструкций, оборотов и выражений на довольно протяженном участке текста», следует воспринимать как закономерность обязательного характера, присущую начальному этапу возникновения письменности [13. С. 138].

Пример подобного рода зафиксирован в текстовом материале аллитеративной поэмы «*Sir Gawain and the Grene Knight*»: *he Pat wan watz not wrothe, Pat may ge wel trawe* [20. С. 18].

Процитированная строчка являет собой одну из деталей описания сцены праздничных игр при дворе легендарного короля Артура, приводимой ниже:

And syþen riche forth runnen to reche hondeselle, / Geged gers — giftes on hig, gelde hem bi hond, / Debated busily aboute Po geftes; / Ladies lages ful loude, Pog Pay lost haden, / And he Pat wan watz not wrothe, Pat may ge wel trawe. / Alle Bis morþe Pay maken to þe mete tyme; / When Pay had washen worþyty Pay wenten to sete, / Þe best burne ay abof, as hit best semed / [Sir Gawain and the Grene Knight 2006: 18].

(Меж тем о подарках вспомнить пора настала / Все непременно шутили, дары вручая, — / Ладони сжав, восклицали: «А ну, в которой!»; / Дамы, игру затеяв, звонко смеялись, / Здесь выиграть иль проиграть — все весело было. / Так время препроводили, день от обеда, / Затем, умывшись, степенно к столам подходили. / Почетные гости вверху, прилично чину [20. С. 19].

В этом отрывке подчинительный тип связи, представленный союзом *Pat*, комбинируется с уже проанализированным ранее сочинительным союзом *and*, расставленным на открывающие строчки позиции по принципу нерегулярного повтора. В целом, комплекс отмеченной с современной точки зрения избыточностью

и нерегулярностью соединительного элемента *and* сообщает поэтическому фрагменту особый, неповторимый ритм, характерный для эпической поэзии, узнаваемый слушающей аудиторией.

Ориентация на латинские образцы обусловливается отсутствием должной степени оформленности модели-эталона, иными словами, национальной языковой нормы или стандарта. Тем, по замечанию М. Шлаух, объясняются некоторые сложности, которые возникают в среде образованных писателей в случае необходимости конструирования сложного предложения [17. С. 56], или, в терминологии А.И. Смирницкого, создания «формулы предложения» [21. С. 36].

Д. Лайтфут, сторонник подобной точки зрения в англоязычной научной среде, расширяет в своих работах спектр причин отмеченной «неловкости», обращая внимание на недостаточность разработанности регламентирующих правил, в частности, в сфере теоретических построений, допускающих нарушения закономерностей построения предложения (*ungrammatical sentence*) или его синтаксической формулы, в стилистических целях. Во многом эти особенности формируются под влиянием разговорной речи, что определяет интерес к текстам, репрезентирующим различные диалекты, представленные в эпистолярном и драматическом жанрах. Примером стилистического нарушения формулы предложения можно считать воссоздание архаических структур либо следование модели иноязычной конструкции [22. С. 5] [Ср., 23. С. 294].

Процесс создания «формулы предложения» У. Кэкстоном, издателем сэра Т. Мэлори, характеризуется экспериментальностью характера и творческим подходом к описываемому феномену. Тем не менее, в целом, найденным им стилистическим решениям присущи известная неуверенность, неготовность и неспособность преодолеть латинское влияние, столь сильное в куртуазной литературе XV-го в. Ориентация на латинские риторические образцы находит проявление в подражании классическому стилю, иными словами, использовании набора определенных немногочисленных стилистических приемов для достижения желаемого эффекта, который включает абсолютную конструкцию, вставки распространенных определителей, инверсию членов предложения.

Согласно сформировавшейся традиции, эксперименты национальных авторов в области стилепорождения связаны с интересом к подобным феноменам в латыни, языке риторических трактатов, в которых регламентировались методики создания художественного языка, обязательных как для начинающих, так и опытных представителей творческого поэтического содружества.

Изысканный стиль рафинированной литературы XV-го в. — результат обращения к опыту авторов античности, в частности, излюбленным ими синтаксическим конструкциям.

Конструкции на национальном языке, своеобразная реплика на латинские образцы, их имитация, возникают уже в древнеанглийский период развития языка, подвергаясь в среднеанглийский период некоторой адаптации.

Первый прием — подражание латинской конструкции *ablative absolute*, которая в результате адаптации в древнеанглийском языке превращается в кон-

струкцию *dative absolute*. В последующий среднеанглийский период, вследствие повсеместной утраты окончаний, она обретает вид номинативной абсолютной конструкции.

Второй прием репрезентирован вставками довольно распространенных определителей, представленных причастными конструкциями, которые, следуя за подлежащим, нарушают тем самым его естественное единство со сказуемым [17. С. 59].

Инверсия членов предложения — третий вид приема, используемого для достижения ритмического эффекта, вовлекаемые в него члены предложения могут быть либо распространенными, либо нераспространенными [17. С. 59].

Описываемые М. Шлаух параметры фиксируются в тексте поэмы “*Sir Gawain and the Grene Knight*”:

The knight of grene chapel men knowen me mony; / Forþe me for to fynde if þou fraysteþ, faylez þou neuer. / Before com, oþer recreaunt be calde þe behoues / With a runish rout þe he torneþ, / Halled out at þe hal dor, his here in his hande, / That þe fyr of þe flynt flage fro fole house. / To quat kyth he becom knewe non þere, / Neuer more þen þay wyste from queþen fre watz wonnen, / What þenne? [20. С. 38].

(«Я, Рыцарь Зеленой Часовни, известен многим; / Коль станешь усердно искать, не проскачешь мимо, / Предстань же или позором себя покроешь». / Затем повернулся круто, поводья тронул / И выехал вон, свой разум рукам доверив, / И сыпались из-под копыт пыль да искры. / В каких краях его дом, никто не ведал — / Откуда явился — о том не обронил он / ни слова» [20. С. 38].)

Упомянутая выше абсолютная конструкция представлена примером *his here in his hande*. Благодаря вкраплениям в текстовую ткань такого рода конструкций стилю сообщается сжатость, лаконичность, ритму повествования — большая динамичность, упругость.

В этом же фрагменте наблюдается инверсированный порядок слов: цитата открывается предложным дополнением *knight of grene chapel*. Вынесение этих приемов в «сильную» позицию способствует фиксации внимания реципиента-читателя, его удерживанию, что создает эффект «оправданного» ожидания, о котором речь шла ранее. Ряд примеров нарушения обычного порядка слов продолжает предложные дополнения *þat þe fyr, to quat kyt*.

Феномен подобного рода зафиксирован в тексте еще одной куртуазной рыцарской поэмы «*The Erl of Toulous*»:

Of hys comyng hys men were gladde. / “Be ye merry, my men”, he bade, / “For nothing ye spare; / The Emperour, wythowte lees, / Y trowe, wyll let us be in pees. / And warre on us no mare”. / Thus dwelled the Erle in that place / With game, myrth, and grete solase, / Ryght os hym levyst ware [28].

(Придворные обрадовались его возвращению. / «Возвеселитесь, друзья мои», — обратился он к ним, / — «ибо жалеть вам не о чем. / Император, лишенный свободы и доверия, / не сможет помешать нам». / Итак, граф обосновался в том дворце, / предаваясь играм, / увеселениям и удовольствиям [перевод наш — Ю.В.].)

Приведенная цитата примечательна не только наличием рассмотренных выше синтаксических стилистических феноменов, которые образуют набор постоянных примет-параметров «золотого» стиля, но также и природой образующих эти конструкции элементов. В этом отношении представляют интерес завершающие цитату строчки:

With game, myrth, and grete solase,
Ryght os hym levyst ware.

Предложная абсолютная конструкция, заключительный аккорд цитаты, содержит абстрактные субстантивы (*myrth, solase*), которые можно рассматривать как примеры «горячих» слов. Этот термин в работах О.А. Смирницкой используется для обозначения основных понятий алфавита германского словесно-художественной культуры древнего этапа [24. С. 200]. В данном случае примером такой культуры выступает куртуазная культура, «веселая наука» трубадуров, в рамках которой нашла отражение доктрина куртуазной любви, сообразно которой регламентировались отношения рыцаря и избранной им дамы. К положениям этой доктрины обращались также при вынесении решений на популярных в средневековой Европе при дворах владетельных сеньоров судах любви.

На Британские острова, как известно, эта традиция проникла вследствие различных причин, в том числе и политического характера, одна из которых, — брак английского короля Генриха с герцогиней Аквитанской, Алиенорой. Личность этой легендарной женщины считают идеальным воплощением образа Донны, центрального в номенклатуре образов куртуазного универсума. Гильельм, герцог Аквитанский и ее дед, внесший значительный вклад в политическую и культурную жизнь современной ему Европы, вошел в историю и как первый трубадур, в не малой степени способствуя развитию и распространению куртуазной культуры. Средоточием этой культуры стала столица графства Тулузского, центр политической, научной и культурной жизни просвещенного Юга. Ко времени создания поэмы этот город утратил присущее ему некогда величие и блеск, тем не менее, воспоминания о них сохранили песни трубадуров, которые после разрушительных продолжительных альбигойских войн, уничтоживших утонченно-изысканную цивилизацию Лангедока и Прованса, рассеялись по Европе. Однако, как тому свидетельствуют документы и словесно-художественные произведения, их творчество продолжало оказывать влияние на ход последующего художественно-стилистического развития, в том числе и куртуазного жанра.

Посредством немногочисленных скупых, отличающихся яркостью штрихов, создается атмосфера праздника, радости, веселья и беззаботности, царящая во дворце графа эпохи расцвета «розового» города, любимого герцогиней Алиенорой.

Примерами стилевых распространителей или «разрыхлителей» в сочетании с инверсированным порядком слов, репрезентированным вынесением предложного определения перед подлежащим, изобилует еще одна цитата из анализируемой поэмы:

Thys Emperour had a wyfe, / The fairest oon that evyr bare lyfe / Save Mary mekyll
of might / And therto gode in all thyng, / Of almesdede and gode berynge, / Be day and
eke be nyght; / Of hyr body sche was trewe / As evyr was lady that man knewe [28].

(Император тот был женат на, / прекраснейшей и достойнейшей из женщин. / Только Пресвятой Деве Марии / уступала она в благочестии, / денно и ночью занималась она делами милосердия) [перевод наш — Ю.В.].

Прочитированный выше текстовый фрагмент представляет собой описание супруги императора, в основу композиции которого положено «нанизывание» характеристик «разрыхлителей», именных словосочетаний, субстантивные или адъективные компоненты которых скрепляются предлогом *of*. Представленная цитата наглядно иллюстрирует стилистическую сущность подобного рода словосочетаний, которая, по выводам А.С. Микоян и С.Т. Тер-Минасовой, заключается в «создании яркого, живого портрета персонажа», их повторяемость способствует «узнаваемости персонажа в каждом новом описании» [25. С. 110].

Очевидна диспропорция в распределении характеристик венценосной героини с явным превалированием свидетельств красоты ее внутреннего мира, кротости нрава, делам милосердия.

Таково назначение аллюзии на добродетельность Девы Марии *save Mary mekyll of myght*, в чем усматривается амбивалентность образа Донны в куртуазной лирической поэзии.

Емкая клише-гипербола *the fairest oon that evyr bare lyfe* являет собой единственный и единственный пример-деталь, которая дает представление о внешности персонажа.

Введение в стилевой узор поэмы на типичный куртуазный сюжет привычного для германской аудитории приема аллитерации в различных ее разновидностях являет собой еще один вариант преобразования континентальной традиции стихосложения, что в соединении с наблюдениями И.Г. Матюшиной соответствует общей тенденции, сложившейся в странах распространения северных и западных германских языков [26. С. 135].

Согласные, как нетрудно заметить, расставлены по аллитерирующим позициям не только в рамках одной строки, но и в следующих друг за другом строчках: d — d, b — b, а также через строчку: m — m, что придает особый ритм стиховому фрагменту, плавность ходу повествования.

Схожесть структур, в основу которых положен принцип инверсии, упоминаемой М. Шлаух, открывающей и закрывающей фраз *that evyr bare lyfe ... As evyr was lady that man knewe*, позволяет рассматривать данный фрагмент как разновидность рамочной конструкции. Использование этого синтаксического стилистического приема в сочетании с инверсией придает всему отрезку завершенность, целостность, естественно обусловленную паузу, предназначенную для размышления над изложенным и подготовки к новому витку повествования.

Отмеченный вариант инверсии не является единственным вариантом использования ее в портретном описании. Вынесением дополнения на не свойственное ему место в предложении препозиции по отношению к подлежащему *of hyr body sche was trewe* осуществляется фиксация внимания читателя.

Идентичность модели с предлогом *of* также обуславливает возникновение ритма поэмы, создания одновременно иллюзии синтаксического тождества: *of hyr body sche was trewe* и *of almesdede and gode berynge*.

Рассматриваемые примеры относятся к примерам XIV-го в., когда язык среднеанглийской поэзии, вероятно, был ближе к разговорному варианту английского языка того периода, чем язык древнеанглийской поэзии. С другой стороны, очевидна разница между поэтическим языком XIV-го и XV-го вв., когда сформировавшиеся литературные нормы отличаются от норм повседневного общения.

Гипербатон — фигура речи, чей стилистический эффект состоит в намеренном нарушении обычного синтаксического порядка, в особенности в изменении в предложении позиции сказуемого [27. С. 26], которая неоднократно встречается в тексте аллитеративных куртуазных поэм и лэ, что дает основание включить ее в перечень синтаксических примет-характеристик «золотого» стиля, заслуживает особого внимания.

Выделенный стилистический прием используется для обозначения действий или готовности к их совершению:

Sone were they bothe redy, / Gawen and the Kyng, witterly [29].

(Вскоре оба были готовы, / Гавейн и король) [перевод наш — Ю.В.].

Примеры использования этого приема в описаниях позволяют говорить об универсальности его характера:

In her lyf she grevyd hym nevere / Therfor was nevere woman to hym lever / Thus leves my talking. / She was the fayrest Lady of alle Englund, / When she was on the lyve, I understand; / So sayd Arthoure the Kyng [29].

(Никогда не доставляла она ему огорчений, / потому никогда не обращал он внимания на других женщин. / Так повествует мой рассказ. / Она была прекраснейшей леди в Англии, / Таковы слова короля Артура) [перевод наш — Ю.В.].

Выстраивание процитированного стихотворного фрагмента осуществляется с опорой на комбинации различных видов инверсии, прежде всего упомянутый выше гипербатон.

Следует отметить, что адресная аудитория аллитеративных рыцарских поэм на Британских островах отличалась от континентальной, что обусловлено рядом причин, связанных с особенностями истории. Присущий ей высокий уровень образованности без труда позволял опознавать и атрибутировать те или иные черты стиля, предполагаемые канонами куртуазного жанра, что превращало литературный текст в источник интеллектуально-эстетического удовольствия.

Людический (игровой) подход, характерный для средневекового мировидения, проявляется в достаточно свободном обращении с языковым материалом, вследствие этого «поэтические нарушения» привычных схем аранжировки языковых элементов переходят в статус примет-маркеров стиля лучших мастеров поэтического цеха. В том видится преемственность английской культурой провансальской куртуазной культуры, созданной трубадурами французского Юга.

Размещенные в конце укороченных строк гипербатоны способствуют созданию некоторой паузы, что можно рассматривать в качестве аргумента в пользу предлагаемого мнения об устном исполнении произведений литературы. Образующаяся пауза давала слушателю возможность осмыслить услышанное, а чтецу или певцу-исполнителю — восстановить дыхание.

Комибинирование с параллельными конструкциями *she was the fayrest Lady of alle Englond* и *she was on the lyve* [выделено мною — Ю.В.] позволяет избежать монотонности, сопутствующей языку на ранней стадии своего существования. Придаточное времени *when she was on the lyve* можно включить в спектр средств квази-амплификации, оно практически ничего не добавляет к образу леди Рагнеллы, являя собой дубликат элементов-клише из набора обязательных характеристик героини куртуазного романа, разработанного в соответствии с куртуазным кодексом служения Даме.

В число «разрыхлителей» можно включить предикативное словосочетание *I understand*, еще одно свидетельство предназначенности алитеративных рыцарских поэм для публичного исполнения, но одновременно возможное для интерпретации как средства создания иллюзии достоверности повествуемых событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ иллюстративного материала поэтических текстов английской средневековой словесности демонстрирует плодотворность сочетания традиционных методов стилистического анализа с элементами анализа дискурса для исследований в области исторической стилистики, в частности, круга вопросов, связанных с изучением процессов генерирования стиля произведений художественной словесности (поэтического языка), представленного созданием грамматической (синтаксической) основы литературного текста. Текстовый материал аллитеративных куртуазных поэм, одного из наиболее популярных жанров литературах средневековой Европы, претерпевающий значительные изменения как отражение изменений в средневековой социально-культурной среде эпохи смены средневековья эпохой Возрождения, предоставляет возможность выявить характер корреляционных отношений синтаксиса, развивающегося в эпоху изменения формы бытования художественных текстов, которая тесным образом связана со стилистическими тенденциями в гуманистической Европе. Одновременная обращенность означенной тенденции в области риторического знания к авторитетам прошлого и набирающей силу науке о языке способствует появлению новых стилистических рекомендаций на национальных языках, характерной чертой которых является подражательность, что подразумевает заимствование стилистических ходов, находок и решений выдающихся мастеров в области словесно-художественного творчества, прежде всего из гуманистической Италии. В силу отсутствия сформировавшихся языковых норм и научных представлений в качестве моделей-эталонов выступает канонический античный образец. Благодаря причинам экстралингвистического характера, обусловившим сам факт появления жанра куртуазного рыцарского романа в английской литературе, английские авторы расширили перечень стилистических эталонов расширяется за счет включения в него также и провансальских моделей стиля, атрибутируемых образованной подготовленной аудиторией. Немаловажная роль отводится также литературному творчеству признанных мастеров гуманистической Италии. В английской литературной среде, усвоившей изысканность итальянской гуманистической культуры,

возникает стиль “aureate”, своеобразие которого заключается в наложении латинских конструкций на материал интенсивно развивающегося национального языка. Одновременно в Англии формируется тенденция к поддержанию и сохранению, в частично скорректированном виде, традиционных эпических приемов, характерных для европейского ареала распространения германских языков.

© Ю.П. Вышенская

Дата поступления: 20.05.2018

Дата приема в печать: 6.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончарова Е.А. Текст — дискурс — стиль как когнитивное, коммуникативное и интерпретационное триединство // Текст — дискурс — стиль в современной этнокультуре Германии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 10—34.
2. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М.: Издательство АСТ, 2000. (На англ. яз.).
3. Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: ПетрГУ, 1990. С. 16—37.
4. Якобсон Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 80—98.
5. Лантева О.А. О влиянии функционального расслоения литературного языка на его грамматику // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 5—24.
6. Литвиненко Е.В. Парцеллированные члены предложения в испанском языке XV—XX веков // Члены предложения и классы слов в романских и германских языках. Л.: ЛГПИ, 1983. С. 79—87.
7. Патроева Н.В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002.
8. Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S. Gramatyka Historyczna Języka Polskiego. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1955.
9. Раевская М.М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI—XVII вв.) М.: Ком Книга, 2006.
10. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб.: Алетейя, 2003.
11. Сапрыкина О.А. Язык и словесное творчество средневековой Португалии. М.: КРАСАНД, 2010.
12. Хализев В.Е. Речь как предмет художественного изображения // Литературные направления и стили. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 101—115.
13. Степанова Л.Г. Наблюдения над синтаксисом раннеитальянской прозы // Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. Л.: Наука, Лен. отделение, 1982. С. 124—159.
14. Dronke P. Latin and Vernacular Poets of the Middle Ages. Varioreem, 1991.
15. Hock H.H. Principles of Historical Linguistics. Berlin; New-York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1991.
16. Адмони В.Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л.: Наука, 1966.
17. Schlauch M. The English Language in Modern Times (since 1400). Warszawa & London: PWN — Polish Scientific Publishers; Oxford University Press, 1964.
18. Brinton L.J. Episode Boundary Markers in Old English Discourse // Historical linguistics 1989. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. pp. 73—91.

19. La Freine URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-lay-la-freine> (accessed: 15.10. 2017).
20. «Сэр Гавейн и „Зеленый рыцарь“» // «Сэр Гавейн и „Зеленый рыцарь“». М.: Аграф, 2006. С. 15—153.
21. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
22. *Lightfoot D.* Principles of diachronic syntax (Cambridge studies in linguistics; 23). Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
23. *Ingarden R.* Das Literarische Kunstwerk. Eine Untersuchung aus dem Grunzgebiet der Ontologie, Logik und Literaturwissenschaft. Max Niemayer Verlag / Halle (Saale), 1931.
24. *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. С. 171—233.
25. *Микоян А.С., Тер-Минасова С.Г.* Малый синтаксис как средство разграничения стилей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
26. *Матюшина И.Г.* Об особенностях рыцарского стиля // Стили в литературах средневековой Европы. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 122—165.
27. *Задорнова В.Я.* Стилистика английского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
28. The Erl of Toulous. Режим доступа: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-erl-of-toulous>. (дата обращения: 15.10. 2017).
29. The Erl of Toulous. Режим доступа: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-erl-of-toulous>. (дата обращения: 15.10. 2017).

УДК: 81'367:821.111-1"653"

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-536-552

SYNTACTIC MARKERS OF THE “AUREATE” STYLE OF THE ENGLISH MEDIEVAL POETRY

Yuliya P. Vyshenskaya

Herzen State Pedagogical University

48, block 14, the Moika Embankment, St.-Petersburg, Russia, 191186

Abstract. The article concerns the matter of investigating the poetic language phenomenon the value of which is acquired as a result of the influence of relations with the work of literature grammar basis. The problem under study is solved on the “golden” style phenomenon proper to the medieval English poetry. Courtois chivalric poems textual material is taken as an illustrative source as a most representative to research peculiarities of the “aureate” style.

The “belles-lettres” style is considered as an element of the model “style — text — discourse”, the character of their interrelations making influence on the style components as well as the nuances of their combination.

The epoch of changing the Middle Ages by the Renaissance is marked by the simultaneous changing the oral forms of the text existing by written ones accompanied by interacting of the oral and written forms of the bookish and oral speech.

The character of the process of the work of literature grammar basis forming during the period of the late Middle Ages is under the influence of the process of the epoch under consideration and stylish tendencies caused by humanistic direction which intensified in Europe at time.

Within the scope of the tendency classical rhetoric guides are replaced by national ones. The latter oriented to Latin, French and Provençal patterns. This fact induced their emulative character that can be observed in he tendency to use the experience of both classical and modern Italian writers (Dante, Boccaccio, Petrarca).

The situation in England of the time concerned reflects the one in continental Europe which is manifested first of all in the tendency proper to the Italian humanistic art to elaborate and refine style known as “aureate” or “golden”, the term introduced into scientific circulation by Lydgate. The syntactic layer of the phenomenon is served as a subject of the present study.

Key words: discours, “golden” style, pattern, emulation, poetical syntax, belles-lettres text

REFERENCES

1. Gontscharova, Y.A. (2012). Text — Discourse — Style as Cognitive, Communicative and Interpretative Trinity In *Text — Discourse — Style in Modern German ethnoculture*. Saint Petersburg: Herzen State University Publ. pp. 10— 34. (In Russ.).
2. Screbnev, Yu.M. (2000). Basics of English Stylistics. Moscow: AST Publ. (In English).
3. Kolessov, V.V. (1990). General Notions of Historic Stylistics In *Russian Historic Stylistics*. Petozavodsk: Petozavodsk State University Publ. pp. 16—37. (In Russ.).
4. Yacobson, R. (1987). Poetic Issues. Postscriptum to the Book of the Same name In *Poetic Works*. Moscow: Progress publ. pp. 80—98. (In Russ.).
5. Lapteva, O.A. (1976). Literary Language’s Functional Differentiation Influence on Its Grsmmar In *Syntax and Stylistics*. Moscow: Nauka publ. pp. 5—24. (In Russ.).
6. Litvinenko, Y.V. (1983). Parcelled Parts of a Sentence in the Spanish Language of the XV—XX centuries In *Parts of a Sentence and Words Classes in Roman and German Language*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute publ. pp. 79—87. (In Russ.).
7. Patroyeva, N.V. (2002). Poetical syntax: the Category of Complicating. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ. (In Russ.).
8. Klemensiewicz, Z., Lehr-Splawiński, T. & Urbańczyk, S. (1955). Gramatyka Historyczna Języka Polskiego. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
9. Rayevskaya, M.M. (2006). Spanish Linguistic Consciousness during the period of the Golden Age (XVI— XVII centuries). Moscow: KomKniga publ. (In Russ.).
10. Zumthor, P. (2003). Essays in Medieval Poetics. Saint Petersburg: Aleteya publ. (In Russ.).
11. Saprykina, O.A. (2010). Language and Literature in Medieval Portugal. Moscow: KPASANHD publ. (In Russ.).
12. Khalizev, V.Y. (1976). Speech as a Subject of Artistic Portraying In *Literary Directions and Styles*. Moscow: Moscow State University publ. pp. 101—115. (In Russ.).
13. Stepanova, L.G. (1982). Some Observations over Syntax of the Medieval Italian Prose In *Syntactic Peculiarities of Literary Languages at Early Stages of Their Forming*. Leningrad: Nauka. Leningrad Department publ. pp. 124—159. (In Russ.).
14. Dronke, P. (1991). Latin and Vernacular Poets of the Middle Ages. Varioreem.
15. Hock, H.H. (1991). Principles of Historical Linguistics. Berlin; New-York; Amsterdam: Mouton de Gruyter.
16. Admoni, V.G. (1966). The Development of the Sentence Structure during the Period of the German National Language Forming. Leningrad: Nauka. Leningrad Department publ. (In Russ.).
17. Schlauch, M. (1964). The English Language in Modern Times (since 1400). Warszawa & London: PWN — Polish Scientific Publishers; Oxford University Press.
18. Brinton, L.J. (1993). Episode Boundary Markers in Old English Discourse In *Historical linguistics 1989*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 73—91.
19. La Freine URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-lay-la-freine> (accessed: 15.10. 2017).
20. Sir Gawain and the Green Knight (2006) // Sir Gawain and the Green Knight. Trans. From English N. Reznikova. Moscow: Agraf publ. 15—153. (In Russ.).
21. Smiritsky, A.I. (2009). English Syntax. Moscow: Book House LIBROKOM publ. (In Russ.).
22. Lightfoot, D. (1979). Principles of diachronic syntax (Cambridge studies in linguistics; 23). Cambridge: Cambridge University Press.

23. Ingarden, R. (1931). *Das Literarische Kunstwerk. Eine Untersuchung aus dem Grunzgebiet der Ontologie, Logik und Literaturwissenschaft*. Max Niemayer Verlag / Halle (Saale).
24. Smirnitskaya, O.A. (1982). Poetic Art of Anglo-Saxes In *Old English Poetry*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
25. Mikhoyan, A.S. & Ter-Minassova, S.G. (1981). Microsyntax as a Means of Style Differentiation. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
26. Matyushina, I.G. (2016). Peculiarities of the Chivalric Style In *Styles in Medieval European Literatures*. Moscow: Nauka publ. pp. 122—165. (In Russ.).
27. Zadornova, V.Y. (1986). *English Stylistics*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
28. The Erl of Toulous. URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-erl-of-toulous>. (accessed: 15.10. 2017).
29. The Erl of Toulous. URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-erl-of-toulous>. (accessed: 15.10. 2017).

Для цитирования:

Вышенская Ю.П. Синтаксические приметы «золотого» стиля произведений средневековой английской поэзии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 536—552. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-536-552.

For citation:

Vyshenskaya, Y.P. (2018). Syntactic Markers of the “Aureate” Style of the English Medieval Poetry. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 536—552. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-536-552.

Сведения об авторе:

Вышенская Юлия Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения РГПУ им. А.И. Герцена; *научные интересы*: историческая стилистика, история литературы, история языка, литературоведение; стилистика, лингвистика текста, *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru.

Information about the author:

Yuliya P. Vyshenskaya, Ph.D, Associate Professor of the Department of English Language and British Studies of Herzen State Pedagogical University; *Scientific Interests*: Historical Stylistics, History of Literature, History of Language, Literature studies, Stylistics, Text Linguistics; *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru.

УДК: 811.133.1:7.04"17/18"
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-553-563

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ СЮЖЕТНЫХ КОМПОЗИЦИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ПЕЧАТНОГО ТЕКСТИЛЯ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

Д.Г. Ткач

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
ул. Малая Калужская, 1, Москва, Россия 119071

Печатный текстиль — одна из наиболее древних и значимых сегодня ветвей дизайна изделий текстильной промышленности, развитие которого в рамках европейской культурной традиции включает рассмотрение таких вопросов, как каноничные схемы орнаментальных построений и стилевые тенденции изобразительного искусства. Конец XVIII — начало XIX века был периодом расцвета французского прикладного искусства, его доминирования в Европе в качестве общепризнанного эталона. Это также был период подъема общественного интереса к французской литературе, образы которой находили свое воплощение в одном из наиболее широко тиражируемых видов прикладного искусства — орнаментированном печатном текстиле. В статье дано описание основных первоисточников орнаментальных сюжетных композиций французского печатного текстиля конца XVIII — начала XIX века. Определены причины появления в рисунках набойки тех или иных персонажей и сцен из литературных произведений, проведен их семантический анализ. Выявлена методика перевода художественно-графического языка книжной иллюстрации в язык сюжетной текстильной орнаментики.

Ключевые слова: семантика орнамента, литературные первоисточники орнамента, сюжетный текстильный декор, орнаментальное искусство Франции, мануфактура Жуи

ВВЕДЕНИЕ

История дизайна демонстрирует наличие связей сюжетного текстильного рисунка с далекими от дизайна тканей сферами искусства. Сюжетный рисунок является наиболее сложным в исполнении и при многочисленных производственных и художественных трудностях исполнения всегда притягивал к себе внимание как производителей, так и потребителей тканей, так как позволяет существенно обогатить ассортимент текстильных орнаментов и выразить актуальные мировоззренческие установки. Особенно заметную роль сюжетный текстиль сыграл в искусстве XIX—XX веков, когда он широко использовался в качестве носителя культурной и политической информации. В настоящее время, когда основным способом коммуникации являются визуальные образы, значимость и востребованность сюжетного печатного текстиля возрастает, и вместе с этим растет потребность в изучении и анализе его истории и методов проектирования. Этапы зарождения и развития сюжетного текстиля представляется интересным рассмотреть на примере французского сюжетного печатного текстиля, имеющего заслуженную мировую известность.

Произведения французских мастеров текстильного рисунка представлены в музеях мира, составляя основу коллекций текстильных отделов. Предметом особой гордости таких коллекций является сюжетный печатный текстиль.

Франция — признанный лидер текстильной моды и экспортер образцов орнаментов для предприятий многих стран в течение более чем двух веков. Неоходимо отметить, что с позиции современного дизайна французский сюжетный текстильный рисунок практически не исследован и до настоящего времени он изучался историко-описательно или как часть общестилевых тенденций развития искусства (Н.Ю. Бирюкова [1; 2], А.Р. Д'Альмань [3], Д. Джекобсон [4], А. де Моран [5], Ж. Жаке [6], А. Клузо [7], Ч. Мак-Коркодейл [8], Н. Парро [9], Н.Н. Соболев [10], С. Шассань [11]). Поскольку в создании французского сюжетного текстиля участвовал ряд крупнейших деятелей изобразительного искусства Франции, то их «текстильные периоды» рассмотрены как одна из составляющих их культурного наследия в работах таких исследователей, как А.-Р. Арди [12], Н.П. Бесчастнов [13], Ж. Бредиф [14], П. Брюно [15], Ж. Видал [16], А. Грий-Мариотт [17], С. Куске [19], Ж. Ласань [19], М. Рифель и С. Руарт [20], А. Турлоне [16], П. Хьюг [21; 22], Д.Г. Ткач [23] и мн. др.

РОЛЬ МАНУФАКТУРЫ ЖУИ В РАЗВИТИИ СЮЖЕТНОГО ПЕЧАТНОГО ДЕКОРИРОВАНИЯ ТКАНЕЙ

Образный строй и композиция сюжетных орнаментов французского печатного текстиля сложились в ходе синтеза многих эстетических и культурно-исторических компонентов. Их развитие происходило как часть эволюции образно-выразительного языка декоративно-прикладного искусства и в тесном взаимодействии с живописью, графикой и популярной литературой своего времени.

Расцвет искусства декорирования французских набивных тканей в конце XVIII — начале XIX века явился результатом развития европейских традиций, унаследованных со времен античности и возрожденных Ренессансом, и следствием успешной адаптации образного языка ориентального декора.

Совершенно очевидно, что сложный по исполнению набивной сюжетный текстиль мог появиться во Франции только при определенном уровне развития гравировальной техники, при этом качество мотивов целиком зависело от степени ее совершенства и мастерства граверов.

В XVIII веке центр европейской резцовой гравюры перемещается в Париж. Репродукционная гравюра становится в это время преобладающим видом печатной графики. Неудивительно, что и мотивы сюжетного печатного текстиля, во многом совпадающие по технике исполнения, достигают в этот период высокого совершенства.

Значительную часть гравированных (т.е. предназначенных для массового тиражирования) композиций составляли иллюстрации к популярным литературным произведениям этой эпохи, в их создании принимали участие выдающиеся художники — граверы и иллюстраторы. Ориентированные на коммерческий успех у массового потребителя и аккумулирующие в своих работах все популярные у публики изображения, создатели сюжетных орнаментов печатного текстиля не могли

пройти мимо столь востребованной темы. Методы воплощения литературных сюжетов в печатном текстильном декоре мы рассмотрим на примере продукции мануфактуры Жуи (располагалась в местечке Жоуу вблизи Версаля), самой крупной и известной французской набивной мануфактуры конца XVIII — начала XIX в.

Быстрое развитие набивного производства во Франции после 1750 г. и его концентрация на крупных мануфактурах выдвинули на передний план новый тип предпринимателя-капиталиста, который организовывал производство, контролировал все этапы технологического цикла, а также (что было характерно для того времени) принимал непосредственное участие в процессе проектирования рисунка для набойки, определяя его содержание и стилистику. Таким был основатель и владелец известной во Франции набивной мануфактуры Жуи Кристоф-Филипп Оберкампф, удачно сочетавший в себе качества умелого управляющего, успешного коммерсанта и, как сказали бы сегодня, талантливого арт-директора, оперативно реагирующего на изменение общественного вкуса. Благодаря усилиям К.Ф. Оберкампфа и приглашенных им художников культура проектирования набойки вышла на новый качественный уровень, а французские сюжетные набивные ткани были включены в актуальные художественные течения своего времени.

Оберкампф был очень известным человеком своего времени, память о нем жива во Франции до сих пор. В знак признания заслуг К.Ф. Оберкампфа его именем названа станция метрополитена и одна из улиц французской столицы. Лучшие образцы продукции мануфактуры Жуи и, прежде всего, знаменитые «мебельные ткани Жуи с персонажами» до сих пор являются эталонными, определяющими для наших современников стилистику второй половины XVIII — начала XIX веков.

В числе первых выпущенных в Жуи набивных тканей с фигуративным декором можно обнаружить ткани с печатными рисунками на сюжеты литературных произведений, наиболее популярных во французском обществе того времени. Естественно, что дессинаторы выбирают из современной им литературы самые значительные и известные произведения с тем, чтобы по сюжетам рисунков могли быть легко идентифицированы потребителями их первоисточники.

При изображении литературного произведения в сюжетном текстильном орнаменте мотивы набоек организуются так, чтобы сделать повествование узнаваемым через воспроизведение в декоре самых значительных эпизодов. При этом временное развитие сюжета отражено циклическим или моносценическим повествованием. В первом случае композиция рассказывает историю хронологически через изображение одной или нескольких сцен в соответствии с развитием сюжета, во втором же отдельные независимые сцены связаны чисто декоративным способом. На мануфактуре Жуи использовались оба этих способа. Как правило, в ходе трансформации в мотив набойки заимствованное из гравюр иллюстративное изображение лишалось большей части своего нарративного аспекта, освобождаясь от заднего плана и несущественных деталей. Одновременно оно приобретало свойства концентрирующего сюжетный смысл символического знака, декоративный характер которого подчеркивался помещением его в условно-орнаментальную среду набивного декора.

БАСНИ ЖАНА ДЕ ЛАФОНТЕНА — ПЕРВОИСТОЧНИК ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ СЮЖЕТНЫХ КОМПОЗИЦИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ПЕЧАТНОГО ТЕКСТИЛЯ

Среди многочисленных литературных произведений, иллюстрированных в набивном текстиле, басни Лафонтена всегда оставались самым важным сюжетным источником. Из 10 орнаментальных композиций, созданных на темы литературы на мануфактуре Жуи, половина вдохновлена произведениями Лафонтена. Одна из первых интерьерных тканей, отпечатанная на медной доске в начале 1770-х гг., называлась «Басни Лафонтена». В дальнейшем выдающийся французский художник Жан-Бабтист Гюэ создает для мануфактуры Жуи целую серию рисунков на темы басен Лафонтена: «Качели» в 1785 г., «Мельник, его сын и осел» в 1796 г., «Волк и ягненок» в 1811 г. Успех тканей с этими литературными темами являлся отражением популярности самих басен, многократно издававшихся в XVIII в., наиболее роскошное и известное издание было украшено 276 прекрасными гравюрами по рисункам выдающегося французского художника Жана-Баптиста Удри. Существовали и другие, более ординарные иллюстрированные издания для широкой публики. Изучение басен являлось частью школьного образования, поскольку эти тексты рассматривались как педагогические пособия.

Отличительной особенностью басен, помимо их афористичности и символической образности, являлась краткость изложения, что давало возможность изобразить их суть в виде одной единственной сцены. Самые известные басни представляли животных в природе, что соответствовало иконографии модного в конце XVIII века пасторального декора в стиле рококо. Упомянутая выше композиция для ткани под названием «Басни Лафонтена», обозначаемая в источниках как «Рисунок с журавлем и лисицей», датируется 1770—1772 гг. Дессинатор использовал для ее создания иллюстрации Ж.-Б. Удри к двум басням: «Ворона и лисица» и «Волк и журавль». Сцены отделяются друг от друга широкой цветочной гирляндой, привносящей необходимый орнаментальный элемент в этот достаточно простой по замыслу декор.

В 1796 г. Ж.-Б. Гюэ создает композицию на тему басни «Мельник, его сын и осел», представляющую искусно закомпонованные, разнообразные по силуэту сюжетные сцены — мотивы, воспринимающиеся на белом фоне как изысканный кружевной узор и не нуждающиеся, в отличие от упомянутого выше рисунка, в дополнительном декоративном обрамлении. Ему удалось воспроизвести в декоре всю полноту сюжета путем использования пяти переработанных иллюстраций Ж.-Б. Удри, взятых из издания гравюр 1755 г. Действие сюжетных сцен разворачивается на фоне пасторальных пейзажей, включающих руины, сельские дома, стада домашних животных. Содержательно ткань приближается к настоящей иллюстрированной книге, заменяя зрителю чтение басен. Рисунок этой ткани печатается в разных цветах и на тканях разного качества для удовлетворения спроса самой широкой клиентуры. Данная ткань была отмечена премией на Промышленной выставке в Лувре в 1806 г. и длительное время пользовалась коммерческим успехом.

Рисунок набойки Гюэ «Качели» 1783—1789 гг. представляет собой пример активного использования принципов арабески в композиционном построении и интерпретации сюжетных мотивов. Жанровые сцены и антропоморфные мотивы обрамлены арабесковым орнаментом или являются его составной частью. Кроме основного сюжета, навеянного картиной Фрагонара «Счастливые случайности качелей», рисунок набойки включает иллюстрации к басням Лафонтена, античные фигуры и анималистические композиции. Вплетенные в арабесковый декор фигуры дриад, античные маски и барельефы, т.е. элементы, переходные между орнаментом и фигуративным изображением, обеспечивают органичное восприятие сюжетной и орнаментальной частей как неразрывного целого. Это сложносочиненное многоплановая композиция, впечатляющая своим орнаментальным изобилием, явно предназначалась для длительного рассматривания.

В совершенно другой стилистике решена относящаяся к позднему периоду творчества Гюэ композиция набойки «Волк и ягненок» (другое название «Диана и Венера»), которая, на первый взгляд, не вызывает прямых ассоциаций с баснями Лафонтена. Ее вертикально выстроенная орнаментально-сюжетная структура насыщена декоративными элементами, характерными для стиля ампир: мифологическими фигурами, драпировками, медальонами, символической атрибутикой. Среди них выделяется декоративный элемент квадратной формы, напоминающий каминный экран и содержащий окруженный ампирным орнаментом овальный медальон со сценой из басни Лафонтена, давшей название рисунку. В данном случае эта относительно небольшая в масштабе всей композиции сцена сконцентрировала в себе основное сюжетное содержание рисунка набойки. При этом она играет роль своеобразной эмблемы-знака литературного произведения.

ОБРАЗЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ И ПОПУЛЯРНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ НОВИНОК В ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ПЕЧАТНОГО ТЕКСТИЛЯ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

Другие литературные темы, интерпретируемые дессинаторами, отвечают тем же признакам, что и темы басен Лафонтена: чрезвычайная популярность текстов и наличие широко распространенных, как правило, гравированных, иконографических источников. В 1780 г. на мануфактуре Жуи создается ткань с рисунком по знаменитому роману Сервантеса «Дон Кихот». К.-Ф. Оберкампф назвал рисунок ткани «Проделки Дон Кихота». На ткани представлены следующие эпизоды: Дон Кихот, обманутый Санчо, принимает крестьянку за Дульсинею; Бакалавр Самсон Караско под именем Кавалер зеркал побежден Дон Кихотом, который ему приказывает броситься к ногам Дульсинеи; Трусость Санчо на охоте. Сцены этого повествования интегрированы в характерный для мебельных тканей пейзаж, изобилующий руинами, мельницами, цитаделями, лодками и прогуливающимися животными.

Эти сцены заимствованы из рисунков Ш.-А. Койпеля для 15 шпалер на тему «Дон Кихота», сотканых в 1717 г. на мануфактуре гобеленов. Впоследствии

данные рисунки гравировались и были использованы для иллюстраций к изданию «Дон Кихота» 1746 г., которым и пользовался дессинатор.

В XIX в. эта тема продолжает быть востребованной публикой. В 1815 г. для мануфактуры художник Ф.-Ж. Хейм создает новый рисунок, весьма отличающийся по стилистике от первого. Его размер значительно меньше по высоте, т.к. он предназначался для гравировки на медном валу, а не на медной пластине. Художник при его создании пользовался композиционным приемом, изобретенным Ж.-Б. Гюэ в начале XIX в. Композицию составляют 6 сцен, представленных как отдельные картины — пейзажи на общем, равномерно орнаментированном фоне. Воспроизведены следующие сцены: Дон Кихот, привязанный к окошку постоянного двора хитростью служанки Мариторны; Дон Кихот, принимающий марионеток за мавров, верит, что, победив их, он помог двум влюбленным; Санчо, скачущий на деревянной лошади; Дон Кихот, произведенный в шевалье хозяином постоянного двора, которого он принимает за важного сеньора в своем дворце; Дон Кихот атакует карету дамы, которая считает, что ее похитили.

В дальнейшем ткани с этим сюжетом продолжали выпускаться, представляя самые известные и смешные эпизоды романа, большое количество изданий которого во второй половине XVIII в и начале XIX в. свидетельствовало о его популярности. Персонажи романа стали настоящими народными героями, как и персонажи басен Лафонтена.

Не только литературная классика, но и актуальная литература вдохновляла авторов сюжетных рисунков. Огромный успех театральной пьесы Бомарше «Женитьба Фигаро» или нового романа Бернардин де Сен-Пьер «Поль и Вирджиния» привели к появлению новых тканей с данными сюжетами на мануфактуре Жуи. Для рисунка ткани «Женитьба Фигаро» дессинатор выбирает 4 ключевых сцены пьесы: сцена 9 из акта 1 (граф обнаруживает Керубино, спрятавшегося за креслом в женском платье), сцена 6 из акта 2 (графиня и Сюзанна переодевают Керубино в женское платье), сцена 9 из акта 4 (Сюзанна передает графу записку с назначением свидания), сцена 19 из акта 5, которой заканчивается пьеса. Изображения сцен, заимствованные из издания комедии 1784 г., скомпонованы по принципу арабески.

В начале XIX в. большим успехом во Франции пользовался роман писательницы Бернардин де Сэн-Пьер «Поль и Вирджиния», появившийся сначала в 1787—1788 гг. в журнальной версии, а в 1789 г. изданный в формате книги с иллюстрациями известных художников Мишеля Моро младшего и Жозефа Верне. Ж.Б. Гюэ вдохновлялся этими иллюстрациями при создании одноименного рисунка для ткани на мануфактуре Жуи. Художник не стремится воспроизвести весь сюжет романа, а ограничивается лишь самыми значительными эпизодами (детство главных героев, счастливая жизнь на природе, отъезд Вирджинии во Францию, кораблекрушение и гибель Вирджинии). Сюжетные сцены гармонично скомпонованы в пространстве белого фона, причем сцены романа, хронологически более отдаленные, воспроизведены в уменьшенном масштабе.

Рисунок набойки Гюэ «Танкред» 1800 г. отразил возникший в начале наполеоновского правления интерес к героическому эпосу на темы средневековой истории и, в частности, к поэме итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», сюжет которой послужил основой либретто известной оперы Глюка. Строгий, геометрически выверенный рисунок с вертикальными доминантами включает сюжетные сцены, соответствующие основным эпизодам поэмы, мотивы готической архитектуры и декоративные композиции со средневековыми воинскими доспехами.

Представляется очевидным, что выбор литературных тем, изображенных на мебельных тканях, зависел от иконографических источников, имевшихся в распоряжении дессинаторов, при этом существование общедоступных гравюр являлось решающим моментом. Эти факторы объясняют успех тем, заимствованных из романа Лафонтена «Психея и Амур», изданного в 1669 г. Данный сюжет отвечал как общественному интересу к литературе в эпоху Просвещения, так и моде на античность. Известно, что Лафонтен заимствовал свой сюжет из «Золотого осла» Апулея, произведения II в., рассказывавшего о любви Психеи, смертной принцессы, и Купидона. Начиная с Ренессанса и до конца XVIII в. миф о Психее оставался весьма распространенной иконографической темой, особенно модной в эпоху неоклассицизма. В течение всего XVIII в. и до 1810 г. роман был переиздан 10 раз, при этом 8 раз в промежутке между 1791 г. и 1810 г. Роскошные издания дополнялись гравированными иллюстрациями, которые использовались авторами рисунков набивных тканей. При этом дессинаторы ориентировались то на античную фабулу, то на роман Лафонтена, сюжетно отличавшийся от первоисточника. Ж.-Б. Гюэ в своей композиции для набойки «Психея и Амур» остался верен античной фабуле, он выбирает несколько ключевых сцен, необходимых для понимания сюжета: Психея, несомая во дворец Амура Зефиром; Психея, наносящая визит своим ревнивым сестрам, которые советуют ей нарушить приказ своего загадочного мужа, чтобы увидеть его; Психея, разбудившая Амура, который убегает, оставив ее плачущей; Психея у входа в ад, сующая кусок воска в глотки трехголового Цербера, чтобы он не почувствовал ее запах смертной и пропустил ее. Художником добавлена сцена триумфа Венеры, изображенной стоящей на колеснице, запряженной голубями. Изображения сюжетных сцен скомпонованы без учета хронологии повествования в порядке, образующем равномерную геометризованную структуру. В целом композиция напоминает развеску эстампов на плоскости с декором, похожим на орнамент обоев.

Рисунок набойки Гюэ «Танкред» 1800 г. отразил возникший в начале наполеоновского правления интерес к героическому эпосу на темы средневековой истории и, в частности, к поэме итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1575 г.), сюжет которой послужил основой либретто известной оперы Глюка «Танкред» (1777 г.). Строгий, геометрически выверенный рисунок с вертикальными доминантами включает сюжетные сцены, соответствующие основным эпизодам поэмы, мотивы готической архитектуры и декоративные композиции со средневековыми воинскими доспехами, оружием и трофеями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ В ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ МОТИВ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТИЛЯ

Следует отметить, что организация мотивов определялась не только художественными задачами, но и технологическими особенностями производства набойки. Чтобы сделать сюжет рисунка читабельным, дессинаторы увязывали композицию сюжетных сцен с особенностями раппортного, т.е. повторяющегося по определенной схеме печатного рисунка. Чаще всего выбор делался в пользу организации композиции по принципу художественно обоснованной ритмической цикличности. При этом учитывались величина составляющих композицию мотивов, их соразмерность и расстояние между ними.

Правильное прочтение сюжета не всегда было очевидно с первого взгляда и требовало визуальной реконструкции со стороны зрителя.

Чтобы содержание считывалось в нужном порядке, использовались разные методы. Первый из них состоял в том, что направление прочтения указывалось путем изменения шкалы изображений; событие, более отдаленное во времени, изображалось в меньшем масштабе. Второй способ состоял в использовании элементов рисунка (лестницы, мосты, колонны, стволы и ветви деревьев), смысловое и пластическое назначение которых состояло в задании направления зрительного перехода между сюжетными сценами (вектора осмотра).

Принцип организации сюжетной композиции, определяемый как моносценическая наррация, состоял в использовании единичной сцены — символа литературного произведения, а также в комбинировании в композиции отдельных сцен сюжета или сюжетов нескольких произведений одного автора, с акцентом на декоративную составляющую, вне связи с хронологией повествования.

Следует также отметить использовавшуюся Ж.-Б. Гюэ организацию сюжетных композиций, основанную на принципе арабески, при которой разнохарактерные сюжетные изображения структурировались вдоль вертикальных осей. При этом если литературные сюжеты изображались в соответствии с формулой арабески, повествование адаптировалось к этой композиционной структуре, для которой характерно доминирование декоративного аспекта орнамента над нарративным.

Подводя итог, можно утверждать, что для успеха своих композиций у потребителей дессинаторы предпочитали в качестве сюжета набоек выбирать самые известные литературные произведения, распространяемые в иллюстрированных изданиях, а также представляемые в музыкальных и театральных спектаклях. Однако популярность литературных тем не являлась единственным критерием выбора. В набивном текстиле отдавалось предпочтение тем произведениям, мотивы которых согласовывались с назначением этих тканей, которые чаще всего использовались в оформлении спальных гарнитуров и мест отдыха и должны были ассоциироваться с ощущением комфорта. Легкая литература, забавные и галантные истории из «Свадьбы Фигаро» или комические из «Дон Кихота» представля-

лись особенно подходящими для изображения на таком текстиле. Какими бы ни были принципы и методы построения сюжетных композиций на литературные темы, их назначение оставалось неизменным — украшение интерьера приятным и в то же время познавательным образом, при этом радость узнавания популярных литературных сюжетов сочеталась с эстетическим удовольствием от созерцания художественно совершенного и модного декора.

© Ткач Д.Г.

Дата поступления: 10.04.2018

Дата приема в печать: 6.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бирюкова Н.Ю.* Западноевропейские набивные ткани 16—18 века. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1973.
2. *Бирюкова Н.Ю.* Западноевропейское прикладное искусство XVII—XVIII веков. Л.: Искусство, 1972.
3. *D'Allemagne Henri-René.* La toile imprimée et les indiennes de traite, notices par Henry Clouzot. Paris. VI-e MCMXLII, 1984.
4. *Джекобсон Д.* Китайский стиль. М.: Искусство—XXI век, 2004.
5. *Де Моран Анри.* История декоративно-прикладного искусства. М.: Искусство, 1982.
6. *Jacqué Jacqueline.* Les motifs imprimés sur étoffes au XVIII-ème siècle et leur fortune critique. Le coton et la mode. Paris, 1995.
7. *Clouzot Henri.* L'Ameublement français sous Louis XV. Paris: Edition Les Arts graphiques, 1912.
8. *Мак-Коркодейл Ч.* Убранство жилого интерьера от античности до наших дней. М.: Издательство «Сварог и К», 2006.
9. *Parrot Nicole.* Dessins d'imprimés, une aventure dans le tissu. Paris: Editions SYROS, 1997.
10. *Соболев Н.Н.* Очерки по истории украшения тканей. М.—Л.: Academia, 1934.
11. *Chassagne Serge.* Oberkampf, un entrepreneur capitaliste au siècle des Lumières. Paris: Edition Aubier, 1980.
12. *Hardy Alain-René.* Tissus Art Deco en France. Paris: Editions Langlande, 2001.
13. *Бесчастнов Н.П.* Графика текстильного орнамента (печатный рисунок). М.: МГТУ им. А.Н. Косыгина, 2004.
14. *Brédif Josette.* Toiles de Jouy. Paris: Editions Adam Biro, 1989.
15. *Bruno Pierre* (1992). L'art décoratif en Europe. In: Grubert, A. Classique et Baroque, Vol. 2. Paris: Citadelles et Mazenod.
16. *Tourlonias Anne, Vidal Jack.* Raoul Dufy, l'œuvre en soie. Logique d'un œuvre ornemental industriel. Avignon: éditions A. Barthélemy, 1998.
17. *Gril-Mariotte A.* Les toiles de Jouy: histoire d'un art décoratif, 1760—1821. Rennes, Presses universitaires de Rennes (*Arts et Société*), 2015.
18. *Cousquer Celine.* Nantes une capitale française des indiennes au XVIII siècle. Coiffard librairie editeur, 2002.
19. *Lassaigne Jacques.* Dufy. Lausanne: Skira, 1954.
20. *Riffel Mélanie, Rouart Sophie.* La Toile de Jouy. Paris: Editions Citadelles et Masenod, 2003.
21. *Hugues Patrice.* Langage du tissu. Colombes: Textile-Art-Langage, 1982.
22. *Hugues Patrice.* Tissu et travail de civilisation. Rouen: Éd. Médiannes, 1996.
23. *Ткач Д.Г.* Ориентальные истоки образного языка французского орнаментального искусства XVII—XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Терия языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. No 2. С. 440—44.

УДК: 811.133.1:7.04"17/18"

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-553-563

LITERARY SOURCES OF ORNAMENTAL SUBJECT COMPOSITIONS OF FRENCH PRINTED TEXTILES OF THE END OF THE XVIII — THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Dmitry G. Tkach

The Kosygin State University of Russia
1, Malaya Kaluzhskaya str., Moscow, Russia, 119071

Abstract. Printed textiles are one of the most ancient and significant branches of the design of textiles, the development of which, within the framework of the European cultural tradition, includes consideration of such questions as canonical schemes of ornamental constructions and style trends of fine art. The end of XVIII — beginning of XIX century was a period of flourishing of French applied art, its dominance in Europe as a generally recognized standard. It was also a period of rising public interest in French literature, the images of which were embodied in one of the most widely replicated types of applied art — ornamental printed textiles. The article describes the main sources of ornamental plot compositions of French printed textiles of the late XVIII early XIX century. The emergence reasons in drawings of a heel-tap of these or those characters and scenes from literary works are defined, the semantic analysis is carried out them. The technique of the translation of art and graphic language of a book illustration in language of subject textile ornamentation is revealed.

Key words: Semantics of ornament, literary sources of ornament, subject textile decor, French ornamental art, Jouy manufactory

REFERENCES

1. Biryukova, N.Yu. (1973). Western European printed fabrics 16—18 century. Collection of the State Hermitage. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
2. Biryukova, N.Yu. (1972). Western European applied art XVII—XVIII centuries. Leningrad: Iskusstvo. (In Russ.).
3. D'Allemagne, Henri-René (1984). La toile imprimé et les indiennes de traite, notices par Henry Clouzot. Paris. VI-e MCMXLII. (In French).
4. Jacobson, D. (2004). Chinese style. Moscow: Art-XXI Century. (In Russ.).
5. De Moran, Henri (1982). History of arts and crafts. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
6. Jacqué, Jaqueline (1995). Les motifs imprimés sur étoffes au XVIII-ème siècle et leur fortune critique. Le coton et la mode. Paris. (In French).
7. Clouzot, Henri (1912). L'Ameublement français sous Louis XV. Paris: Edition Les Arts graphiques. (In French).
8. McCorkodale, C. (2006). The decoration of the residential interior from antiquity to the present day. Moscow: Publishing house “Svarog and K”. (In Russ.).
9. Parrot, Nicole. Dessins d'imprimés, une aventure dans le tissus. Paris: Editions SYROS, 1997. (In French).
10. Sobolev, N.N. (1934). Essays on the history of decorating fabrics. Moscow—Leningrad: Academia. (In Russ.).
11. Chassagne, Serge (1980). Oberkampf, un entrepreneur capitaliste au siècle des Lumières. Paris: Edition Aubier. (In French).
12. Hardy, Alain-René (2001). Tissus Art Deco en France. Paris: Editions Langlande. (In French).
13. Beschastnov, N.P. (2004). Graphic of textile ornament (printed drawing). Moscow: MSTU named A.N. Kosygin.

14. Brédif, Josette (1989). *Toiles de Jouy*. Paris: Editions Adam Biro. (In French).
15. Bruno, Pierre (1992). *L'art decoratif en Europe*. In: Grubert, A. *Classique et Baroque*, Vol. 2. Paris: Citadelles et Mazenod. (In French).
16. Tourlonias, Anne & Vidal, Jack (1998). *Raoul Dufy, l'œuvre en soie. Logique d'un œuvre ornamental industriel*. Avignon: éditions A. Barthélemy. (In French).
17. Gril-Mariotte, A. (2015). *Les toiles de Jouy: histoire d'un art décoratif, 1760—1821*. Rennes, Presses universitaires de Rennes (*Arts et Société*). (In French).
18. Cousquer, Celine. (2002). *Nantes une capitale française des indiennes au XVIII siècle*. Coiffard librairie editeur.
19. Lassaigne, Jacques. (1954). *Dufy*. Lausanne: Skira. (In French).
20. Riffel, Mélanie & Rouart, Sophie (2003). *La Toile de Jouy*. Paris: Editions Citadelles et Masenod. (In French).
21. Hugues, Patrice (1982). *Langage du tissu*. Colombes: Textile-Art-Langage. (In French).
22. Hugues, Patrice (1996). *Tissu et travail de civilisation*. Rouen: Éd. Médiannes. (In French).
23. Tkach, D.G. (2017). Oriental origins of figurative language of the French ornamental art in XVII—XVIII centuries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(2), 440—447.

Для цитирования:

Ткач Д.Г. Литературные первоисточники орнаментальных сюжетных композиций французского печатного текстиля конца XVIII — начала XIX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 553—563. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-553-563.

For citation:

Tkach, D.G. (2018). Literary sources of ornamental subject compositions of french printed textiles of the end of the XVIII — the beginning of the XIX century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 553—563. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-553-563.

Сведения об авторе:

Ткач Дмитрий Геннадиевич, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры рисунка и живописи Московского государственного университета дизайна и технологии, Институт искусств; *e-mail*: tkach.dmitry@mail.ru

Information about the author:

Dmitriy G. Tkach, Candidate of Arts, Associate Professor at The Kosygin State University of Russia, Department of Drawing and Painting; *e-mail*: tkach.dmitry@mail.ru.

УДК: 81'255:82-1

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-564-574

ЖЕСТКАЯ ПРОЗА ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ: СТИХИ НЕ-ГЕНИЯ, ПЕРЕВОД НЕ-НОСИТЕЛЯ...

М.С. Рогачевская

Минский государственный лингвистический университет
220034, Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21

Статья посвящена практическому анализу переводческих стратегий при осуществлении перевода поэзии с родного языка (русский, белорусский) на иностранный (английский). Научная литература по теоретическим проблемам поэтического перевода немногочисленна, поэтому в практике переводчик опирается на публикации эмпирического характера.

Целью данной статьи является вычленение конкретных переводческих стратегий и методологии при осуществлении перевода стихов на иностранный для переводчика язык. Исследование проведено на анонимном материале по этическим соображениям и основано на личном переводе двух стихотворений и последующем анализе примененных стратегий.

Особое внимание уделено таким последовательно применяемым стратегиям, как определение общей синтаксической структуры исходного стихотворения, выделение образов и стилистических способов их реализации, приверженность доминирующим элементам стихотворной формы — метр, тип рифмовки, синтаксические акценты. Отдельным, завершающим этапом перевода является верификация, т.е. проверка приемлемости итогового текста через носителя языка.

При работе со сложными синтаксическими конструкциями и обилием метафор и фразеологизмов автор статьи включила дополнительный этап: поиск фразеологизмов-эквивалентов в английском языке. Кроме того, отдельного внимания заслуживает анализ опущений и добавлений, взвешенный подход к необходимости «пожертвовать» тем или иным элементом стихотворения-оригинала.

В статье также дана информация о словарях рифм, которые являются ценным источником при переводе поэзии.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что она является определенным вкладом в процесс изучения способов передачи поэтических структур и образов с русского/белорусского языка на английский.

Практическая значимость статьи состоит в том, что она представляет собой подробный эмпирический разбор последовательных шагов и стратегий при осуществлении поэтического перевода. Ее основные выводы и положения могут найти применение в практике вузовского преподавания, в общих и специальных курсах по теории и практике художественного перевода.

Ключевые слова: поэтический перевод; рифмованный стих; ритмическая структура; синтаксическая структура; поэтическая образность; риторика стихотворения; поэтическая метафора; эквивалент; верификация

ВВЕДЕНИЕ

По сложившемуся убеждению, подкрепленному мнениями и практиками маститых профи в области перевода поэзии, переводить поэзию можно исключительно на свой язык. Перевод стихотворного текста и на родной язык — это вообще отдельное искусство, освоить которое целиком (т.е., не только изготовление подстрочника, но и создание непосредственного поэтического эквивалента)

может, пожалуй, только тот, для кого стихосложение — своя стихия, свое ремесло или, по крайней мере, хобби, подкрепленное природным талантом или способностями.

О стихотворных переводах писали такие мастера поэтического слова, как Н. Гумилёв, М. Гаспаров, Б. Пастернак, И. Бродский, Г. Кружков, А. Нестеров, В. Топоров и многие-многие другие. Однако С. Басснетт, автор монографии по теории перевода, размышляя на ту же тему, приходит к такому выводу: «В области исследований художественного перевода больше работ, посвященных проблеме перевода поэзии, нежели иных художественных форм. Многие из этих исследований, нацеленных на разработку данной проблематики, представляют собой либо анализ различных переводов какого-то произведения, либо индивидуальный опыт конкретных переводчиков — описание того, каким образом они решали ту или иную проблему. Реже исследования поэзии и ее перевода нацелены на обсуждение методологических проблем с не-эмпирической точки зрения, а ведь именно такое исследование было бы наиболее ценным и востребованным» [1. С. 83]. Хотелось бы отметить, однако, что такое исследование вряд ли возможно, как вряд ли возможна «коллективная» поэма.

В данной статье предлагается все та же «эмпирика» перевода поэзии, только с родного на иностранный язык. При этом я отталкиваюсь от нескольких, на мой взгляд, полезных с точки зрения практики, а не теории, советов, содержащихся в подобных «эмпирических» работах И. Бродского, Н. Гумилёва и О. Седаковой. Эти советы и наблюдения, в строгом смысле слова, не касаются непосредственно перевода на иностранный для переводчика язык — да и реально ли отыскать такую методологию? Вспомним несколько самых примечательных случаев, когда двуязычные поэты брались за перевод собственных стихов на английский язык, например, В. Набоков или И. Бродский. Об И. Бродском А. Вейцман пишет следующее: «Его стихотворения в переводах пытались передать русский текст по-максимуму, сохраняя завуалированные цитаты, игру слов и аллюзии на советский быт. Таким образом, он отдалился как можно дальше от знаменитого определения Фроста, что „поэзия — это то, что теряется в переводе“. Смертному всего не сохранить, как гласит „Deus conservat omnia“, но Бродский подошел ближе, чем кто-либо» [2].

Если принять точку зрения на поэзию и ее перевод как на искусство (а в этом ни у кого сомнений не возникало), то придется принять и точку зрения, что искусство — это творение индивидуальное, единоличное, со своими законами и правилами. И чем больше оно отклоняется от норм и обобщенных представлений о каноне, тем оно оригинальнее и самобытнее. Именно поэтому переводчикам, осваивающим непростую «пахоту целины» стихотворной нивы, приходится довольствоваться как раз эмпирическими заметками, статьями, комментариями. О проблеме самобытности языка поэзии писала О. Седакова, ставя в пример подход М.Л. Гаспарова: «Отношение Михаила Леоновича к чужим переводам было антиредакторским. Он ценил у переводчиков (обыкновенно малоизвестных или забытых), с которыми меня знакомил, именно то, что вычеркивали наши редакторы: „неправильность“, странность и затрудненность речи. Я бы сказала:

само присутствие языка, который на наших глазах пытается справиться с еще неизвестными ему поворотами смысла» [3]. Именно свобода и условная «неправильность» или «неудобоворимость» могут быть новым шагом в практике поэтического перевода.

Целью данной статьи является вычленение конкретных переводческих стратегий и методологии при осуществлении перевода стихов на иностранный для переводчика язык.

1. ПЕРЕВОД ПОЭЗИИ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Спускаясь с «высоких» принципов искусства к приземленной почве перевода в рутинной повседневности, придется признать еще одну банальную аксиому: переводчику приходится сталкиваться с переводом поэзии не только на «Парнасе», и далеко не Шекспира, Пушкина или Гёте, а в самой обыденной повседневности, в текстуальном пространстве рядовой и обычной человеческой жизни. Приведу лишь несколько примеров вхождения поэзии в наш деловой, скоростной и в общем-то непоэтический век. (Предвидя некоторое возмущение таким симбиозом, задам риторический вопрос: а не об этом ли всегда ратовали наши педагогические институты? Не об этом ли мечтали интеллектуалы — привить поэзию «низам», сделать ее доступной как можно большему числу людей, не связанных непосредственно с поэтическим словом, но могущих этому слову внимать?) Итак, пример первый.

Пишется книга из серии «Self Help Books», коих такое множество на полках книжных магазинов и которые пользуются невероятной популярностью. Переводчик, будь то мастер или ремесленник, не может ханжески отвернуться от естественного хода развития общества (да, рядом с высоким — всегда есть ступени пониже, а *Пушкин А.* и *пушкин б.* взирают друг на друга с соседних полок — а то и с одной и той же — на совершенно демократических правах — быть избранными читающей публикой).

В упомянутой книге, которая называется «Why Lawyers Should Eat Bananas» — «Почему юристы должны есть бананы» (автор Simon Turman, 2000), предложены бизнес-идеи для представителей данной профессии, для тех, кто «хотел бы от жизни большего». Литература такого жанра с энтузиазмом пользуется художественными отрывками, цитатами, стихотворениями. Вот и названный автор обратился к стихотворению, которое, на его взгляд, может вдохновить юриста на пересмотр устоев своей жизни и профессии: стихотворение “The Man in the Glass”, автор — Peter Dale Wimbrow Sr.).

Вне зависимости от художественных достоинств (или их отсутствия) труд переводчика никто не отменял, более того, в переводе в целом нехудожественного текста от рядового «ремесленника» может потребоваться способность к «высокому искусству». Становится ясно, что проза жизни ставит переводчика в тупик: найти носителя языка, способного переводить рифмованную поэзию на русский язык, просто-напросто невозможно. Засучив рукава, переводчик выходит из положения: 1) вместо стихотворения дает подстрочный перевод; 2) вместо рифмованного

стихотворения дает белый стих (т.е. сохраняет ритмический рисунок и размер, но опускает рифмовку); 3) переводит поэзию художественной прозой или верлибром; 4) все же находит способ перевести рифмы, строфы, метр и размер, передав при этом в необходимой степени образность, тропы и фигуры. В осуществленном переводе¹ упомянутого выше стихотворения был избран вариант 3.

Второй пример — из социально-политического контекста. На торжественных мероприятиях по случаю важных дат и событий в жизни Организации Объединенных Наций находится место и для нестандартных подходов, неординарных текстовых решений, среди которых однажды возник акrostих, содержащий весьма непростое имя — иранского происхождения на английском языке: *Sholeh Safavi*². Нужно ли говорить о том, что в белорусском варианте (весьма сходном с возможным русскоязычным) количество букв имени сократилось с 6 до 4. Был найден выход: начинать две строки с тех же букв, что и предыдущая (т.е., две — с Ш, две — с Е).

Третий пример стал материалом предлагаемой статьи. Книга мемуаров (по этическим причинам не буду называть автора и заглавие) содержала в себе четыре собственных стихотворения автора — одно на русском и три — на белорусском языке. Ниже приведены два из названных текстов в оригинале и переводе.

2. ОПЫТ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Первое стихотворение — на русском языке, свободный стих, разновидность любовной лирики. Каждая из пяти строф основана на своеобразном риторическом вопросе, четыре из которых обладают абстрактной риторичностью, а пятый адресован лицу, которому посвящено стихотворение.

Ведущими образами стихотворения, созданными почти исключительно с помощью метафор, являются весна, которую по неосторожности можно расплескать, неся в ладонях (словно воду); стоящая на коленях любовь (возможно, перенос образа влюбленного молодого человека в коленопреклоненной позе); объятия сновидений; букет запахов (в буквальном смысле); а также образ звезды, которую можно изловить. И лишь последняя строфа отличается риторикой: здесь нарастает экспрессия за счет гиперболических сравнений — любви, которая «сильней весны» и «ярче звездопада». Рифмовка в стихотворении перекрестная, с чередованием женской и мужской клаузул. Доминирующим поэтическим размером в оригинале является трехстопный ямб, который неизбежно варьируется спондеем, пиррихием и то и дело перерастает в большее количество стоп.

¹ Когда добьешься для себя всего, что хочешь,
И станешь в мире королем на день,
Подойди к зеркалу и посмотри на себя,
И ты поймешь, что тот парень хочет сказать. .... [4: 121].

² Шоле Сафави — в недавнем прошлом Представитель УВКБ ООН в Республике Беларусь.

Что подарить любимой?
Звезду, весну, рассвет?
Чтоб в перспективе обозримой
Был мил весь белый свет.

Как донести весну,
Не расплескав в ладонях,
Настроив звуки на волну
Любви, стоящей на коленях?

Как не проспать рассвет
В объятиях сновидений,
Собрав в один букет
Все запахи растений?

Как изловить звезду
И не обжечь при этом руки?
И, загадав мечту,
Реализовать по правилам науки?

Я подарю тебе любовь
Сильней весны и ярче звездопада.
Она кружит и будоражит кровь.
Скажи мне, милая, ты рада?

What shall I give my love? Which gift?
A Star? A Spring? A Dawn?
To make the world move all adrift
In sweetness, lasting long.

How shall I carry you my spring
Without spilling out of palms,
And tuning in her soundings
To reach the kneeling love?

How shall I meet that lovely dawn
And break free of the dreams,
And seize the scents of flowers on,
To strew them at your feet?

How shall I catch that shining star
And keep my hands unburned?
And carry out my dream as far
As learned books commend?

I shall present you with my love —
No spring or falling star can overlap it.
Its whirlpool rouses up my blood.
Do tell me, sweetheart, are you happy?

Приступая к переводу, первое, что необходимо было передать, — это доминирующее синтаксическое построение. Таким образом, каждая строфа и в переводе должна содержать риторический вопрос специального типа. Не составило труда сохранить каждое вопросительное слово: *What? Which? How?* Несложно было сохранить и общую адресованность стихотворения-послания второму лицу, и единственное обращение *милая (sweetheart)*.

Главным камнем преткновения стали метафоры, размер, рифма и клаузулы. При том, что ямбический метр естественным образом ложится на английский стих, меньшее количество слогов в лексических единицах английского языка сделало бы мелодику рубленой и резкой. Следовательно, пришлось прибегнуть к более традиционному четырехстопному ямбу. При этом отклонения в ритмике оригинала компенсировались в переводе. Похоже, не стоит копировать те несовершенства, которые допущены непреднамеренно.

Следующим шагом стала выработка настроенности на перекрестную рифму. Однако увеличение числа стоп в каждом стихе удалось сгладить, как нам кажется, отказом от женских клаузул. В оригинале некоторые стихи представляют собой усеченный четырехстопный ямб, поэтому избранное решение создает баланс с оригиналом. Согласимся с А. Таташевым: «Некоторым буквальным и многим формальным можно пожертвовать, чтобы создать хорошее стихотворение на американском английском...» [5]. Так, если и приходится жертвовать тем или иным элементом стихотворного текста в переводе, то наименее болезненными из всех нам представляются метр и типы клаузул. Об этом писал Н. Гумилев: «Наконец, остается звуковая сторона стиха: ее труднее всего передать переводчику. Русский

силлабический стих еще слишком мало разработан, чтобы воссоздать французские ритмы; английский стих допускает произвольное смешение мужских и женских рифм, которое не свойственно русскому. Приходится прибегать к условной передаче: силлабические стихи переводить ямбами (изредка хорейми), в английские стихи вводить правильное чередование рифы, прибегая там, где это возможно, к одним мужским, как более характерным для языка. Тем не менее, этой условности необходимо строго придерживаться, потому что она создавалась не случайно и по большей части действительно дает впечатление, адекватное впечатлению подлинника» [6: 15].

Кроме того, однородные члены эллиптического предложения второй строфы обрели большую экспрессию за счет разделения их на три самостоятельных вопроса. Начиная с этого места, после формирования задающей тональности всему стихотворению первой и второй строк, нащупав ритм — метр, рифму и размер, необходимо придерживаться построенной схемы. Как только слова *gift* и *dawn* сформировали клаузулы *a* и *b* для перекрестной рифмовки (*a b a b*), основой перевода становится мучительный поиск рифмующихся слов. Так, фраза *Чтоб в перспективе обозримой / Был мил весь белый свет* — несколько видоизменилась: *To make the world move all adrift / In sweetness...* Тем не менее, в смысловом отношении *обозримая перспектива* (несколько канцелярски звучащая в поэтическом тексте) обрела близкий эквивалент: *lasting long*, а видоизмененная идиома *мил белый свет* стала описательным оборотом *make the world move all adrift in sweetness*. Дальнейшая работа следовала тому же принципу: построение первых двух стихов строфы, фиксация клаузулы, а затем — поиск рифмующегося слова для двух оставшихся строк в строфе.

Переходим к образам, переданным метафорическими оборотами. Как уже говорилось, увеличение числа слов в английском варианте привело к расширению, большей детализации каждого образа. Первые два стиха первой строфы практически удалось передать буквально. Слово *подарить* разделилось в переводе на два: *give* и *gift*. Расширение образности произошло в третьей строфе: собирание запахов растений в один букет буквально расширилось до *схватывания* их в один букет и рассыпания у ног любимой. Далее, *правила науки*, что звучит уже второй раз в тексте по-канцелярски, заменено на *learned books* — буквально, «ученые книги».

Таким образом, подводя итог первому примеру стихотворного перевода на чужой для переводчика язык, можно отметить необходимость выработки последовательности стратегических шагов, неразделенность формы и образности, приверженность доминирующим элементам стихотворной формы — метр, тип рифмовки, синтаксические акценты. Добавим, что при всем непростою поиске подходящего для создания рифмы слова остается болезненный момент верификации так называемой «идиоматичности» той или иной фразы в английском языке, или попросту — восприятия этой фразы как возможно правомерной англоговорящим читателем. Так, подобной верификации — путем тестирования текстов на носителях языка — пришлось подвергнуть следующие фразы: *To make the world move all adrift* (буквально: заставить весь мир дрейфовать в свободном плавании);

seize the scents of flowers on (буквально: завладеть, ухватиться). В данном случае таковыми были профессор литературы университета г. Тузла, США, Холли Лэйард, и в прошлом преподаватель английского языка и литературы средней школы в Ноттингемшире Малькольм Мэтьюз.

3. ОПЫТ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Перейдем к следующему примеру. Нижеприведенное стихотворение — на белорусском языке, его можно причислить к философской лирике. Форма — три модернизированных строфы-секстины³ одинаковой рифмовки, пятистопный ямб с пиррихией в дактилической или даже гипердактилической клаузуле. Одного взгляда на стихотворение достаточно, чтобы сразу же очертить встающие не пути препятствия и очевидные «потери» ввиду различия в морфологическом объеме. Среди таковых — абсолютно одинаковая концовка рифмующегося слова, а также анафора *жыццё* (жизнь). Кроме того, образ этой многоликой жизни каждый раз вплетен в новую развернутую метафору, он олицетворяется, при этом автор прибегает к множественным фразеологизмам и идиоматическим выражениям белорусского языка.

Жыццё бяжыць, і мы спяшаемся
Паспець туды, куды спазняемся.
Жыццё стаіць, мы ж завіхаемся,
Вагон праблем спіхнуць стараемся.
Жыццё грызе, і мы кусаемся,
Да бульбы з салам локцем прабіваемся.

If life goes running — we are hurrying,
Not to be late — for ever scurrying.
If life stands still — we still are scampering,
A load of problems vainly tampering.
At our gnawing life, we slap back biting,
To buttered loaves of bread, we push through mightily.

Жыццё нас б'е, ляцім і кувырцаемся,
Аб зайздрасць, лізابلудства ўдараемся.
Жыццё — паклон, пакрыху выпрамяемся,
З каленяў у поўны рост мы падымаемся.
Жыццё — кіно, у экран углядаемся.
Мы формай замест зместа захапляемся.

If life should beat us, down we tumble rattling
And bump against envy and lick-spittling.
If life bows down — we shall straighten languidly,
From our knees to full length rising timidly.
Into life's films we stare hard, aspiring,
The surface, not the depth admiring.

Жыццё пыхціць. Мы моцна тужымся
І з мрояй мы у танцы кружымся.
Жыццё крахціць, на палку абапіраемся
І нават на асфальце спатыкаемся.
Жыццё то — выбар, і мы вагаемся,
Куды ісці, у слупа пытаемся.

Our life is fussy — so we fleeting go.
And in a misty haze we dance along.
Our grumpy life hands us a walking stick —
On asphalt roads we clumsily slip.
Life's choice makes us meander, in bogs miring,
About directions of a pole enquiring.

Произвести перевод данного стихотворения по ранее выработанному сценарию, очевидно, не получится. Первое, что подверглось изменению в переводе, это анафорический повтор и синтаксическая конструкция с опущением сказуемого. Вместо этого переводной вариант обрел условное придаточное — это, тем не ме-

³ Секстина — сложная строфа, состоящая из четверостишия и двустишия с разной системой рифм, написанная чаще всего пятистопным или шестистопным ямбом.

нее, вписывается в коммуникативный посыл оригинального текста, где та или иная форма движения жизни служит условием той или иной поведенческой модели индивида. Пятистопный ямб, разумеется, легко и естественно передался в англоязычном переводе. И, наконец, все уперлось в финальное слово каждого стиха. Глагол во втором лице множественного числа, очевидно, оказался неподходящей формой в силу отсутствия категории спряжения по лицам (не считая единственной измененной формы в третьем лице единственного числа). Кроме рифмовки, такое обилие одинакового повтора в клаузулах оригинала создает дополнительное звуковое оформление, где дактилическое или гипердактилическое ударение позволяет словно бы задержаться на каждом действии на мгновение, глубже его ощутить. Поиски привели к форме настоящего длительного времени, где женские клаузулы максимально приближают звукописный рисунок перевода к оригиналу. Однако абсолютная, стопроцентная выдержанность такой схемы оказалась недостижимой даже при использовании в некоторых случаях наречий от прилагательных с окончанием *-ing* или составной рифмы (*fleeting go — dance along*). В отдельных случаях пришлось использовать глагол и находить для него соответственно рифмующуюся пару, при этом — не всегда точную рифму. Пришло на память мудрое предупреждение О. Седаковой: «...рифма в переводе — это самый опасный инструмент. Я думаю, именно обязательности рифмы, и к тому же „точной“ рифмы, мы обязаны языковым и смысловым уродством многих стихотворных переводов. Ведь это простейший навык рифмоплета — подгонка под рифму» [3].

Главной формой образности стихотворения-оригинала является кинестетическая, т.е. передающая постоянную динамику движения. Следовательно, во главу угла в таком случае необходимо поставить поиск отглагольной формы, соответствующей по смыслу оригиналу. В этом помогли доступные в сети словари рифм (например, RhymeZone: Rhyming Dictionary and Thesaurus). В итоге искомые пары слов с семантикой движения составили: *спяшаемся — hurrying, спазняемся — scurrying, завихаемся — hampering, стараемся — tampering, кусаемся — bitingly, прабиваемся — [push through] mightily, кувыркаемся — rattling, [аб лизаблюдства] удааемся — lick-spitting, выпрамляемся — [straighten] languidly, надымаемся — [rising] timidly, углядаемся — aspiring, захпляемся — admiring, тужьмся — fleeting go, кружьмся — dance along, абанираемся — [life hands us a] walking stick, снамыкаемся — clumsily slip, вагаемся — miring, нытаемся — enquiring*. Ту же схему можно проследить в первой части каждой строки, где фигурирует «жизнь».

Поиск эквивалентов для белорусских фразеологизмов и идиом привел к использованию в переводе на английский удобоваримых метафорических оборотов или же описательных конструкций: так, *вагон праблем спіхнуць* (столкнуть с себя вагон проблем) недопустимо было бы передать буквально, и в итоге выбор остановился на описательной фразе — *a load of problems vainly tampering; да бульбы з салом локцем прабиваемся* (локтем проталкиваемся к картошке с салом) — *to buttered loaves of bread, we push through mightily* (картошка с салом в белорусском языке означает сытую жизнь в достатке, в английском та же мысль может быть передана фразой «хлеб с маслом»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чему может научить этот индивидуальный опыт перевода поэтического текста на иностранный язык? Оценка качества поэтического перевода — это всегда некий достаточно субъективный критерий, который, тем не менее, как убедительно показала О. Седакова, очень часто зависит от идеологических установок, сложившихся традиций, а иногда — от масштабов авторитета того или иного переводчика. Тем не менее, видится вполне оправданной следующая точка зрения на поэтический перевод С.Г. Николаева: «Качество традиционного перевода всегда оценивается, помимо прочих параметров, по тому, насколько нивелирована, скрыта, „не видна“ личность переводчика. Творческая индивидуальность переводчика в его труде, по существу, как бы не фигурирует. Напротив, чем меньше индивидуального вносит переводчик в результат перевода, тем выше оценка этого результата» [7]. Именно такой установке и следовала автор приведенного выше перевода и предлагаемой статьи.

Первым выводом стало осознание того, что переводоведение остро нуждается в методологических исследованиях поэтического перевода, в меньшей мере — в размышлениях о «высоком» (их на настоящий момент предложено большое множество), а в большей степени — в работах рутинного, поэтапного, технического плана. Поэтический перевод должен несколько снизить со своей «башни из слоновой кости» и приоткрыть «двери восприятия» для переводчика-ремесленника, который, если вспомнить Аристотеля и его мысли об искусстве, может с помощью «тэxnэ» освоить это искусство.

Вторым, практическим, выводом на основе проведенной работы стала определенная техника, методология выполнения поэтического перевода с русского или белорусского языка на английский: полное усвоение единства формы и содержания стихотворения; поиск адекватной доминирующей синтаксической конструкции; чувство рифмы — поиск доминантной модели рифмовки; концентрация на образной системе и способах ее языкового воплощения на переводящем языке; внимание к элементам формы, которыми, при необходимости, можно пожертвовать ради сохранения фактуального, концептуального и эстетического [8] смыслов. Судить о качестве перевода можно при помощи верификации — анализа восприятия результирующего текста носителями языка. Перевод поэзии на иностранный для переводчика язык — при обязательном условии профессионального владения обоими языками — может стать новым и достаточно прогрессивным шагом в развитии межкультурной коммуникации народов.

© Рогачевская М.С., 2018

Дата поступления: 14.10.2017

Дата приема в печать: 10.03.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Bassnett S.* Translation Studies. Edition: 3rd. London: Routledge, 2002.
2. *Вейцман А.* Бродский в переводе. Беглые комментарии // Журнальный зал. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slovo/2007/56/ve36.html> (дата обращения: 7 января 2017 г.).

3. *Седакова О. М.Л.* Гаспаров и инерция советского перевода. Режим доступа: <http://olgasedakova.com/127/1820> (дата обращения: 26 декабря 2016 г.).
4. *Танмэн С.* Почему юристы должны есть бананы. Пер.: С.В. Рогачевский, П.А. Смыковская. Минск: Тесей, 2012.
5. *Таташев А.* О различных подходах к поэтическому переводу // Проза.ру. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2015/02/19/2148> (дата обращения: 7 января 2017 г.).
6. *Гумилев Н.С.* Девять заповедей переводчика // Английская поэзия — от народных баллад до прерафаэлитов — в переводах 1918—1921 гг. / под ред. Н.С. Гумилева. М.: АРТ-ФЛЕКС, 1991. С. 12—16.
7. *Николаев С.Г.* Об одном стихотворении Бродского и его переводе, выполненном автором // Relga.ru. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1932&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 7 января 2017 г.).
8. *Николаев Д.Ю., Рудых А.М.* Художественный перевод иностранной поэзии. Режим доступа: www.istu.edu/docs/science_periodical/mvestnik/nikolaev.doc (дата обращения: 7 января 2017 г.).

УДК: 81'255:82-1

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-564-574

HARD PROSE OF POETRY TRANSLATION: POETRY WRITTEN NOT BY A GENIUS, TRANSLATED NOT BY A NATIVE SPEAKER...

Marina S. Ragachewskaya

Minsk State Linguistic University
21, Zakharova st., Minsk, Belarus, 220034

Abstract. The article deals with a practical analysis of translation strategies used for the translation of poetry from the translator's native language (Russian, Belarusian) into a foreign one (English). The academic literature on the theoretical problems of poetic translation is scarce, therefore, in their work a translator relies on publications that have an empiric character.

The main goal of the article is to single out specific translation strategies and methods for the translation of poetry into a language which is foreign for the translator. The research was conducted with the use of anonymous material, for ethical reasons, and it is based on the author's own translation of two poems and subsequent analysis of the strategies applied.

Special attention is paid to the consistent application of such techniques as defining the general syntactical structure of the source poem, identification of images and stylistic devices for the realization thereof, adherence to the dominant elements of the given poetic form — metre, rhyming pattern, syntactic emphases. A separate and final stage of translation is verification, e.g., checking the acceptability of the resulting text against a native speaker's perception.

While working with complex syntactical constructions and multiple metaphors, the author of the article has included one more stage: search for phraseological equivalents in English. Besides, it is worth analyzing the omissions and additions, and a balanced approach to the necessity of "sacrificing" some of the poetic elements of the original text.

The article also provides references to the dictionaries of rhymes, which are indispensable sources for poetry translation.

The theoretical significance of the article consists in its contribution to the study of means of rendering poetic structures and imagery from Russian/Belarusian into English.

The practical value of the article consists in a detailed empirical analysis of consecutive steps and strategies when doing poetic translation. The main conclusions and concepts of the article can be used in the university teaching, in general and special courses in the theory and practice of fiction and poetry translation.

Key words: poetic translation; rhymed poetry; rhythmical structure; syntactical structure; poetic imagery; the rhetoric of the poem; poetic metaphor; equivalent; verification

REFERENCES

1. Bassnett, S. (2002). *Translation Studies. Edition: 3rd*. London: Routledge, 2002.
2. Veitsman, A. Brodsky in Translation. Fleeting Comments. *Zhurnalny Zal*. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2007/56/ve36.html> (accessed: 7 January, 2017).
3. Sedakova, O. M.L. Gasparov and the Inertia of Soviet Translation. URL: <http://olgasedakova.com/127/1820> (accessed: 26 December 2016).
4. Tupman, S. (2012). *Why Lawyers Should Eat Bananas*. Transl.: S.V. Ragachewski, P.A. Smykovskaya. Minsk: Tesey.
5. Tatashev, A. On Different Approaches to Poetic Translation. *Proza.ru*. URL: <http://www.proza.ru/2015/02/19/2148>. (accessed: 7 January, 2017).
6. Gumiliov, N.S. (1991). Nine Commandments of a Translator In *English Poetry — from Folk Ballads to the Pre-Raphaelites — in translations 1918—1921*. N.S. Gumiliov (ed.). Moscow: ART-FLEX. pp. 12—16.
7. Nikolaev, S.G. About One Poem by Brodsky and its Translation Done by the Author. *Relga.ru*. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1932&level1=main&level2=articles> (accessed: 7 January, 2017).
8. Nikolaev, D.Yu. & Rudych, A.M. Foreign Poetry Translation. URL: www.istu.edu/docs/science_periodical/mvestnik/nikolaev.doc (accessed: 7 January, 2017).

Для цитирования:

Рогачевская М.С. Жесткая проза перевода поэзии: Стихи не-гения, перевод не-носителя... // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 564—574. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-564-574.

For citation:

Ragachewskaya, M.S. (2018). Hard prose of poetry translation: Poetry written not by a genius, translated not by a native speaker... *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 564—574. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-564-574.

Сведения об авторе:

Рогачевская Марина Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы Минского государственного лингвистического университета (Беларусь); переводчица; *научные интересы:* современная зарубежная литература; художественный перевод; психоанализ; *e-mail:* marinaragachewskaya@gmail.com

Information about the author:

Marina S. Ragachewskaya, PhD, Associate Professor at the Department of world Literature, Minsk State Linguistic University (Belarus); translator. *Academic interests:* Contemporary world literature; fiction and poetry translation; psychoanalysis; *e-mail:* marinaragachewskaya@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

УДК: 811.161.1'367.626.8

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-575-594

К ВОПРОСУ О МЕСТОИМЕНИИ *ОДИН ОДНОГО*

И.В. Труфанова

Московский Центр развития кадрового потенциала образования
Авиационный переулок, 6, Москва, Россия, 125167

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что в лингвистической литературе неоднозначно трактуется объем возвратных местоимений, с одной стороны, существует несколько разных классификаций местоимений по семантике, с другой стороны, местоимение *один одного* относят к разным семантическим разрядам. *Один одного* не было предметом специального лингвистического исследования. Целью автора является обоснование принадлежности *один одного* к возвратным местоимениям и установление его места в группе возвратных местоимений. Материал был собран нами в Национальном корпусе русского языка. Метод подстановки на место *один одного* местоимения *друг друга* позволил получить следующие выводы. У *один одного* существует множество омонимов среди прилагательных, наречий, союзов, вводных слов. Возвратное местоимение *один одного* во всех падежных формах допускает замену на *друг друга*, его омонимы не допускают такой замены. Метод подстановки *друг друга* на место *один одного* позволяет установить, что перед нами: возвратное местоимение или фразеологизм, принадлежащий к другой части речи. В винительном падеже анализируемое местоимение имеет формы для замещения имен одушевленных и неодушевленных субъектов, не всегда возможна его замена на *друг друга* в других падежах, когда субъекты одинакового действия — не лица. *Один одного* относится к одушевленным и неодушевленным, а *друг друга* по преимуществу к одушевленным. Результаты данного исследования могут быть использованы в лексикографии при уточнении частеречной принадлежности омонимов *один одного* и в морфологии при разработке семантических классификаций местоимений.

Ключевые слова: местоимения, семантическая классификация местоимений, возвратные местоимения, взаимные местоимения, определительные местоимения, *один одного*, *один другого*, *друг друга*, анафора

ВВЕДЕНИЕ

При традиционном понимании местоимений к возвратным местоимениям относят только одно слово — местоимение *себя* [1. С. 36; 2. С. 360; 3. С. 563; 4. С. 48; 5. С. 146; 6. С. 21]. При разных вариантах широкого понимания объема возвратных местоимений в их состав включают еще *друг друга* [7. С. 172; 8; 9. С. 11; 10. С. 256—258; 11. С. 82; 12. С. 198; 13—15; 16. С. 18; 17. С. 231], *друг дружку* [8. С. 13; 13; 16. С. 18], *один другого* [8. С. 13] и *один одного* [8. С. 13; 13].

Возвратное местоимение определяют в соответствии с тем, какую функцию местоимений считают основной: заместительную [18—24] или указательную [25].

При втором подходе пишут, что возвратное местоимение указывает на то, что действие, состояние распространяется на субъект, о котором идет речь [2. С. 360], на предмет, который является объектом своего собственного действия [3. С. 536], указывает на тождество субъекта с объектом [5. С. 146]. Реальное значение возвратного местоимения определяется значением подлежащего [3. С. 536].

При первом подходе пишут, что стандартный способ употребления возвратного местоимения — анафорический [10. С. 258]. «Общее значение возвратности проявляется в специфике анафорической функции: возвратные местоимения осуществляют возврат к высказыванию, частью которого они являются. При чем суть устанавливаемой анафорической связи — отношения кореферентности, то есть совпадение референта возвратного местоимения и референта другого члена высказывания (чаще всего субъекта)» [8. С. 4].

С.А. Крылов делит местоимения на дейктические и кванторные, внутри дейктических выделяет ситуционно-дейктические (личные 1 и 2 лица, указательные) и контекстно-дейктические (анафорические, отсылающие к высказыванию, в которое они входят), среди них возвратное *себя* и взаимное *друг друга* [26. С. 9]. П. Пипер выделяет 11 возвратных местоимений и делит их на местоимения внутренней и внешней характеристики. В числе первых он называет *себя*, в числе вторых *друг друга* [11. С. 82]. У местоимения *друг друга* выделяет два значения: взаимность действия и несовместимость двух субъектов в пространстве или во времени (*друг перед другом стояли, друг за другом выходили*) [11. С. 84—85].

А.В. Исаченко [27] местоимение *друг друга* считает одновременно возвратным и взаимным. А.Ф. Гайнутдинова квалифицирует *друг друга* как взаимно-возвратное [2. С. 5]. В.Н. Мигирин, А.В. Крылов [28. С. 70; 29; 26. С. 9] относят к взаимным местоимениям *друг друга*, М.И. Откупщикова [30. С. 66—67] *друг друга, один другого, друг другу*, Ю.И. Леденёв [31. С. 71—73] *друг друга* и *один одного*.

И.Е. Шувалова [32. С. 17—18] квалифицирует *друг друга* как определительное местоимение, как фразеологизированный вариант местоимения *другой*.

А.А. Камынина выделяет разряд местоимений без названия и включает в него фразеологизмы *друг друга* и *один другого* [33. С. 129—130].

В.И. Даль у слова *один* выделяет значение «другой», «отличный от данного», но иллюстрирует его примерами с *один одного*. **Один одного краше. Один одному не указ. Один одному не верят. Один одного (одно одного) стоит** [34].

Ю.И. Леденёв перечислил «только некоторые» глаголы, с которыми употребляется *друг друга*. Это: 1) видеть, ненавидеть, беречь, защищать; 2) доверять, помогать, мешать; 3) любоваться, восхищаться, быть довольным или недовольным друг другом; 4) оставаться, страдать друг без друга; 5) уставать, отвергнуться, отдалиться друг от друга; 6) стараться, работать, жить друг для друга; 7) стремиться, приближаться, питать какое-либо чувство, обращаться друг к другу; 8) встречаться, ссориться, драться, бороться друг с другом; 9) обижаться, задаваться, красоваться друг перед другом; 10) заботиться, забывать, вспоминать, рассказывать друг о друге [31. С. 71—73]. Забегая вперед, скажем, что *один одного* тоже употребляется с данными глаголами.

А.Ф. Гайнутдинова проанализировала употребление местоимения *друг друга* с производными предлогами *навстречу, напротив, кроме, благодаря, наперекор, наперерез, мимо, против, после, подле, возле, близ, относительно, сквозь, вокруг, недалеко от, за счет, в отношении, рядом с* [8], кроме того, изучила синтаксические функции *друг друга* и установила, что данное местоимение может быть дополнением, обстоятельством, определением. А.Ф. Гайнутдинова считает *друг другу* специфическим местоимением русского языка и утверждает, что «в иных славянских языках русскому местоимению *друг друга* нет прямых соответствий (могут использоваться формы, аналогичные русскому *один другого*)» [8. С. 13].

Больше других лингвистов внимания местоимению *один одного* уделил М.А. Шелякин. О местоимении *себя* он пишет следующее. Возвратное местоимение *себя* указывает на предметы, которые являются объектами, совпадающими с субъектами.

Возвратное местоимение выполняет анафорическую функцию внутри предложения по отношению к любому носителю данного действия или состояния. Предмет, на который указывает возвратное местоимение, может занимать не только позицию подлежащего, но и другие синтаксические позиции. Возвратное местоимение *себя* соотносится прежде всего с собственно личными местоимениями *я, ты, он* в личном употреблении и с существительными — названиями людей; в меньшей мере с существительными — названиями животных. Реже встречается употребление местоимения по отношению к неодушевленным существительным: *расходы, оправдавшие себя; комедия, заключающая в себе любовную интригу* [13. С. 30]. Форма единственного числа *себя* является семантически нейтрализованной, так как замещает как имена субъектов в форме единственного числа, так и имена субъектов в форме множественного числа: *Эти люди себя не любят, не берегут*.

Возвратные местоимения он подразделяет на лично-возвратное местоимение *себя* и взаимно-возвратное *друг друга* [13. С. 28—32]. Взаимно-возвратное местоимение семантически напоминает возвратное местоимение *себя*, но в отличие от него указывает на объекты, тождественные разным носителям одного и того же действия. Взаимно-возвратное местоимение *друг друга* выполняет анафорическую функцию внутри предложения по отношению к любым носителям действия. Однако взаимно-возвратное местоимение может заменять и имена объектов или не иметь непосредственного подчинения предикату: *Он сравнил роман и пьесу друг с другом. Петя и Ваня пристально следили за ошибками друг друга*. Семантическая близость взаимно-возвратного и возвратного местоимений обнаруживается также в том, что первое местоимение в форме творительного падежа и дательного падежа синонимично второму с предлогом *между*: *Они о чем-то оживленно говорили друг с другом / между собой. Эти отрезки равны друг другу / между собой*. Взаимно-возвратное местоимение употребляется при обозначении в предложении множественности разных субъектов, которые могут быть представлены формой множественного числа существительного или местоимения, сочинительным сочетанием существительных или местоимений, количественно-именным цельным словосочетанием, формой множественного числа глагола.

У взаимно-возвратного местоимения *другу другу* М.А. Шелякин выделяет разговорные варианты: *друг дружку, один другого, один одного* [13. С. 28—32].

Друг друга подобно *себя* изменяется по падежам и не имеет формы именительного, при этом изменяется только вторая часть. В *один одного* изменяются первая часть по родам: *один в один, одна в одну, одно в одно*, вторая часть по падежам.

У возвратного местоимения *один одного* в разных падежных формах много омонимов среди других частей речи, многие из них отражены в толковых и фразеологических словарях. Напр., вводное слово. «Одно к одному (разг.) — вводн. слово в знач.: заодно, к тому же, кстати, одно вместе с другим. Пиши в четверг, одно уж к одному, а может в пятницу, а может и в субботу, — я должен у вдовы, у докторши крестить. Грибоедов» [35]. Значения «похожи» и «отборные» у *один к одному, один в одного, один в один, один в одного, один к одному, одна к одной, одна в одну, одно к одному, одно в одно* описаны в [36—38].

В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина приводят в своем словаре следующие диалектные фразеологизмы: *один по одному* в значении «одному за другим, каждому» (карельское); *одна на одну* в значении «наедине, без свидетелей» (в Прикамье), *один под один* в значении «об очень похожих, одинаковых предметах, людях» (волгоградское), *одна под одну* в значении «о ряде похожих предметов» (сибирское), *одно в одно* в значении «одинаково» (волгоградское), *один на одно* в значении «вплотную» (карельское), *один на одине* в значении «одиноко, отдельно» (рязанское), *одно при одном* в значении «одновременно» (карельское), *есть один одного* в значении «вредить, постоянно причинять неприятности друг другу» (сибирское) [36. С. 461].

Возвратное местоимение обозначает объект действия, совпадающий с субъектом того же действия. Местоимения *друг друга* и *один одного* употребляются в ситуации с двумя (несколькими) субъектами и двумя (несколькими) объектами действия, при этом каждый субъект является объектом действия другого субъекта. *Друг друга* и *один одного* обозначают субъектов и объекты взаимно направленных действий.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Беспредложный родительный падеж *один одного*

Один одного — возвратное местоимение

При степени сравнения *один одного* является сказуемым, подлежащее выражено формой множественного числа. Степень сравнения входит в состав цельного словосочетания с *один одного*. *Один одного* в данном случае не может быть заменено на *друг друга*, но заменяется на *один другого*.

Сарафаны один одного лучше, бабы все глаза проглядят на франтиху: по вороту, по подолу, по широким на подолах оборкам позументики разные канительные, прошивки да пуговки (С. Клычков. Князь мира).

У него был полон стол детей, и один одного меньше (С. Семенов. Дедушка Илья).

Киятры, комедии, лиминации, а в публику выйдешь — один одного именитей (А. Фет. Дядюшка и двоюродный братец).

Родительный падеж с предлогами

Один у / от / для / около / без / против одного —
возвратное местоимение

Один одного с предлогом у употребляется при глаголах интеллектуальной деятельности, речи. Возможна синонимическая замена на друг у друга. Один от одного обозначает большую отдельность субъектов одинакового действия, друг от друга — большую слитность, спаянность.

*Они со Щукарем **один у одного** обучаются...* (М. Шолохов. Поднятая целина).

*Жители вообще все интересуются знать и **один у одного** спрашивают, когда будет коронация...* (И. Евневич Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора И.И. Евневича).

С предлогом *от* местоимение употребляется при глаголах местоположения.

*В глухих чащах по берегам Енисея, других рек и речушек разбросаны таежные хутора, «станки», **один от одного** на неделю, а то и на три недели пути...* (Ю. Трифонов. Отблеск костра).

*И тут я понял, что подошли мы с сыном к германской столице разными путями, но находимся **один от одного** поблизости* (М. Шолохов. Судьба человека).

С предлогами *без*, *для* местоимение употребляется при глаголах со значением «жить», «делать», «работать».

Один без одного** просто жить не могли. Всегда вместе, один за одного и **один для одного (П. Загребельный. Диво. Пер. И. Карабутенко).

С предлогами *около*, *возле* местоимение *один одного* употребляется при глаголах местоположения.

*Окружили деревню так, что сидели **один около одного, один около одного...*** (А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник. Я из огненной деревни...).

*И железные кровати, очень много железных кроватей, они **одна возле одной** стоят* (С. Алексиевич. Время секунд хэнд).

При глаголах в значении «сражаться» *один против одного* является возвратным местоимением.

*Отчего не двадцать против двадцати? Отчего не **один против одного**? Никак одно не логичнее другого* (Л.Н. Толстой Севастопольские рассказы).

*Ребята, вы их не перебегаете, поставь **один против одного** — все вы окажетесь слабее* (Д. Туманов, А. Бубнов. От своей штрафной до чужой — за 6 секунд! // Советский спорт, 2004.03.23).

Во всех перечисленных случаях возможна замена *один одного* на *друг друга*.

Один до одного — определительное местоимение

Определительное *один до одного* замещается определительным местоимением *все*, на его место невозможно подставить ни *друг до друг*, ни *один другого*.

*Собрал все осколки, **один до одного**. Все примеры **один до одного** решил. Все блины **один до одного** съел.*

Беспредложный дательный падеж

Один одному — возвратное местоимение

В дательном падеже местоимение употребляется при глаголах изменения положения в пространстве и глаголах со значением «дать», «подать», при прилагательных, указывающих на родство, привязанность. В обоих случаях является дополнением. Синонимичная замена на *друг другу* возможна во всех случаях.

Будем там с тобой, Федя, встречаться чужие один одному... (М. Шолохов. Тихий Дон).

Ну, лизим, один одному на плечи тай на голову становимся... (А. Серафимович. Железный поток).

Ханы эти, коли б довелось друг друга из воды вытащить, так один одному бы руки не подал (В. Даль. Рассказ об осаде крепости Герата).

Дательный падеж с предлогами

Один к одному — возвратное местоимение

Возвратное местоимение *один к одному* употребляется при глаголах движения. Замена на *друг к другу* возможна.

Если кому из нас определит судьба умереть в отдаленнейших краях, то станем один к одному ездить на почтовых (И. Лапин. Дневник. 1817).

У местоимения *один к одному* много омонимов.

Один к одному — имя прилагательное

Один к одному употребляется как адъективный фразеологизм со значениями «похожи» или «отборные». В значении «похожи(е)» *один к одному* выполняет синтаксическую функцию сказуемого, реже определения. В значении «отборные» *один к одному* является в предложении сказуемым при подлежащем в форме множественного числа. На *друг к другу* не заменяется в обоих случаях.

А главное: я никогда больше, до конца дней своих, не увижу в одной комнате такого множества, один к одному подобранных, падиших людей (Л. Чуковская. Процесс исключения).

Двенадцать поколений предков — и все изверги, один к одному! (Е. Шварц. Обыкновенное чудо).

Как бусы — / один к одному денечки земной / ожерельем увешали / шар, а ты — посиди, / охладись в одиночке, смири свою молодость, / радость, жар (Н. Асеев. Его университеты).

Столько же сыновей мужик поднял, и все один к одному (А. Ливеровский. Журавлиная родина. Рассказы охотника).

Она не смогла их сосчитать, только различила, что это настоящие, закамуфлированные под цвет пустыни тяжелые танки, все как на подбор, один к одному (В. Михальский. Храм Согласия).

Кедры были один к одному, все как на подбор: высокие, сукастые, с мягкой зеленой хвоей (Г. Марков. Строговы).

Мужики у Дремова один к одному — не скособочены цинизмом, не окривлены злобой, не сгорблены отчаянием (З. Ибрагимова. Травма. Показания потерпевшей // Огонек, 1991, № 16).

Один к одному — наречие

При глаголах местоположения, размещения *один к одному* имеет значение «вплотную» и является наречием образа действия. *Другу к друг* подставить на место *один к одному* невозможно.

Предложения располагаются один к одному, как строчки в стихах или в хорошем отчете (Н. Елисеев. В упряжке с веком).

Играли скользкие блики фонарей на мокрых бульжниках, уложенных плотно, один к одному, подобно скользким ухмылкам на лицах зала (А. Вознесенский. На виртуальном ветру).

Шесть разномастных столов, собранных у соседней, стояли торцами один к одному во дворе (Г. Щербакова. Ах, Маня...).

Ну кто бы мог узнать в изящном человеке во фраке с черной в вишневую крапинку бабочке, с прической, где волосок приглажен один к одному, кто бы мог узнать в нем прежнего Инокентьева, нечесаного и небритого, в старом замусоленном пиджаке и огромных рабочих ботинках? (Ю. Азаров. Подозреваемый).

У О. Мандельштама встретилось наречие *один к одному* со значением «сплошь».

И опять к равнодушной отчизне Дикой уткой взовьется упрек, — Я участвую в сумрачной жизни, Где один к одному одинок! (О. Мандельштам. Воздух пасмурный влажен и гулок...).

При глаголах интеллектуальной деятельности *один к одному* — наречие со значением «точно».

Очень быстро идеологи стали перенимать один к одному западные технологии разрушения символов, например, искажение смысла праздников (С. Кара-Мурза. Что с нами сделали за десять лет).

А главное: я никогда больше, до конца дней своих, не увижу в одной комнате такого множества, один к одному подобранных, падиших людей (Л.К. Чуковская. Процесс исключения (Очерк литературных нравов)).

Один к одному в значении «вместе, в совокупности» является наречием.

Тут все один к одному, и не думаю, что фактор «пластикового» поля играет главную роль (А. Бубнов. Фактор Веллтона // Советский спорт, 2011.09.30).

А в Японии мы очень любим выступать, нас там хорошо всегда принимают, да и сами мы себя там хорошо чувствуем. В общем, все один к одному (М. Петрова, А. Тихонов. Мы еще не завоевали главной медали // Советский спорт, 2007.02.05).

Там все один к одному сошлось: хорошая команда и толковый тренер (П. Созонтов. Экс-полузащитник «Виллема II» Евгений Левченко: Булыкин в Голландии, как Юлий Цезарь // Советский спорт, 2011.07.19).

Прямо как-то и не верится, что вот все беды один к одному сами по себе сошлись... (Замораживая стоимость дешевых продуктов, государство помогает богатым? // Комсомольская правда, 2007.11.23).

Один к одному в значении «так и есть, в самом деле, действительно» — модальное наречие.

Один к одному «Герой дня». Те же паузы, та же мрачная обрюзгшая физиономия, желтая от грима, те же неопределенные вопросы тетеньки-ведущей (Т. Устинова. Персональный ангел).

— *Этого надо было ожидать. Это — один к одному.* — *Но почему?* (В. Шукшин. Медик Володя).

Замена на *друг к другу* невозможна во всех случаях.

Один к одному в значении «сходится»

Один к одному в значении «сходится» ведет себя как глагол, выполняет функцию сказуемого.

Друг к другу на место один к одному подставить невозможно. Слушай. Нигде нет. Все один к одному. На кухне никого нет (А. Савельев. Аркан для букмекера).

А теперь вижу — все один к одному (В. Пелевин. Generation «П»).

Один к одному — два количественных числительных

Один к одному может быть двумя количественными числительными с предлогом, когда обозначает масштаб, пропорцию.

В Бразилии бензин разбавляется спиртом в отношении один к одному, что резко снижает его стоимость (В. Мясников. Водка).

В пропорции один к одному: час готовилась, час целовались (О. Некрасова. Платит последний).

Образуетя, вы все принимаете в масштабе один к одному (Д. Гранин. Иду на грозу).

Несколько месяцев она ходила со всеми на солончаки, собирала соль, несла ее на станцию, дождалась астраханского поезда и часть меняла — по весу, один к одному — на рыбу (А. Иличевский. Воробей // Новый Мир).

Один к одному — два неопределенных местоимения

Первое *один* — одушевленное, второе *один* — неодушевленное. Это два разных слова *один*, оба являются неопределенными местоимениями.

Я сказал, что в большей или меньшей степени мы все глухи — один к одному, другой к другому (А. Гольденвейзер. Вблизи Толстого).

Один к одному, другой к другому, сотый к сотому, хотя к подлому званию или ремеслу, но не к бесчестному, а для него забавному и полезному, если устремляется с Богом, щаслив (Г. Сковорода. Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира).

Один по одному — возвратное местоимение

Один по одному употребляется с глаголами со значением «скучать, печалиться, плакать» и глаголами движения и глаголами присоединения, прибавления.

Будем один по одному скучать.

С глаголами движения *один по одному* заменяется на *друг за другом*. Замена невозможна, если субъекты — носители одинакового действия — не лица.

Барышни все, одна по одной, подошли ко мне (Н. Кохановская. После обеда в гостях).

Один по одному бойцы замедлили, затормозили тупое движение на цель, роняли винтовки, макеты (В. Астафьев. Прокляты и убиты).

*И вот двинулись в таежный край, на реку Мару, плотники и срубили в разных местах по бараку. К баракам **один по одному** присоединились домишки, и получились поселки* (В. Астафьев. Перевал).

Беспредложный винительный падеж

С глаголами активного действия и глаголами эмоционального отношения (типа *любить, ненавидеть, уважать*) употребляется возвратное местоимение *один одного*. Возможна синонимическая замена на *друг друга*.

Один одного ненавидят давно. Один одного всегда уважали.

*А немного погодя заговорили вполголоса, зашептались: кто откуда, какой области, как в плен попал; в темноте товарищи из одного взвода или знакомцы из одной роты порастерялись, начали **один одного** потихоньку окликать* (М. Шолохов. Судьба человека).

*Ходят люди оцупкой, как слепые, сходятся и расходятся, иной раз топчут **один одного**...* (М. Шолохов. Тихий Дон).

*На этой-то худобе и работал Семка, а с такой справой да с семьей, где шестеро детей **один одного** нянчат, каждому известно — много не сработаешь* (М. Шолохов. Калоши).

Винительный падеж с предлогами

Один за/на одного — возвратное местоимение

При глаголах со значением «стоять, защищать» является возвратным местоимением. Сказуемое при нем стоит в форме множественного числа.

*Один одного в данном случае заменяется на друг за друга. Мы все **один за одного** стоим. Вот против таких, как ты вроде...* (Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания).

***Один за одного** мы — в воду и в огонь!* (Д. Бедный. Лапоть и сапог).

При глаголах со значением «указывать» замена *один на одного* на *друг на друга* возможна, если сказуемое в форме множественного числа. В очень редких случаях сказуемое может стоять в форме единственного числа.

*Стали нашу Растеряевку потрошить: кто избу разбирает? — никто не признается, **один на одного** сворачивает* (Г. Успенский. Нравы Растеряевой улицы)

Один в один — возвратное местоимение

Оно употребляется при глаголах размещения. Замена на *друг в друга* возможна.

*Внутри сарая, у двери, стояли прислоненные к стенке, вставленные **один в один**, новые сосновые гробы* (В.П. Катаев. Время, вперед!).

У возвратного местоимения *один в один* много омонимов.

Один в один — имя прилагательное

Адъективный фразеологизмы *один в один* имеют значения «похожа» или «отборные». Замена на *друг в друга* невозможна в обоих случаях. Подлежащее при *один в один* в значении «похожа» может быть в форме единственного числа.

*Нет, не Акулина... Хотя очень похожа. Гримаса — **один в один*** (Е. Лукин. Грехи наши тяжкие).

*Это слово «сплошь» напомнило мне и предстоящие картины приближающейся родины: и поля, и колосья, и клячки, и земля, и небо, и деревья, и птицы, и избы, и мужики, и бабы, — все **одно в одно, один в один**...* (Г. Успенский. Очерки переходного времени).

Подлежащее при *один в один* в значении «отборные» в форме множественного числа.

*Вот у Сережки мы были на новоселье, вот у него огурчики были **один в один**, как патроны в обойме* (Д. Драгунский. Матрица // Частный корреспондент, 2010).

*У нее были яркие черные глаза, опушенные густыми ресницами, белая чистая кожа, правильные черты лица, правда, нос подгулял — был чуть-чуть уточкой, полные яркие губы, зубки **один в один*** (В. Михальский. Весна в Карфагене).

*Их была мощная поросль, — роща с десяток дубов, **один в один**: Уэллс, Киплинг, Анатолий Франс, Бернард Шоу, Горький, Метерлинк, Манн* (А. Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента).

Один в один — наречие

Наречный фразеологизм *один в один* имеет значение «точно». Замена на *друг в друга* невозможна.

*Консультант по имиджу вспомнила, что в зале осталась всего одна пара туфель неповторимого оттенка, **один в один** совпадающего с изумрудной тканью костюма* (Л. Стоцкая. Как одеться от «Эр Франс» // Бизнес-журнал, 2004.01.22).

Один в один — союз

Союз *один в один* имеет значение «как, точно, словно, точь-в-точь».

*Действие магнитов не зависит от того, в какую оболочку они заключены, — буркнул Остер, чувствуя, что краснеет — **один в один** помидор с доски* (Д. Колодан, К. Шаинян. Над бездной вод).

*Рядом с Инкой стояла женщина дородная, степенная, **один в один** — самка ондатра...* (У. Нова. Инка).

*Не зная, чем можно порадовать будущую жену миллиардера, я слонялся среди полок ее любимого магазина, о котором она мне когда-то рассказывала, пока не увидел пару увесистых серезжек синего стекла, **один в один** кристаллы от люстры* (А. Снегирев. Черный асфальт, желтые листья // Октябрь, 2014).

Один на один — возвратное местоимение

Один на один в значении «один против другого» является возвратным местоимением. Синтаксическая функция такого местоимения — дополнение.

*Рыча и кидаясь **один на один**, Выходит свирепое племя льдин* (В. Луговской. Сорока под вечер мне крикнула — жди!..).

Один на один при глаголах размещения — возвратное местоимение.

*На вершукке этой башни, на этот мраморный столб Положите две денежки, два динария, **один на один*** (О. Мандельштам. Паломничество Карла великого в Иерусалим и Константинополь).

Один на один — наречие

Если сказуемое при *один на один* в значении «один против другого» стоит в форме единственного числа, *один на один* является наречием образа действия. Замена его на *друг на друга* невозможна.

*Другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнёт, уверяет, что простудился, ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана **один на один**...* (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

*В противоположной итрафной доселе незаметный Вьери вышел **один на один**, но не смог обыграть Буффона* (Ф. Бахтин. Первая кровь. «Интер» — «Ювентус»: лидеры итальянского чемпионата играют вничью // Известия, 2002.10.20).

*На 75-й минуте Миральяс вышел **один на один** с вратарем американцев, но тот отразил удар ногой* (А. Сычев. Бельгия сыграет с Аргентиной в четвертьфинале ЧМ // Известия, 2014.07.02).

Один на один в значении «наедине, с глазу на глаз, тет-а-тет, одни» является наречием.

*Он внезапно выпадает из контекста семейной жизни и остается **один на один** со своими переживаниями* (Е. Власова Дети и смерть // Домовой, 2002.08.04).

*А когда они оставались **один на один** и он брался за кроссворд в газете или за телефонную трубку, чтобы поговорить с приятелями, она выражала явное недовольство* (С. Кулябин. Он и она // Труд, 1989).

В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой два разных *один на один* описаны в одной статье. «Один на один 1) наедине, с глазу на глаз. Остаться один на один с гостем; 2) друг против друга, один против другого. Борцы сошлись один на один» [37]. Во втором значении *один на один* — возвратное местоимение.

Один на один в значении «в одиночестве» является наречием.

*Я **один на один**, никого в полутемной игре, никого на мосту, никого за щитами реклам* (Л. Аронзон. Возвращение).

*Чистой смертыньки пойду искать, От соседей уйду, от хозяйюшки, **Один на один** умирать пойду* (З. Гиппиус. Песня о голоде).

*Тогда я еще не понимала до конца, что каждому суждено переживать свое горе в одиночку, **один на один** с самим собой* (Л. Уварова. Дома стены помогают).

В лирике возможно обнаружить контаминацию значений и частей речи в одном фразеологизме.

*Я вычерпал душу до глины, до темных астральных пружин, чтоб вычислить две половины и выйти **один на один*** (А. Еременко. Дорога выходит из леса...).

Один на один — фразеологизм со значениями «в одиночестве» и «одна часть во мне против другой (о диалогичности сознания, о борьбе злого против доброго в человеке)», наречие и возвратное местоимение.

Один в одного — возвратное местоимение

Возвратное местоимение *один в одного* имеет значение «один против другого». Возможна замена на *друг в друга*.

*Сошлись они на бугре с красными, зачали палить **один в одного*** (М. Шолохов. Тихий Дон).

У возвратного местоимения *один в одного* много омонимов среди других частей речи.

Спортивный термин *один в одного* — наречие

Спортивный термин выполняет синтаксическую функцию обстоятельства или несогласованного определения, что позволяет отнести его к наречиям, он не допускает замену на *друг в друга*.

При позиционной обороне «один в одного» стоит одному игроку уступить в персональной борьбе — сразу возникает опасность у ворот (Б. Майоров. Казанцев тоже «арестуют»? // Советский спорт, 2010.04.14).

У каждого звена и игрока есть свое задание — где-то грязно сыграть, против кого-то — один в одного (В. Борисова, Е. Кузнецов. «Каждый матч с „Динамо“, как последний бой в жизни» // Известия, 2013.04.16).

Активно начали второй тайм игроки сборной России, начали прессинговать один в одного (Е. Корсунская. ЧЕ по мини-футболу. Финал. Сборная России уступила Испании в овертайме // Советский спорт, 2012.02.12).

Один в одного — прилагательное

Один в одного в значениях «похожи» и «отборные» является прилагательным. Это два разных фразеологизма. Замена на *друг в друга* невозможна ни в одном из данных случаев.

Вся семья таковская! один в одного! — упрямо подтвердил кузнец (Д.В. Григорович. Переселенцы).

Четверо ее ребят на этом припеке росли один в одного, рослые, крепкие (Л. Улицкая. Бронька).

Не стыдно показать товар. Бычки — один в одного (В. Катаев. Белеет парус одинокий).

Беспредложный творительный падеж

Один одним — возвратное местоимение

Один одним употребляется с глаголами эмоционального отношения. Заменяется местоимением *друг друга*.

Один одним любят, налюбоваться не могут. *Один одним* недовольны остались.

Украинское *один одним* имеет омонимы, один из которых переводится на русский язык прилагательным «одинёшенек» («единственный»). Подстановка вместо него *друг другом* невозможна. Это прилагательное.

Один одним духовник о. Антоній їх не цурався і доріженьку протирав (А. Свидницький. Люборацькі).

Один-единственный, духовник о. Антоний, их не чурался и дорожкой той хаживал (А. Свидницький. Люборацькі. Пер. А. Деев).

Другой фразеологизм *один одним* переводится с украинского языка возвратным местоимением *друг другом*.

І знову ми переглянулися з Едиком і залишилися вдоволені один одним (Ю. Мушкетик. Обвал).

І опять мы переглянулись с Эдиком и остались довольны друг другом (Ю. Мушкетик. Обвал (перевод — Н. Крючкова)).

Один-одним — имя прилагательное

В [36. С. 461] *один одним* описано как волгоградское в значении «одинёшенек» («единственный»). Подстановка вместо него *друг другом* невозможна. На письме пишется как фразеологизм, без дефиса или, как слово, через дефис, во втором случае компоненты могут следовать в обратном порядке.

*Тут он, глядите, стоит в толпе под яром, без шапки; лысина от бровей до затылка, прикусив губу, уставив зоркие глаза на рыболовного атамана, который **один-одним** разъезжает, ровно князь какой, по реке ...* (В. Даль. Уральский казак).

*Не тужи, вернулась волюшка: Ты **одна-одной** осталася. Твой Терентий-муж, Данилович, В чистом поле под ракитою... С головой лежит пробитою* (И. Суриков. Немочь).

*И не завидно ли, когда я погляжу, Как увиваются вокруг матери утяты, Как сыплют к курице дождем на зов цыпляты; А я, как сирота, **одним-одна** сижу* (И. Крылов. Кукушка и Горлинка).

*На свете и живу **одним-одна**... — говорила Домна Платоновна* (Н. Лесков. Воительница).

Творительный падеж с предлогами

Один за / над / под / перед / одним — возвратное местоимение

Один за одним в значении «поочередно» заменяется *друг за другом*, если субъекты одинакового действия — лица.

*И тянулись **один за одним** пройденные, чудилось, почти настоящие города — всех не перечесть и не упомянуть* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь, 2001).

*И вдруг за ним — невесть откуда, **один за одним** — стали появляться люди* (В. Шукшин. Калина красная).

*Потом следовали еще удары. **Один за одним*** (М. Тихомиров. Национальная демография).

Один над одним употребляется при глаголах размещения в пространстве и глаголах эмоционального действия. Замена на *друг над другом* возможна в обоих случаях.

*Смеются **один над одним**. Выше синего кафтана, бороды и желтого листа бумаги высятся зубчатые стены, за стенами лепятся **один над одним** золотые кокошники ...* (А. Чапыгин. Разин Степан).

В диалекте Волгоградской области [36. С. 461] и в украинском языке употребляется возвратное местоимение *один перед одним* в значении «друг перед другом», «один перед другим» при глаголах со значением «хвастать, соревноваться».

*Так они тогда наперегонки **один перед одним*** (Рассказ Миньковой о молодежи).

***Друг перед другом** они старались выказать ценность своих коней, богатство упряжи, красоту собственных нарядов, позолоченные луки на седлах ...* (Н. Костомаров. Малороссийский гетман Зиновий-Богдан Хмельницкий).

***Один перед одним** вони намагалися виставити цінність своїх коней, багатство упряжі, красу власного одягу, позолочені луки на сідлах ...* (М. Костомаров. Богдан Хмельницький. Перевод М. Ілляш).

С украинского языка *один перед одним* переводят и как *друг перед другом* при глаголах со значением «положение в пространстве», и как *друг против друга*. Это другие слова, отличные от *один перед одним* в значении «друг перед другом», которое употребляется в контексте соревнования, хвастовства.

Вони стояли один перед одним білі як крейда, постискавши кулаки, важко дихаючи. [Борис Гринченко. Серед темної ночі).

Они стояли друг против друга белые как мел, сжимали кулаки, тяжело дыша (Б. Гринченко. В темную ночь (перевод К. Трофимов).

Він, певне, так саме журиється своїм арештом, як Славко своїми іспитами. Один перед одним жалуватиметься на своє горе. Славко вже навіть уложив собі цілий план, у який спосіб поведе розмову, щоби виринула нагода признатися перед Потурайчиним до всього (Л. Мартович. Забобон).

Он, наверно, так же терзается своим арестом, как Славко своими экзаменами. Пожалуются друг другу на свое горе, Славко даже составил себе целый план, каким образом он заведет разговор, чтоб подвернулся случай признаться Потурайчину во всем (Л. Мартович. Суеверие (перевод — Г. Шипов).

Возвратное местоимение *один над одним* при глаголах *смеялись, подшучивали, подтрунивали* чаще встречается в украинском языке, на русский язык переводится как *друг над другом*.

А коли не було старших, то, буцім пишучи, спідлоба лукаво поглядав він на своїх товаришів, молодих та безжурних паничів, котрі вертілися, жартували один над одним, борюкалися, бігали — звісно, як молоді (П. Мирний. П'яниця).

А когда не было старших, он, притворяясь, будто переписывает, исподлобья лукаво поглядывал на своих товарищей, молодых, беззаботных панычей, которые вертелись, подшучивали друг над другом, боролись, бегали, — известное дело, молодость (П. Мирный Пьяница. Пер. И. Дорба).

Один перед одним — существительное

Один перед одним в значении «красавцы» является существительным, используется в функции сказуемого, употребляется в русских диалектах.

Мужиков — тьма, один перед одним, и не знаю, как вы, а я стала на мужиков бешеная, все б мне с ними любиться (С. Василенко. Ген смерти).

Один под одним — существительное

В диалекте Волгоградской области *один под одним* имеет значение «тьма», «множество», о множестве маленьких детей [36. С. 461]. Замена на *друг под другом* невозможна.

Я рассказал, что тут дворецкий приволок меня со скотного двора, а холопы подают уже скамейку и розги, и меня собираются сечь за то, что третий сынок Ивана Яковлевича воткнул сальный огарок в отцовскую пенковую трубку; четверо баричей стояли рядком и лесенкой, один под одним, вплоть у скамьи; Настасья Ивановна, отстояв детенышей своих, спокойно уходила из комнаты, принявшись уже за свою работу, за веретено; Иван Яковлевич стоял в зеленой куртке своей, грозный, величественный, держал распуценный клетчатый платок в руке и указывал тою же рукой на третьего сыночка своего, будто бы говорил: «Это, шельменок, следовало бы тебе, принимай на свой счет, гляди, уж я его не пожалую!» (В. Даль. Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей).

Предложный падеж

Один в / об одном — возвратное местоимение

Один в одном при глаголах размещения является возвратным местоимением. Замена на *друг в друге* возможна только в том случае, если носители одинакового действия — лица.

К столетию Н.В. Гоголя в 1909 году изготовили матрешку в виде городничего, внутри которого, один в одном, поместились все герои бессмертного «Ревизора» (В. Быков, О. Деркач. Книга века).

Китайские резные сферы города лежат одна в одной: листва, кирпично-красные стены, в них белые рамы, облупившиеся за сотни лет (стекла невидимы), за ними строгие старухи в черных очках, в которых отражается время (А. Балдин. Московские праздные дни).

Не одно в одном, а все вместе и вместе все (В. Некляев. Лабух. Пер. Д. Подберезский, Ева Эн).

Один об одном — возвратное местоимение при глаголах речи, мысли, эмоционального выражения. Можно заменить на *друг о друге*.

Будете плакать, печалиться один об одном. Год они вспоминали один об одном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Местоимение *один одного* выделяют М.А. Шелякин, Ю.И. Леденёв, А.Ф. Гайнутдинова. В пользу местоименной природы *один одного* свидетельствует его ситуативность, незначительный характер, указательность, контекстуальная соотнесенность, изоморфизм по отношению к местоимениям *себя, друг друга, один другого*. *Один одного*, как все возвратные местоимения, является контекстно-дейктическим, анафорическим, отсылающим к высказыванию, в которое входит. Реальным значением *один одного* является значение субъектов действия. В отличие от *себя* и подобно *друг друга*, оно отсылает к субъектам — носителям одинакового действия, каждый из которых является объектом данного действия со стороны другого субъекта. *Один одного* обозначает субъектов и объекты взаимно направленных действий.

Если субъекты общего, одинакового действия обозначены собирательными существительным (*дворянство, начальство, воронье*), а также близкими им существительными, указывающими на множество живых существ (типа *народ, толпа, команда, компания, власть, семья*), счетных существительных (*тройка, четверка*), а также существительных *множество* и *большинство* без зависимых слов, причем если указанные формы выполняют функцию подлежащего, то *один одного* используется при сказуемом в форме единственного числа.

Оба работали, оба одинаково устали, один от одного не отставал, тайком довольны друг другом... (В. Тендряков. Не ко двору).

Более типичной, однако, является форма множественного числа сказуемого.

Один одного выполняет синтаксические функции дополнения, обстоятельства, сказуемого, функцию сказуемого или обособленного определения в составе цельного словосочетания с прилагательным в сравнительной степени.

*Перед тем как устраиваться на ночевку, уйдем в степь и начинаем критику **один на одного** наводить, но все-таки признали **один одного** к партии годными, а там уж как вы промеж себя порешите, так и будет* (М. Шолохов. Поднятая целина).

*Они весь день **один одного** ищут. Выше синего кафтана, бороды и желтого листа бумаги высятся зубчатые стены, за стенами лепятся **один над одним** золотые кокошники, без лица — они идут кверху, а кверху горит на солнце золотой крест...* (А. Чапыгин. Разин Степан).

*Да за одним уже разом выпьем и за Сечь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы с каждым годом выходили из нее молодцы, **один одного лучше, один одного краше*** (Н. Гоголь. Тарас Бульба).

Возвратное местоимение *один одного* заменяется местоимением *друг друга* во всех падежных формах. Исключение составляет употребление *один одного* при слове сравнительной степени, здесь *один одного* заменяется на *один другого*. В винительном падеже анализируемое местоимение имеет формы для замещения имен одушевленных и неодушевленных субъектов, не всегда возможна его замена на *друг друга* в других падежах, когда субъекты одинакового действия — не лица. Значит, *один одного* относится к одушевленным и неодушевленным, а *друг друга* по преимуществу к одушевленным. А.А. Камынина [33. С. 128], В.Б. Евтюхин [10] писали, что местоимение *себя* указывает на то, что объект или адресат действия совпадает с субъектом действия, обычно одушевленным. *Друг друга* похоже на *себя* в отношении к одушевленности/неодушевленности.

Один одного имеет омонимы среди слов других частей речи: прилагательные, наречия, сравнительный союз, вводные слова, определительное местоимение (синонимичное определительному *все*); омонимы не допускают замены на местоимение *друг друга*.

В украинском языке *один одного* употребляется чаще, чем в русском.

Наличие в русском языке возвратных местоимений *себя, друг друга, один другого, один одного* обогащает синонимические возможности выражения, в предложении одно из этих местоимений может замещать другое.

*Муж расстрелян; она томилась в подвалах ЧК, затем власть имущие, соблазнившись ее привлекательностью, передавали ее **друг другу**, или, вернее сказать, вырывали **один у другого**...* (А. Хейдок. Храм снов).

*Два нравственных мира противопоставлены **один другому** и борются **между собою** под знаком единой Красоты: как решится спор, загадочный отрывок не говорит* (С. Бочаров. Из истории понимания Пушкина).

*Они **друг друга** любили, но не смели **один другому** объявить своей страсти и довольствовались самыми невинными забавами, препровождая время в разговорах* (Н. Новиков. Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год месяц июнь).

Форма мужского рода *один одного* встречается чаще форм женского и среднего рода.

© Труфанова И.В.

Дата поступления: 16.06.2018

Дата приема в печать: 6.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ермакова О.П.* Местоимения в русском языке. Москва: Флинта: Наука, 2008.
2. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М.: Аспект Пресс, 2003.
3. Русская грамматика. Т. 1. Москва: Наука. 1980.
4. *Сидоренко Е.Н.* Очерки по теории местоимений современного русского языка. Киев: Одесса: Лыбедь, 1990.
5. *Шанский Н.М., Тихонов А.Н.* Словообразование. Морфология. Москва: Просвещение, 1987.
6. *Юсупова З.Ф.* Местоимения русского языка. Теория и практика. Казань: Изд-во Казанского университета, 2014.
7. *Балалыкина Э.А.* Современный русский язык. Морфология. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003.
8. *Гайнутдинова А.Ф.* Возвратные местоимения в современном русском языке (функциональный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.
9. *Ерёмин А.Н.* Местоимения в просторечии (семантика и формальные особенности). Калуга: Изд-во Калужского госпедуниверситета имени К.Э. Циолковского, 1997. С. 3, 11.
10. Морфология современного русского языка. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. С. 256—258.
11. *Питер П.* О возвратных местоимениях в русском языке // Актуальные проблемы русской морфологии. М.: Изд-во Московского госуниверситета, 1988. С. 80—87.
12. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. Москва: Учпедгиз, 1941.
13. *Шелякин М.А.* Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление). Материалы к спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка». Тарту: Изд-во Тартуского госуниверситета, 1986. С. 28—32.
14. *Янко-Триницкая Н.А.* О местоименной природе «друг друга» // Русский язык в школе. 1975. № 1. С. 68—71.
15. *Янко-Триницкая Н.А.* Русская морфология. Москва: Русский язык, 1976.
16. *Шведова Н.Ю.* Русский семантический словарь. Т. 1. Москва: Азбуковник, 2000. С. 16—18.
17. *Караулов Ю.Н.* Русский язык: энциклопедия. Москва: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1997.
18. *Головёнкина Л.Х.* Местоимения в современном русском языке (функциональный аспект). Архангельск: Издательство Поморского университета, 2004.
19. *Brugmann K., Delbrück B.* Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1886—1900.
20. *Gundel J.K.* Zero-NP-anaphora in Russian: A case of topic-prominence // Chicago Linguistic Society. Papers from the Parasession on Pronouns and Anaphora. Chicago. 1980.
21. *Hankamer J., Sag J.* Deep and surface Anaphora. *Linguistic Inquiry*, 1976. V. 7. P. 15—21.
22. *Hirst G.* Anaphora in Natural language understanding. *Lecture notes in Computer science*. Eds. G. Goos and J. Hartmanis. Berlin—Heidelberg—New-Jork. 1981. V. 119.
23. *Postal P.M.* Anaphora isdans. *Papers from the Chikago Linguistic Societe*. 1965. V. 5.
24. *Reinhart T.* Anaphora and semantic interpretation. London—Canberra, 1983.
25. *Bosch P.* Agreement and anaphora: a studi of the role of pronoms in syntax and discourse. London: Acad press, 1983.
26. *Крылов С.А.* О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир: Изд-во Владимирского госпединститута имени П.И. Лебедева, 1989. С. 5—12.
27. *Исаченко А.В.* О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии. Москва: Наука, 1965. С. 159—166.
28. *Мигирин В.Н.* Опыт построения классификаций, прогнозирующих развитие местоимений и словообразовательных парадигм // Филологические науки. 1973. № 3. С. 68—75.

29. *Мигирин В.Н.* Язык как система категорий отображения. Кишинев: Штиинца, 1973.
30. *Откупщикова М.И.* Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Ленинград: Изд-во Ленинградского госуниверситета, 1984. С. 66—67.
31. *Леденёв Ю.И., Силько Л.А.* Класс местоимений в современном русском литературном языке. Ставрополь: Изд-во Ставропольского госуниверситета; Армавир: Изд-во Армавирского госпедуниверситета, 2007. С. 71—73.
32. *Шувалова И.Е.* Семантика русских местоимений. Курск: Изд-во Курского госуниверситета, 2007. С. 17—18.
33. *Камышина А.А.* Современный русский язык. Морфология. Москва: Изд-во Московского государственного университета, 1999.

Словари

34. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. Москва: Олма-Пресс, 2009. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/dal/558954.html> (дата обращения: 29.03.2017).
35. *Волкова Т.В.* Фразеологический словарь русского языка. Москва: Просвещение, 2014. Режим доступа: https://phrasebook_ru.academic.ru/978 (дата обращения 14.06.2018).
36. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. Москва: Олма Медиа Групп, 2007.
37. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://endic.ru/ozhegov/Odin-19860.html>. (дата обращения: 14.06.2018).
38. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва: Астрель, АСТ, 2008 // Режим доступа: <http://getword.ru/ru/slovari.php?table=fedDSL>. (дата обращения 14.06.2018).

УДК: 811.161.1'367.626.8

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-575-594

TO THE QUESTION OF THE PRONOUN ONE

Irina V. Trufanova

Moscow Center for Human Resource Development
Aviatsionny pereulok, 6, Moscow, Russia, 125167

Abstract. The relevance of the selected topic is due to the fact that in the linguistic literature the volume of return pronouns is ambiguously interpreted, on the one hand, there are several different classifications of pronouns on semantics, on the other hand, the pronoun one refers to different semantic categories. One was not the subject of a special linguistic study. The author's goal was to substantiate the belonging of one to the return pronouns and to establish his place in the group of returnable costs. The material was collected by us in the National Corps of the Russian language. The method of substituting one of each other's pronouns yielded the following conclusions. One has a set of homonyms among adjectives, adverbs, conjunctions, opening words. The return pronoun one in all case forms allows a substitution for each other, its homonyms do not allow such a replacement. The method of replacing each other in place of one and the same allows us to establish that before us: a reflexive pronoun or phraseology belonging to another part of the speech. In the accusative case, the pronoun being analyzed has forms for replacing the names of animate and inanimate subjects, it is not always possible to replace it with one another in other cases, when subjects of the same action are not persons. One is related to the animated and the inanimate, and each other is primarily animate. The results of this study can be used in lexicography when specifying the part-time homonyms of homonyms one and one in morphology in the development of semantic classifications of pronouns.

Key words: pronouns, semantic classification of pronouns, reflexive pronouns, mutual pronouns, definitive pronouns, one and the same, each other, homonyms, anaphora

REFERENCES

1. Ermakova, O.P. (2008). Pronouns in Russian: Textbook. allowance. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
2. Rakhmanov, L.I. & Suzdaltseva V.N. (2003). The modern Russian language. Vocabulary. Phraseology. Morphology. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
3. Russian grammar. T. 1. (1980). Moscow: Science. (In Russ.).
4. Sidorenko, E.N. (1990). Essays on the theory of pronouns of the modern Russian language. Kiev: Odessa: Lybid. (In Russ.).
5. Shansky, N.M. & Tikhonov, A. N. (1987). Word formation. Morphology. Moscow: Enlightenment. (In Russ.).
6. Yusupova, Z.F. (2014). Pronouns of the Russian language. Theory and practice. Kazan: Publishing House of Kazan University. (In Russ.).
7. Balalykina, E.A. (2003). The modern Russian language. Morphology. Kazan: Publishing house of the Kazan University. (In Russ.).
8. Gainutdinova, A.F. (2012). Reflexive pronouns in the modern Russian language (functional aspect): [abstract of dissertation]. Kazan. (In Russ.).
9. Eremin, A.N. (1997). Pronouns in common speech (semantics and formal features). Kaluga: Publishing house of the Kaluga State Pedagogical University named after K.E. Tsiolkovsky. (In Russ.).
10. Morphology of the modern Russian language (2009). St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.).
11. Piper, P. (1988). About reflexive pronouns in the Russian language. *Actual problems of Russian morphology*, 80—87. (In Russ.).
12. Shakhmatov, A.A. (1941). Essay on the contemporary Russian literary language. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
13. Shelyakin, M.A. (1986). Russian pronouns (meaning, grammatical forms, use). In: *Materials for the special course “Functional grammar of the Russian language”*. Tartu: Publishing house of the University of Tartu. pp. 28—32. (In Russ.).
14. Yanko-Trinitetskaya, N.A. (1975). On the pronominal nature of “each other”. *Russian language at school, 1*, 68—71. (In Russ.).
15. Yanko-Trinitetskaya, N.A. (1961). Russian morphology. Moscow: Russian language. (In Russ.).
16. Shvedova N.Yu. (Ed.) (2000). Russian semantic dictionary. T. 1. Moscow: Azbukovnik. pp. 16—18. (In Russ.).
17. Karaulov, Yu.N. (Ed.) (1997). Russian: encyclopedia Moscow: The Great Russian Encyclopedia: Drofa. P. 281. (In Russ.).
18. Golovyonkina, L.Kh. (2004). Pronouns in the modern Russian language (functional aspect). Arkhangelsk: Pomeranian University Publishing House. (In Russ.).
19. Brugmann, K. & Delbrück, B. (1886—1900). Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg.
20. Gundel, J.K. (1980). Zero-NP-anaphora in Russian: A case of topic-prominence. Chicago Linguistic Society. Papers from the Parasession on Pronouns and Anaphora. Chicago.
21. Hankamer, J. & Sag J. (1976). Deep and surface Anaphora. In *Linguistic Inquiry*, Vol. 7. pp. 15—21.
22. Hirst, G. (1981). Anaphora in Natural language understanding. Lecture notes in Computer science. G. Goos and J. Hartmanis (Eds.). Berlin—Heidelberg—New-York. V. 119.
23. Postal, P.M. (1965). Anaphora isdans. Papers from the Chicago Linguistic Societe. V. 5.
24. Reinhart, T. (1983). Anaphora and semantic interpretation. London—Canberra.
25. Bosch, P. Agreement and anaphora: a studi of the role of pronoms in syntax and discourse. London: Acad press, 1983.

26. Krylov, S.A. (1989). On the semantics of pronominal words and expressions. In: *Russian pronouns: semantics and grammar*. Vladimir: The publication of the Vladimir State Pedagogical Institute named after P.I. Lebedeva. pp. 5—12. (In Russ.).
27. Isachenko, A.V. (1965). On the syntactic nature of pronouns, *Problems of modern philology*, 159—166. (In Russ.).
28. Migirin, V.N. (1973). The experience of constructing classifications predicting the development of pronouns and word-forming paradigms, *Philological Sciences*, 3, 68—75. (In Russ.).
29. Migirin, V.N. (1973). Language as a system of display categories. Kishinov: Shtiintsa. (In Russ.).
30. Otkupshchikova, M.I. (1984). Pronouns of the modern Russian language in the structural-semantic aspect. Leningrad: Publishing house of the Leningrad University. pp. 66—67. (In Russ.).
31. Ledenev, Yu.I. & Sinko, L.A. (2007). The class of pronouns in the modern Russian literary language. Stavropol: The Stavropol State University, Armavir: The Armavir State Pedagogical University. pp. 71—73. (In Russ.).
32. Shuvalova, I.E. (2007). Semantics of Russian Pronouns. Kursk: Publishing house of the Kursk state University. (In Russ.).
33. Kamynina, A.A. (1999). The modern Russian language. Morphology. Moscow: Publishing house of Moscow State University. (In Russ.).

Dictionaries

34. Dal, V. (Ed.). (2009). Dictionary of the Living Great Russian language. Moscow: Olmapress. URL: <https://slovar.cc/rus/dal/558954.html> (accessed: 29.03.2017). (In Russ.).
35. Volkova, T. (Ed.) (2014). Phraseological Dictionary of Russianю Moscow: Education. URL: https://phrasebook_en.academic.ru/978 (accessed: 14.06.2018). (In Russ.).
36. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2007). A large dictionary of Russian sayings. Moscow: Olma Media Group. P. 461. (In Russ.).
37. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.J. (1999). Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik. URL: <http://endic.ru/ozhegov/Odin-19860.html> (accessed: 14.06.2018). (In Russ.).
38. Fedorov, A.I. (2008). Phraseological Dictionary of the Russian literary language. Moscow: Astrel, AST. URL: <http://getword.ru/ru/slovari.php?table=fedDSL> (accessed: 14.06.2018). (In Russ.).

Для цитирования:

Труфанова И.В. К вопросу о местоимении *один одного* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 575—594. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-575-594.

For citation:

Trufanova, I.V. (2018). To the question of the pronoun one. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 575—594. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-575-594.

Сведения об авторе:

Труфанова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры поликультурного образования Московского Центра развития кадрового потенциала образования; *научные интересы*: теоретическая грамматика, теория речевых актов, социолингвистика, нарратология; *e-mail*: illokucia1@rambler.ru

Information about the author:

Irina V. Trufanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Multi-cultural Education of the Moscow Center for Human Resource Development; *Interests*: theoretical grammar, theory of speech acts, sociolinguistics, narratology; *e-mail*: illokucia1@rambler.ru

УДК: 811.161.1'34:811.161.1'366
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-595-611

СООТНОШЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО И ФОНЕТИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Н. Попова, С.Б. Томашевич

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Положение о единстве и цельности языка как системы, взаимозависимости, взаимодействия единиц отдельных уровней языка принадлежит к числу фундаментальных проблем теории языка. Благодаря системной мотивированности между звучанием и значением образуется определенная корреляция. Наличие ее обнаруживается при анализе соотношения морфологического и фонетического членения в разных классах слов и разных типах текстов. Для выявления соотношения двух видов членения морфемно-слоговая корреляция имеет первостепенное значение. Вопрос о характере отношений между слогом и морфемой особенно остро стоит применительно к языкам синтетического строя, так как именно в них отрицается изоморфизм между планом выражения и планом содержания. В целом внутрисловные границы по сравнению с межсловными стыками между морфемами чаще расходятся со слоговыми. Частота совпадения межсловных границ со слогоразделом зависит от класса слов, типа морфного стыка и характера текста. Анализ длины и глубины словоформ свидетельствует о существовании морфемно-слоговой корреляции: количество морфем в словах обычно не превышает количество слогов, а показатели средней длины и глубины словоформ весьма близки. При этом нет оснований утверждать, что в русском языке морфема совпадает со слогом. Соотношение слогораздела с морфными границами внутри слова зависит от типа морфного стыка и агглютинативного или фузионного характера стыкующихся морфем, от степени семантико-синтаксической самостоятельности основы и аффиксов. В глаголах чаще, чем в именах, происходит совпадение морфных границ со слоговыми. Соотношение морфологического и фонетического членения существенно характеризует тип языка, действующие в нем грамматические тенденции. Основным методом исследования является статистический, используется также аналитико-описательный метод. Закономерность проявления соответствий между морфемой и слогом, между двумя типами членения говорит о единстве звуковой формы и значения морфемы и слова, причем в этом единстве содержательной стороне принадлежит ведущая роль.

Ключевые слова: слоговая граница, морфный стык, морф, текстовые различия, классы слов, аналитизм, синтетизм, агглютинация, фузия

ВВЕДЕНИЕ

Положение о единстве и цельности языка как системы, взаимозависимости, взаимодействии единиц отдельных уровней языка принадлежит к числу фундаментальных проблем теории языка. Еще И.А. Бодуэн де Куртене выделял два типа постепенного членения речи — с точки зрения фонетической, произносительно-слуховой и с точки зрения семасиологически-морфологической [1. С. 255—259]. Дальнейшее развитие этих идей находит отражение в работах отечественных и зарубежных лингвистов [2—5]. Само выделение минимальной функциональной

единицы языка становится возможным только на основе морфологического членения, а ее тип определяется морфологическим строем языка, в частности минимальным объемом морфемы. В современной лингвистике соотносительность с основными морфологическими типами языка усматривается не только в звуковой форме значащих единиц, но и в слоговой делении и структуре слога [6—8].

Соотношение звуковых и значащих единиц существенно характеризует тип языка, действующие в нем грамматические тенденции, которые могут существенно расходиться в разных классах слов, в разговорной и письменной речи. Языки разделяются на слоговые и неслоговые. В слоговых языках морфема не может быть меньше слога, в неслоговых может быть экспонирована и неслоговым элементом [9. С. 1020—1028]. В соотношении слога со смысловыми единицами наблюдается определенная тенденция: агглютинация и аналитизм способствуют совпадению морфемных границ со слоговыми, фузия и синтетизм нарушают это соответствие, при этом разные грамматические тенденции могут сосуществовать в рамках одного языка [10. С. 60—94], по-разному проявляясь в разных частях речи. Применительно к русскому языку на существование подобных отличий, в частности, между именем и глаголом указывал В.В. Виноградов [11. С. 47—54]. Соответственно, соотношение морфологического и фонетического членения может служить и типологической характеристикой. «К настоящему времени становится все более очевидным, что цельносистемное типологическое описание языка не может ограничиваться ни „языком вообще“ без обращения к его функциональным разновидностям, ни „словом вообще“, ни одним только соотношением служебных и неслужебных слов безотносительно к системе семиологических классов в целом» [12. С. 100].

Исходя из представлений об иерархичной организации не только содержательной, но и фонетической структуры слова сначала рассматривалась вся совокупность слов, далее совокупности знаменательных и служебных слов, далее совокупности собственно-знаменательных и местоименных слов и, наконец, отдельные части речи. Указанные классы слов анализировались по данным суммарной выборки безотносительно к типу текста, а затем в отдельных текстах: научном, разговорном и художественном.

Материалом для анализа послужили тексты, принадлежащие научному стилю, разговорной речи и языку художественной литературы. Этот выбор обусловлен тем, что в исследуемых текстах реализуются такие важнейшие функции языка, как сообщение, общение и воздействие, а также тем, что разные типы текстов коррелируют с разными типами произнесения. Анализируемые тексты заметно различаются в соотношении частей речи. Так, относительная частота существительных и прилагательных в научном тексте выше, чем в разговорном и художественном. Глаголы же здесь употребляются реже, чем в языке художественной литературы и разговорной речи. Причастия и деепричастия более характерны для письменной речи, особенно научной. Местоимения более частотны в разговорной речи. По частоте предлогов разговорная речь уступает другим текстам, что объясняется сравнительно малой употребительностью существительных, уменьшением частоты

косвенных падежей, увеличением частоты связей типа примыкания в результате развития аналитических тенденций. Частицы являются самым характерным классом для разговорной речи, их частота в два раза выше, чем в языке художественной литературы, и в четыре раза выше, чем в научном тексте. Выявленные расхождения в соотношении частей речи вполне соответствуют сложившимся представлениям о специфике употребления различных классов слов в научном стиле, разговорной речи и языке художественной литературы [13—15].

Основными методами исследования являются статистический, дистрибутивный и аналитико-описательный.

СООТНОШЕНИЕ СЛОВЕСНЫХ И СЛОГОВЫХ ГРАНИЦ ВНУТРИ СИНТАГМЫ

Для осуществления целей исследования необходимо было произвести деление на слоги на стыках слов. В классической фонетике фонетическое деление потока речи на слова отрицалось вообще [16. С. 229]. Считалось, что предложения делятся на речевые такты, которые в свою очередь делятся на слоги. Существует и другая точка зрения, согласно которой слогораздел совпадает со словесной границей [17. С. 91; 18. С. 48]. Экспериментальные исследования показали, что речевая последовательность произносится человеком как последовательность открытых слогов [19. С. 139].

Так как русский язык принадлежит к флективным языкам, а русская флексия чаще имеет вокалическую структуру, то слово чаще оканчивается открытым слогом. Это обуславливает более частое совпадение слоговых и словесных границ на стыке знаменательных слов.

Для изучения соотношения морфологического и фонетического членения внутри слова и на границах слов было решено пользоваться правилами Р.И. Аванесова, т.е. с учетом принципа восходящей звучности, и Л.В. Щербы, т.е. с учетом места ударения. Выяснилось, что в подавляющем большинстве слоговые границы, проведенные с учетом разных критериев, совпадают. Расхождения касаются 5,6% слоговых границ от их общего количества.

Анализ разговорного и научного текста показал, что в синтагму может входить от одного до девяти слов. Особенно частотны двух- и трехсловные синтагмы, они составляют соответственно 27,8% и 24,8%. В научном тексте они отмечены чаще, нежели в разговорном. Однословные синтагмы (их частота — 16,4%), а также синтагмы, содержащие от четырех (16,6%) до семи слов, напротив, более частотны в разговорном тексте. Синтагмы из восьми — девяти слов встретились только в разговорном тексте. Их частота снижается до 0,3%. В синтагме возможны стыки знаменательных слов (56,0%), стыки знаменательных и служебных слов (12,%), служебных и знаменательных слов (28,9%) и стыки служебных слов (2,5%).

Слоговые границы и стыки знаменательных слов чаще совпадают (76,2%). Частота совпадений словесных и слоговых границ меняется в зависимости от типа стыкующихся морффов соседних знаменательных слов. Максимальное количество

совпадений зафиксировано тогда, когда первое слово заканчивается флексией. Вокалическая структура флексии обуславливает совпадение границы слова и слога. Стыки флексии с корнем наиболее частотны (64,7%). Стыки флексии с префиксом встречаются реже (11,9%). Стыки с постфиксом также часто совпадают со слогоразделом. Указанные стыки не принадлежат к числу частотных (1,7%). Например: *чи/т-а/|j-у/т о-/хо/т-н-о, ста-/л-а/ го/во/р-и-ть, ре/к-а/ за-/мер/з-л-а, о/т-кры-/ва/j-е/т-ся/ дверь* и т.д. Стыки корней с другими морфемами реже совпадают со слогоразделом. Частота стыка корень — корень — 14,6%, стыка корень — префикс — 3,3%. Например: *су/п холо/д-н-ый, су/п о-/сты-л* и т.д. Еще реже совпадают со слоговыми границами стыки суффикс — корень и суффикс — префикс. Их частота — 2,4% и 0,5%. Например: *ше-/л лу/г-ом, при-/ше-/л и/зда/л-е/к-а*. Снижение частоты совпадения слоговых границ у данных стыков связано с частым консонантным завершением корней и суффиксов по сравнению с флексиями и постфиксами. Совпадение границ чаще отмечено в разговорном тексте, а не научном.

Однословные синтагмы представлены в основном собственно-знаменательными частями речи. Чаще других это существительные. Субстантивные синтагмы составляют 35% от общего количества однословных синтагм. За ними следуют однословные глагольные синтагмы, их частота — 22,6%. Несколько реже в качестве единственного компонента выступают наречия и прилагательные. На их долю приходится 17,2% и 13,5%. Служебные слова в качестве единственного компонента синтагмы встречаются чаще, чем такие знаменательные слова, как местоимения, причастия, деепричастия и числительные.

В двусложных синтагмах совпадение словесных и слоговых границ чаще наблюдается на стыках флексия — префикс и постфикс — корень. Данная ситуация характерна для научного текста. Совпадение других типов стыков, а именно флексия — корень, корень — корень, корень — префикс более типично для разговорного текста.

В трехсловных синтагмах наименьшей частотой совпадения характеризуются стыки суффикс — корень, и суффикс — префикс. Различия в частоте совпадения других словесных стыков со слоговыми границами незначительны. Стыки флексия — корень, флексия — префикс, корень — корень и корень — префикс чаще совпадают со слогоразделом в разговорном тексте, стыки суффикс — корень, постфикс — корень и постфикс — префикс — в научном.

В четырехсловных синтагмах стыки суффикс — корень и суффикс — префикс также реже совпадают со слогоразделом, чем другие типы стыков. Совпадение слоговых границ со стыками флексия — корень, флексия — префикс, суффикс — корень, суффикс — префикс, корень — корень и корень — префикс более характерно для разговорного текста, со стыками постфикс — корень и постфикс — префикс — для научного.

В пятисловных синтагмах слоговые границы чаще совпадают со стыками флексия — префикс, префикс — корень, суффикс — префикс, флексия — корень, нежели с другими типами стыков. Частота совпадения слоговых и межсловных

границ в разговорном тексте несколько выше, чем в научном. Исключение составляют стыки постфикс — корень и постфикс — префикс, у которых совпадение со слогоразделом чаще отмечено в научном тексте.

В шестисловных синтагмах частота совпадения слоговых границ со стыками суффикс — префикс и суффикс — корень увеличивается, а со стыками корень — префикс и постфикс — префикс падает по сравнению с соответствующими показателями в двух-, трех- и четырехсловных синтагмах. Текстовые различия незначительны.

В семисловных синтагмах отмечена высокая частота совпадения слоговых границ практически со всеми типами стыков. В научном тексте представлены только два стыка — флексия — корень и флексия — префикс, способные совпадать со слоговой границей. В разговорном тексте отсутствуют случаи совпадения стыков постфикс — префикс со слогоразделом.

Восьми- и девятисловные синтагмы отмечены только в разговорной речи. В них встречаются все отмеченные типы стыков, кроме постфикс — префикс. Наименьшей частотой совпадения характеризуются стыки суффикс — корень и корень — корень. В девятисловных синтагмах отмечено всего пять стыков: флексия — корень, флексия — префикс, суффикс — корень, корень — корень и корень — префикс. В целом, частота совпадения слога и слова и девятисловных синтагмах несколько ниже, чем соответствующие показатели в синтагмах с наименьшим количеством слов.

Частота совпадения стыков знаменательных слов со слоговыми границами зависит от частеречной принадлежности первого компонента синтагмы. При существительном, прилагательном, наречии или местоимении в качестве первого компонента синтагмы показатель частоты совпадения стыков флексия — корень и флексия — префикс со слогоразделом выше, чем тогда, когда первым компонентом является глагол. Стык корень — корень чаще совпадает со слоговой границей, если первым компонентом выступает местоимение или наречие.

Служебное слово образует с последующим знаменательным одно фонетическое слово. Поэтому межсловная граница и слогораздел совмещаются довольно редко, частота их совпадения равна 11,1%. Реже всего слоговая граница совпадает со стыком предлога и знаменательного слова, частота совпадения — 2,7%. Предлоги, особенно первообразные, как правило, несамостоятельны в акцентном и слоговом отношении. Например: *к до/м-у, в во/д-е* и т.д. Союзы, которые не могут быть неслоговыми, более самостоятельны, чем предлоги, поэтому слогораздел и межсловный стык совпадают чаще. Их частота — 14,4%. Чаще, чем предлоги и союзы, отделяются от знаменательного слова слогоразделом частицы. Частота совпадения межсловной границы и слогораздела — 23,3%. В научном тексте слоговые границы чаще расходятся с рассматриваемыми стыками, нежели в разговорном. Данное расхождение складывается за счет стыка предлога со знаменательным словом.

Стык знаменательного слова с последующим служебным, как правило, совпадает со слогоразделом. Частота такого совпадения — 82,2%. Знаменательное и служебное слово входят в разные фонетические слова. Исключения составляют

эндклитики. Например: *по/-мо-/-г бы, зна-/е-/шь же* и т.д. Частота совпадения слоговых границ со стыком знаменательного слова и частицы в разговорном тексте почти в два раза выше, чем в научном.

Границы между служебными словами чаще не совпадают со слогоразделом. Частота совпадения составляет 19,5% и наблюдается тогда, когда служебные слова входят в разные фонетические слова. Чаще совпадение имеет место на стыке частицы и предлога. При этом совпадение слогораздела со стыком служебных слов в научном тексте наблюдается чаще, нежели в разговорном. Соотношение слоговых границ с межсловными стыками зависит от того, какие именно служебные слова являются первым или вторым компонентом. Частота совпадений выше, если первым компонентом является частица, но не предлог или союз, а вторым — предлог или частица, но не союз.

СООТНОШЕНИЕ МОРФНЫХ И СЛОГОВЫХ ГРАНИЦ ВНУТРИ СЛОВОФОРМЫ

Изучение соотношения морфных и слоговых границ невозможно без рассмотрения глубины и длины словоформ. Глубина или индекс синтеза, степень его общей сложности измеряется количеством морфем в словоформе и является важной типологической характеристикой языка. Для осуществления целей исследования необходимо было установить границы морфем. Членение слов на морфемы представляет в русском языке известную трудность. В настоящем исследовании морфное членение осуществлялось по «Русскому словообразовательному словарю» Д. Уорта, А. Козака, Д. Джонсона [20]. Вопреки своему названию словарь является морфемным. Несмотря на то, что членение словоформ на морфемы в данном словаре осуществлялась автоматически, 73% границ были признаны авторами правильными, а 27% корректировались вручную с учетом принципа семантики и этимологии словоформ [21. С. 784—791; 22].

В русском языке, по данным всей совокупности слов в исследуемых текстах, слово может содержать от одного до девяти морфов. Средняя глубина словоформ равна 1,2 морфа. Наиболее частотны одно- (35,9%), двух- (32,0%) и трехморфные (17,4%) словоформы. Они составляют 85% выборки. Частота более сложных словоформ гораздо ниже. На словоформы глубиной в четыре морфа приходится всего 9,5%, а частота пятиморфных словоформ уменьшается до 4,0%. Словоформы глубиной в шесть — девять морфов крайне редки.

Глубина словоформ в разных текстах неодинакова. Словоформы глубиной от трех до девяти морфов в научном и художественном текстах встречаются чаще, чем в разговорном. Большая синтетичность словоформ в письменной речи подтверждается и показателями средней глубины словоформ. Она составляет 2,5 морфа в научном стиле 2,2 морфа в художественном тексте и 1,9 морфа в разговорной речи.

Словоформы знаменательных частей речи включают от одного до девяти морфов. Средняя глубина составляет 2,5 морфа. Более 90% знаменательных словоформ содержит один — четыре морфа. Особенно употребительны двух-морфные и трехморфные словоформы. Их частота равна соответственно 40,0

и 23,1%. Одноморфные и четырехморфные встречаются реже и составляют 17,5% и 12,5%. Частота словоформ, включающих от пяти до девяти морфов, оказывается еще ниже, постепенно уменьшаясь с 5,3% до 0,003%. Текстовые различия касаются одноморфных и многоморфных словоформ. Одноморфные словоформы чаще встречаются в разговорной речи, чем в языке художественной литературы и научном стиле. Многоморфные более частотны в научном и художественном, а не разговорном тексте. Средняя глубина словоформ в научном и художественном тексте — 2,6 морфа, в разговорном — 2,4 морфа. Таким образом, по глубине знаменательных словоформ разговорная речь противопоставлена письменной речи. Сходные тенденции наблюдаются и в словоформах собственно-знаменательного слова. Средняя глубина словоформ в научном и художественном тексте составляет соответственно 2,9 и 2,8 морфа, в разговорном — 2,4 морфа.

Весьма существенны расхождения в глубине словоформ в зависимости от частеречной принадлежности.

У существительных каждая вторая словоформа содержит два морфа. Далее следуют трехморфные (21,6%) и одноморфные (14,4%) словоформы. Частота словоформ, включающих четыре — девять морфов, постепенно уменьшается от 9,5% до 0,03%.

У прилагательных и глаголов наиболее часто встречаются трехморфные словоформы. Они составляют 50,0% у прилагательных 31,3% у глаголов. Довольно высокую частоту имеют четырехморфные словоформы: 19,5% у прилагательных и 27,7% у глаголов. Немногим реже употребляются двухморфные словоформы: 16,7% у прилагательных и 23,7% у глаголов. Одноморфные словоформы отсутствуют у прилагательных и крайне редки у глаголов. Частота словоформ глубиной от пяти до восьми морфов у прилагательных последовательно уменьшается с 9,8% до 0,04% и глубиной от пяти до девяти морфов у глагола — с 12,7% до 0,1%.

У наречий более половины словоформ — 51,4% — содержит лишь один морф. Частота трехморфных и двухморфных наречий равна соответственно 21,0% и 17,2%. Частота словоформ, включающих от четырех до шести морфов, снижается от 7,3% до 0,8%.

В целом существительные и в особенности наречия характеризуются меньшей степенью синтеза, чем прилагательные и глаголы. Средняя глубина слова составляет 2,4 морфа у существительных, 1,9 морфа у наречий, 3,3 морфа у прилагательных и 3,4 морфа у глаголов.

В сравнении с разговорным и художественным текстами в научном тексте словоформы существительных глубиной в один морф почти в два раза реже, а глубиной в четыре — восемь морфов — чаще.

Двухморфные словоформы прилагательных употребительнее в разговорном и художественном текстах, а более синтетичные, глубиной в четыре-восемь морфов, — в научном.

По глубине глагольных словоформ разговорный текст отличается не только от научного, но и от художественного текста. В разговорной речи частота двухморфных словоформ выше, а пяти-, шести- и семиморфных ниже.

У наречий словоформы глубиной в один морф чаще встречаются в разговорной речи, а глубиной в два-три морфа — в научном и художественном текстах. Наречия, содержащие четыре-шесть морфов, употребительнее в научном тексте.

Высокая частота более синтетичных словоформ в научном стиле объясняется тем, что абстрактная лексика, характерная для научной речи, представлена главным образом производными образованиями.

Местоименные словоформы включают не более трех морфов. Средняя глубина составляет 1,8 морфа. Наиболее частотными являются двуморфные местоимения (68,5%), далее следуют одноморфные (26,6%) и трехморфные (4,9%). Одноморфные местоимения более употребительны в научном и художественном текстах. Двухморфные и трехморфные местоимения, напротив, чаще встречаются в разговорной речи.

Служебные слова могут содержать от одного до пяти морфов. Их средняя глубина — 1,1 морфа. Одноморфные слова составляют почти 90%. К ним относятся, как правило, простые первообразные предлоги, союзы, частицы. Служебные слова глубиной от двух до пяти морфов, сохранившие связь с другими частями речи, употребляются довольно редко. Средняя глубина служебных слов в научном тексте — 1,2 морфа, в разговорном и художественном соответствующий показатель равен 1,1 морфа.

Различия функционального плана между собственно-знаменательными, местоименными и служебными словами проявляются в разной глубине указанных слов. Так, знаменательные слова, обладающие номинативной и сигнификативной функцией, содержат от одного до девяти морфов, местоимения, выполняющие действительную функцию, включают от одного до трех морфов, служебные слова, наделенные функцией выражения синтаксических отношений и модальных значений, содержат от одного до пяти морфов, причем 90,0% из них одноморфны.

Показатели глубины словоформ свидетельствуют о большей степени синтеза и большей синтагматической ценности глагола как носителя предикативной функции. По данным показателям прилагательные примыкают к глаголам, что, может быть, связано с «признаковым» характером тех и других.

Длина словоформ измеряется количеством слогов. По данным настоящего исследования, слова могут включать от нуля до девяти слогов. Средняя длина равна 2,3 слога. Наиболее частотны односложные (29,8%) и двусложные (28,2%) словоформы. Частота словоформ длиной от трех до пяти слогов последовательно уменьшается от 19,4% до 5,0%. Неслоговые слова и словоформы, включающие от шести до девяти слогов, встречаются довольно редко. Для научного текста характерны более длинные словоформы. Средняя длина словоформ в научном тексте составляет 2,7 слога. В остальных текстах средняя длина заметно меньше — 1,9 слога в разговорном и 2,1 слога в художественном.

Знаменательное слово всегда имеет слоговую форму, «ибо планом выражения знаменательного слова в силу его потенциальной изолируемости не может быть единица меньшая, чем минимальная произносительная единица, какой является слог» [23. С. 25]. Знаменательные слова могут включать от одного до девяти слогов. Средняя длина знаменательных словоформ составляет 2,7 слога. Наиболее

типичны одно-, двух-, трех- и четырехсложные словоформы. Их частота равна соответственно 16,8%, 33,8%, 25,5% и 14,1%. В сумме они составляют 90,0% всех знаменательных словоформ. Частота словоформ, включающих от пяти до девяти слогов, постепенно уменьшается от 6,6% до 0,01%.

Текстовые различия касаются употребления односложных и многосложных словоформ и словоформ от четырех до девяти слогов. Односложные чаще встречаются в разговорной речи. Реже — в языке художественной литературы и научном стиле. Многосложные более характерны для научного стиля. Средняя длина знаменательного слова в научном тексте — 3,3 слога. В разговорном и художественном данный показатель ниже и составляет соответственно 2,3 и 2,6 слога.

Длина собственно-знаменательных словоформ также не превышает девяти слогов. Средняя длина — 2,9 слога. Особенно частотны двух- (32,6%), трех- (29,5%) и четырехсложные (17,2%) словоформы. Односложные и пятисложные имеют практически одинаковую частоту — 8,6% и 8,2%. Частота словоформ длиной от шести до девяти слогов уменьшается с 2,9 до 0,03%.

Односложные словоформы встречаются в разговорной речи более чем в два раза чаще, нежели в письменной. Двусложные преобладают в разговорном и художественном текстах. Многосложные словоформы длиной от четырех до девяти слогов более употребительны в научном тексте. Восьми- и девятисложные словоформы в художественном тексте не зафиксированы вообще. В результате средняя длина словоформ в научном тексте составляет 3,4 слога, а в разговорном и художественном снижается до 2,6 и 2,7 слога.

У существительных самыми частотными являются двусложные (33,2%) и трехсложные (32,2%) словоформы. Далее следуют четырехсложные словоформы (15,6%). Односложные и пятисложные встречаются реже и имеют сходную частоту — 7,1% и 8,3%. Частота словоформ, включающих шесть — восемь слогов, постепенно уменьшается от 2,6 до 0,3%.

У глаголов наиболее частотными оказались двусложные (34,6%) и трехсложные (30,8%) словоформы. Несколько реже встречаются четырехсложные глаголы (20,3%). Далее идут односложные (6,4%) и пятисложные (5,7%). Частота глагольных словоформ длиной в шесть — восемь слогов понижается от 1,6% до 0,2%.

У прилагательных наиболее употребительны трехсложные (30,2%) и четырехсложные (26,3%). Пятисложные (17,1%) и двусложные (26,3%) менее частотны. Частота многосложных прилагательных последовательно уменьшается от 9,8% до 0,2%.

У наречий почти половина словоформ — 45,6% — состоит из двух слогов. Далее следуют односложные (21,8%) и трехсложные (20,4%). Частота наречий, включающих от четырех до семи слогов, падает с 8,0% до 0,2%.

В целом прилагательные характеризуются большей длиной, чем существительные, глаголы и наречия. Средняя длина словоформы составляет 3,9 слога у прилагательных, 2,9 слога у существительных и 2,3 слога у наречий.

Текстовые различия касаются «коротких» и «длинных» словоформ. Так, существительные и наречия длиной в один — два слога, глаголы и прилагательные в два — три слога чаще встречаются в разговорном и художественном текстах.

Существительные и глаголы длиной в три — четыре слога и более, прилагательные в пять слогов и более и наречия в три слога и более употребительнее в научном тексте.

Местоименные словоформы включают от одного до четырех слогов. Средняя длина местоимений составляет 1,7 слога. Наиболее частотны односложные (48,8%) и двусложные (38,9%) местоимения. Трехсложные словоформы встречаются в 12,3% случаев.

Текстовые различия также затрагивают соотношение «коротких» и «длинных» словоформ. Односложные местоимения чаще встречаются в разговорном и художественном текстах, двусложные — в художественном, трехсложные — в научном.

Служебное слово может быть неслоговым, а также включать от одного до четырех слогов. Средняя длина служебного слова равна слогу. Чаще встречаются односложные слова (68,2%). Реже отмечены неслоговые (16,8%) и двусложные (12,3%). Трех- и четырехсложные встречаются крайне редко (1,3%).

Текстовые различия затрагивают служебные слова в меньшей степени, чем другие части речи, тем не менее такие различия есть. Односложные служебные слова более частотны в разговорном и художественном текстах, неслоговые и многосложные — в научном. Высокая частота неслоговых слов в научном тексте связана с употреблением предлогов *в, к, с*. Как известно, функциональная нагрузка предлогов в научном стиле по сравнению с другими стилями выше [24. С. 328].

Обобщая полученные данные по длине словоформ, следует отметить, что различные классы слов, выполняющие различные функции, требуют для своего выражения разного количества слогов. Соответственно, собственно-знаменательное слово содержит от одного до девяти слогов, местоименное — от одного до трех слогов, служебное — от одного до четырех слогов. Среди собственно-знаменательных слов одни части речи имеют большую длину, другие меньшую. Большая длина слов, характерная практически для всех классов слов в научном тексте, связана со спецификой отбора языковых средств для выполнения функции сообщения и фиксации научного знания. Термины, являющиеся неотъемлемой чертой научного стиля, выражаются чаще существительными и прилагательными, которые характеризуются большей длиной, чем другие части речи. Среди них наблюдается большое количество заимствований. По показателям длины словоформ научный текст отличается от разговорного и художественного.

Отсутствие жесткой корреляции между слогом и морфемой в неслоговых языках не означает абсолютной несвязанности между слогом и морфемой и не свидетельствует о полной несемантизованности слогораздела. В русском языке границы внутри словоформы чаще не совпадают с морфными границами, чем совпадают. Частота их совпадения равна 17,9% и меняется в зависимости от типа морфного стыка и степени семантико-синтаксической самостоятельности морфем.

Совпадение границ на стыке корня или суффикса с флексией не зафиксировано. Будучи более абстрактными из всех аффиксов, являясь носителями грамматических значений, флексии полностью лишены синтаксической самостоятельности и выступают всегда в связанном виде. Так как для русской языковой

системы особенно характерно функционирование открытых слогов и слого-раздел между согласным и гласным внутри слова — явление не исключительное, то морфная граница на стыке корня и флексии проходит внутри слога. Например: *и/д-у, до/м-ой, бе/л-а/я*. Как и корни, суффиксы тоже часто оканчиваются согласным и нередко экспонируются одной фонемой — гласной или согласной. Следовательно, совпадение слогораздела и со стыком суффикса и флексии невозможно. Например: *пти/ч-к-а, зим-/н-ий, чи/т-а-л* и т.д. Стык префикса с корнем — единственный из числа частотных, где преобладает совпадение морфных границ со слогоразделом. Частота совпадений составляет 64,5%. Это обусловлено агглютинативным характером префикса, его смысловой независимостью. Например: *вы-/ш-е-л, на-/каз, со-/зна-/тель-/н-ый, во-/пре/к-и* и т.д. Стыки корня или суффикса с суффиксом в отличие от их стыков с флексией допускают большую свободу, и наряду с расхождениями границ возможно и их совпадение. Частота совпадений равна 17,6%.

Довольно частое совпадение границ может объясняться большей семантико-синтаксической самостоятельностью корня по сравнению с другими морфемами. Например: *кол-/к-ость, пыл-/к-ий, у-/мы-/ва-/ть-ся* и т.д. На стыке суффиксов совпадение со слогоразделом отмечено в два раза чаще — в 35,5% случаев. Например: *сне/ж-ин-/к-а, за-/ме/ч-а-/н-и/ж-е* и т.д. Более редкие типы морфов можно разделить на три группы.

1. Стыки суффикса или флексии с постфиксом. В первом случае частота совпадения границ равна 93,3%. В.В. Виноградов отмечал, что «в системе русского глагола флексивный строй осложнен агглютинативными построениями отдельных форм» [25. С. 339]. Например: *го/то/в-и-л-/ся, у-/мы-/вай-/ся* и т.д. На стыке флексии с постфиксом совпадение со слоговой границей — явление довольно редкое. На стыках с флексией постфикс представлен в основном в усеченном виде — «сь» и входит в один слог с окончанием, а зачастую и с предшествующими морфемами. Например: *на-/ш-л-а-сь, све/т-и-/л-о-сь* и т.д.

2. Стыки корня и суффикса с интерфиксами. Интерфиксальные морфы экспонированы в основном гласным, поэтому слоговая граница всегда проходит после интерфикса и совпадает с морфемной на стыке с последующим корневым или префиксальным морфом и не совпадает на стыке с предшествующим корнем или суффиксом. Например: *пер/в-о-/кла/сс-н-ый, жи-/в-о/т-н-о-/вод* и т.д.

3. Стыки одинаковых морфов. На стыке двух префиксов совпадение или несовпадение границ равновероятно. Частота совпадений слогораздела со стыком двух корней несколько выше и составляет 75,0%, что может быть связано с семантической самостоятельностью обоих компонентов. Например: *кол-/хоз, с-/бер-/банк* и т.д.

Разные типы стыков по-разному соотносятся со слогоразделом в зависимости от типа текста. На стыке префикса и корня частота совпадений со слогоразделом в разговорном тексте выше, чем в художественном и научном. Стыки с флексией не подвержены влиянию текста. Совпадение слоговых границ со стыками корень — суффикс и корень — флексия в разговорном и художественном тексте наблюдается чаще, чем в научном. Частота совпадения слоговых границ со сты-

ками корень — корень и префикс — префикс более чем в два раза выше в разговорном тексте по сравнению с научным.

Тенденции, характеризующие соотношение слогораздела и морфного стыка в слове «вообще», создаются за счет знаменательных слов и поэтому соответствуют описанным выше. Текстовые различия сохраняются.

По частоте совпадения морфных стыков со слогоразделом существительные противопоставлены глаголам, прилагательным и наречиям, т.е. «признаковым» частям речи: у существительных совпадение границ наблюдается реже, чем у других частей речи. Систематическое несовпадение слоговых и морфных границ на стыках корень — флексия и суффикс — флексия — отражение фузионного характера флексии и характерно для всех изменяемых частей речи. Частота совпадения морфного стыка корень — суффикс со слогоразделом максимальна у прилагательных (23,7%), несколько ниже у существительных (19,6%), у глаголов и наречий — еще ниже (16,5% и 12,2%). На стыке суффикс — суффикс максимальная частота совпадения границ наблюдается у глаголов и равна 57,7%, соответствующий показатель у прилагательных — 38,2%, у существительных — 25,6%, у наречий — 8,3%.

Преобладание случаев совпадения со стыком префикс — корень у «признаковых» частей речи характерно только для научного текста. В разговорном тексте частота совпадения слоговых и морфных границ у существительных, прилагательных и наречий выше, нежели у глаголов. В художественном тексте совпадения морфных стыков со слогоразделом наблюдается чаще у прилагательных и глаголов, реже — у существительных и наречий. Более частое совпадение границ на стыке корень — суффикс в именных словоформах отмечено в научном и художественном тексте. В разговорном тексте совпадение границ чаще встречается у прилагательных и наречий. Максимальная частота совпадения границ со стыком суффикс — суффикс отмечена у глаголов в разговорном и художественном тексте, в научном данный показатель выше у прилагательных, чем у других частей речи.

У местоимений стык префикс — корень всегда совпадает со слогоразделом. Например: *ни-/кт-о, не-/чт-о* и т.д. Стык корень — флексия регулярно не совпадает. Например: *те/б-я, се/б-е* и т.д.

Для служебных слов типично совпадение слоговых границ со стыком префикс — корень (80,6%). Например: *на-/счет, во-/круг* и т.д. В разговорной речи совпадение границ отмечено чаще, нежели в научном и художественном текстах. На стыке корень — суффикс совпадение со слогоразделом происходит довольно редко, особенно в научном тексте (7,%). Например: *по-/столь-/к-у, по-/сколь-/к-у*. Стык суффикс — суффикс совпадает со слогоразделом чаще (22,4%), при этом данный показатель в два раза выше в разговорном тексте, чем в художественном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение соотношения межсловных и слоговых границ показало, что оно зависит:

1) от класса слов: совпадение со слогоразделом наиболее вероятно на стыке знаменательных слов, а также на стыке знаменательного слова с последующим служебным, гораздо реже оно бывает на стыках служебных слов и совсем редко —

на стыках служебных слов со знаменательным. Чем больше вероятность, что соседние слова входят в разные фонетические слова, тем чаще совпадение слово- и слога деления;

2) от того, к какой части речи принадлежит знаменательное слово. Если в качестве первого компонента синтагмы выступает существительное, прилагательное и наречие или местоимение, то совпадение границ слова и слога отмечается чаще, нежели когда первым компонентом является глагол;

3) от типа морфного стыка на межсловной границе: на стыке флексия — корень, флексия — префикс, корень — корень, постфикс — корень совпадение границ происходит чаще, чем на стыках суффикс — корень, суффикс — префикс, корень — префикс, постфикс — префикс. Если же в конце словоформы стоит типично срединный аффикс — суффикс, то совпадение или несовпадение границ со слогоразделом практически равновероятно;

4) от типа текста: совмещение границ слова и слога в разговорном тексте встречается несколько чаще, чем в научном.

По сравнению с межсловными границами внутрисловные стыки морфем чаще расходятся со слогоразделом. Частота совпадения границ меняется в зависимости от типа морфного стыка, свойств слова, принадлежности слова к определенному классу и, наконец, от характера текста.

1. Тип морфного стыка определяется типом морфем, их значением и техникой соединения с другими морфемами. Агглютинативный характер префикса и постфикса и фузионный характер флексии обуславливает высокую частоту совпадения морфо- и слога деления на стыке префикса с корнем и отсутствие такового на стыке корня с флексией. «Срединные» стыки занимают промежуточное положение. В общем частота совпадения границ снижается в направлении от начала слова к концу: префикс — корень — 64,5%, корень — суффикс — 17,6%, суффикс — суффикс — 35,2%, суффикс — флексия — 0%, корень — флексия — 0%.

2. Существенное значение имеют функциональные свойства и общая сложность слова. Совпадение границ чаще наблюдается в служебных словах (22,8%), несколько реже в собственно-знаменательных (19,2%) и крайне редко в местоимениях (5,5%). Существительные (совпадение границ — 12,6%) заметно отличаются от «признаковых» частей речи (глагол — 23,2%, прилагательное — 19,2%, наречие — 26,6%). В глаголах чаще, чем в именах, происходит совпадение морфных границ со слоговыми.

3. С точки зрения соотношения морфных стыков со слоговыми границами научный текст отличается от художественного. Разговорный текст приближается чаще к художественному. В научном тексте словоформы характеризуются большей длиной и глубиной. Морфы знаменательных словоформ, особенно корни и суффиксы, здесь длиннее, чем в разговорном и художественном текстах. Границы слога и морфа чаще совпадают в разговорном и художественном тексте, нежели в научном.

Данные о соотношении морфологического и фонетического членения, взаимодействия морфемной и слоговой структур слова доказывают существование морфемно-слоговой корреляции и в русском языке, взаимосвязанность единиц различных уровней языковой системы. Так как компоненты слога характеризуются максимальной взаимосвязанностью и слитностью, наличие или отсутствие переразложения слогов на стыках морфем может служить показателем фузионной или агглютинативной техники соединения морфем. Морфемный состав слога, а именно разнообразие комбинаций, вхождение в слог сегментов морфем, наличие в слоге морфемных стыков — все это указывает на фузионный характер связи морфем в русском слове [26. С. 203—211]. Довольно последовательное разграничение классов слов в плане морфемно-слоговой корреляции характеризует тип русского языка как фузионно-флективный.

© Попова Е.Н., Томашевич С.Б.
Дата поступления: 10.05.2018
Дата приема в печать: 6.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Boduэн de Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I—II. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. *Jakobson R., Waugh I.* The sound shape of language. Brighton: Harvester Press, 1979.
3. *Мельников Г.П.* О природе фонетических и фонологических единиц в свете понятий современной системной лингвистики // *Фонетика в системе языка.* Вып. 1. М., 1997.
4. *Зиндер Л.Р., Бондарко Л.В., Гордина М.В., Светозарова Н.Д. и др.* Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980.
5. *Vybee J.* Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1985.
6. *Гордина М.В.* О различных функциональных звуковых единицах языка // *Исследования по фонологии.* М., 1966. С. 172—184.
7. *Касевич В.Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983.
8. *Зубкова Л.Г.* О соотношении звучания и значения слова в системе языка // *Вопросы языкознания.* М., 1986. no 5. С. 55—66.
9. *Ващекина Е.В., Попова Е.Н.* Слоговая структура морфа в разных классах слов и разных типах текстов // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2017. no 4. С. 1020—1028.
10. *Greenberg J.* A quantitative approach to the morphological typology of language // *IJAL.* 1960. Vol. XXVI, no 3. pp. 60—94.
11. *Виноградов В.В.* Русский язык. М.: Русский язык, 1972.
12. *Зубкова Л.Г.* Принцип знака в системе языка. М.: Языки славянской культуры, 2010.
13. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979.
14. *Сиротина О.Б.* Разговорная речь в системе функциональных стилей русского литературного языка. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983.
15. *Шмелев Д.Н., Иванова-Лукьянова Г.Н., Гловинская М.Я. и др.* Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М.: Наука, 1989.
16. *Томсон А.И.* Общее языкознание. Одесса: Техник, 1910.

17. Щерба Л.В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983.
18. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во Московского университета, 1956.
19. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977.
20. Worth D., Kozak A., Johnson D. *Russian Derivational Dictionary*. New York: American Elsevier Publishing Company, 1970.
21. Worth D., Kozak A., Johnson D. *Grammatical Junction and Russian Stress // Language*. 1968. Vol. 44, no 5. pp. 784—791.
22. Aronoff, M., Kean, M.-L. (Eds). *Juncture. A Collection of Original Papers*. USA: ANNA LIBRI, 1980.
23. Зубкова Л.Г. Части речи в фонетическом и морфонологическом освещении. М.: УДН, 1984.
24. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983.
25. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.
26. Попова Е.Н., Томашевич С.Б. Морфный состав слога в разных классах слов и разных типах текстов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. no 4. С. 103—111.

УДК: 811.161.1'34:811.161.1'366

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-595-611

CORRELATION OF MORPHEMIC AND SYLLABIC DIVISION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Elena N. Popova, Stella B. Tomashevich

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The statement about unity and entirety of language system, interdependency and interaction of different level language elements belongs to the circle of fundamental problems in language theory. There is a specific correlation between sounding and meaning. Syllable and morpheme correlation studying could clarify two-side nature of language sign. The article demonstrates the analysis of correlation between syllabic borders and word boundaries, between syllabic borders and morphemic junctures in different word classes in conversational, scientific and literary texts. The correlation between syllabic borders and morphemic junctures demonstrates main grammar tendencies and may be considered as a typological feature. The question of syllable and morpheme correlation is especially important for synthetic languages, for it is they where isomorphic phenomenon of correlation between form and substance is denied. The analysis shows that quantity of morphs and syllables in word is practically the same. Nevertheless it is impossible to speak about coincidence of syllable and morpheme. Conjunction frequency of syllabic borders and morph junctures depends on the word class, the type of morph juncture, the level of its semantic and syntactic independence and the type of the text. Considering syllabic border and morph juncture correlation the scientific text differs from the conversational and the literary ones, nouns and adjectives oppose verbs. The main method is statistical, analytical and descriptive methods are also used. Correlation of morphemic and syllabic division characterizes the Russian language as fusional and flecional language and demonstrates its main grammar tendencies. Correlation regularity between morph and syllable, between syllabic borders and morphemic junctures and word boundaries shows the unity of sounding and meaning of morpheme and word. The leading role in this unity belongs to meaning.

Key words: syllabic border, morph juncture, text difference, word classes, agglutination, synthetic, analytic, morph, fusion

REFERENCES

1. Boduen de Kurtene, I.A. (1963). Selected works in general linguistics. Vol. I—II. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
2. Jakobson, R. & Waugh, I. (1979). The sound shape of language. Brighton: Harvester Press.
3. Melnikov, G.P. (1997). About nature of phonetic and phonologic units in the light of modern system linguistic phenomena. In *Phonetic in the system of language*, 1. (In Russ.).
4. Zinder, L.R., Bondarko, L.V., Gordina, M.V. & Svetozarova, N.D. (1980). *Problems and methods of experimental phonetic analysis of speech*. Leningrad: Publishing house of the Leningrad University. (In Russ.).
5. Bybee, J. (1985). Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
6. Gordina, M.V. (1966). About different functional language sound units. In *Research of phonology*. pp. 172—184. (In Russ.).
7. Kasevitch, V.B. (1983). Phonological problems of general and eastern linguistics. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Zubkova, L.G. (1986). About correlation between meaning and form in the language system. *Problems of linguistics*, 5, 55—66. (In Russ.).
9. Vashchekina, T.V. & Popova, E.N. (2017). Syllabic Structure of Morph in Different Word Classes and Different Types of Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1020—1028. (In Russ.).
10. Greenberg, J. (1960). A quantitative approach to the morphological typology of languages. *IJAL*, XXVI, 3, 60—94.
11. Vinogradov, V.V. (1972). Russian Language. Moscow: Russian Language. (In Russ.).
12. Zubkova, L.G. (2010). Principle of Sign in Language System. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
13. Zemskaya, E.A. (1979). Russian colloquial speech: linguistic analysis and problems of teaching. Moscow: Russian Language. (In Russ.).
14. Sirotnina, O.B. (1983). Colloquial speech in the system of functional styles of the Russian literature language. (1983) Saratov: Publishing house of the Saratov University. (In Russ.).
15. Shmelev, D.N., Ivanova-Lukyanova, G.N. & Glovinskaya, M.Ya. (1989). Grammar research. Functional stylistic aspect. Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Tomson, A.I. (1910). General linguistics. Odessa: Technic. (In Russ.).
17. Shcherba, L.V. (1983). The theory of the Russian writing. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
18. Avanesov, R.I. (1956). Phonetics of the modern Russian literature language. Moscow: Publishing house of Moscow State University. (In Russ.).
19. Bondarko, L.V. (1977). Sound structure of the modern Russian literature language. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.).
20. Worth, D., Kozak, A. & Johnson, D. (1970). Russian Derivational Dictionary. New York: American Elsevier Publishing Company.
21. Worth, D., Kozak, A. & Johnson, D. (1968). Grammatical Junction and Russian Stress. *Language*, 44(5), 784—791.
22. Aronoff, M., Kean, M.-L. (Eds). (1980). *Juncture. A Collection of Original Papers*. USA: ANNA LIBRI.
23. Zubkova, L.G. (1984). Word classes in the light of phonetics and morphology. Moscow: Publishing house of UDN. (In Russ.).
24. Kozhina, M.N. (1983). Stylistics of the Russian language. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.).
25. Vinogradov, V.V. (1975). Selected works. Research of the Russian grammar. Moscow: Nauka. (In Russ.).
26. Popova, E.N. & Tomashevich, S.B. (2016). Morphemic Structure of Syllable in Different Word Classes in Different Types of Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 203—211. (In Russ.).

Для цитирования:

Попова Е.Н., Томашевич С.Б. Соотношение морфологического и фонетического членения в русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 595—611. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-595-611.

For citation:

Popova, E.N. & Tomashevich, S.B. (2018). Correlation of morphemic and syllabic division in the Russian language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 595—611. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-595-611.

Сведения об авторах:

Попова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: общее и сопоставительное языкознание, теоретическая грамматика; *e-mail*: kafedra_fl_rudn@mail.ru

Томашевич Стелла Бернардовна, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: общее и сопоставительное языкознание, семиотика; *e-mail*: kafedra_fl_rudn@mail.ru

Information about the authors:

Elena N. Popova, PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of RUDN; *interests*: general and comparative linguistics, theoretical grammar; *e-mail*: kafedra_fl_rudn@mail.ru

Stella B. Tomashevich, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of RUDN; *interests*: general and comparative linguistics, semiotics; *e-mail*: kafedra_fl_rudn@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

УДК: 81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-612-624

«ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» — НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ 1930-х ГОДОВ

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет
ул. Веры Волошиной, 24, г. Мытищи, Московская область, 141014

В статье анализируется проект «Лингвистической энциклопедии» 1930-х гг. Концепция издания была разработана известным историком и теоретиком языкознания Р.О. Шор в виде развернутой докладной записки в Научно-исследовательский институт языкознания. Идея создания «Лингвистической энциклопедии» включена в контекст научных дискуссий, общественно-политической ситуации 1920—1930-х гг. и тех задач, которые возникли перед советскими учеными по языковому строительству, методике изучения языков южных регионов страны, разработке общих вопросов теории и методологии лингвистики. Автор статьи подчеркивает очевидный идеологический характер многих утверждений, свидетельствующий о борьбе разных направлений в языковедческой науке и нарастающем давлении марксизма. Впервые представляется и комментируется подлинный текст этого проекта из коллекции фондов Архива РАН. Работа решает малоизвестные проблемы в истории языкознания и способствует объективному пониманию сложных процессов социологии лингвистической науки в период ее адаптации к новым условиям работы (дискуссии, притеснение традиционной компаративистики, борьба с «поливановщиной» и т.д.).

Ключевые слова: история и теория языкознания, лингвистическая дискуссия, марксизм, языковая ситуация, лексикография

История отечественной науки первой половины XX века, особенно времени так называемого языкового строительства и перекройки гуманитарного образования в 1920—1930-х гг., изучена еще недостаточно хорошо. Многие лингвистические сюжеты тех лет до сих пор неизвестны филологической аудитории, хотя основные тенденции в науке уже подробно описаны, а архивные публикации последних десятилетий внесли существенный вклад в копилку объективных знаний [1; 4; 13—15; 17]. Это связано прежде всего с фрагментарностью разработки отдельных отраслей языкознания. Несмотря на то, что трагические годы славистики, дискуссии 1940—1950-х гг. уже не раз являлись предметом исследования, были вскрыты и обнародованы новые факты, переосмыслены теоретические положения классиков советской лингвистики, даны критические оценки многим забытым датам и именам, целостной картины развития филологии в эти годы мы

не имеем. Тем не менее опубликованные документы позволяют нам опираться на вполне надежные источники и последовательно строить историю русского языкознания XX века без штампов и очевидных лакун.

Какие же события в культурном пространстве общества так или иначе повлияли на формирование лингвистического портрета эпохи первых десятилетий советской власти? Прежде всего надо сказать о том, как изменился системный принцип высшей школы, которая все более приобретала прикладной характер и вплеталась в маховик социалистического строительства. Для этого создавались новые учебники и энциклопедии. Еще в 1920-х гг. взрослые граждане в глубинке слабо владели элементарными правилами грамматики. Необходимо было заниматься просветительством: обучать не только детей, но и старшее поколение, создавать алфавиты для бесписьменных народов СССР и т.д. В эту работу включились ведущие лингвисты и методисты того времени Д.Н. Ушаков, М.Н. Петерсон, А.М. Пешковский, Н.Н. Дурново, Е.Д. Поливанов, Н.Ф. Яковлев, А.М. Сухотин, Р.О. Шор. Их опыт не являлся упрощенчеством. В силу сложившихся обстоятельств они вынуждены были писать учебники для рабфаков, создавать новые методики для обучения полуобразованных рабочих и крестьян, ездить в экспедиции, живой говор превращать в письменность. Формальное языкознание как наука в большей степени диахроническая способствовала развитию и утверждению конкретных лингвистических задач того времени.

Словари и энциклопедии принуждены были выполнять не только педагогическую, но и в известной степени идеологическую задачу. Именно тогда, в начале 1920-х гг., родилась идея создания «Словаря современного русского литературного языка» по типу Лярусса [8; 9; 12], в котором определенное место в качестве источников занимали труды деятелей революционного движения наряду с поэтами и писателями Серебряного века. В 1924 г. Н.Н. Дурново опубликовал первый в истории отечественного языкознания «Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины)» (см.: [5]). В нем проводилась линия Московской лингвистической школы. В 1925 г. вышел двухтомник «Литературной энциклопедии», которая поместила в том числе и статьи лингвистов формального направления, например, А.М. Пешковского (см.: [11]). Но все же к началу 1930-х гг. у нас не было сколько-нибудь подробной специальной энциклопедии, посвященной теории языкознания и общим проблемам лингвистики (не только российской, но и иностранной). Правда, отдельные статьи выходили в «Большой советской энциклопедии», и все еще издавался «Энциклопедический словарь» братьев Гранат. Но это были почти не замеченные никем краткие заметки, не влиявшие на становление новой науки о языке.

Несколько особняком здесь стоял Е.Д. Поливанов, дерзнувший вопреки нараставшему марровскому влиянию показать свое видение языкового процесса и подготовить оригинальный труд в духе лучших традиций лингвистической типологии и компаративистики. Но его словарь так и остался неизданным и пролежал в архиве десятилетия [16]. Как авторский лексикон лингвистических терминов его уникальный эксперимент, безусловно, представляет исключительное явление в нашей филологической науке, но никакого влияния на развитие языкознания 1930-х гг. он не имел.

В целях систематизации знаний и утверждения новой политики в этой отрасли необходима была разработка целого направления — лексикографии, которое бы, с одной стороны, приобщило читательские массы к слову, с другой — воспитывало их в новых историко-культурных условиях. Происходила «борьба идей и идеологий» в науке [13]. Еще в конце 1920-х гг. началась работа по составлению первого нормативного толкового словаря советской эпохи — «Ушаковского», как позднее его неофициально назовут. Он несколько лет, в самые непростые годы суда над славистикой, находился под огнем марровской критики (см. описание дискуссии: [10; 12]). А в начале 1930-х годов была предпринята попытка уже с более «прогрессивных» коммунистических позиций составить лингвистическую энциклопедию, которая выполняла бы функцию форпоста в борьбе с «антимарксистскими формалистическими и идеалистическими воззрениями на язык» [ЛЭ, л. 3].

Эта идея принадлежала известному филологу Розалии Осиповне Шор (1894—1939). Она начинала как компаративист, отлично знала санскрит и древнеиндийскую литературу, занималась переводами, публиковала труды по истории западноевропейской литературы. В 1920-е гг. вела активную преподавательскую и научную деятельность в Лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН, Институте народов Востока, Государственной академии художественных наук (ГАХН). В 1930-е гг. она была действительным членом Научно-исследовательского института языкознания (НИЯЗ), заведовала кафедрой общего языкознания Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ), занималась большой общественной работой (см. подробнее: [2; 3]).

Собрание документов и писем Р.О. Шор, находящееся в Архиве РАН, показало, насколько разнообразны и глубоки были ее филологические устремления. Среди найденных нами материалов оказалась и докладная записка «Об организации „Лингвистической энциклопедии“» — интереснейший факт не только с точки зрения лексикографической теории и практики, но крупное событие в гуманитарной науке. Оно обнажило остро стоявшие перед нашими учеными проблемы научной теории и практики 1930-х гг.

Вверху имеющейся в нашем распоряжении машинописи (12 листов узких столбцов) перед заглавием напечатано: «Составлено Р. Шор по заданию руководства „НИЯЗ“». И ниже титул: «Об организации издания „Лингвистической энциклопедии“ (докладная записка)» [ЛЭ, л. 1].

Она начиналась с общих положений о необходимости пропаганды достижений марксистской науки, которая уже приняла массовый агитационный характер в энциклопедиях общего и специального назначения:

«Переход от первой пятилетки ко второй, мощное развертывание социалистического строительства, рост кадров научных работников-марксистов и выразившееся в дискуссиях последних лет вскрытие и очищение советской науки на всех ее участках от ряда идеалистических и механических ошибок делает возможным широкую популяризацию достижений марксистской науки не только в справочных изданиях сводного типа /БСЭ, МСЭ/, но и в специальных справочных изданиях по единой дисциплине или по кругу близких дисциплин» [ЛЭ, л. 1].

В то же время, сетовал автор, «отсутствует энциклопедия по вопросам языкознания» [Там же]. «Между тем, — продолжала далее Р.О. Шор, — положение на этом участке идеологического фронта таково, что организация подобного издания кадрами марксистов-лингвистов является настолько необходимой и неотложнейшей задачей ближайшего времени» [Там же].

Затем в кратком обзоре наиболее важных, по мнению ученого, проблем современной (1920—1930-е гг.) лингвистики она обсуждала ключевые вопросы общественной и культурной панорамы жизни, имевшие отношение прежде всего к языковому строительству. Р.О. Шор ссылаясь на «ленинскую национальную политику в СССР», которая привела, как она полагала, к расцвету «национальных по форме и социалистических по содержанию» [Там же, лл. 1—2] культур. В этих условиях необходимо было усилить работу по обучению местных народов на родном языке и таким образом укрепить идеологические позиции советской власти. Однако и здесь нашлись определенные проблемы. Р.О. Шор утверждала:

«...на этом участке социалистического строительства можно констатировать досадное отставание лингвистической теории от языковой политики [и] практики пролетариата и его авангарда — партии: наличие в языковедных теоретических и практических выступлениях уклонов от генеральной линии партии, как в сторону великодержавного шовинизма, так и в сторону местного национализма, использование в национальных учебниках порочных построений старых /миссионерских/ лингвистических школ, обслуживавших прямые интересы царской колонизаторской политики и великорусской ассимиляции, малая осведомленность широких читательских масс в вопросах языкового строительства — все это настойчиво сигнализирует необходимость продвижения в широкие массы читателей *правильных* (курсив наш. — О.Н.) сведений о языках народов СССР, <...> об их взаимодействии (так в тексте. — О.Н.), — словом, тех сведений, которые могут содействовать развертыванию языкового строительства в направлении, указанном генеральной линией политики пролетариата» [Там же, лл. 2—3].

Но не только в этом видела Р.О. Шор пробелы в стратегии лингвистического образования. Многие идеи старой школы, усвоенные прежними поколениями ученых, продолжали распространяться и в массовом порядке в вузовских и школьных учебниках, что не отражало «марксистско-ленинской методики языка». В связи с этим она ставила перед лингвистами задачу продвижения новых форм языкового строительства. Вот как Р.О. Шор об этом писала:

«Между тем и на этом участке идеологического фронта мы не можем еще констатировать удовлетворительного состояния. В программах, учебниках и методических пособиях по языку слишком часто еще проводятся антимарксистские формалистические и идеалистические воззрения на язык, особенно сильно это неблагополучие выявляется на наиболее ответственном и центральном участке школьной работы по языку — участке грамматики. И здесь неотложной задачей является создание такого справочника, который дал бы школьному работнику правильные марксистско-ленинские установки на всех участках его работы» [Там же, л. 3].

Общественный пафос автора идеи порой выходил и за рамки научной теории вопроса. Р.О. Шор включалась в дискуссию о международной ситуации и в духе своего времени порицала врагов народа. Приведем характерную реплику из первой части проекта «Лингвистической энциклопедии»:

«П[е]рчисленными участками социалистического строительства, несмотря на их кардинальную важность, отнюдь не ограничивается область применения языковедных сведений: в условиях современного международного положения усиленной деятельности врагов Советского Союза и социалистического строительства, кануна краха капиталистических государств и роста революционного рабочего движения, интересы интернационального воспитания трудящихся требуют ознакомления их с языковой ситуацией за пределами СССР, с характером языков запада и Востока, в частности, языков „колониальных“, с классовой борьбой в языке и посредством языка» [Там же, лл. 3—4].

Показательно, что Р.О. Шор не осталась в стороне от печально известной акции по дискредитации «буржуазных индоевропейцев» и «формалистов», которая набирала обороты с конца 1920-х — начала 1930-х гг. Здесь необходимо вспомнить дискуссию в НИЯЗ о трудах и научной деятельности А.М. Селищева [7; 14; 15], выпады в адрес А.М. Пешковского [11], травлю Е.Д. Поливанова [3] и другие трагические события того непростого времени. Казалось бы, зачем в таком издании обострять этот вопрос и ввязываться в борьбу на «идеологическом фронте» науки? Может быть, эта позиция отчасти объясняется особенностями ее характера и «женской доли»: она всю жизнь пробивала себе дорогу в мужском окружении, старалась быть на виду, и своими способностями и неистовым трудолюбием завоевывала авторитет, став уже в конце 1920-х гг. признанным в СССР теоретиком языкознания (вспомним отклик на ее книгу «Язык и общество» знаменитого французского лингвиста А. Мейе).

Р.О. Шор была инициатором серии «Языковеды Запада», в которой переиздали «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, труды Э. Сепира, Ж. Вандриеса, В. Томсена и А. Мейе (см. подробнее: [2; 3]). И все это было возможно благодаря неутомимой пробивной энергии Р.О. Шор. Она, безусловно, понимала, что заниматься *зарубежной* (=буржуазной) лингвистикой в середине — второй половине 1930-х гг. чревато большими неприятностями. Все-таки, выпуская сочинения классиков западноевропейской мысли, и в подготовленном проекте «Лингвистической энциклопедии» она тем не менее настаивала на критике «построений буржуазной лингвистики» и теории «миграции частей единого пранарода» [ЛЭ, л. 9]. В общем, ее большие познания все время наталкивались на внутренние духовные споры: она то прорывалась вперед и шла в передовых шеренгах лингвистов, то отступала и повторяла затрепаннные лозунги марристов и невольно скрывалась за мощной амбразурой идеологии марксизма-ленинизма.

Следующий фрагмент ее «докладной записки» как раз свидетельствует о противоречивости взглядов ученого и в целом неустойчивости общественной позиции в языкознании, где начиналась «эпоха разоблачений»:

«В условиях обостренной классовой борьбы и необходимости обостренной классовой бдительности весьма важное значение приобретает борьба со всеми

попытками маскировки классово-враждебных разоружающих пролетариат идеологий, имевшими место и на языковедном участке /поливановщина, троцкизм, меньшевистствующий идеализм/. Как разоблачение классово-враждебных идеологий на лингвистическом участке, так и развернутое систематическое изложение марксистско-ленинской науки о языке predetermined ленинским разрешением вопроса о наследстве в научном строительстве пролетариата /„Речь о задачах комсомола“ и др./ . Поэтому „Лингвистическая энциклопедия“ должна дать всю сумму знаний, добытых человечеством на участке языкознания, дать характеристику важнейших деятелей этой науки, но дать ее не в духе буржуазного об[ъ]ективизма, а в критическом освещении с позиции диалектического материализма, с позицией (так в тексте. — *О. Н.*) ленинской партийности в науке» [Там же, лл. 4—5].

Все сказанное подводило мысль Р.О. Шор к необходимости коренным образом обновить аппарат лингвистической науки и подготовить авторитетное издание, которое применяло бы иные принципы научной работы (отход от «формализма» и традиций Московской лингвистической школы, социологизация языкознания, использование методологии нового учения о языке и т.д.) и соответствовало идеологии времени. Она, конечно же, была отлично знакома с похожими опытами, но отвергала их. Так, «Грамматический словарь» Н.Н. Дурново Р.О. Шор назвала «насквозь формалистическим и идеалистическим» [Там же, л. 5]. Будучи автором ряда статей в «Большой советской энциклопедии», она и в ней усмотрела недостатки:

«Лингвистика в БЭС носит, в особенности в первых 15 томах, преимущественно „беспартийный“, идеологически „нейтральный“ характер, статьи втиснуты в большинстве случаев в форму „академических“ очерков и справок; часто они излишне элементарны, а еще чаще излишне „учены“ и специальные. Вместо единой марксистской, диалектически-материалистической методологической установки читатель находит полный разноречивый методов и воззрений. И наконец, скромные размеры, отведенные в БЭС лингвистике, не дают возможности развернуть этот отдел в заслуживаемой им полноте» [Там же, лл. 5—6].

Досталось и «Литературной энциклопедии» от бойкого пера Р.О. Шор (кстати, она была ее автором и редактором). Она усмотрела в ней принадлежность к старой описательной лингвистике. Значит, и этот труд не подходил под критерии большого современного терминологического словаря. В ее «докладной записке» читаем:

«В предисловии к этой энциклопедии указано, что эстетика и лингвистика, являющиеся для литературоведа вспомогательными дисциплинами, даны лишь в той мере, в какой это нужно для критического восприятия основного литературоведческого материала. Центр внимания сосредоточен на о п и с а н и и я з ы к о в . Большинство описаний носит справочный характер в форме ряда внешних замечаний: географическая распространенность, принадлежность к той или иной группе, количество говоров и наречий, иногда несколько замечаний о грамматике — и все. Но это чаще всего для более или менее отдаленных и небольших языков /абиссинский, афганский и пр./ . Только о некоторых дано более обстоятельно /английский язык/» [Там же, л. 6].

Кроме того, у Р.О. Шор вызывал опасение и другой факт. Как теоретик языкознания она стремилась создать *новую* методологию этой науки, отвечавшую бы требованиям социалистической идеологии. Поэтому в своих тезисах она снова балансировала между классической школой, к которой принадлежала в юности, и современной, и выбор делала часто в сторону последней. Думаем, что он давался ей не так просто. Прочитируем еще один фрагмент этой заметки Р.О. Шор:

«В методологическом отношении статьи ЛЭ в основном также пестры, как и статьи в БСЭ. Обычно статьи о кавказских и восточных языках написаны преимущественно с точки зрения яфетидологии, а о европейских — преимущественно с точки зрения индоевропеистики. Таким образом[,] наличный справочный материал отнюдь не может заменить той лишь энц<иклопедии>[,] появление которой настоятельно диктуется потребностями текущего этапа социалистического строительства» [Там же, лл. 6—7].

После краткого изложения концепции заявленного издания и подведения идеологической платформы Р.О. Шор далее говорила о структуре намеченной книги. Она должна была состоять, по мнению автора, из трех разделов:

«1. Статьи по языковедению и языковому строительству.

2. Статьи по методике языка.

3. Статьи по дисциплинам, тесно соприкасающимся с наукой о языке в деле обслуживания языкового строительства народов СССР, как стенография, полиграфическое дело и т.п.» [Там же, л. 7].

В следующей части Р.О. Шор предлагала схему размещения словарных статей, разделив их на две части: лингвистические и методические работы. Первые включили, как она предполагала, «сведения по отдельным языкам и языковым группам», «статьи об отдельных лингвистах» и «статьи по лингвистической теории и терминологии» [Там же, л. 7]. Показательно, что проблемы истории языка тоже должны были бы освещаться в «Лингвистической энциклопедии», но с учетом «текущего момента». Политизация этой части, ее условность и подчиненность диктатуре Марра очевидна. Вот как видела это в своем издании Р.О. Шор:

«...факты истории языка связываются с данными истории общественных формаций и массовой борьбы — так освещаются изменения строя языка и семантики, история литературного языка как языка господствующего класса, как отражение и орудие классово-борьбы, факт языкового смешения и отношение к языкам национальных меньшинств на территории того же государственного образования, национально-языковая политика господствующего класса /для нацменьшинства — борьба за национальный язык и текущий этап его строительства/» [Там же, лл. 7—8].

Мы не раз встречали на страницах заметки сочетание «языковое строительство», характерное и для других работ тех лет. Но что же в него вкладывала Р.О. Шор? Какие задачи она ставила перед лингвистикой в этом, едва ли не центральном направлении «идеологического фронта» науки? Она пояснила это так:

«...характеристика современного состояния языка границы т.н. местных диалектов и их *пережиточный* (курсив наш. — О.Н.) характер, наличие литера-

турного и письменного языка, его классовость, борьба классов за литературный язык / для языков СССР...» [Там же, л. 8].

Заметим попутно, что к этому времени была практически свернута деятельность Московской диалектологической комиссии в ее дореформенном состоянии [6], а в 1931 г. ее вовсе ликвидировали. И в изучении диалектов, насколько это было возможно, на первом месте стояли «классовые» задачи.

Интересен в русле развития лингвистики 1920—1930-х гг. такой тезис ученого:

«В перечне литературы предполагается дать краткую характеристику основных направлений существующей по данному языку литературы, вскрывающую их классовую направленность, империалистические и националистические установки и т.п.» [ЛЭ, лл. 8—9].

И снова звучал громкий тезис о «классовости», распределявший кирпичики научного анализа по принципу «свой — чужой»:

«Статьи по истории соответствующего раздела лингвистики /под словами „Угрофиноведение“, „Семитология“, „Индоевропеистика“, „Яфетидология“ и т.п./ должны дать характеристику его основных направлений в прошлом и настоящем, вскрывая их классовую направленность /империалистические, националистические установки/ и под этим углом зрения переоценивая построения буржуазных ученых» [Там же, л. 9].

В энциклопедии планировалось разместить и статьи «об отдельных лингвистах», имевших «существенное значение для развития методологии языкознания» [Там же, л. 9]. Имена их не назывались, но указывалось на то, что необходимо вскрыть их «философские и классовые корни» [Там же, л. 10].

На многих страницах данного проекта отмечалось, что «Лингвистическая энциклопедия» должна «популяризировать достижения марксистско-ленинского этапа развития материалистической лингвистики» [Там же, л. 10]. Это касалось как проблем истории, методологии науки и стратегии ее развития, так и частных задач: правильно с точки зрения марксистской идеологии описать «установочные термины» типа *грамматика*, где также надо показать «классовую значимость» не только в синхронии, но и в диахронии. Статьи, требующие развернутого объяснения вроде *имя*, *глагол*, также, по мнению Р.О. Шор, должны включать «современное разрешение вопроса в системе марксистской лингвистики» [Там же, л. 11]. Особое внимание она предлагала уделять не только критике положений буржуазной лингвистики, но и «первых этапов материалистического языкознания», т.е. яфетической теории [Там же, л. 10], и отмечать ее применение «в соц<и>алистическом» строительстве народов СССР» [Там же, л. 11].

Схема статей второй части словаря включала работы «о важнейших методистах» [Там же, л. 11]. Р.О. Шор высказалась «против отделения раздела методики от раздела языковедения в области лингвистической грамматики» [Там же, л. 11]. Эта точка зрения практиковалась, как она писала далее, «в некоторых старых справочных изданиях» [Там же, лл. 11—12] и не могла использоваться в языковом строительстве. Автор полагал, что такая позиция «является лишь одним из случаев отрыва теории от практики, характерного для буржуазного языковедения» [Там же, л. 12].

Самая скромная, но важная в концепции задуманного издания часть — статьи по дисциплинам, которые обслуживают языковое строительство народов СССР. К ним Р.О. Шор отнесла термины *стенография*, *полиграфическое производство*, *шрифт* и т.д. [Там же, л. 12].

Проект Р.О. Шор по изданию «Лингвистической энциклопедии» так и не был реализован, а потом, по-видимому, в связи с трагическими обстоятельствами и так называемым «делом славистов» вовсе заброшен — заниматься сложным вопросом, требующим привлечения специалистов разных отраслей языкознания, было небезопасно ученому, стоявшему на грани марксистских взглядов. К тому же Р.О. Шор довольно рано умерла, в 1939 г. И этот оригинальный замысел забыли. Между тем даже в виде достаточно подробной «докладной записки» он ценен как факт истории лингвистики 1930-х гг., свидетельствующий о большом интересе советских ученых к непростым дискуссионным проблемам общего языкознания. «Лингвистическая энциклопедия» показала, что под прикрытием «идеологического строительства» ученые пытались исследовать живые процессы современного языка. И в этом смысле Р.О. Шор выходила за пределы нашей традиционной науки и смотрела далеко вперед, в ее будущее (например, она говорила о статусе международного языка и т.д.).

Р.О. Шор при всех ее «скитаниях» обладала уникальным даром видеть и чувствовать языки как явление культуры, проникать в их строение, творчески подходить к их изучению. Помнится, при разборе архива Р.О. Шор мне попались на глаза многочисленные таблички и карточки с классификациями языков мира, которые старательно выполнила первая женщина-лингвист XX века. Она была не только интересным теоретиком языкознания, но и авторитетным, мы бы сказали, неутомимым практиком, преданным науке до последних дней. Ее научное творчество, как мы полагаем, еще нуждается в осмыслении и открытии, как и многое из того, что осталось после нее в архивах.

Р.О. Шор была необычным явлением в науке 1920—1930-х гг. Единственная видная женщина-идеолог в лингвистике, теоретик, отличный методист и организатор науки, она обладала поистине широчайшими познаниями в разных отраслях филологии, «сочетала женственность с ученостью», как о ней говорили, обладала огромной эрудицией и фантастической работоспособностью [3]. Но смогла завершить далеко не все, что было задумано. Просмотренные нами личные материалы Р.О. Шор в Архиве РАН, пока еще не до конца укомплектованные и сформированные в отдельный фонд, дают отличное представление о масштабе этой личности, попавшей под жернова культурных истязаний своего века. Она великолепно знала Ф. де Соссюра, была одним из первых социолингвистов, во многом выступала в роли первопроходца. И тем не менее не устояла в перипетиях сложной биографии науки, склонялась к Н.Я. Марру, по выражению П.С. Кузнецова (см.: [3]). «Она была по природе эклектична, заигрывала с марризмом», — выразился однажды о ней А.А. Реформатский [Там же]. Отчасти эта увлеченность мифом,

который, наверное, в глубине души ей был не так интересен, оттолкнула ее от настоящей компаративистики и традиций Московской лингвистической школы, в которых она взрастала как ученый — Р.О. Шор все больше работала в стол и внешне старалась не конфликтовать со сторонниками взглядов главы советского языкознания тех лет. Это, как мы увидели, хорошо показано в ее «докладной записке» «Об организации „Лингвистической энциклопедии“».

Ключевыми словами работы Р.О. Шор, которые задают тон всему проекту «Лингвистической энциклопедии», являются характерные для марровской стилистики того времени сочетания вроде «идеологический фронт», «марксистско-ленинское языкознание», «классовая борьба в языке», «разоблачение классово-враждебных идеологий на лингвистическом участке» и т.д. В статье не раз фигурировали ссылки на печатные труды и выступления Сталина и недвусмысленно клеймились «троцкисты», в одном ряду с которыми оказался и Е.Д. Поливанов. Подобные реплики и в устной форме, в дискуссиях, и в письменной полемике нередко звучали в то время как лозунги-идеологемы, подчеркивавшие преимущество нового мышления перед старым, «буржуазным». Но все же и в лексико-графических состязаниях, пусть и находившихся под давлением трагической истории, мы не могли не заметить и весьма интересные, по сути даже философские проблемы языкознания, которые пыталась решить Р.О. Шор в своей энциклопедии: упорядочение системы лингвистических дисциплин, их терминологии, указание на важность филологического образования в национальных республиках, обсуждение системных вопросов методологии языкознания, оценка состояния и ресурсов лингвистики 1930-х гг.

Объем этого издания, как было указано в заключительных строках проекта, предполагался внушительный: 4—5 томов по 50 авторских листов на каждый том [ЛЭ, л. 12]. Можно сейчас только предполагать, каким бы интересным, неоднозначным и оригинальным могла получиться эта энциклопедия, если бы ее издание было осуществлено. По сути дела мы держим в руках проект первого лингвистического справочника, отражающего научные интересы и идеологическую борьбу в эпоху расцвета марровского учения о языке, — своеобразный исторический памятник философии, теории и социологии филологической науки 1920—1930-х гг.

Описанный нами частный эпизод из истории лингвистики важен и в другом отношении: обнародование подобного документа показывает не только общую тенденцию в науковедении тех лет, но и приоткрывает личные судьбы известных ученых, находившихся под определенным влиянием идеологии. Без знания этих фактов невозможно написать более или менее полную и объективную историю отечественного языкознания XX века.

© Никитин О.В.

Дата поступления: 23.07.2018

Дата приема в печать: 26. 07.2018

СОКРАЩЕНИЯ

Архив РАН — Архив Российской академии наук (Москва).

ЛЭ — Лингвистическая энциклопедия / Составлено Р.О. Шор. — Машинопись 12 лл. с незначительными авторскими вставками. Хранится в личном фонде Р.О. Шор (находится в состоянии обработки и комплектования) в Архиве РАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005.
2. *Алпатов В.М.* Розалия Осиповна Шор // Вопросы языкознания. 2009. no 5. С. 114—131.
3. *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012.
4. *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М.* Репрессированная тюркология. М.: «Восточная литература» РАН, 2002.
5. *Дурново Н.Н.* Грамматический словарь: Грамматические и лингвистические термины / Под ред. О.В. Никитина; Сост., вступит. ст., послесл. и прим. О.В. Никитина. М.: Флинта: Наука, 2001.
6. *Никитин О.В.* Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново и А.М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. no 1. С. 91—102.
7. *Никитин О.В.* Афанасий Матвеевич Селищев: Очерк жизни и деятельности // Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т. 1: Язык и общество / Сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 10—21.
8. *Никитин О.В.* Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. no 1 (7). С. 195—228.
9. *Никитин О.В.* Судьба академических лексикографических проектов 1920-х гг. // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всероссийской Академической школы-семинара / Отв. ред. С.Св. Волков, О.А. Старовойтова. СПб.: Наука, 2005. С. 30—47.
10. *Никитин О.В.* Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» // Микроязыки. Языки. Интеръязыки: Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / Под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С.Н. Кузнецова. Tartu: Tartu University Press, 2006. С. 459—474.
11. *Никитин О.В.* Жизнь и труды Александра Матвеевича Пешковского в свете научной полемики его времени // Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды: Учебное пособие / Сост. и науч. редактор О.В. Никитин. М.: Высшая школа, 2007. С. 14—58.
12. *Никитин О.В.* Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 232 с.
13. *Никитин О.В.* Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова) // Мир русского слова. 2016. no 3. С. 27—40.
14. Памяти Афанасия Матвеевича Селищева: Сборник статей и документов / Отв. ред. В.И. Макаров. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2003.
15. Памяти Афанасия Матвеевича Селищева: Сборник статей и документов / Отв. ред. В.И. Макаров. Изд. 2-е, испр. и доп. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005.
16. *Поливанов Е.Д.* Избранные работы: Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука, 1991.
17. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов) / Отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М.: Индрик, 2004.

УДК: 81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-612-624

“LINGUISTIC ENCYCLOPEDIA” — AN UNKNOWN LEXICOGRAPHICAL PROJECT OF THE 1930S

Oleg V. Nikitin

Moscow Region State University

Vera Voloshina str., 24, Mytishchi, Moscow region, Russia, 141014

Abstract. The article analyses the project of “Linguistic encyclopedia” of the 1930s. The concept of publication was designed by the famous historian and theoretician of linguistics R. O. Shor in the form of expanded memorandum to the Research Institute of linguistics. The idea of creating a “Linguistic encyclopedia” included in the context of scientific discussions, social and political situation of the 1920—1930s and those tasks which arose before the Soviet scientists on the language construction, technique of learning languages of the southern regions of the country, the development of the General theory and methodology of linguistics. The author emphasizes obvious ideological nature of many statements, which testifies to the struggle of different directions in linguistics and the growing pressure of marrism. For the first time the original text of this project from the collection of the Archives of Russian Academy of Sciences is presented and commented. The paper solves an obscure problem in the history of linguistics and contributes to the objective understanding of the complex processes of linguistic sociology of science in the period of adaptation to the new conditions (discussions, repression of traditional comparative studies, fighting with “polivanovchshina”, etc.).

Key words: history and theory of linguistics, linguistic discussion, marrism, language situation, lexicography

REFERENCES

1. Alpatov, V.M. (2005). Voloshinov, Bakhtin and linguistics. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
2. Alpatov, V.M. (2009). Rosalia Osipovna Shor. *Voprosy yazykoznaniiya (=Problems on linguistics)*, 5, 114—131.
3. Alpatov, V.M. (2012). Linguists, orientalists, historians. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
4. Ashnin, F.D., Alpatov, V.M. & Nasilov, D.M. (2002). Repressed Turkology. Moscow: “Eastern literature” of Russian academy of sciences. (In Russ.).
5. Durnovo, N.N. (2001). Grammatical dictionary: Grammatical and linguistic terms, edited by O.V. Nikitin; Comp., comm. by O.V. Nikitin. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
6. Nikitin, O.V. (2002). Moscow dialectological commission in the memoirs by D.N. Ushakov, N.N. Durnovo and A.M. Selishchev (unknown pages of history of the Moscow linguistic school). *Voprosy yazykoznaniiya (=Problems on linguistics)*, 1, 91—102. (In Russ.).
7. Nikitin, O.V. (2003). Afanasiy Matveevich Selishchev: Sketch of life and work. In: Selishchev, A.M. Works on the Russian language. Vol. 1. Language and society. Comp. by B.A. Uspensky, O.V. Nikitin. Moscow: Languages of Slavic culture. pp. 10—21. (In Russ.).
8. Nikitin, O.V. (2004). Forgotten pages of Russian lexicography of the 1920s (The prehistory of “The Ushakov dictionary”). *Russkij yazyk v nauchnom osvechshenii (=Russian language in scientific coverage)*, 1(7), 195—228. (In Russ.).
9. Nikitin, O.V. (2005). The fate of academic lexicographical projects of the 1920s. In: *Actual issues of historical lexicography and lexicology: Materials of the all-Russian Academic school-seminar*. Sankt-Peterburg: Nauka. pp. 30—47. (In Russ.).

10. Nikitin, O.V. (2006). Language policy of the 1930s and “The Ushakov dictionary”. In: *Micro-languages. Languages. Interlanguages: a Collection in honor of Professor Alexander Dmitrievich Dulichenko*. Tartu: Tartu University Press. pp. 459—474. (In Russ.).
11. Nikitin, O.V. (2007). The Life and works by Alexander M. Peshkovsky in the light of the scientific controversy of his time In: *Peshkovsky, A.M. Linguistics. Poetics. Style: Selected works: textbook*. Comp. and scientific editor O.V. Nikitin. Moscow: Higher school. pp. 14—58. (In Russ.).
12. Nikitin, O.V. (2012). Essays on the history of Russian lexicography of the first half of the XX century (explanatory dictionaries): monograph. Slavyansk-on-Kuban: Publishing center of the branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban. (In Russ.).
13. Nikitin, O.V. (2016). Russian lexicography in the 1930s: the struggle of ideas and ideologies (from the history of the creation and discussion of “The Explanatory dictionary of the Russian language” edited by D.N. Ushakov). *Mir russkogo slova (=The World of Russian word)*, 3, 27—40. (In Russ.).
14. In Memory to Afanasij Matveevich Selishchev: a Collection of articles and documents. Elets: I.A. Bunin Elets State University. (In Russ.).
15. In Memory to Afanasij Matveevich Selishchev: a Collection of articles and documents. Elets: I.A. Bunin Elets State University. (In Russ.).
16. Polivanov, E.D. (1991). Selected works: Writings on Oriental and General linguistics. Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. Robinson, M.A. (2004). The fate of the academic elite: Russian Slavic studies (1917 — the beginning of 1930-ies). Ed. by L.E. Gorizontov. Moscow: Indrik. (In Russ.).

Для цитирования:

Никитин О.В. «Лингвистическая энциклопедия» — неизвестный лексикографический проект 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 612—624. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-612-624.

For citation:

Nikitin, O.V. (2018). “Linguistic encyclopedia” — an unknown lexicographical project of the 1930s. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 612—624. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-612-624.

Сведения об авторе:

Никитин Олег Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; *научные интересы*: история языкознания, лексикография, философия и история языка, общая филология, семиотика; *e-mail*: olnikitin@yandex.ru

Information about the author:

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor of the Department of history of the Russian language and General linguistics at the Moscow Region State University; *research interests*: history of linguistics, lexicography, philosophy and history of language, General Philology, semiotics; *e-mail*: olnikitin@yandex.ru

УДК: 811.161.1'37:821.161.1-31
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-625-639

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ЯДРА И ПРИЯДЕРНОЙ ЗОНЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

В.Н. Денисенко, И.А. Романова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается структура ядра и приядерной зоны лексико-семантического поля «межличностные отношения» на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот», устанавливается и описывается совокупность лексем, репрезентирующих данное поле, а также место единиц рассматриваемого ЛСП в языковой картине мира писателя. Выбор предмета исследования диктуется актуальностью изучения лексики как пласта литературного языка, раскрывающего информацию о материальной и духовной культуре общества. Актуальность данной работы можно рассматривать также с точки зрения потребности в разработке комплексной методики лингвистического анализа семантических отношений внутри лексико-семантического поля «межличностные отношения». Мы ставим себе цель осветить все разнообразие используемых в произведении Ф.М. Достоевского единиц лексико-семантического поля «межличностные отношения», выявить уникальность их контекстного употребления, а также проследить динамику развития отношений и вместе с тем изменение лексического наполнения текста в описании отношений между героями. Нами разработаны критерии отбора лексических средств, маркирующих категорию. При подготовке материала статьи были использованы метод сплошной выборки, анализ словарных дефиниций, метод компонентного анализа. Установлено, что лексико-семантическое поле «межличностные отношения» представляет собой четко структурированную систему, единицы которой объединены общими семантическими признаками. Приядерную зону составляют единицы, объединенные архисемой «отношение», но с наличием небольшого количества дифференциальных признаков. В рассматриваемом нами поле это семы 'негативное отношение', 'позитивное отношение', 'интенсивное', 'неинтенсивное', 'благожелательность', 'враждебность', 'сочувствие', 'жалость', 'безразличие'. Эти признаки определяют структуру и место рассматриваемого поля в лексико-семантической системе русского языка, расширяя представление о содержании и структуре ЛСП «межличностные отношения» в сознании носителя русского языка. Большая часть лексики, входящей в ЛСП «межличностные отношения», — это слова с высоким эмотивным кодом, который характеризует и языковую личность писателя. Языковую картину мира писателя можно назвать индивидуально и творчески вербализованным представлением о мире сквозь призму сознания писателя.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, межличностные отношения, языковая личность, Ф.М. Достоевский, идиотизм, роман «Идиот», эмоционально-оценочные отношения

ВВЕДЕНИЕ

В языкознании XXI века ученые-лингвисты все больше внимания уделяют исследованию различных концептосфер, прибегая к использованию актуального метода поля. Именно с помощью полевого структурирования возможно выявить «диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действитель-

ностью» [1. С. 99—100], а также раскрыть черты национальной специфики языкового сознания. Благодаря структурированным семантическим полям наши знания о мире в сознании так четко упорядочены. «Каждое семантическое поле присущим только данному языку способу членит тот кусок действительности, который оно отражает» [2. С. 24].

Понятие «семантическое поле» активно разрабатывалось учеными в XX веке. Основателем теории семантического поля считают немецкого ученого Й. Трира (1894—1970) [3], исследования которого уже стали классическими. Именно после его работ лингвисты стали оперировать термином «семантическое поле». На основе идей Й. Трира продолжали свои работы другие ученые, такие как Л. Вайсгербер [4], Р. Халлиг и В. Вартбург [5]. Свой вклад в развитие теории семантического поля внесли Р. Карнап [6], Л. Витгенштейн [7] и В. Порциг [8].

Мы рассматриваем лексико-семантическое поле (далее — ЛСП) как особым способом организованную иерархическую систему языковых единиц, которые могут принадлежать к разным частям речи, но всегда объединены инвариантным значением.

Основная функция языкового значения — отграничение, а основное содержание этого значения — набор необходимых дифференциальных признаков, взятых из признаков понятия [9. С. 10]. Различия между понятием и значением в том, что значение есть «упрощенное понятие». Значение — тот минимум признаков понятия, который необходим для того, чтобы языковой знак приобрел социальную значимость.

Вслед за Л.А. Новиковым считаем, что «единицы поля входят в синтагматические, парадигматические и ассоциативно-деривационные отношения, которые соответствуют основным измерениям поля и создают его „объемное“ представление» [10. С. 242].

Традиционно в составе ЛСП выделают ядро, которое является именем поля, приядерную зону и периферию. В имени поля содержится архисема — единица, выражающая общее интегральное значение для всех единиц поля. Например, для семантического поля «межличностные отношения» с типовой семантикой *‘отношение к кому-либо каким-либо образом, проявляя какие-либо чувства’* и *‘проявление какого-либо отношения к кому-либо жестами, мимикой, звуками, движениями или какими-либо другими действиями’* такой архисемой является *‘отношение’*.

Приядерную зону составляют единицы, также объединенные архисемой, но с наличием небольшого количества дифференциальных признаков. В рассматриваемом нами поле это семы *‘негативное отношение’*, *‘позитивное отношение’*, *‘интенсивное’*, *‘неинтенсивное’*, *‘благожелательность’*, *‘враждебность’*, *‘сочувствие’*, *‘жалость’*, *‘безразличие’*.

Единицы периферии обладают более сложным содержанием, в них больше дифференциальных признаков. Таким образом, периферия одного поля может тесно взаимодействовать с единицами периферии смежных полей, что делает ее сегментированной на зоны по преобладанию того или иного дифференциального семантического признака.

Следует заметить, что возможно движение единиц внутри семантического поля от ядра к периферии и даже переход в другое смежное поле при утрате связи с архисемой. Данный переход не имеет четких границ и осуществляется постепенно с течением времени. Так, например, слова «благоволить», «благововеть», «жаловать», находившиеся в XIX веке в приядерной зоне, сегодня употребляются все реже и тяготеют к периферии.

Выше были обозначены свойства, являющиеся обязательными для любой полевой модели. Однако у каждого семантического поля есть только ему присущие черты и дополнительные свойства.

В данной статье мы хотим подробнее рассмотреть построение лексико-семантического поля «межличностные отношения», т.е. установить и описать совокупность репрезентирующих его лексем, выявить специфические признаки поля и входящих в него классов слов. Особое внимание в статье будет уделено ядру и приядерной зоне, так как именно в них максимальна концентрация полнообразующих дифференциальных семантических признаков.

Актуальность данной работы можно рассматривать с точки зрения потребности в разработке комплексной методики лингвистического анализа семантических отношений внутри лексико-семантического поля (ЛСП) «межличностные отношения».

Цель нашей статьи — осветить все многообразие используемых в произведении Ф.М. Достоевского лексем лексико-семантического поля «межличностные отношения», выявить уникальность контекстного употребления, динамику развития отношений и вместе с ними изменение лексического наполнения текста в описании отношений между героями. В тексте, где «все связи также динамичны, развиваются и разрушаются в жизненном процессе. Любовь — на грани ненависти; ненависть — на грани любви. Добро сочетается с подлостью. Подлый человек неожиданно для себя делает добро. Отношения между людьми не то чтобы подорваны, но они странны, временны или, напротив, существуют как бы извечно, принесены в мир откуда-то с того света...» [11]. И, наконец, постараться систематизировать полученные результаты.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Под межличностными отношениями понимается совокупность взаимодействий, которые возникают между отдельными людьми, часто сопровождаются эмоциональными переживаниями и в некотором роде передают состояние внутреннего мира человека. Межличностные отношения — одно из базовых антропоцентрических понятий и насущная потребность человека, отношения между людьми существовали во все времена, безусловно, существуют и сейчас. Тем интереснее изучить изменения их лексического выражения.

«Развитие лингвистической теории, утверждение языка как системы синтагматических и парадигматических отношений ее элементов, внедрение идей и понятий семиотики» [12. С. 6—7], а также семантическая интерпретация ассоциативных связей единиц с точки зрения психологии показывают необходимость

глубокого анализа текстов, особенно таких аспектов, как отношения между лексическими единицами и их значениями в системе самого языка.

Материалом исследования является роман Ф.М. Достоевского «Идиот». Выбор материала обусловлен следующим положением Ю.Н. Караулова, который писал: «Обращаясь к текстам Достоевского, мы обнаруживаем, что в них естественным образом воплотились все семантико-типологические характеристики русского языка, отражающие одновременно — хотим мы того или не хотим — основные составляющие русского национального самосознания, или русской идеи» [13. С. 24].

Еще М. Бахтин заметил, что Достоевский наделяет личностным портретом каждого своего героя, даже второстепенного, эпизодического. В этот портрет непременно входит внешность, манера изъясняться, социальная принадлежность, религиозные взгляды и, конечно же, отношение к миру и к другим людям. Последние находят свое выражение с помощью слов, принадлежащих к лексико-семантическому полю «межличностные отношения» прямо или контекстуально. Само содержание знака, т.е. его значение, складывается исторически (генетически) как закрепленный в речевой практике результат познания объекта [9. С. 15]. Однако значения могут утрачиваться или добавляться с течением времени или под влиянием мастерской языковой игры писателя. Здесь стоит отметить, что «одной из главных задач писателя Достоевский считает создание текста, максимально насыщенного содержанием. В течение всей творческой жизни он неустанно искал способы художественного приращения смыслов» [14. С. 27]. Именно поэтому в ЛСП полях произведений Ф.М. Достоевского появляется немало слов, входящих в поле, обычно в его периферию, контекстуально.

Гений Достоевского в сфере употребления слов в необычных контекстах и создания новых смыслов признают не только отечественные ученые — носители русского языка, но и зарубежные ученые-исследователи творчества Достоевского. Вот что пишет Joanna E. Perelmuter в своей диссертации на соискании степени Доктора философских наук “The Substandard Lexical Features in Dostoevsky's Post-Exile Literary Works”: “Even though he wrote in a hurried manner, Dostoevsky was not indifferent to the language of his fiction; he worried about the proper outcome, especially in the case of his stylized descriptions. He put a great deal of emphasis on bringing out the proper intonation and action of every phrase. Since he could not afford to spend too much time on corrections, he wanted his editors to scrutinize the stylized passages <...> Dostoevsky's language is never dull and always appropriate. His writings display a meticulous accuracy in their descriptive and characterization details. Various aspects of this accuracy of Dostoevsky's description, as when he precisely reflects certain Russian linguistic phenomena, have been discussed in the main body of the thesis”. («Несмотря на то, что Достоевский писал поспешно, он не был равнодушен к языку своих произведений; он беспокоился о правильном результате, особенно в случае стилизованных описаний. В каждой фразе он уделял большое внимание правильной интонации, действиям и характеристикам героя. Поскольку он не мог позволить себе тратить слишком много времени на исправления, он хотел, чтобы его редакторы тщательно изучали стилизованные отрывки <...> Язык Достоевского

никогда не бывает скучным и всегда уместен. Его работы демонстрируют тщательность в выборе средств описания деталей.» [15. С. 344—345].

Предметом исследования является лексическая система русского национального литературного языка, а именно лексика, относящаяся к лексико-семантическому полю «межличностные отношения». Выбор предмета исследования диктует актуальность изучения лексики как пласта литературного языка, раскрывающего информацию о материальной и духовной культуре общества. Особенностью современной, в том числе отечественной, лингвистики является «изучение культур через посредство ключевых слов» [16]. Каждое новое рассмотрение художественного текста открывает возможности обнаружения новых методов и смыслов и вносит свой вклад в изучение языковой личности писателя.

С 90-х гг. XX в. понятие «языковая личность» «...становится стержневым системообразующим филологическим понятием. Большинство исследователей в настоящее время оно оценивается как интегративное, послужившее началом нового этапа в развитии языкознания — антропологической лингвистики» [17. С. 15]. Использование данного термина в целом ряде областей научного поиска свидетельствует о чрезвычайной востребованности обращения к «человеческому фактору» в языке. Если же мы обратимся к истории развития лингвистики, то обнаружим, что о термине «языковая личность» в 30-е годы XX века одновременно заговорили сразу несколько известных ученых. В 1927 г. Й.Л. Вайсгербер пишет: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [4. С. 81]. Одновременно о «языковой личности» заговорил наш соотечественник В.В. Виноградов в работе «О художественной прозе» (1930) (Виноградов) [18].

Межличностные отношения — одна из центральных и многоуровневых тем русской художественной литературы 19 века. Литература становится наиболее антропоцентрической, все больше внимания уделяется человеку, конкретной личности, ее исканиям, судьбе и контактам, трагедии и конфликтам.

Исследование семантического поля межличностных отношений как пласта литературного языка особенно актуально, так как оно раскрывает информацию о материальной и духовной культуре общества конкретного периода времени жизни писателя и культуру нации в целом. «Интерпретация того или иного фрагмента действительности в виде иерархически организованного в языке семантического пространства представляется наиболее полным и адекватным методом сопоставления не только лексических систем языков, но и национальных языковых картин мира» [19. С. 9].

Семантическое поле является динамической структурой, претерпевающей изменения с течением времени, что также дает нам возможность проследить движение единиц внутри поля от центра к периферии, сопоставив актуализацию единиц поля в тексте XIX века с современной структурой ЛСП «межличностные отношения». В качестве инструмента дальнейшего исследования использовались тексты на CD-ROM «Библиотека русской классики. Выпуск 11: Федор Михайло-

вич Достоевский» под ред. Н. Башкова [20], располагающем программными возможностями комплексного поиска и анализа лексики в текстах и их сегментах. По сути диск является базой данных, позволяющей осуществлять оперативный поиск необходимых лексических единиц, анализировать их в контексте и выводить статистические данные о словоупотреблении. «В науке, и в частности в лингвистике, потребность в создании информационных систем связана с тем, что широкий доступ к необходимой исследователю информации позволяет осуществлять более результативные действия, дает возможность эффективно управлять информационными потоками» [21. С. 25].

Используя метод сплошной выборки при анализе текста романа, нами были выделены языковые единицы, номинирующие ЛСП «межличностные отношения». Всего было проанализировано 128 лексических единиц семантического поля «межличностные отношения», встречающихся в данном романе 1346 раз.

«И представьте, эта низость почти всем им понравилась, но... тут вышла особенная история; тут вступились дети, потому что в это время дети были все уже на моей стороне и стали любить Мари» [20. С. 2303].

Семантика лексической единицы (далее — ЛЕ) «любить» — ‘человек относится к человеку положительно, благожелательно, с симпатией’, выражает чувство глубокой привязанности.

«— Он мне уже сказал, что вас ненавидит... — едва пролетела Аглая» [20. С. 3285].

Глагол «ненавидеть» содержит в себе семантику ‘человек относится к другому человеку отрицательно, недоброжелательно, враждебно’, выражает крайние отрицательные эмоции и чувство ненависти.

Стоит отметить, что межличностные отношения возникают как при эмоциональных контактах, так и на основе совместной деятельности. В связи с этим ЛСП «межличностные отношения» следует рассматривать в двух планах — субъективном и объективном. Субъективная сторона отражает мысли и чувства участников взаимодействия и объединяет лексические единицы в подгруппу эмоционально-оценочного отношения. Объективная сторона — это видимая сторона отношений, в которые люди вступают в процессе жизнедеятельности, и она объединяет лексические единицы в подгруппу внешнего проявления отношения.

2. СОДЕРЖАНИЕ ЛСП «МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Исследователь лексико-семантического поля «межличностные отношения» на материале немецкого языка Т.Ю. Игнатьева пишет, что «структура ЛСП „межличностные отношения“ не является однородной, она выступает как упорядоченное единство различных типов семантических оппозиций. Особое значение для организации данного ЛСП имеет привативная оппозиция, сутью которой является включение одного множества в другое. Привативная оппозиция включает все лексические единицы ЛСП и находит выражение в гипо-гиперонимических отношениях, отражая иерархическую организацию поля» [22. С. 14]. Следуя мысли Т.Ю. Игнатьевой, делаем вывод, что иерархический характер организации данного

ЛСП заключается также в последовательном включении слов нижестоящего уровня в вышестоящий. Высший уровень иерархии выявляется на основе наиболее абстрактной семы — архисемы — в пределах данной лексической группировки.

Архисемой рассматриваемого нами ЛСП «межличностные отношения» является сема ‘отношение’, заключенная в имени поля, а именно в первом значении ЛЕ «отношение» ‘действие по глаголу отнестись в 1 значении — проявить тот или иной характер обращения в общении с кем-нибудь’. ЛЕ «отношение» соответствует всем требованиям, предъявляемым к имени поля, согласно Ю.Н. Караулову: значение единицы легко выводимо, она эмоционально не окрашена, не имеет переносного значения, отсутствует стилистическая маркированность, не является термином, ассоциативно прозрачна, обладает наибольшей частотностью [23. С. 138—139].

Проанализировав контексты, репрезентирующие исследуемое лексико-семантическое поле, расширим синонимическое пространство ключевого слова. Таким образом, в состав ядра ЛСП входят следующие ЛЕ: любовь, любить, ненависть, ненавидеть, вера, верить, верующий, благоволить, благоговеть, влюбляться, доверять, дорожить, жаловать, интересоваться, обожать, одобрять, полагаться, поощрять, почитать, принимать, снисходить, уважать, увлекаться, жалеть, сострадать, сочувствовать, щадить. Единицы «любить» и «верить» встречаются очень часто, чаще всех остальных единиц рассматриваемой ЛСП. Достаточно часто встречаются глаголы «интересоваться», «принимать», «почитать» и «уважать», остальные же встречаются в романе всего несколько раз.

«Однажды две девочки достали кушанья и снесли к ней, отдали, пришли и мне сказали. Они говорили, что Мари расплакалась и что они теперь ее очень любят. Скоро и все стали любить ее, а вместе с тем и меня вдруг стали любить» [20. С. 2305].

Любовь — одно из самых употребляемых Ф.М. Достоевским слов ЛСП «межличностные отношения». «Любовь как сила исцеляющая, возрождающая проповедуется Достоевским во всех произведениях» [24. С. 46]. «В его [Достоевского] трактовке человек только тогда создает новое общество, счастливое общество, когда изменится сам, изменится нравственно, разовьет в себе чувство любви и самопожертвования» [25. С. 42].

*«— Когда я с тобой, то ты мне **веришь**, а когда меня нет, то сейчас перестанешь **верить** и опять подозреваешь. В батюшку ты! — дружески усмехнувшись и стараясь скрыть свое чувство, отвечал князь»* [20. С. 2572].

Кроме того, что слова «вера», «верить» являются ядерными в ЛСП «межличностные отношения», они также занимают важное место в языковой картине мира писателя, что отображено в словаре языка Ф.М. Достоевского, где указано их словоупотребление 478 раз для слова «вера» и 1589 для слова «верить». Глагол «верить» употребляется как в отношениях человек—человек, так и в отношениях человек—Бог. Тема веры занимает особое место в творчестве Достоевского. Сам Федор Михайлович пишет: «Русский народ весь в православии, больше у него нет ничего, да и не надо, потому что православие все».

Что же касается единиц сочувствия и сострадания, также относящихся к единицам рассматриваемого ЛСП, то здесь стоит отметить, что через страдание и сострадание проходит главный импульс художественного творчества Ф.М. Достоевского. В своей статье «Ф.М. Достоевский: страдание и свобода» С.И. Митина отмечает: «Даже наслаждение — разновидность страдания. Страдание Достоевского несет в себе функцию очищения, вследствие чего человек достигает умиротворения. <...> Призывая к страданию, Достоевский верит в его искупительную силу.

Страдание связано со злом. Зло связано со свободой. Поэтому свобода ведет к страданию. Путь свободы — это путь страдания. И всегда есть соблазн избавить человека от страданий, лишив его свободы. Достоевский — защитник свободы, и он предлагает человеку принять страдание, как ее неотвратимое последствие» [26. С. 78].

Часто используются глаголы «ненавидеть», «подозревать», «презирать» и «сомневаться». Стоит заметить, что глагол «ненавидеть», хоть и широко представлен в разных своих словоформах, встречается в 8 раз реже его положительного антонима «любить».

*«— Если вы не бросите сейчас же этих мерзких людей, то я всю жизнь, всю жизнь буду вас одного **ненавидеть!** — прошептала Аглая; она была как бы в исступлении, но она отвернулась, прежде чем князь успел на нее взглянуть»* [20. С. 2755].

*«— Вопрос труднейший и... сложнейший! Служанку **подозревать** не могу: она в своей кухне сидела. Детей родных тоже...»* [20. С. 3039].

*«Этак-то лучше, князь, право лучше, потом **презирать** меня стал бы, и не было бы нам счастья!»* [20. С. 2503].

Названные лексемы нейтральны и наиболее употребительны. Именно принцип частотности и денотативное содержание лексем стали критерием для выявления ядра ЛСП.

3. СТРУКТУРА ЛСП «МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

С самых ранних своих произведений и в течение всего творческого пути Достоевский старается не только описать психологические переживания своих героев как можно более глубоко, но и создать красочное полотно их душевной жизни. Писатель «сразу же прилагает усилия и к тому, чтобы разобраться в механизме интеллектуального обеспечения динамичной драматургии человеческих эмоций <...> Достоевский в свое время находился в некоторой зависимости от общекультурного тренда, суть которого вполне укладывается в знаменитую формулу Карамзина „И крестьянки любить умеют“. Конечно, не только любить — и тосковать, и страдать, и радоваться жизни, и бояться, и быть самолюбивыми, и многое другое, иными словами — жить самыми разнообразными волнениями и страстями» [14. С. 46—47]. Это очень занимало Достоевского, это же и привлекает наше внимание в данном исследовании.

Результаты проведенного нами анализа показывают, что приядерная зона ЛСП «межличностные отношения» состоит из следующих ЛЕ.

Лексические единицы аплодировать, смеяться, хихикать, хохотать объединены семантикой ‘положительное отношение к другому человеку через продуцирование звуков голосом или движениями’.

Плакать, рыдать, освистывать, оплакивать также относятся к приядерной зоне ЛСП «межличностные отношения» и несут в себе семантику ‘отрицательное отношение к другому человеку через продуцирование звуков голосом или движениями’.

*«Если есть для него оправдание, так разве в том, что он не понимает, что делает, и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм (о, вы часто встретите у нас либерала, которому **аплодируют** остальные и который, может быть, в сущности самый нелепый, самый тупой и опасный консерватор, и сам не знает того!)» [20. С. 2825].*

*«А впрочем, я, кажется, понимаю: знаете ли, что я сама раз тридцать, еще даже когда тринадцатилетнюю девочкой была, думала отравиться, и все это написать в письме к родителям, и тоже думала, как я буду в гробу лежать, и все будут надо мною **плакать**, а себя обвинять, что были со мной такие жестокие...» [20. С. 3005].*

*«Впрочем, на меня все в деревне рассердились больше по одному случаю... а Тибо просто мне завидовал; он сначала все качал головой и дивился, как это дети у меня всё понимают, а у него почти ничего, а потом стал надо мной **смеяться**, когда я ему сказал, что мы оба их ничему не научим, а они еще нас научат» [20. С. 2298].*

Лексические единицы «благодарить, благословлять, любезничать, приветствовать, хвалить, чествовать» также относятся к приядерной зоне и содержат в себе семантику ‘положительное, одобрительное отношение к другому человеку, выраженное вербально’.

*«— Я вас не **благодарю**, я только... люблюсь вами, я счастлив, глядя на вас; может быть, я говорю глупо, но — мне говорить надо, надо объяснить... даже хоть из уважения к самому себе» [20. С. 3244].*

*«Князь и не ожидал, что она будет до такой степени возбуждена нарядами; сам он все **хвалил**, и от похвал его она становилась еще счастливее» [20. С. 3327].*

*«— Довольно! Вы меня поняли, и я спокоен, — заключил он вдруг, вставая, — сердце, как ваше, не может не понять страждущего. Князь, вы благородны как идеал! Что пред вами другие? Но вы молоды, и я **благословляю** вас» [20. С. 3119].*

«В мире произведений Достоевского царствуют всякого рода отступления от нормы, господствует деформация, люди отличаются странностью, чудачествами, им свойственны нелепые поступки, нелепые жесты, дисгармоничность, непоследовательность. Действие развивается путем скандалов, резких столкновений противоположных сущностей. События происходят неожиданно, вдруг, непредвиденно» [11]. Все это непременно отображается через изобразительные средства языка, эмоционально окрашенную лексику. В приядерную зону таким образом входят единицы с семантикой ‘проявление негативного отношения к другому человеку, выраженного вербально’. Это такие единицы, как грозить, издеваться, иронизировать, насмехаться, оскорблять, унижать, позорить.

*«Да к тому же и сам раздражителен и повадлив, слишком уж он свысока стал со мной иногда теперь обращаться; то хнычет и обнимается, а то вдруг начнет **унижать** и презрительно **издеваться**; ну, тут я возьму да нарочно полу-то и выставлю, хе-хе!» [20. С. 3131].*

*«Но меня поразило ужасно, что этот сын так легко, то есть, я хочу сказать, так публично выдает секрет своего рождения и, главное, **позорит** свою мать» [20. С. 2699].*

*«— А па-азвольте спросить, милостивый государь, как можете вы **оскорблять** подобными предположениями? — заявил и весь затрепетал Ипполит» [20. С. 2687].*

Еще одна подгруппа приядерной зоны семантического поля «межличностные отношения» представлена ЛЕ «баловать» и «встречать» с типовой семантикой ‘поведение, демонстрирующее положительное, доброжелательное, ласковое и отношение к другому человеку’.

Отдельного внимания заслуживают мимика и лица героев Достоевского. Как писал Д.С. Лихачев, «эти лица состоят из частей, обладающих относительной самостоятельностью. Степан Трофимович „примеривает“ улыбки. Рогожин „склеивает“ улыбку. Петр Степанович делает и „передельывает“ свою физиономию. Не случайно, что лица героев Достоевского так часто напоминают маски (у Ставрогина, у Свидригайлова). Отдельные части лица настолько самостоятельны, что могут играть главную и самостоятельную роль в наружности человека» [11]. А еще лица героев отлично справляются с задачей передачи отношений между героями.

ЛЕ с семантикой ‘выражение отношения к другому человеку с помощью мимики’: насупиться, улыбаться, хмуриться, — также относятся к приядерной зоне ЛСП «межличностные отношения».

*«Глядя на них, вдруг стал **улыбаться**, и князь и с радостным и счастливым выражением стал повторять: „Ну, слава богу, слава богу!“» [20. С. 2841].*

*«А в другой раз и в самом деле **нахмурится, насупится**, слова не выговорит; я вот этого-то и боюсь» [20. С. 2574].*

В приядерной зоне оказались ЛЕ со значением ‘проявлять положительное отношение к другому человеку через тактильный контакт с ним’: ласкать, ласкаться, обнимать.

*«Старичок, вероятно подумавший, что смеются его остроумию, принялся, глядя на всех, еще пуще смеяться, причем жестоко раскашлялся, так что Настасья Филипповна, чрезвычайно любившая почему-то всех подобных оригиналов-старичков, старушек и даже юродивых, принялась тотчас же **ласкать** его, расцеловала и велела подать ему еще чаю» [20. С. 2443].*

*«Иногда бывало так же весело, как и прежде; только, расходясь на ночь, они стали крепко и горячо **обнимать** меня, чего не было прежде» [20. С. 2313].*

В приядерной зоне представлены глаголы «заботиться» и «ухаживать», которые несут в себе семантику ‘заботливое отношение к другому человеку через оказание ему помощи или создания необходимых условий’.

*«Почему она одна, Лизавета Прокофьевна, осуждена обо всех **заботиться**, все замечать и предугадывать, а все прочие — одних ворон считать? и пр. и пр.» [20. С. 3162].*

*«Когда старуха слегла совсем, то за ней пришли **ухаживать** деревенские старухи, по очереди, так там устроено» [20. С. 2301].*

ЛЕ «судить», относящаяся к приядерной зоне рассматриваемого нами семантического поля, содержит в себе семантику ‘отношение к другому человеку через негативную оценку’.

*«— Я всех либералов не видала и **судить** не берусь, — сказала Александра Иванова, — но с негодованием вашу мысль выслушала: вы взяли частный случай и возвели в общее правило, а стало быть, клеветали»* [20. С. 2826].

ЛЕ «считаться» с семантикой ‘отношение к другому человеку, через уважительную оценку его суждений, принятие их’ встречается в произведении достаточно часто.

*«Итак, даже у наших нянек чин генерала **считался** за предел русского счастья и, стало быть, был самым популярным национальным идеалом спокойного, прекрасного блаженства»* [20. С. 2806].

Семантика ‘дружеское отношение к другому человеку, выраженное характерным телодвижением приветствия’ реализуется в единице приядерной зоны «кланяться», встречается в тексте 4 раза.

*«Там в обычае, встречая друг друга, — знакомые или нет, — **кланяться** и говорить: „Здравствуйте“»* [20. С. 2305].

Находясь в приядерной зоне, вышеуказанные лексические единицы характеризуются высокой частотностью и семантической обобщенностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в настоящей статье была предпринята попытка анализа ядра и приядерной зоны ЛСП «межличностные отношения». Используя метод компонентного анализа, мы разделили лексемы на входящие в ядро, приядерную зону, ближнюю и дальнюю периферии поля.

В ядро входят следующие лексемы: *любовь, любить, ненависть, ненавидеть, вера, верить, благоволить, благоговеть, влюбляться, доверять, дорожить, жаловаться, интересоваться, обожать, одобрять, полагаться, поощрять, почитать, принимать, снисходить, уважать, увлекаться, жалеть, сострадать, сочувствовать, щадить, подозревать, презирать, сомневаться*, так как они отвечают всем характеристикам ядерных элементов.

К приядерной зоне ЛСП относятся лексемы: *аплодировать, плакать, смеяться, хихикать, хохотать, рыдать, освистывать, оплакивать, благодарить, благословлять, любезничать, приветствовать, хвалить, чувствовать, грозить, издеваться, иронизировать, насмехаться, оскорблять, унижать, позорить, баловать, встречать, насупиться, улыбаться, хмуриться, ласкать, ласкаться, обнимать, заботиться, ухаживать, судить, считаться, кланяться*.

Большая часть лексики, входящей в ЛСП «межличностные отношения», — это слова с высоким эмотивным кодом, который характеризует и языковую личность писателя. Языковую картину мира писателя можно назвать индивидуально и творчески вербализированным представлением о мире сквозь призму сознания писателя. Суть ее составляет та внутренняя духовная действительность, которую

художник стремится воплотить в своих произведениях. Принцип, которым руководствуется художник-Достоевский — взаимосвязанность всех компонентов художественной системы, являющей собой модель мира [14. С. 21]. С самого начала творчества Ф.М. Достоевский пытается не только передать внутреннюю психологию героя, его чувства и переживания, но пытается разобраться также в присущих человеку эмоциях, подмечая в себе и в окружающих легчайшие движения души.

Настоящее исследование показало, что лексико-семантическое поле «межличностные отношения» представляет собой четко структурированную систему: все единицы этой системы объединены общими семантическими признаками, которые определяют ее структуру и место в лексико-семантической системе русского языка, что позволяет расширить представление о содержании и структуре ЛСП «межличностные отношения» в сознании носителя русского языка.

© Денисенко В.Н., Романова И.А.

Дата поступления: 15.05.2018

Дата приема в печать: 10.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Босова Л.М.* Проблема соотношения семантических и смысловых полей качественных прилагательных: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1997.
2. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.
3. *Трир Й.* Немецкая лексика понятийной области интеллектуальных свойств. Германия, 1931.
4. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. *Халлиг Р., Вартбург В. фон.* Система понятий для составления словарей. Берлин, 1963.
6. *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: ЛКИ, 2007.
7. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Наука, 2009.
8. *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
9. *Palmer F.R.* Semantics. A new outline. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
10. *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. М., 2003.
11. *Лихачев Д.С.* Литература—Реальность—Литература. Избранные работы. Ленинград: Художественная литература, 1987.
12. *Morris Ch.* Foundations of the Theory of Signs. Chacago, 1938.
13. *Караулов Ю.Н.* Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского / Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Коллективная монография РАН: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: ЛЕКСРУС, 2014.
14. *Фокин П.* Достоевский. Перепрочтение. Санкт-Петербург: ЗАО «Торгово-издательский дом „Амфора“», 2013.
15. *Joanna E. Perelmuter* The Substandard Lexical Features in Dostoevsky's Post-Exile Literary Works. McGill University, 1971.
16. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 263—484.
17. *Кочеткова Т.В.* Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Выпуск 26. С. 14—24.
18. *Виноградов В.В.* Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.

19. Денисенко В.Н. Семантическое поле как метод сопоставительного исследования лексики (на материале английского и русского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2007. № 3. С. 5—10.
20. Библиотека русской классики. Выпуск 11: Фёдор Михайлович Достоевский / под ред. Н. Башкова (CD) М.: Директ-Медиа, 2010.
21. Мишанкина Н.А. Базы данных в лингвистических исследованиях // Вопросы лексикографии. 2013. № 1(3), Томск.
22. Игнатьева Т.Ю. Лексико-семантическое поле «межличностные отношения» в немецком литературном языке кон. 18 — нач. 19 вв. (на материале драматургии Ф. Шиллера): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.
23. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
24. Фирстова Н.Ф., Фирстова Н.А. Ф.М. Достоевский и православие // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 45—47.
25. Мочалов Е.В. Ф.М. Достоевский и русская идея // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 41—43.
26. Митина С.И. Ф.М. Достоевский: страдание и свобода // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 78.
27. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Репринтное издание. М., 2000.
28. Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru> (дата обращения: 19.02.2018).

УДК: 811.161.1'37:821.161.1-31

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-625-639

THE CONTENT AND THE STRUCTURE OF THE NUCLEAR AND CIRCUMNUCLEAR ZONES OF LEXICAL-SEMANTIC FIELD “INTERPERSONAL RELATIONS” ON THE MATERIAL OF F. DOSTOEVSKY’S NOVEL “THE IDIOT”

Vladimir N. Denisenko, Irina A. Romanova

RUDN University

6, Miklukho-Maklaia str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article discusses the structure of lexical-semantic field “interpersonal relations” based on the novel “The Idiot”, by F. Dostoevsky. In the article we describe the set of lexical item representing the field, as well as the place of units of the field in the author's style. The subject of the research was chosen by the relevance of studying vocabulary as a layer of a literary language that discloses information about the material and spiritual culture of society. The relevance of this work can also be considered from the point of view of the need for the development of a comprehensive methodology for the linguistic analysis of semantic relations within the lexical-semantic field “interpersonal relations”. Our goal is to highlight all the variety of units of lexical-semantic field “interpersonal relations” used in F.M. Dostoevsky’s novel. Also we want to reveal the uniqueness of their contextual use, as well as to trace the dynamics of relations and at the same time the change in the lexical content as for relation descriptions between characters. We have developed criteria for selecting lexical markers. We used continuous sampling method, analysis of vocabulary definitions and componential analysis during the preparation of the article. It is established that the lexical-semantic field “interpersonal relations” is a clearly structured system, a well-

structured system, which units are united by common semantic features. The pre-nuclear zone is made up of units united by the name of field “relation”, but with a small number of differential signs. In the field we are considering, these are 'negative attitude', 'positive attitude', 'intense', 'non-intensive', 'benevolence', 'hostility', 'sympathy', 'pity', 'indifference'. These features determine the structure and place of the field we are considering in the lexical-semantic system of the Russian language, helping to native speakers' mind to expand the idea of the content and structure of the lexical-semantic field “interpersonal relations”. Most of the vocabulary of lexical-semantic field “interpersonal relations” are words with a high emotional code that characterizes the author's style. The linguistic personality of Dostoevsky can be called an individually and creatively verbalized world view through the prism of the writer's consciousness.

Key words: lexical-semantic field, interpersonal relations, linguistic personality, Dostoevsky, the author's style, novel “The Idiot”, emotional-evaluative relations

REFERENCES

1. Bosova, L.M. (1997). The Problem of Correlation of Semantic and Conceptual Fields of Qualitative Adjectives. [dissertation] Barnaul. (In Russ.).
2. Karaulov, Ju.N. (1976). General and Russian Ideography. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
3. Trier, J. (1931). German vocabulary of the conceptual field of intellectual properties. Germany. (In Germ.).
4. Weisgerber, J.L. (2004). The Native Language and the Formation of mind. Moscow. (In Russ.).
5. Hallig, R. & Wartburg, W. von. (1963). The system of concepts for compiling dictionaries. Berlin. (In Germ.).
6. Carnap, R. (2007). Meaning and Necessity: a Study in Semantics and Modal Logic. Moscow. (In Russ.).
7. Wittgenstein, L. (2009). The Tractatus Theologico-Politicus. Moscow. (In Russ.).
8. Porzig, W. (1964). The Division of the Indo-European language area. Moscow. (In Russ.).
9. Palmer, F.R. (1976). Semantics. A new outline. Cambridge: Cambridge University Press. (In Eng.).
10. Novikov, L.A. (2003). Literary Text and Its Analysis. Moscow. (In Russ.).
11. Likhachov, D. (1987). Literature — Reality — Literature. Selected works. Leningrad. (In Russ.).
12. Morris, Ch. (1938). Foundations of the Theory of Signs. Chacago. (In Eng.).
13. Karaulov, Ju.N. (2014). The Russian Language, the Russian Idea and the Author's Style of Dostoevsky. In: *Word of Dostoevsky 2014. The Author's Style and world View*. Moscow. (In Russ.).
14. Fokin, P. (2013). Dostoevsky. Re-reading. Saint-Petersburg. (In Russ.).
15. Perelmutter, J.E. (1971). The Substandard Lexical Features in Dostoevsky's Post-Exile Literary Works. McGill University. (In Eng.).
16. Wierzbicka, A. (1999). Understanding Cultures through Key Words. Semantic universals and description of languages. Moscow. (In Russ.).
17. Kochetkova, T.V. The Problem of Studying the Linguistic Personality of the Elite Speech Culture Bearer (review). *Stylistic Issues*, 26, 14—24. Saratov. (In Russ.).
18. Vinogradov, V. (1980). Selected Works: The Language of Fiction. Moscow. Nauka publ. (In Russ.).
19. Denisenko, V.N. (2007). Semantic field as a means of the comparative study of the English and Russian lexicon. *RUDN journal of language education and translanguing practice*, 3, 5—10. (In Russ.).
20. The Library of Russian Classics. Issue 11: Fyodor Dostoyevsky (2010) ed. Bashkova (CD). Moscow. Direct Media. (In Russ.).
21. Mishankina, N. (2013). Databases in linguistic research. *Lexicography issues*, 1(3). Tomsk. (In Russ.).

22. Ignatieva, T. (2004). The Lexico-Semantic Field “Interpersonal Relations” in a German Literary Language of the end of 18-the beginning of 19 centuries (on a material of dramatic art of F. Schiller). [abstract of dissertation]. Samara. (In Russ.).
23. Karaulov, Ju.N. (2010). Russian Language and Linguistic Personality. Moscow. (In Russ.).
24. Firstova, N.F. & Firstiva, N.A. (2001). F.M. Dostoevsky and Orthodoxy. *Integration of education, 1*, 45—47. (In Russ.).
25. Mochalov, E.V. (2001). F.M. Dostoevsky and the Russian idea. *Integration of education, 1*, 41—43. (In Russ.).
26. Mitina, S. (2001). F.M. Dostoevsky: suffering and freedom. *Integration of education, 1*. 78—80. (In Russ.).
27. Ushakov, D.N. (2000). The Big Explanatory Dictionary of Modern Russian Language. Reprinted edition. Moscow. (In Russ.).
28. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Yartseva, V.N. (Ed.) URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/> (accessed: 19.02.2018) (In Russ.).

Для цитирования:

Денисенко В.Н., Романова И.А. Содержание и структура ядра и приядерной зоны лексико-семантического поля «межличностные отношения» на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 625—639. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-625-639.

For citation:

Denisenko, V.N. & Romanova, I.A. (2018). The Content and the Structure of the Nuclear and Circumnuclear Zones of Lexical-Semantic Field “Interpersonal Relations” on the Material of F. Dostoevsky’s Novel “The Idiot”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 625—639. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-625-639.

Сведения об авторах:

Денисенко Владимир Никифорович, заведующий кафедрой общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, профессор, доктор филологических наук, академик МАН ПО; *научные интересы*: разработка проблем семантики, фонетики, морфонологии и лексикологии современного русского языка, а также проблем общего и русского языкознания; *e-mail*: denissenko@mail.ru

Романова Ирина Александровна, аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: проблемы семантики, лексикологии современного русского языка, лингвистическая безопасность; *e-mail*: irina.aleks.romanova@gmail.com

Information about the authors:

Vladimir N. Denisenko, the Head of Department of General and Russian Linguistics of RUDN University; *Interests*: Interests semantics, phonetics, morphology and lexicology of the modern Russian language, as well as problems of General and Russian linguistics; *e-mail*: denissenko@mail.ru

Irina A. Romanova, postgraduate student of the Department of General and Russian Linguistics of RUDN University; *Interests*: Interests semantics, lexicology of the modern Russian language, linguistic security; *e-mail*: irina.aleks.romanova@gmail.com

УДК: [811.161.1:811.111]276:32:808.5
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-640-650

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В.В. ПУТИНА И 44-ГО ПРЕЗИДЕНТА США Б. ОБАМЫ, ПРОИЗНЕСЕННЫХ ГЛАВАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США НА 70-Й ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН В 2015 ГОДУ

М.О. Чичина

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Целью статьи является проведение лингвистического сопоставительного анализа речей Президента России В.В. Путина и 44-го Президента США Б. Обамы, произнесенных этими лидерами на юбилейной 70-й Генассамблее ООН. Автор статьи использует метод системного лингвистического анализа, который подразумевает изучение семантической структуры текстов, анализ лексики и риторических приемов, используемых Президентом России В.В. Путиным и 44-м Президентом США Бараком Обамой. Речь лидера государства как особый тип политического дискурса отражает помимо лингвистических реализаций языковой личности конкретного человека еще и базовые принципы менталитета народа, выявляет его отношение к истории и современной политической ситуации. Основой для проведения сопоставительного анализа послужила общая тематика выступлений В.В. Путина и Б. Обамы — 70-летие Организации Объединенных Наций — важное международное событие. Каждое слово лидеров государств, таких как Россия и США, произнесенное высокой трибуны ООН, значимо, поэтому особенно интересно проанализировать те смыслы, которые скрываются за употреблением ими обращений, метафор, сравнений, местоименных конструкций *мы/я*.

Ключевые слова: политический дискурс, менталитет народа, языковая личность, исторический контекст, современная политика, коммуникативная тактика, коммуникативная стратегия, лингвистический анализ, семантика, обращения, местоимения, метафоры, Россия, США

ВВЕДЕНИЕ

Темп жизни современного мира очень стремительный: происходят различные политические процессы, в результате которых международная обстановка быстро меняется. Не интересоваться политикой становится практически невозможно, так как на человека обрушивается огромный поток информации, транслируемый через TV, Интернет, радио. Все больше людей проявляют интерес к чтению газет и журналов политической направленности. Речи, произнесенные известными политиками, читаются и анализируются большинством людей, многие из которых совсем не связаны с политикой по роду своей деятельности. Тем более интересуют изучение речи политиков лингвистов, так как это требует комплексного и междисциплинарного подхода, поскольку «политический дискурс является сложным объектом исследования... на пересечении политологии, социальной психологии, лингвистики» [1. С. 118].

В этой статье автор ставит перед собой задачу провести лингвистический анализ речи двух влиятельных политиков современности — Президента России В.В. Путина и 44-го Президента США Б. Обамы — на примере сопоставления текстов речей, произнесенных двумя лидерами на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 году, посвященной 70-летию создания Организации Объединенных Наций.

Правомочность проведения подобного сопоставления обусловлена общей для выступающих тематикой — 70-летним юбилеем ООН; статусом обеих держав: и Россия, и США — постоянные представители Совбеза ООН, имеющие право вето; и Россия, и США являются странами-основателями ООН (Ялтинская и Потсдамская конференции 1945 года). Таким образом, к речам лидеров именно этих стран всегда проявляется особый интерес у слушателей и читателей.

На подобных международных форумах каждый президент, лидер государства выступает от имени страны, которую представляет. Следовательно, оценку событий, озвученных в их речи, можно рассматривать как мнение руководства страны по обсуждаемым вопросам. Обращение каждого из президентов и лидеров государств, прозвучавшее на этом историческом форуме, было, несомненно, адресовано не только сидящим в зале уважаемым гостям, но и народам мира.

С точки зрения лингвистики речь президентов, произнесенную с трибуны ООН, можно рассматривать как развернутое монологическое высказывание, относящееся к политическому дискурсу и имеющее определенные функции. По мнению Рут. Водак, это:

- 1) персуазивная (убеждения),
- 2) информативная,
- 3) аргументативная,
- 4) персуазивно-функциональная (создание убедительной картины лучшего мира),
- 5) делимитативная (отличие от иного),
- 6) групповыделительная (содержательное и языковое обеспечение идентичности) [2. С. 139].

Лидеры России и США — В.В. Путин и Б. Обама — несомненно, являются опытными ораторами, которые выстраивают свою стратегию и тактику выступления заранее. «Коммуникативной стратегией является коммуникативная макроинтенция» [3. С. 1], которая исходит из мировоззрения говорящего и обуславливает, в целом, его публичное речевое поведение. «Коммуникативная тактика — интенция, обуславливающая конкретный речевой акт» [3. С. 1].

Любая речь начинается с обращения, которое, с одной стороны, является официальным и регламентированным, с другой стороны, устанавливает контакт с аудиторией. Также важны те первые фразы, которые следуют непосредственно за обращением, потому что обозначают тему выступления. Экс-президент США Б. Обама сказал следующее:

Mr. President, Mr. Secretary General, fellow delegats, ladies and gentleman: Seventy years after the founding of the United Nations, **it is worth reflecting on what**, together, the members of this body have helped to achieve.

Господин председатель, господин генеральный секретарь, коллеги-делегаты, дамы и господа. Спустя 70 лет после основания ООН *целесообразно подумать* о том, чего *смогли добиться совместными усилиями члены этой организации*.

Как мы видим, Б. Обамой использованы регламентированные обращения *Mr. President, Mr. Secretary General / Господин председатель, господин генеральный секретарь*, за исключением, пожалуй, *“fellow delegats” / коллеги-делегаты*, которое несколько снижает официальный статус речи с целью установления контакта с аудиторией. Однако по тону и по выбору лексических средств следующая фраза контрастирует с обращением *“fellow delegats” / коллеги-делегаты*. По нашему мнению, в ней неуместно использовано наречие *«целесообразно подумать / it is worth reflecting on what»*, которое звучит несколько менторски по отношению к сидящим в зале высоким представителям других государств. Далее в речи Президента США Б. Обамы идет развитие тезиса.

Out of ashes of Second World War, having witnessed the unthinkable power of the atomic age, the United States has worked with many nations in this Assembly to prevent a third world war — *by forging alliances with old adversaries*; by supporting the steady emergence of *strong democracies* accountable to their people instead of any foreign power; and by building an international system that imposes a coast on those who choose conflict over cooperation, an order that recognizes the dignity and equal worth of all people.

На пепелище Второй мировой войны, *став свидетелем немыслимой силы атомного века*, Соединенные Штаты работали со многими странами Генеральной Ассамблеи ООН над тем, чтобы предотвратить третью мировую войну, *формировали альянсы с бывшими противниками*; поддерживали возникновение *сильных демократий*, подотчетных своим народам, а не внешним силам; создавали международную систему, которая строго наказывает тех, кто выбирает путь конфликта вместо пути сотрудничества, вырабатывали порядок, который признает достоинство и равную ценность личности во всем мире.

Предложение начинается с метафоры *«Out of ashes of Second World War, having witnessed the unthinkable power of the atomic age» / «на пепелище Второй мировой войны», став свидетелем немыслимой силы атомного века, Соединенные Штаты...»*. Особое внимание в речи политика столь высокого уровня должно уделяться выбору лексических средств. Как опытный лидер Барак Обама, разумеется, это понимает.

Метафора *«Out of ashes of Second World War» / «на пепелище Второй мировой войны»* использована им удачно: она сразу привлекает внимание слушающих и вызывает в их памяти образы жертв трагедии Второй мировой войны. Однако следующие слова Президента США вызывают недоумение. Барак Обама сказал, что США стали *«свидетелем немыслимой силы атомного века»*. Но свидетель — это не непосредственный участник событий. Мировому сообществу хорошо известно, что именно летчики США в августе 1945 года, в конце Второй мировой войны, сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. Таким образом, США, — это просто исторический факт, являются не свидетелем, а инициатором первой в мире атомной бомбардировки ни в чем не повинных людей, в том числе детей. Таким образом, в речи Б. Обамы случайно или неслучайно происходит неточное толкование исторического факта.

В этом же фрагменте мы видим и другие «двойные стандарты» в оценке международных событий. В речи на Генассамблее ООН Президент Б. Обама говорит,

что «*США вместе с другими странами-членами ООН*» / «*the United States has worked with many nations in this Assembly... and by building an international system that imposes a coast on those who choose conflict over cooperation, an order that recognizes the dignity and equal worth of all people*» / «*создавали международную систему, которая строго наказывает тех, кто выбирает путь конфликта вместо пути сотрудничества, выработывали порядок, который признает достоинство и равную ценность личности во всем мире*». Тем не менее, сегодня всему миру известно, что именно США зачастую «экспортируют» свое понимание демократии в разные страны мира. Достаточно вспомнить события в Югославии, свержение лидеров Ирака, Ливии, события на Украине, в которых США принимали непосредственное участие и выбирали вовсе не «путь сотрудничества», а именно «путь конфликта». Налицо противоречие между выдвигаемым тезисом и реальными событиями. К тому же обращает на себя внимание следующее определение, использованное Президентом США Бараком Обамой, — «*by supporting the steady emergence of strong democracies*» / «поддерживали возникновение *сильных демократий*».

Что значит сильная демократия и слабая? С точки зрения кого? Как известно, демократия — это, в переводе с греческого, — власть народа, поэтому народ той или иной страны выбирает тип правления, подходящий ему на данном историческом периоде. В соответствии с Уставом ООН другие страны должны уважать право страны на самоопределение и суверенитет страны. Тем не менее, с высокой трибуны ООН Президент США заявляет, что его страна «поддерживала возникновение сильных демократий», стало быть, «сильных» по меркам самих США.

Одним из главных принципов ООН является равенство всех стран и принцип уважения к другим. В этом контексте интересно употребление лидером США Б. Обамой следующего определения *by forging alliances with old adversaries / формировали альянсы со старыми противниками*. Уже сам факт, что именно в этот день прозвучало определение «старый противник» с трибуны ООН, свидетельствует о многом.

Проведя краткий анализ, можно прийти к выводу, что в своей речи Президент Барак Обама придерживался коммуникативной стратегии положительной саморепрезентации и презентации действий США и негативной репрезентации, по его мнению, оппонентов — «старых противников». Таким образом, реализуются те способы речевого воздействия, о которых писал в своих работах Ч. Ларсон: интенсификации/усиления (акцентирование на чужих недостатках и своих достоинствах) и преуменьшение/понижение (сглаживание своих недостатков/понижение степени чужих заслуг и достоинств) [4. С. 15—22].

Теперь обратимся к некоторым фрагментам из речи на Генеральной Ассамблее ООН, посвященной 70-летию этой организации, Президента России Владимира Владимировича Путина.

Свою речь Президент России начал с обращения: «*Уважаемый господин Председатель! Уважаемый господин Генеральный секретарь! Уважаемые главы государств и правительств! Дамы и господа!*» Хочется подчеркнуть, что обращения с прилагательными уважаемый, уважаемые имеют своего конкретного

адресата, а затем обращается ко всем присутствующим в зале. Тем самым еще в начале выступления глава российского государства проявляет одинаково доброе, уважительное отношение ко всем.

В своей речи В.В. Путин реализует коммуникативную стратегию сотрудничества, выбирая для этого соответствующие лексические и синтаксические средства, используя нужные риторические приемы.

Следующая фраза Президента России В. Путина вводит слушающих в тему выступления и является значимой, так как напоминает об историческом контексте создания ООН: *«70-летний юбилей Организации Объединенных Наций — хороший повод обратиться и к истории, и поговорить о нашем общем будущем. В 1945 году страны, разгромившие нацизм, объединили усилия, чтобы заложить прочные основы послевоенного мироустройства»*. Обратим внимание на тот факт, что в отличие от начала речи Президента США Б. Обамы в речи Президента России нет назидательного тона (напомню, у Б. Обамы было использовано выражение *«целесообразно обратиться»*). Владимир Владимирович использует синтаксическую конструкцию *«что есть что»*, которая лаконична и сразу, в буквальном смысле слова, называет вещи своими именами.

Как утверждает О.А. Уразгалиева, в политических выступлениях коммуникативная стратегия сотрудничества представлена следующими тактиками: тактика диалогичности, тактика апелляции к историческому прошлому, тактика презентации, тактика указания на путь решения проблемы, тактика акцентирования благих намерений [5. С. 94].

Приведем один из примеров тактики апелляции к историческому прошлому и актуализации смыслов в речи Президента В.В. Путина на 70-й Генассамблее ООН: *«Напомню, что ключевые решения о принципах взаимодействия государств, решения о создании ООН принимались в нашей стране на Ялтинской встрече лидеров антигитлеровской коалиции»*. Лексически и риторически точно использовано притяжательное местоимение в предложном падеже — *«в нашей стране»*: Тем самым В. Путин напомнил гостям Генассамблеи и мировому сообществу об исторической роли Советского Союза в создании Организации Объединенных Наций, но одновременно подчеркнул этим притяжательным местоимением, что и сейчас вновь, после марта 2014 года, Ялта — это Россия, то есть *«Крым — наш»*.

Далее сравним мнение двух лидеров — Барака Обамы и Владимира Путина — о международной системе, действующей в формате ООН.

Президент США Б. Обама, как уже было отмечено нами выше, обратил внимание на то, что *«США работали со многими странами Генеральной Ассамблеи ООН над тем, чтобы предотвратить третью мировую войну, формировали альянсы с бывшими противниками; поддерживали возникновение сильных демократий, ...создавали международную систему, которая строго наказывает тех, кто выбирает путь конфликта вместо пути сотрудничества, вырабатывали порядок, который признает достоинство и равную ценность личности во всем мире»*.

Как видим, наблюдается акцентирование внимание слушателя на роли США и попытка демонстрации силы, проявляющаяся в следующих предложениях

и выражениях: «формировали альянсы с бывшими противниками», «поддерживали возникновение сильных демократий», «создавали международную систему». Используются глаголы, передающие активное действие — *формировали, поддерживали, создавали*. Внимание слушателей привлекают оценочные эпитеты — *бывшие* противники, *сильные* демократии. Налицо реализация указанной коммуникативной стратегии, которую избрал для этого публичного выступления Президент Барак Обама, — интенсификации/усиления (акцентирование на чужих недостатках и своих достоинствах) и преуменьшение/понижение (сглаживание своих недостатков/понижение степени чужих заслуг и достоинств).

Президент России обратил внимание на следующее: *«Ялтинская система была действительно выстрадана, оплачена жизнью десятков миллионов людей, двумя мировыми войнами, которые прокатились по планете в XX веке, и, будем объективны, она помогла человечеству пройти через бурные, порой драматические события последних семи десятилетий, уберегла мир от масштабных потрясений»*. В данном высказывании сочетаются две функции: информативная и аргументативная. Ялтинская система — это результат решения международного сообщества, которое досталось дорогой ценой — страданиями и жертвами двух мировых войн. Безукоризненная аргументация заключается в том, что Ялтинская система «помогла человечеству пройти через бурные, порой драматические события последних семи десятилетий, уберегла мир от масштабных потрясений». По набору синтаксических и лексических средств можно отметить следующее: фраза высоко информативна, а текст обладает динамикой благодаря использованию кратких причастий — *выстрадана, оплачена*. Метафора *«двумя мировыми войнами, которые прокатились по планете в XX веке»* и эпитеты *«бурные, порой драматические события»* усиливают восприятие речи слушающими и читающими, привнося нужную тональность.

Обратим внимание на заключительный фрагмент речи Б. Обамы об идеале ООН.

...and by building an international system that imposes a coast on those who choose conflict over cooperation, an order that recognizes the dignity and equal worth of all people.

That is the work of seven decades. **That is the ideal that this body, at its best, has pursued.** Of course, there have been too many times when, collectively, **we (1) have fallen** short of these ideals. Over seven decades, terrible conflicts have claimed untold victims. But **we (2) have pressed forward**, slowly, steadily, to make a system of international rules and norms that are better and stronger and more consistent.

...создавали международную систему, которая строго наказывает тех, кто выбирает путь конфликта вместо пути сотрудничества, вырабатывали порядок, который признает достоинство и равную ценность личности во всем мире.

Вот плоды работы семи десятилетий. **Вот идеал**, к которому стремится эта организация. Конечно, не раз бывало, что **мы все (1)**, коллективно, не оправдывали этих идеалов. За эти семь десятилетий жертвами ужасных конфликтов в мире стало несчетное число людей. Однако **мы (2)** медленно, но неуклонно двигались вперед, добиваясь того, чтобы система международных норм и правил функционировала лучше и более последовательно.

Идеалом ООН, по мнению Президента США Б. Обамы, является международная система, которая *«строго наказывает тех, кто выбирает путь конфликта»*

вместо пути сотрудничества» и «порядок, который признает достоинство и равную ценность личности во всем мире».

Президент России В.В. Путин подчеркнул, что *«Организация Объединенных Наций — структура, которой нет равных по легитимности, представительности и универсальности».* Далее Владимир Владимирович отметил, что: *«Конечно, мир меняется, и ООН должна соответствовать этой естественной трансформации. Россия на основе широкого консенсуса готова к этой работе по дальнейшему развитию ООН со всеми партнерами, но считаем попытки расшатать авторитет и легитимность ООН крайне опасными. Это может привести к обрушению всей архитектуры международных отношений. Тогда у нас действительно не останется никаких правил, кроме права сильного».*

Особо хочется сказать об использовании местоимений «**мы**» и «**я**» в речи политиков. Речь на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президента США Барака Обамы содержит 74 местоимения «**мы**» и 24 местоимения «**я**». Можно утверждать, что эти личные местоимения являются социальными маркерами. Как правило, они как лакмусовая бумажка выявляют степень соотношения личностного и коллективного в менталитете говорящего. На первый взгляд, пропорция употребления местоимения **74/24** свидетельствует о приоритете коллективного начала в менталитете Барака Обамы над личностным, что вполне понятно, если выступающий является Президентом и говорит от имени страны. Тем не менее, стилистическая тональность фраз с употреблением местоимения «**я**» свидетельствует о другом, о желании подчеркнуть свой собственный статус Президента: *«As President of United States, I am mindful of the dangers that we face; they cross my desk every morning», «I lead the strongest military that the world has ever known, and I will never hesitate to protect my country or our allies, unilaterally and by force where necessary» / «Как Президент США я отдаю себе отчет в тех опасностях, которые перед нами стоят. Доклады о них проходят через мой стол каждый день. Я являюсь главнокомандующим самой могущественной военной силы в мире, и я не замедлю оказать помощь собственной стране или нашим союзникам в одностороннем порядке и с применением силы, если это потребуется».*

С нашей точки зрения, с трибуны юбилейной 70-й сессии Генассамблеи ООН не совсем корректно звучит *«я являюсь главнокомандующим самой могущественной военной силы в мире»*, так как есть другие державы, обладающие сильными армиями. К тому же такая самохарактеристика содержит так называемую «скрытую угрозу», которая несовместима с данным представительным форумом — 70-й Генеральной Ассамблеей ООН.

Местоимение «**мы**» в речи Президента России В.В. Путина на Генассамблее ООН произнесено 12 раз. Например, «**мы**» в значении все страны — члены ООН: *«Еще недавно казалось, что в экономике, где действуют объективные рыночные законы, мы научимся обходиться без разделительных линий, будем действовать на основе прозрачных, совместно выработанных правил, в том числе принципов ВТО, которые подразумевают свободу торговли, инвестиций, открытую конкуренцию. Однако сегодня чуть ли не нормой стали односторонние санкции в обход Устава ООН».*

Однако чаще Президент России Владимир Путин прибегает к эллиптическим конструкциям. «Эллипсис местоимения „я“ является одним из средств снижения категоричности высказывания. Сравнить, например, в этом плане минимизацию „я“-темы в речи В.В. Путина и выпячивание „я“, подчеркивание своего статуса у Б.Н. Ельцина (вспомним его излюбленное выражение „Я как Президент...“») [6. С. 34].

Обратим внимание, что в своей речи Владимир Владимирович Путин прибегает к этому лингвистическому средству — эллипсису местоимения «я»: *«Однако хочу отметить, что разногласия в ООН были всегда, на протяжении всех 70 лет существования организации». «Напомню, что ключевые решения о принципах взаимодействия государств, решения о создании ООН принимались в нашей стране на Ялтинской встрече лидеров антигитлеровской коалиции».*

Подобная языковая тактика позволяет, с одной стороны, высказать свое личное мнение, с другой стороны, семантическая нагрузка в этом случае переносится на следующие далее глаголы (здесь: *«хочу отметить, что...»*), это свидетельствует об уважении к аудитории, желании донести смысл фразы до слушающего и не подчеркивать личностные амбиции.

Еще один пример эллипсиса местоимения «я» в речи Президента России: *«Дамы и господа, не случайно сказал сейчас об общем пространстве экономического сотрудничества».*

Таких эллиптических конструкций в выступлении Президента России на 70-й Генеральной ассамблее ООН несколько. Отметим, что в речи В.В. Путина отмечается и эллипсис местоимения «мы»: *«Считаем любые попытки заигрывать с террористами, а тем более вооружать их, не просто недалекими, а пожароопасными». «Рассчитываем, что международное сообщество сможет выработать всеобъемлющую стратегию политической стабилизации и социально-экономического восстановления Ближнего Востока».*

В плане построения монологического текста интересен фрагмент выступления, цитируемый ниже. В первом предложении местоимение **мы** (возможная конструкция — *мы предлагаем* — не используется). Акцентируется внимание именно на слове **Россия**, так как именно это наиболее важно подчеркнуть в данном контексте. Далее следует эллипсис местоимения «я» (*«приведу наши планы»*), а в следующем предложении — эллипсис местоимения «мы»: *«В противоположность политике эксклюзивности Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов, так называемую интеграцию интеграций, основанную на универсальных прозрачных принципах международной торговли. В качестве примера приведу наши планы по сопряжению Евразийского экономического союза с китайской инициативой по созданию экономического пояса шелкового пути. И по-прежнему большие перспективы видим в гармонизации интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и Евро-союза».* Такое построение текста свидетельствует о риторической грамотности говорящего и лингвистическом чутье.

Как мы уже отметили, местоимение «мы» произнесено Президентом США Бараком Обамой за 45 минут (что почти вдове превышает время выступления

других участников форума) его речи **74** раза. Столь частое употребление любого слова, в том числе и местоимения, может привести к тому, что у слушающего наступает десемантизация, и он перестает различать нюансы смыслов местоимения «**МЫ**».

Личное местоимение «мы» отличается многозначностью. Как показывает проведенное исследование, иногда в своей речи Б. Обама использует его в нескольких значениях. Иногда это «мы — США», «мы — все страны мира», «мы — США и партнеры». «Но сейчас **я выступаю** перед вами с уверенностью, что **мы**, страны мира, не можем вернуться к старым путям конфликтов и принуждений. **Мы не можем смотреть вспять. Мы** живем в условиях всеобщей интеграции, мира, где каждый из нас заинтересован в успехе друг друга. **Мы не можем повернуть вспять** эти силы интеграции. Ни одна из стран в этой ассамблее не может изолировать себя от угрозы терроризма, риска финансовых кризисов, потоков мигрантов, опасности глобального потепления. Неурядицы, которые **мы** видим, вызваны не просто соперничеством между государствами или какими-то отдельными идеологическими течениями. Если **мы** все не сможем более эффективно работать вместе, то **мы** все пострадаем от последствий. Это верно и в отношении Соединенных Штатов» / «**But I stand before you today believing in my core that we, the nations of the world, cannot return to the old ways of conflict and coercion. We cannot look backwards. We live in an integrated world — one in which we all have a stake in each other's success. We cannot turn those forces of integration. No nation in this Assembly can insulate itself from the threat of terrorism, or the risk of financial contagion; the flow of migrants, or the danger of a warming planet. The disorder we see is not driven solely by competition between nations or any single ideology. And if we cannot work together more effectively, we will all suffer the consequences. That is true for the United States, as well.**».

ВЫВОД

Особым типом политического дискурса можно считать публичные выступления и речи первых лиц государства, президентов, лидеров стран. Каждый из них выбирает коммуникативную стратегию и коммуникативную тактику, обусловленную личным мировоззрением политика: прежде всего, его ощущением Родины, пониманием исторического и современного контекста развития международных отношений, прогнозированием будущего развития политических процессов в мире. В соответствии с этим выбор говорящим тех лингвистических и синтаксических средств, которые помогают реализовать намеченную коммуникативную стратегию и тактику, неслучаен; выбор лидерами государств определенных обращений, эпитетов, метафор, сравнений, а также местоимений является закономерным.

© Чичина М.О.

Дата поступления: 20.06. 2018

Дата приема в печать: 20.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Речи, произнесенные на 70-й Генеральной Ассамблее ООН

1. Речь Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина (фрагменты речи цитируются по тексту, размещенному на официальном сайте Кремля. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>. (дата обращения: 09.05.2018).
2. Речь 44-го Президента США Барака Обамы на русском языке (фрагменты речи цитируются по тексту, размещенному на сайте. Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20150930/230544021.html>. (дата обращения: 03.05.2018).
3. Речь 44-го Президента США Барака Обамы на английском языке (фрагменты речи цитируются по тексту, размещенному на сайте. Режим доступа: AmericanRhetoric.com. *Barack Obama 70th Session of the United Nations General Assembly Address*. (дата обращения: 07.05.2018).

II

1. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2001.
2. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997.
3. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006.
4. Larson S.U. *Persuasion: reception and responsibility*. Belmont: Wadsworth Publ. Company, 1995.
5. Уразалиева О.А. Вербализация коммуникативной стратегии сотрудничества в политическом дискурсе (на примере В.В. Путина на 70-ой Генассамблее ООН). Режим доступа: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1619/13.pdf>. (дата обращения: 09.05.2018).
6. Паршина О.Н. Режим доступа: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002882356.pdf. (дата обращения: 15.05.2018).

УДК: [811.161.1:811.111]276:32:808.5

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-640-650

A LINGUISTIC COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SPEECHES OF THE PRESIDENT OF RUSSIA VLADIMIR PUTIN AND THE 44-TH PRESIDENT BARACK OBAMA DELIVERED THE HEADS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES AT THE 70-TH MANAGING ASSEMBLY OF THE UN IN 2015

Marina O. Chichina

Moscow state Institute of international relations
(University) MFA of Russia
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Abstract. The purpose of the article is the conduction a linguistic comparative analysis of the speeches of the President of Russia V.V. Putin and the 44th US President Barack Obama, delivered by these leaders at the jubilee 70th UN General Assembly. The author of the article uses the method of system linguistic analysis, which involves study of the semantic structure of texts, the analysis of vocabulary and rhetoric techniques used by President of Russia V.V. Putin and the 44th US President, Barack Obama. The speech of the state leader being a special type of the political discourse apart from the linguistic realizations of the linguistic personality of a particular person also reflects the basic principles of the mindset of the people and reveals its attitude to history and current political situation. The basis for carrying out of the comparative analysis was the general theme of the speeches by V.V. Putin and B. Obama — the 70th anniversary of the United Nations Organization — an important international event. Each word of the leaders of such states

as Russia and the USA pronounced from the high tribune of the UNO is meaningful, therefore analyzing of those meanings that are hidden behind the use of appeals, metaphors, comparisons, and constructions of pronouns 'we/I' is a matter of particular interest.

Key words: political discourse, people's mentality, language personality, historical context, modern politics, communicative tactics, communicative strategy, linguistic analysis, semantics, references, treatment, pronouns, Russia, USA

REFERENCES

I. The speeches delivered at the 70th UNO General Assembly

1. The speech of the President of the Russian Federation Vladimir Vladimirovich Putin (fragments of the speech are quoted in the text posted on the Kremlin's official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>. (accessed: 09.05.2018).
2. The speech of the 44th US President Barack Obama in Russian (fragments of speech are quoted in the text posted on the site. URL: <https://inosmi.ru/world/20150930/230544021.html>. (accessed: 03.05.2018).
3. The speech of the 44th US President Barack Obama in English (fragments of speech are quoted in the text posted on URL: AmericanRhetoric.com., Barack Obama 70th Session of the United Nations General Assembly Address. (accessed: 07.05.2018).

II

1. Demyankov, V.Z. (2001). The interpretation of the political discourse in media. In *Mass media as an object of the interdisciplinary research*. Moscow: Moscow State University.
2. Vodak, Ruth (1997). *Language. Discourse. Politics*. Volgograd: Peremena.
3. Chernyavskaya, V.E. (2006). *The discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Effects*. Moscow, Flint: Science.
4. Larson, S.U. (1995). *Persuasion: reception and responsibility*. Belmont: Wadsworth Publ. Company.
5. Urazgalieva, O.A. The verbalization of the communicative strategy of cooperation in political discourse (on the example of V.V. Putin at the 70th UN General Assembly). URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1619/13.pdf>. (accessed: 09.05.2018).
6. Parshina, O.N. URL: https://new-disser.ru/_avtoferats/01002882356.pdf. (accessed: 15.04.2018).

Для цитирования:

Чичина М.О. Лингвистический сопоставительный анализ речей Президента России В.В. Путина и 44-го Президента США Б. Обамы, произнесенных на 70-й Генеральной Ассамблее ООН в 2015 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 640—650. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-640-650.

For citation:

Chichina M.O. (2018). A linguistic comparative analysis of the speeches of the President of Russia Vladimir Putin and the 44-th President Barack Obama delivered the Heads of the Russian Federation and the United States at the 70-th managing Assembly of the UN in 2015. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 640—650. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-640-650.

Сведения об авторе:

Чичина Марина Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО (У) МИД России; *научные интересы*: сопоставительное языкознание, лингвокультурология, теория дискурса, теория текста; *e-mail*: mch2629@yandex.ru

Information about the author:

Marina O. Chichina, Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department for Foreign Students of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO (U)); *scientific interests*: comparative linguistics, linguoculturology, discourse theory, text theory; *e-mail*: mch2629@yandex.ru

УДК: 81'38:070

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668

МАЛОФОРМАТНЫЕ МЕДИАТЕКСТЫ «НОВОСТНОГО ПОТОКА» В ФОКУСЕ ЛИНГВИСТИКИ: ЖАНРОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Е.Н. Ремчукова¹, А.А. Апостолиди²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2а, Москва, Россия, 117198

²Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

На сегодняшний день медийная сфера функционирования языка является одной из самых активных зон современного русского языка и наиболее ярко демонстрирует многие актуальные тенденции современной русской речи. Особенно интересны для изучения малоформатные тексты «новостного потока», относящиеся к базовым текстам медиасферы. Данные медиатексты характеризуются устойчивой структурой и определенными жанровыми и языковыми особенностями, описание которых и является целью нашей статьи. В качестве источников материала были взяты новостные сообщения информационных агентств, титры, «бегущие строки» и иные текстовые материалы новостных телевизионных передач.

Именно малоформатные новостные медиатексты представляют собой медиаречь «в чистом виде». Объем таких текстов варьируется от одиночного высказывания до текстов среднего объема, состоящих из 4–6 абзацев (до 5000 знаков). Природа жанра обуславливает расположение информации в данных текстах по известному в журналистской практике принципу «перевернутой пирамиды».

В статье рассматривается основная особенность малоформатных новостных медиатекстов — лингвистический аскетизм, заключающийся в некоторой «антикреативности» — «нейтральности» речи, отсутствии ярко выраженных метафорических и оценочных языковых средств, синтаксическом минимализме. К наиболее ярким языковым особенностям данных текстов, выделяющим их в отдельную группу, мы относим обилие аббревиатур, заимствований, конструкций, оформляющих указание на источник новостной информации.

Малоформатные новостные медиатексты обладают значительным лингводидактическим потенциалом. Устойчивая структура и достаточно жесткая регламентированность языка данных текстов дают основания для более активного использования их в качестве дидактического материала в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) и русского языка как неродного (РКН).

Ключевые слова: малоформатный медиатекст, новостной медиатекст, антикреативность, синтаксический минимализм, лингвистический аскетизм, лингводидактический потенциал

1. ВВЕДЕНИЕ

Развитие новых коммуникационных технологий в конце XX — начале XXI века привело к возникновению глобального информационного пространства, образованного множеством *медиапотоков* [1]. Исследователи говорят о том, что

основной объем речепользования сегодня приходится именно на сферу массовой коммуникации, которая стала одной из самых активных зон современного русского языка. В этих условиях особую актуальность приобретает изучение медиатекстов разного формата и жанра как единиц медиапотока.

Масс-медиа в динамике языкового развития играют огромную роль и превратились в одну из основных сфер речепользования, которая наиболее оперативно реагирует на новые явления в языке, в определенном смысле актуализирует их. И поэтому можно говорить о том, что именно массовая коммуникация во многом определяет характер и свойства современного состояния языка [2; 1]. Еще в начале XXI века Н.С. Валгина пророчески писала о том, что «современный русский язык... сегодня черпает ресурсы для обновления литературной нормы именно здесь — в средствах массовой информации, в разговорной речи, хотя долгое время таким источником была художественная литература» [2. С. 4]. Но сегодня, к сожалению, тотальное «обновление» нормы часто принимает форму «разрушения», однако разные типы медиатекстов подвержены ему в разной степени.

Медиатекст в его разнообразных жанровых и структурных реализациях сегодня активно изучается с разных точек зрения и в рамках разных научных направлений, но это отнюдь не гарантирует полноту описания его жанровых и языковых особенностей, поскольку основными характеристиками современного «медиапотока» являются динамизм и гибридность, обеспечивающие его изменчивость и текучесть.

Медиадискурс активно изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Российская традиция изучения медиадискурса представлена трудами Т.Г. Добросклонской, В.Г. Костомарова, Г.Я. Солганика, И. Анненковой, Н.И. Клушиной, В.И. Конькова, Н.А. Кузьминой, Л.Р. Дускаевой и др. Среди самых значительных зарубежных исследований можно назвать работы Т. Ван Дейка, А. Белла, Н.Фейерклафа, Р. Фаулера, Х. Бургера и др. В отечественной традиции тексты массмедиа являются объектом изучения также в рамках общей теории журналистики (работы М.И. Шостак, М.Н. Кима, А.А. Тертычного и др.). В рамках данного исследования стоит задача выявить взаимодействие жанра и языковой структуры малоформатных новостных медиатекстов, обеспечивающих их полноценное функционирование в медиапространстве.

Объектом нашего анализа является новостная группа малоформатных медиатекстов, обладающая, с нашей точки зрения, устойчивой структурой и определенным набором языковых признаков. Новостные жанры представляют собой определенную группу «новостного потока» (внутри «медиапотока»), характеризующуюся, с одной стороны, целостностью, с другой, дифференциацией по жанрово-стилистическим признакам. Отметим, что жанровые особенности новостных текстов описаны в большей степени, чем собственно языковые средства.

Материалом послужили **новостные материалы информационных агентств** (Информационное агентство России «ТАСС» [<http://tass.ru/>], Международное информационное агентство «Россия сегодня» [россиясегодня.рф], <https://ria.ru/lenta/>], Интерфакс [<http://www.interfax.ru/>], Информационное агентство «Regnum» [<https://regnum.ru/>]), **титры или «бегущая строка»** (источники —

сайты федеральных, региональных и городских телеканалов: «Россия 24» [<https://www.vesti.ru/onair/>], «360°» [<https://360tv.ru/air/news/>], «Москва 24» [<https://tv.m24.ru/>], **текстовые материалы телевизионных новостных передач** на различных российских телеканалах [www.1tv.ru, http://www.ntv.ru/peredacha/Itoqi_dnya/issues/52123/, <https://www.5-tv.ru/news/list/>].

Основными признаками новостных текстов являются их аутентичность, распространенность, доступность в Интернете, актуальность, тематическое разнообразие, лингвокультурологическая значимость, что делает их ценным материалом и в лингводидактическом аспекте [3].

Безусловно, анализируемые нами малоформатные новостные тексты являются *мультимодальными* комплексами (или в другой терминологии — *поликодовыми* текстами [4]), но в данном исследовании нас интересует именно их вербальная составляющая в аспекте ее структурных и языковых особенностей.

Целью нашего описания являются жанровые и языковые особенности группы русскоязычных малоформатных медиатекстов новостного характера, функционирующих в русскоязычном медиaprостранстве в аспекте их жанрового единства (целостности) и лингводидактической ценности. Это предполагает выявление дифференциальных признаков данных текстов в общем «новостном потоке», которые, с одной стороны, позволяют объединить их в отдельную подгруппу внутри «новостного поля», а с другой, выявить их структурно-языковые особенности, позволяющие рассматривать их в качестве дидактического материала в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ) и русскому языку как неродному (РКН).

2. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Общая характеристика медиаречи

Под *медиаречью* понимаются все разновидности речи, существующие в рамках современной медийной коммуникации. В.И. Коньков относит к основным (базовым) коммуникативным качествам (характеристики) медиаречи **утилитарность** (медиаречь вписана в общую практическую деятельность общества); **актуальность** (предназначена для использования «здесь и сейчас»); **перформативность** (медиаречь перформативна в своей основе или содержит существенную перформативную составляющую); **необратимость** (теоретически обратима, фактически необратима); **ориентацию на определенную аудиторию** [5].

К этим признакам необходимо добавить признак **мультимодальности**, о котором мы уже упоминали выше. Усиливающаяся тенденция к визуализации информационного потока приводит к тому, что медиаречь становится принципиально поликодовой, т.е. представляющей собой семиотически осложненную коммуникацию. Из этого следует тот факт, что большинство медиатекстов являются *мультимодальными*, то есть сочетают в себе разные семиотические коды.

Изучению лингвистических особенностей медиаречи всегда предшествует коммуникативный анализ: «für eine umfassende linguistische Analyse von massenmedialen Texten genügt es aber nicht, den Text selbst, «das Produkt» zu betrachten.

Vielmehr muss das Produkt in Relation zu verschiedenen für den Kommunikationstyp konstitutiven Faktoren gesehen werden» [6. С. 3] Для комплексного лингвистического анализа текстов массовой коммуникации все же недостаточно рассматривать сам текст, т.е. «продукт». Скорее, продукт должен рассматриваться в его отношении к различным основополагающим для данного типа коммуникации факторам.

Новостной текст в аспекте журналистских жанров

В работах российских исследователей, изучающих медиатексты, представлены различные классификации, выделяющие, как правило, три типа текстов СМИ: **информационные**, аналитические и художественно-публицистические [см., например: 7, 8]. К информационным жанрам относят информационный отчет, интервью, программу, афишу, анонс, которые, строго говоря, включают в себя не только сообщение нового, но и его интерпретацию. Однако, по мнению многих современных исследователей языка масс-медиа, традиционная теория журналистских жанров сегодня уже не актуальна, поскольку не соответствует реалиям современной медиапрактики. Так, Т.В. Шмелева указывает на то, что медийная жанровая терминология в целом требует критического рассмотрения и обновления [9. С. 14].

Л.Р. Дускаева разделяет журналистский дискурс на информационные, оценочные и побудительные жанры и проводит жанровую дифференциацию внутри этих групп на основании интенции коммуникативного взаимодействия автора и адресата [10; 11].

Л. Кройчик определяет три важнейших компонента публицистического текста (сообщение о новости, осмысление ситуации, приемы эмоционального воздействия на аудиторию) и рассматривает следующие группы жанров медийного пространства: «1) **оперативно-новостные** — заметка во всех ее разновидностях; 2) оперативно-исследовательские — интервью, репортажи, отчеты; 3) исследовательско-новостные — корреспонденция, комментарий (колонка), рецензия; 4) исследовательские — статья, письмо, обозрение; 5) исследовательско-образные (художественно-публицистические) — очерк, эссе, фельетон, памфлет» [12. С. 139]. Мы рассматриваем здесь именно **информационные оперативно-новостные** жанры.

Общепризнанной в настоящее время является мысль о том, что система медиажанров в настоящее время чрезвычайно динамична и изменчива, а границы отдельных жанров оказываются размытыми. Стоит также отметить, что жанровые классификации, принятые в разных лингвокультурных традициях, зачастую не совпадают. Традиционные журналистские жанры под влиянием современных технологий передачи информации не исчезают, а значительно, порой до неузнаваемости, видоизменяются [13. С. 72]. Но в этой сложной и изменчивой системе существуют и подсистемы, характеризующиеся относительной стабильностью, так как они в значительно меньшей степени подвержены изменениям. Именно к ним относится группа анализируемых нами **новостных медиатекстов**.

Новостная журналистика представляет собой важную часть масс-медиа, так как именно новости формируют их информационное пространство. В то время как

в отечественной традиции вопрос о жанровом статусе новостей до сих пор не решен однозначно, в англо-американской традиции классификации медиажанров новость является самостоятельным типом медиатекста. На этом положении основана классификация Т.Г. Добросклонской, разработанная в рамках теории медиалингвистики и выделяющая 4 основных вида медиаречи: новости, информационная аналитика и комментарий, features (тематические авторские материалы) и реклама [1]. По мнению автора, данная классификация носит универсальный характер и позволяет достоверно отражать реальную комбинаторику функций сообщения и воздействия в том или ином типе медиатекстов.

Характеристика новостной группы жанров

Как известно, событие превращается в новость, если соответствует определенным критериям новостной ценности (news values), к которым относятся новизна, актуальность, общественная значимость события, пространственная или психологическая близость к получателю информации, возможные последствия для массовой аудитории, наличие конфликта или негативного компонента, участие известных личностей, фактор человеческого интереса [14], подробно описанные главным образом в рамках англо-американской теории журналистики.

Новости считаются первичным, базовым жанром СМИ, поскольку именно они характеризуются устойчивыми признаками на уровне формата, содержания и языка. Базовая роль новостных текстов в общей системе современных масс-медиа обусловлена функциями, которые они выполняют: информационной, структурирующей и интерпретационной. Именно новости в наибольшей мере реализуют одну из главных функций масс-медиа — информационную, сообщая аудитории об актуальных событиях в стране и за рубежом. Структурирующая функция новостных текстов проявляется в том, что они представляют собой тот пространственно-временной каркас, вокруг которого выстраивается весь остальной медиаконтент [15. С. 57—60].

Доминирующая роль новостных текстов в общем корпусе массмедийного дискурса обусловлена и функцией интерпретационной, которая реализуется в формировании у массовой аудитории определенной картины мира. Сопоставляя концепты «новость» и «информация», А.А. Негрышев считает необходимым дифференцировать данные понятия, поскольку «новость — это всегда информация, но информация — это не всегда новость» [16. С. 91]. На основании этого исследователь делает вывод о возможности выделения медиановостей в особую жанровую подгруппу внутри информационных жанров, которую можно назвать «новостные (информационно-новостные) жанры», к которым относятся информация короткой строкой, информационная заметка, репортаж.

Т.В. Шмелева считает новость (информационные жанры) одним из самых «чистых» жанров, хотя и он содержит оценки и не лишен интенции воздействия [9. С. 53]. При этом следует отметить, что, по одной из существующих точек зрения, информационно-новостные жанры по своему воздействию потенциалу не уступают другим жанрам СМИ, а даже превосходят их. «Воздействие

не только присутствует в любых новостях СМИ, но и является их неотъемлемым функционально-содержательным компонентом» [17. С. 6]. Однако мы разделяем точку зрения Т.В. Шмелевой, считая, что именно новостные тексты малого объема представляют собой медиаречь «в чистом виде», в наименьшей степени отягощенную субъективными интерпретациями, так как в них отсутствует ярко окрашенные экспрессивные средства речевого воздействия на аудиторию в виду невозможности полноценно выразить авторскую позицию в мини-формате.

И все-таки одним из ключевых свойств новостей единодушно считается преобладание в них функции сообщения. Важным принципом информационных агентств, материалы которых составляют значительную долю ежедневно производимого медиаконтента, считается объективность: «принцип объективности — основополагающий для информагентств, и это, пожалуй, основное, что отличает их от других СМИ. Этот принцип диктуется спецификой деятельности информационных агентств, он заложен в них по определению» [18].

Типы малоформатных медиатекстов

Малоформатные новостные тексты исследованы в незначительной степени. Относительно изученными являются малоформатные жанры в сфере рекламной коммуникации (им посвящено два диссертационных исследования [19; 20]), хотя в целом следует отметить, что малоформатные рекламные тексты изучены в гораздо меньшей степени по сравнению с другими рекламными жанрами.

В то же время «бегущая строка» новостного характера остается практически вне поля зрения исследователей: исключение составляют работы Т.И. Суриковой [21; 22].

Деятельность мировых и российских информационных агентств изучена в большей степени [см. 23—29 и др.]. В аспекте редактирования **материалы информационных агентств** рассматриваются в работах О.Р. Лащук [см. 30; 31 и др].

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Структура малоформатных новостных медиатекстов

Характеризуя содержательную сторону текстов, составляющих «новостной поток», используют понятие «новостной ценности» (**news value, news worthiness**) (например, обзор литературы по новостной ценности [см. 32] и дискурсивный анализ новостной ценности [см. 33]). Вторым важным параметром является их принадлежность к одной из устойчивых тематических групп медиаконтента — **медиатопику** (политика, бизнес, культура, спорт и т.д.) [1]. С точки зрения тематики малоформатные новостные медиатексты относятся к разным медиатопикам, однако этот важный *тематический* принцип не является дифференцирующим в рамках данной статьи.

Определяющими характеристиками для малоформатных новостных медиатекстов являются объем и структура: их взаимодействие позволяет обеспечить «новостную ценность» данных текстов.

Очевидно, что основным критерием отнесения текста к числу малоформатных является его **объем**. Минимальный малоформатный новостной текст представляет собой одиночное высказывание, равное, как правило, одному предложению:

МО РФ опубликовало документы о первых днях Великой Отечественной войны (Россия 24, 22.06.2018);

Обвиняемый по делу о ЧП в «Зимней вишне» пожарный оставлен под арестом (Россия 24, 22.06.2018).

При этом он обладает такими характеристиками, как отдельность, выделенность, формальная и семантическая завершенность, тематическая определенность и завершенность [34]. Малый объем предполагает особую концентрированность содержащейся в новостном тексте информации, то есть его высокую семантическую плотность, и предопределяет структуру новостного текста.

Объем анализируемых нами малоформатных новостных медиатекстов варьируется от минимального (в титрах и «бегущих строках») до среднего (в развернутых текстах информационных агентств). Рассмотрим структуру развернутого текста среднего объема:

Макрон отметил роль России в решении международных проблем

Москва. 24 мая. INTERFAX.RU — Президент Франции Эмманюэль Макрон заявил, что Париж признает, что Россия играет важную роль в решении многих международных проблем, в том числе на Ближнем Востоке, и готов учитывать «красные линии», которые провела Москва.

«Я считаю, что Франция не может действовать в таких ситуациях, когда некоторые „красные линии“ пересечены», — сказал Макрон, отметив, что признает «роль сильного лидера», которую Россия играет «в своем ближайшем окружении и в некоторых других регионах, например, на Ближнем Востоке».

«Я признаю незаменимую роль в решении международных вопросов, но Россия также должна со своей стороны соблюдать интересы нашего суверенитета», — отметил президент Франции.

В среду под Петербургом состоялись переговоры президента РФ Владимира Путина с его французским коллегой Эмманюэлем Макроном [http://www.interfax.ru/forumspb/614223].

Данный текст является развернутым: его «новостная ценность» обеспечивается последовательностью смысловых компонентов новости: сначала передается содержание заявления Президента Франции Эмманюэля Макрона в форме косвенной речи, далее следуют несколько цитат, оформленных при помощи прямой речи.

Обратим внимание на характерное **расположение информации** в этом тексте. Оно соответствует самой природе данного жанра, которая требует вынесения самой главной информации в начало новостного сообщения. Такой принцип расположения информации в большинстве новостных медиатекстов известен в медиасфере как **«перевернутая пирамида»** («the inverted pyramid»). Согласно этому принципу вся самая важная и ценная информация находится в начале новостного медиатекста, при этом основная информационная нагрузка приходится на первую фразу, а по мере его развертывания — снижается. Данный способ выстраивания содержания новости называют еще «принципом ножниц» — если взять

ножницы и начать отрезать абзацы новости с конца, то ее основное содержание будет оставаться ясным вплоть до заголовка [28].

Следует также отметить, что тексты сообщений информационных агентств отличаются особенно жесткой структурированностью среди всех типов новостных медиатекстов. Это связано с тем, что описанные в редакционных стандартах принципы составления новостных текстов основаны на базисных функциональных требованиях, которые предъявляются к информагентствам как специфическим СМИ.

3.2. Общая характеристика языка малоформатных новостных медиатекстов

Современная медиаречь в целом характеризуется лингвокреативными тенденциями. Анализ лингвокреативной составляющей современных медиатекстов показывает пересечение и развитие трех основных креативных, игровых, тенденций — к интертекстуальности, к полисемантической и к потенциальному слово- и формообразованию. Дифференциация между жанрами аналитической качественной прессы и новостными жанрами проходит именно по этому признаку. Известно, что для аналитической журналистики характерны полисемантическая заголовков, трансформация прецедентных текстов и фразеологизмов и другие виды языковой игры, однако тексты новостного формата характеризуются *антикреативностью*. Например, для «не новостной» прессы характерна дефразеологизация — употребление фразеологизмов в трансформированном виде в качестве лингвокультуры, с одной стороны, и экспрессивного средства выражения авторской позиции — с другой [36], в новостных же текстах фразеологические единицы употребляются в принципе реже и не трансформируются.

Власти Украины ломают голову, как погасить долг в 27 миллиардов долларов [02.05.2018, <https://www.5-tv.ru/news/200752/>].

Обратим внимание на использование фразеологизма с разговорной окраской: к характерным особенностям современной медиаречи относится тенденция к смешению элементов разговорных и книжно-письменных стилей. В новостных текстах это смешение проходит с меньшей степенью интенсивности: отмечаются элементы разговорные и просторечно-разговорные, однако в новостной ленте избегают оценочной, а тем более инвективной лексики.

В то же время новостной текст нельзя охарактеризовать как «бесцветный». Среди языковых процессов, характерных для масс-медиа в целом, отмечают тенденцию к размыванию четких стилевых границ, в основе которого лежит динамизм жанровой системы медиадискурса. Примером гибридного стиля можно назвать *«инфотеймент»* (infotainment), подразумевающий включение развлекательного материала в новостные материалы на телевидении, который находится за пределами анализа, представленного в данной статье.

Очевидно, что малоформатным новостным медиатекстам свойственен определенный *лингвистический аскетизм*, под которым мы понимаем совокупность таких характеристик, как стремление к «нейтральности» речи, «антикреативность»,

отсутствие яркой метафорики и ярко выраженной оценочности на лексическом и грамматическом уровне. Наиболее отчетливо это проявляется в заголовке, который является позицией актуализации для любого текста.

Новостной заголовок принципиально отличается от обычного заголовка, при составлении которого в аналитической прессе активно используются различные игровые приемы и креативные средства, создающие его повышенную экспрессивность, в то время как новостной заголовок стремится к четкой информативности, не осложненной экспрессивной модальностью.

К проявлениям *лингвистического аскетизма* можно также отнести синтаксический минимализм малоформатных новостных текстов, «прозрачность» их грамматической структуры. В уже упомянутых выше требованиях редакций авторам рекомендуется использовать прямой порядок слов в начале информационного сообщения, избегать пассивных конструкций и сложных предложений [37. С. 32]. Задача автора — передать максимальное количество информации минимальным количеством языковых единиц.

3.3. Языковые особенности малоформатных новостных медиатекстов

Для малоформатных новостных текстов характерны следующие языковые особенности:

- **конструкции**, оформляющие указание на источник информации;
- **аббревиатуры** разных типов;
- заимствования из сферы общественной и общественно-политической лексики;
- преимущественная «**глагольность**»;
- **описательные предикаты**;
- **топонимы**.

В пределах одной статьи не представляется возможным подробно описать все перечисленные выше составляющие новостных медиатекстов, поэтому остановимся лишь на некоторых из них.

Указания на источники информации

Важной характеристикой стиля информационных агентств является указание в тексте новости на источник информации. Наиболее предпочтительны **прямые ссылки** на компетентный источник информации (авторитетное лицо или организацию), грамматически оформленные как именительный темы:

*ЕССЕНТУКИ /Ставропольский край/, 22 июня. /ТАСС/. Правительственная комиссия по вопросам развития Северо-Кавказского федерального округа продолжит свою работу под председательством премьер-министра Дмитрия Медведева. Следующее ее заседание может состояться до сентября, — **сообщил** на совещании по вопросам реализации госпрограммы развития СКФО в департаменте территориального развития Министерства РФ по делам Северного Кавказа в Ессентуках вице-премьер правительства РФ **Виталий Мутко** [<http://tass.ru/politika/5316401>];*

***Зампостпреда РФ заявил**, что резолюция по Приднестровью нанесет ущерб репутации ГА ООН [<http://tass.ru/politika/5316683>].*

Если использование прямой ссылки по какой-то причине невозможно, дается **косвенная ссылка** на источник:

«Очевидцы обратились в экстренные службы с заявлением о жесткой посадке Ми-2 на автодорогу в Ханты-Мансийском автономном округе», — сообщил «Интерфаксу» источник в экстренных службах [<http://www.interfax.ru/russia/618113>];

По данным местных СМИ, рано утром 21 июня в небе над Воронежской, Липецкой, Тульской и Орловской областями люди заметили яркий объект [<http://tass.ru/kosmos/5311732>];

По данным российских военных, по итогам переговоров Ваяди абу Слес заявил, что «находящиеся под нашим контролем населенные пункты Дейр-Дама, Аш-Шиях и часть города Джаддаль добровольно с сегодняшнего дня переходят под контроль законного правительства» [<http://www.interfax.ru/world/618159>].

Репертуар конструкций, используемых для оформления «заимствованной» речи, весьма широк. Анализируя материалы агентства Associated Press, финский исследователь Maija Stenvall приходит к выводу о том, что в текстах данного агентства в последние годы можно заметить все усиливающуюся тенденцию к увеличению количества косвенных ссылок:

«It can be argued that they also open a wealth of rhetorical possibilities, and thus can undermine the alleged factuality/objectivity of news agency discourse» («Можно утверждать, что они открывают для авторов множество риторических возможностей, и это может подорвать декларируемую ими фактичность/объективность дискурса информационных агентств» [Stenvall 2008].

Аббревиатуры

Современную эпоху называют временем активной аббревиации. Современный русский язык характеризуется появлением новых тенденций в аббревиации [38] и ростом числа аббревиатур, что обусловлено влиянием на язык изменений в общественной, политической и экономической жизни. Основная задача аббревиатур — экономия речи или письменного текста, поэтому малоформатные новостные медиатексты ими изобилуют. Их функциональная нагрузка чрезвычайно велика, поскольку аббревиатуры служат цели повышения информативности медиатекста за счет сжатия информации, способствуют экономии мини-пространства и языковых усилий. Однако, с другой стороны, в результате перенасыщения текста аббревиатурами может произойти компрессия информации, в результате которой значение текста в целом окажется недоступно реципиенту. Это относится в первую очередь к таким жанрам, как титры и «бегущая строка», в которых, учитывая ситуацию их восприятия, большое количество аббревиатур, безусловно, оказывает негативное влияние на возможность понимания текста реципиентом. Кроме того, сложносокращенные слова являются одним из наиболее трудных для понимания и перевода элементов иностранных текстов.

Но если рассматривать новостной малоформатный текст в лингводидактическом аспекте, то можно отметить ценность в аспекте обучения РКИ широко распространенных аббревиатур, принадлежащих к общественной и общественно-политической лексике и отражающих реалии современной российской жизни.

Следует при этом отметить, что лингводидактический потенциал аббревиатур полноценно раскрывается только при условии их расшифровки и методической обработки в прилагаемом к текстам курса словаре аббревиатур.

Рассмотрим некоторые типы аббревиатур с этой точки зрения.

А) Наименьшее число трудностей вызывают следующие структурные типы аббревиатур:

— **аббревиатуры из сочетания начальных частей слов («слоговые»):**

Госдеп: представители США и КНДР контактируют друг с другом после саммита в Сингапуре [<http://tass.ru/materials>];

В Совфедe ответили на обвинения США в адрес сирийских военных [<https://ria.ru/syria/20180621/1523177378.html>];

Мосгоризбирком зарегистрировал доверенных лиц двух кандидатов в мэры [<https://www.m24.ru/news/vlast/20062018/36148>];

Минюст предложил расплачиваться за алкоголь электронными деньгами [<https://www.m24.ru/news/obshchestvo/22062018/36315>];

— **аббревиатуры из сочетания начальной части слова с целым словом:**

Депутат приехал в заксобраниe Камчатки на коне. 21.06.18 [<https://www.m24.ru/news/obshchestvo/20062018/36064>].

Следует отметить, что данные типы аббревиатур частотны, достаточно легко поддаются расшифровке и семантизации при восприятии, что обуславливает их ценность в лингводидактическом аспекте и целесообразность активного включения в тексты, используемые в учебном процессе.

Б) Больше усилий требуется затратить для понимания в иностранной аудитории аббревиатур инициального типа («буквенных») или смешанных («буквенно-слоговых»).

Глава МВД ФРГ предупредил Меркель об угрозе распада коалиции в случае его увольнения [<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5313284>].

Представитель генсека ООН не стал комментировать доклад комиссии по Восточной Гуте [<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5313025>].

Девятерых иностранных болельщиков отправили в московские СИЗО за кражи [<http://www.interfax.ru/wc2018/617929>].

КС РФ разрешил усыновление для родителей с ВИЧ-инфекцией [<http://www.interfax.ru/russia/617915>].

ЕГЭ по русскому языку и математике станут самыми массовыми в резервные дни [<http://tass.ru/obschestvo/5313439>]

(аббревиатура «ЕГЭ») — Единый государственный экзамен — относится к сфере образования и отражает реалии не только государственного устройства, но и жизни современной российской молодежи, что способствует ее активному включению в лексический запас иностранных учащихся).

Наблюдения показывают, что аббревиатуры, состоящие более чем из трех элементов, гораздо сложнее для восприятия в иностранной аудитории:

Украина просит ЕСПЧ обязать РФ допустить Денисову к осужденному Олегу Сенцову [<http://tass.ru/obschestvo/5313277>].

Малознакомые, нераспространенные аббревиатуры также представляют определенную сложность при восприятии новостной ленты, если их значение не раскрывается в последующем тексте:

Уральского полпреда Холманских назвали кандидатом на пост главы совета директоров УВЗ [<http://www.interfax.ru/russia/617943>] (УВЗ — это НПК «Уралвагон-завод»).

Заимствования

Одной из ярких особенностей современного словоупотребления является использование иноязычной лексики. Современное лексическое заимствование отличается высокой степенью активности и высокой степенью адаптации в разных коммуникативных сферах русского языка, прежде всего — в медиасфере.

Частотность употребления заимствований в медиатекстах (в частности, в малоформатных новостных медиатекстах) отражает глобальный характер процесса лексических заимствований из английского языка. Кроме того, заимствования являются одним из эффективных средств компрессии текста. Малоформатные новостные медиатексты содержат большое количество заимствований, основная часть которых является адаптированной и активно функционирует в современном русском языке. Они называют государственные структуры, должности (*акционер, премьер-министр, президент* и др.) и, как правило, не вызывают сложностей при чтении, а, наоборот, упрощают процесс восприятия текста для иноязычных читателей.

Брата экс-президента Армении освободили из-под стражи.

Александра Саргсяна ранее задержали за незаконное хранение оружия.

ЕРЕВАН, 25 июня. /ТАСС/. Брат бывшего президента Армении Александр Саргсян, задержанный ранее по подозрению в незаконном хранении оружия, освобожден из-под стражи.

Об этом журналистам сообщил пресс-секретарь полиции Ашот Агаронян.

«В данный момент он не в полиции», — сказал он.

Брат бывшего президента Армении Сержа Саргсяна Александр был депутатом парламента двух созывов с 2003 до 2012 года [<http://tass.ru/proisshestviya/5322722>].

Республиканская партия поддержит Пашиняна на выборах премьера [<http://www.tvc.ru/news/show/id/136954>].

Рассматривая заимствования в аспекте лингводидактического потенциала новостного текста, отметим, что большее внимание следует уделять новым заимствованиям, которые еще недостаточно освоены русским языком и именно по этой причине могут спровоцировать неправильное или неполное понимание значения данного слова, особенно в ситуации несовпадения объема значения в русском языке и языке-источнике — английском.

МОСКВА, 25 июня. /ТАСС/. «Аэрофлот» планирует создать сеть хабов в российских регионах, сообщил гендиректор «Аэрофлота» Виталий Савельев на годовом собрании акционеров [<http://tass.ru/ekonomika/5320931>].

Слово *хаб* (от англ. *hub*) обозначает: 1) устройства для подключения нескольких приборов через USB (USB-хаб); 2) крупный аэропорт, в котором можно пересесть на другой самолет для продолжения путешествия. При этом его нельзя отнести к широко распространенным и общеизвестным словам, и значит, оно затрудняет понимание и делает текст не вполне доступным для части читателей, и не только иностранных. Употребление подобного слова в малоформатном тексте говорит, на наш взгляд, о коммуникативной неудаче.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Малоформатные новостные медиатексты имеют безусловную исследовательскую перспективу и заслуживают пристального внимания и в аспекте их жанрово-структурного своеобразия, и с точки зрения их языковых особенностей. Изучение механизмов их создания и особенностей функционирования в современной русскоязычной медиапрактике весьма перспективно, поскольку на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о том, что именно такие тексты в мультимодальном формате являются основными для нашего времени цифровых технологий и дисплейных способов подачи информации. Одной из самых значимых разновидностей можно назвать **мультимодальный малоформатный новостной текст**, который отражает актуальное состояние русского языка, с одной стороны, и универсальные свойства «новостного потока» как жанра, с другой.

Малый объем текста относится к его ключевым свойствам, так как зачастую современный потребитель медиаконтента не читает, а только «просматривает» новости, формируя в своем сознании актуальную «картину дня». В этой ситуации релевантным признаком становится скорость восприятия информации, то есть время, затрачиваемое реципиентом на извлечение информации из медиатекстов. Малоформатные медиатексты дают потребителю медиаконтента возможность увеличить скорость восприятия новостной информации и «обработать» больший объем новостной ленты за меньшее время. Речевое воздействие в этом формате, безусловно, присутствует (хотя и сам его факт подвергается некоторыми исследователями сомнению), но имеет свою специфику, которая состоит в отсутствии ярко выраженной модальности и особых способах подачи информации.

Данные тексты представляют интерес с точки зрения взаимодействия в них языкового стандарта и минимальной языковой экспрессии, а также с точки зрения сочетания разных семиотических кодов в аспекте теории мультимодальности. Языковая специфика этих текстов определяется их жанровой природой: им присущ *лингвистический аскетизм*, заключающийся в «антикреативности» — «нейтральности» речи, отсутствии ярко выраженных метафорических и оценочных языковых средств, в простых синтаксических структурах. К наиболее ярким языковым особенностям данных текстов относится большое количество аббревиатур, заимствований, конструкций, оформляющих указание на источник новостной информации.

Мультимодальные малоформатные медиатексты являются ценным языковым материалом и с лингводидактической точки зрения. Большое количество широко распространенных в языке аббревиатур общественно-политического характера, заимствований и «простая» синтаксическая структура облегчают иноязычным учащимся процесс восприятия медиатекста, так как в данном случае реализуется принцип доступности. Несомненным достоинством аббревиатур этой группы является и то, что они отражают реалии современной жизни России. Все это, в конечном счете, способствует росту интереса иностранных учащихся к стране и изучаемому языку и мотивирует их стремление получать информацию из аутентичных медиаисточников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Добросклонская Т.Г.* Язык средств массовой информации. Москва: КДУ, 2015.
2. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. Москва: Логос, 2003.
3. *Апостолиди А.А.* Лингводидактическая ценность аутентичных малоформатных медиатекстов в практике преподавания РКИ // Преподавание русского языка как иностранного в вузе: опыт и перспективы: сборник научных статей. Москва: МГИМО-Университет, 2018. С. 283—291.
4. *Максименко О.И.* Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. no 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-vs-kreolizovannyuy-tekst-problema-terminologii> (дата обращения: 21.06.2018).
5. *Коньков В.И.* Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа // Мир русского слова. 2016. no 3. С. 58—63.
6. *Burger H.* *Mediensprache: Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien.* 2014.
7. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати. Москва: Аспект Пресс, 2011.
8. *Смелкова З.С.* и др. Риторические основы журналистики // Работа над жанрами газеты. Москва, 2007.
9. *Шмелева Т.В.* Современная медиапрактика с позиций теории речевых жанров // Медиалингвистика. 2014. no 3. С. 51—55.
10. *Дускаева Л.Р.* Принципы типологии газетных речевых жанров // Язык современной публицистики / Г.Я. Солганик (ред.). Москва: Флинта; Наука, 2005.
11. *Дускаева Л.Р.* Типология речевых жанров журналистского дискурса // Медиалингвистика. 2014. no 3. С. 21—24.
12. *Кройчик Л.Е.* (2000). Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. СПб, 2000.
13. *Кормилицына М.А.* Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе // Жанры речи. 2018. № 1(17). С. 67—72. doi: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72.
14. *Добросклонская Т.Г.* (2017). Актуальные направления изучения новостного дискурса // *Language in the Coordinates of Mass Media.* 2017. no 6. С. 36—46.
15. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования английской медиаречи). Москва: УРСС Эдиториал, 2005.
16. *Негрышев А.А.* К вопросу о жанровом статусе новостей // Медиалингвистика. 2014. Т. 3. С. 89—92.

17. *Негрышев А.А.* Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ. Владимир: ВГГУ, 2009.
18. *Вирен Г.В.* Принципы создания новостных текстов в российских информационных агентствах: дисс. ... канд. филол. наук. Москва. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011.
19. *Никонорова О.Г.* Малые рекламные жанры в прагматическом, когнитивном и ортологическом аспектах: на примере бегущей строки: дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2005.
20. *Резенков А.В.* Функционально-стилевой статус рекламных текстов малых форм: дисс. ... канд. филол. наук. С.-Петерб. гос. ун-т, 2010.
21. *Сурикова Т.И.* (а). Бегущая строка на телеэкране и культура медиаречи // Медиаскоп. 2017. Вып. 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2323> (дата обращения: 09.05.2018).
22. *Сурикова Т.И.* (б). Письменная речь на телеэкране: семиотические и прагматические аспекты // Мир русского слова. 2017. no 1. С. 67—67.
23. *Вирен Г., Фролова Т.* Информационные агентства: Как создаются новости. Москва: Аспект Пресс, 2015.
24. *Вартанова Е.Л., Вирен Г.В., Фролова Т.И.* Типология информационных агентств // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. no 3. С. 6—30.
25. *Салыхова Н.В.* Роль и место агентства «Франс Пресс» в мировых информационных процессах: автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.
26. *Могилевская Э.В.* Информационные агентства в Интернете: особенности и принципы функционирования. Режим доступа: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/informacionnye-agentstva-v-internete-osobennostii-principy-funkcionirovanija.html>. 2008. Т. 2768274 (дата обращения: 12.06.2018).
27. *Курилов А.Е.* Структура и механизмы функционирования новостного поля (на примере информационных агентств «Интерфакс», ТАСС, МИА «Россия сегодня»): дисс. ... канд. филол. наук. ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет, 2017.
28. *Погорельый Ю.А.* Информационное агентство: стиль оперативных сообщений. 2001. Режим доступа: <http://www.eartist.narod.ru/text19/018.htm> (дата обращения: 29.05.2018).
29. *Алексеев Д.И.* Особенности профессиональной деятельности журналиста информационного агентства в работе с экономической информацией: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014.
30. *Лащук О.Р.* Принципы и приемы редактирования материалов информационных агентств (на примере сообщений ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», Интерфакс: дисс. ... канд. филол. наук: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
31. *Лащук О.Р.* Рейтинги новостных интернет-сообщений в России: 2000—2013 гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014.
32. *Narcup T., O'Neill D.* What is news? News values revisited (again) // *Journalism studies*. 2017. no 12. pp. 1470—1488.
33. *Bednarek M., Caple H.* The Discourse of News Values: How News Organizations Create 'newsworthiness'. Oxford: Oxford University Press, 2017.
34. *Кубрякова Е.С.* (2001). О тексте и критериях его определения // Структура и семантика. Т. 1. Москва, 2001. С. 72.
35. *Ремчукова Е., Евстратова С.* Актуализация национально-культурных компонентов в русскоязычной прессе Эстонии // *Acta Slavica Estonica V*. Антропоцентризм в языке и речи. Tartu: Tartu State University, 2014. С. 182—192.
36. *Погорельый Ю.А.* Технология новостей от Интерфакса. Москва: Аспект-пресс, 2013.
37. *Максименко О.И.* Новые тенденции аббревиации (на материале русского, английского и немецкого языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. no 1. С. 74—181. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-174-181.

УДК: 81'38:070

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668

SMALL-FORMAT “NEWS FLOW” MEDIATEXTS IN THE FOCUS OF LINGUISTICS: GENRE AND LANGUAGE PECULIARITIES

Elena N. Remchukova¹, Anna A. Apostolidi²

¹RUDN University

10/2, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

²MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

Abstract. Today the media sphere is one of the most active functional areas of the modern Russian language, and it demonstrates the major current trends of modern Russian speech in the most vivid way. This is what conditions the study of small-format texts of the “news flow”, which belong to the basic and most widespread media texts. These texts are characterized by a stable structure and certain genre and linguistic features, the description of which is the purpose of the study. News stories of news agencies, captions, news tickers and other text materials of T.V. news programs were chosen as sources of material.

It is small-format news media texts that represent media speech “in its pure form”. The volume of such texts varies from a single utterance to texts of an average volume, consisting of 4—6 paragraphs (up to 5000 characters). The nature of the genre determines the placement of information in these texts according to the “inverted pyramid” principle, well-known in journalistic practice, as well as the prevalence of the informative component, semantic density, syntactic minimalism in such texts.

The article considers the main common feature of small-format news media texts — linguistic asceticism, consisting in “anti-creativity”, “neutrality” of speech, absence of distinct metaphorical and evaluative linguistic means, in simple syntactic structures. The most striking linguistic features of these texts, which singles them out in a separate group, include a large number of abbreviations, borrowings, structures that indicate the source of the news information.

Small-format news media texts have significant linguodidactic potential. A stable structure and fairly rigid regulation of the language give grounds for their more active use as didactic material in the practice of teaching Russian as a foreign language (RFL) and Russian as a non-native language (RNL).

Key words: small-format mediatext, news mediatext, anti-creativity, syntactic minimalism, linguistic asceticism, linguodidactic potential

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya, T.G. (2015). Language of the Mass Media. Moscow: KDU. (In Russ.).
2. Valgina, N.S. (2003). Active Processes in the Modern Russian Language] Moscow: Logos. (In Russ.).
3. Apostolidi, A.A. (2018) Linguo-didactic Value of Authentic Small-Format Media Texts in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language In *Teaching Russian as a foreign language in the university: experience and perspectives: a collection of scientific articles.* Moscow: MGIMO-University. pp. 283—291. (In Russ.).
4. Maksimenko, O.I. (2012). Polycode vs. Creolized Text: the Problem of Terminology. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovyy-vs-kreolizovannyi-tekst-problema-terminologii> (accessed: 21.06.2018). (In Russ.).
5. Kon'kov, V.I. (2016). Media Discourse: the Content of the Concept and Principles of Analysis. *The world of Russian word*, 3, 58—63. (In Russ.).

6. Burger H. (2014). *Mediensprache: Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien*. (In Russ.).
7. Tertychnyy, A.A. (2011). *Genres of Periodicals*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
8. Smelkova, Z.S. (2007). *Rhetorical Bases of Journalism*. In *Work on Newspaper Genres*. Moscow. (In Russ.).
9. Shmeleva, T.V. (2014). Modern Media Practice from the Perspective of the Theory of Speech Genres, *Media Linguistics*, 3, 51—55. (In Russ.).
10. Duskaeva, L.R. (2005). Principles of the Typology of Newspaper Speech Genres In *The language of modern journalism*. G.Ya. Solganik. (Ed.). Moscow: Flint, Nauka. (In Russ.).
11. Duskaeva, L.R. (2014). Typology of the Speech Genres of Journalistic Discourse, *Media Linguistics*, 3, 21—24. (In Russ.).
12. Kroychik, L.E. (2000). The System of Journalistic Genres In *Basics of creative activity of a journalist*. S.G. Korkonosenko(Ed.). Saint Petersburg. (In Russ.).
13. Kormilitsyna, M.A. (2018). Trends of Changes in the Stylistic Image of Traditional Journalistic Genres in Modern Press, *Speech Genres*, 1(17), 67—72. doi: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72. (In Russ.).
14. Dobrosklonskaya, T.G. (2017). Topical Areas of News Discourse Studies In *Language in the Coordinates of Mass Media*, 6, 36—46. (In Russ.).
15. Dobrosklonskaya, T.G. (2005). Problems of Studying Media Texts (an Experience of Studying English Media Speech). Moscow: URSS Editorial. (In Russ.).
16. Negryshev, A.A. (2014). On the Genre Status of News, *Media Linguistics*, 3, 89—92. (In Russ.).
17. Negryshev, A.A. (2009). Aspects of Speech Impact in the Mass Media News]. Vladimir: VGSU. (In Russ.).
18. Viren, G.V. (2011) Principles of the Creation of News Texts in Russian News Agencies [dissertation]. Moscow. Lomonosov State University of Moscow. (In Russ.).
19. Nikonorova, O.G. (2005). Small Advertising Genres in Pragmatic, Cognitive and Orthological Aspects: Based on the example of a News Ticker [dissertation]. Omsk. (In Russ.).
20. Rezenkov, A.V. (2010). Functional and Stylistic Status of Small-format Advertising Texts [dissertation]. Saint Petersburg. (In Russ.).
21. Surikova, T.I. (2017a). NewsTicker on the TV Screen and the Culture of Media Discourse, *Mediascope*. URL: <http://www.mediascope.ru/2323> (accessed: 09.05.2018). (In Russ.).
22. Surikova, T.I. (2017b). Written Speech on the TV Screen: Semiotic and Pragmatic Aspects. *The world of Russian word*, 1, 61—67. (In Russ.).
23. Viren, G. & Frolova, T. (2015). *News Agencies: How News is Created*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
24. Vartanova, E.L., Viren, G.V. & Frolova, T.I. Typology of News Agencies, *Moscow University Journalism Bulletin*, 3, 6—30. (In Russ.).
25. Salyakhova, N.V. (2005). Role and Place of the France Press Agency in the World Information Processes [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
26. Mogilevskaya, E.V. (2008). Online News Agencies on the Internet: Peculiarities and Principles of Operation]. URL: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/informacionnye-agentstva-v-internete-osobennostii-principy-funkcionirovanija.html>. 2008. Vol. 2768274 (accessed: 12.06.2018). (In Russ.).
27. Kurilov, A.E. (2017). Structure and Mechanisms of the Functioning of the News Field (Based on the Example of the Interfax, TASS and Russia Today News Agencies) [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
28. Pogorelyy, Yu.A. (2001). News Agency: the Style of Prompt Messages. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text19/018.htm> (accessed: 29.05.2018). (In Russ.).
29. Alekseenko, D.I. (2014). Features of Professional Activities of a News Agency Journalist in Work with Economic Information [dissertation]. Chelyabinsk. (In Russ.).

30. Lashchuk, O.R. (2003). Principles and Methods of Editing the Materials of News Agencies (e.g., ITAR-TASS, RIA Novosti, Interfax) [dissertation]. Moscow. Lomonosov State University of Moscow. (In Russ.).
31. Lashchuk, O.R. (2014). Rewriting Online News Messages in Russia: 2000—2013 [dissertation]. Moscow. Lomonosov State University of Moscow. (In Russ.).
32. Harcup, T. & O'Neill, D. (2017). What is news? News values revisited (again), *Journalism studies*, 12, 1470—1488.
33. Bednarek, M. & Caple, H. (2017). The Discourse of News Values: How News Organizations Create 'newsworthiness'. Oxford: Oxford University Press.
34. Kubryakova, E.S. (2001). On the text the Criteria for its Definition In *Structure and semantics*. Vol. 1. Moscow. pp. 72—81. (In Russ.).
35. Remchukova, E. & Evstratova, S. (2014). Foregrounding of the National and Cultural Components in Russian-language Press in Estonia]. *Acta Slavica Estonica V. Anthropocentrism in language and speech*. Tartu: Tartu State University. pp. 182—192. (In Russ.).
36. Pogorelyy, Yu.A. (2013). Technology of Interfax News. Moscow: Aspect-press. (In Russ.).
37. Maksimenko, O.I. (2017). New Abbreviation Trends (Based on Russian, English and German). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(1), 74—181. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-174-181. (In Russ.).

Для цитирования:

Ремчукова Е.Н., Апостолиди А.А. Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 651—668. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668.

For citation:

Remchukova E.N. & Apostolidi A.A. (2018). Small-format "News flow" mediatexts in the focus of linguistics: genre and language peculiarities. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 651—668. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668.

Сведения об авторах:

Ремчукова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского и общего языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), e-mail: remchukova@pochta.ru

Апостолиди Анна Андреевна, старший преподаватель кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), e-mail: a.apostolidi@inno.mgimo.ru

Information about the authors:

Elena N. Remchukova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics at RUDN University, e-mail: remchukova@pochta.ru

Anna A. Apostolidi, Senior lecturer of Department of Russian Language at Moscow State Institute of International Relations (University) (MGIMO University), e-mail: a.apostolidi@inno.mgimo.ru

УДК: 81'27(510)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-669-684

КАТЕГОРИЗАЦИЯ НОМИНАЦИЙ ЯЗЫКОВ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

С.А. Москвичева, Ли Сюэ

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация, 117198

В настоящей статье предложены принципы построения таксономий языков в зависимости от социальной и политической категоризации языкового пространства. Предлагается разграничивать понятия категоризации и классификации/типологии/таксономии языков. Категоризация понимается как форма познания, связывает субъект и объект познания, следовательно, ее продуктами являются репрезентации различного уровня абстракции в индивидуальном или коллективном сознании.

Материал и методы. Таксономии и классификации, как методы познания, относятся к эпистемологии и представляют собой принципы упорядочения результатов категоризации. Поскольку социополитическая категоризация языкового пространства имеет принципиально дискурсивную природу и, следовательно, представляет точки зрения различных субъектов познания, едва ли возможно квалифицировать номинативный аппарат в данной области как терминологический в строгом смысле.

Результаты. Мы имеем дело со множественной номинацией, восходящей к различным эпохам, идеологиям и прагматическим целям различных субъектов глоттополитики, что приводит к широкой контекстуальной синонимии и антонимии номинаций в данной области. Дискурсивная природа данных номинаций также приводит к принципиальному различию смыслового пространства формально схожих номинаций в разных культурно-политических регионах, что затрудняет адекватный перевод и требует тщательных семантических исследований.

Заключение. Таксономия номинаций социополитической категоризации языков строится по модели поля, где в центре располагаются прототипические номинации, задающие основные векторы структурных отношений внутри данной модели.

Ключевые слова: категоризация, таксономия, языковая ситуация, языковая политика, социополитические категории языков, русский язык, китайский язык

ВВЕДЕНИЕ

Научная реальность сегодняшнего для такова, что концептуальный аппарат социолингвистики в мировой науке вообще и российской науке в частности, в том числе в области социальной и политической категоризации и репрезентации языков, представляет собой весьма эклектичный набор номинаций с широкой синонимией и полисемией, а также с неустоявшимися дефинициями терминов.

Такое положение дел обусловлено целым рядом факторов как онтологического, так и эпистемологического характера, среди которых можно выделить как объективные, так и субъективные причины неустойчивости и неоднозначности социополитических номинаций языков. К объективной причинам можно отнести смены исторических и идеологических формаций в исследуемых геополитических

регионах, а также смены научных парадигм, которые приводят к рекатегоризации научных знаний на иных эпистемологических принципах.

Любые вопросы, связанные с языковой политикой, статусом и функционированием языков, являются чрезвычайно важными, а часто и весьма болезненными для общества. В устоявшихся социально-политических образованиях это касается, в первую очередь, меньшинств или носителей миноритарных языков. В эпоху же создания или коренной трансформации национальных государств затронуты в равной степени могут оказаться все группы населения, в том числе и носители мажоритарных языков. Известно, что поиски национальной и этнической идентичности часто фокусируются на языковых проблемах, при которых диада язык — народ/нация рассматривается как неразрывное целое. Со времен французской революции, закрепившей принцип «Одно государство — одна нация — один язык», основанный на идеях Ж.-Ж. Руссо и Е. Сиейнса, понимание языка как одной из ведущих сил политических процессов, направленных на достижение независимости и государственное строительство, остается неизменным. Не случайно в 20-е годы XX века языковая политика и связанное с ней языковое строительство были одним из приоритетов культурной революции, наряду с индустриализацией и построением государства социалистического типа в СССР. Также не случайно и то, что 1974 году в Китае периода Культурной революции один из лозунгов звучал как «Конфуций — великий предводитель врагов и реформы письменности». Реформа письменности и распространение путунхуа представлялось наиважнейшей задачей, стоящей в одном ряду с ключевыми целями культурной революции: борьбой с традиционными ценностями и укладом (конфуцианство) и политическими противниками и оппонентами (Линь Бяо) [1. С. 226—227].

Таким образом, исторические и культурные традиции, идеологические и ценностные установки, политика и социальные отношения, — все это составляет основу категоризации языков в социальном и политическом аспекте, чутко реагирующей на идеологический фон. Результатом смены идеологической формации становится перестройка семантической структуры слова, наполнение ее другими смыслами. Также перестраивается и структура всего поля номинаций.

ПОНИМАНИЕ НОМИНАЦИИ 'СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ'

Языковое пространство безусловно подвергается категоризации с точки зрения экстралингвистических факторов. Среди них отдельно можно говорить об этническом измерении языка, но этнос и его язык давно и прочно воспринимаются как некое единство, что приводит к совпадению их номинаций. Мы не будем останавливаться на этом вопросе.

Политическое измерение как таковое с полным основанием можно считать частью социальных отношений. Однако прочные и старые традиции двух отдельных наук — социологии и политологии — позволяют разграничить зоны социального и политического ракурса категоризации, что и легло в основу номинации *социополитическая категоризация языков*.

И социальная и политическая категоризация языкового пространства имеют преимущественно дискурсивную природу, что приводит к необходимости изучения данного вопроса на основе широкого исторического, культурного, политического и социального обобщения. Данная категоризация организована по принципу поля, в центре которого располагаются категории, имеющие официальный статус, следовательно, являющиеся продуктом языковой политики и отражающие точку зрения господствующего дискурса (дискурса власти). Поэтому нам представляется правильным определять данные категории именно как социополитические, а не просто социальные или социолингвистические. Важно также отметить, что за номинациями языков такого типа иногда нет никакой более менее определенной онтологической реальности. Они не отражают, а задают параметры действительности.

Близкими к данной типологии являются социолингвистическая и функциональная типология языков, чьи основания частично пересекаются, но не совпадают с исследуемой. Принципы их построения и их результаты мы используем в нашей работе.

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРИЧИНЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Ранее мы уже обращались к вопросу о причинах терминологической множественности в области социолингвистической терминологии [2]. Здесь кратко повторим основные тезисы предыдущих работ.

Термин как единица изучения в рамках дисциплинарного поля лингвистики может рассматриваться как минимум на двух уровнях анализа: онтологическом и логическом. С онтологическим уровнем связано понятие объекта исследования. В традициях советской и российской науки объект и предмет разграничивались строго и последовательно, что приводило к принципу единственности объекта изучения и сущностному подходу к его трактовке.

Иными словами, объектом исследования всегда остается определенная онтологическая сущность, и именно в этом смысле он единственен. В нашем случае это языковые ситуации в русскоязычном и синоязычном пространствах. В то же время предметов исследования в заданном объекте может быть множество. Отсюда вытекает возможность изучения объекта исследования с разных точек зрения, применение к нему разных научных парадигм и методов разных наук, что естественным образом порождает множественность номинаций одной и той же онтологической реалии и, как следствие, множественность терминологий, каждая из которых в идеале является системой знаний, сконструированной исходя из определенной точки зрения. Предметом исследования является категоризация данных пространств в социальном и политическом измерениях с точки зрения таких факторов, как институциональный и репрезентативный статус языка, демографический и коммуникативный потенциал языка, сферы распространения, функции, социальный образ языка и т.д. с последующим построением таксономии. Поскольку категоризация как таковая расположена на оси отношений субъект —

объект и субъективна по природе, то категоризаций как результатов процесса может быть неограниченное множество.

С параметрами субъективности связан тот факт, что данные категоризации происходят практически исключительно в дискурсивном пространстве, структура и смыслы которого выводятся не из онтологической природы объекта, где знания сопряжены и отражают действительности, а из репрезентаций и ментальных конструктов. В процедурах семантического анализа номинаций социополитических категорий языков лингвистика опирается не на онтологическую природу объекта, а на дискурсы различного типа и конструируют смыслы, порожденные именно в их рамках. Следовательно, мы имеем дело не с терминологией, а с номенклатурой [3].

Онтологическая парадигма знания предполагает познаваемость объекта, и как следствие, поиск его сущности, а поскольку сущность единственна, то единственной должна быть и терминология, результирующая эти поиски. Таким образом, можно утверждать принципиальную единственность терминологии при множественности номенклатур, связанных не с объектом, а с предметом исследования [3]. На позициях объективизма последовательно строится терминологическая концепция Г.П. Мельникова. Идеальная терминосистема отражает сущностные свойства объекта, а «не проекции (...) сущностей в аспекте той или иной прагматической задачи» [3. С. 43]. В нашем случае мы имеем дело с последними.

Эпистемологические подходы ни советской, ни российской социолингвистики никогда не соответствовали и не могли соответствовать онтологической парадигме. Советская социолингвистика, заявляя о своей приверженности к диалектическому материализму, не в меньшей, если не большей мере, чем постсоветская наука, занималась социальным конструированием. Этот конструктивистский по своей природе социальный эксперимент в области языковой политики нашел выражение в целом ряде номинаций языков, которые используются до сих пор, однако совершенно в ином смысловом поле. Все вышесказанное относится и к социополитической категоризации языкового пространства КНР. Сопоставить эти регионы тем более интересно, что оба прошли через революции и глубокие культурные и социальные трансформации в XX веке, оба выбрали коммунистическую доктрину как ориентир своего развития.

В 50-е годы XX века КНР находилась под сильным идеологическим влиянием СССР, однако это не привело ни к идентичности языковой политики в двух странах, ни к идентичности социополитических номенклатур языков. Более того, глубинная идеология и представления об основных задачах языкового строительства в КНР и СССР были весьма различны, при определенном сходстве номинаций языков.

Российскую гуманитарную науку последних десятилетий в целом характеризует повышенный интерес к идеям конструктивизма и постконструктивизма и полное или частичное отрицание эссенциалистских парадигм. Произошло движение в сторону отказа от поиска «объективных истин» об исследуемом предмете, к поиску значимых отношений, проявляющихся в дискурсах различного типа и требующее применения процедуры интерпретации полученных данных.

Все это, наряду с разочарованием в принципиальной возможности объективного познания мира, при котором наука есть зеркало природы, привело к приоритету парадигм социального конструирования реальности, предполагающих множественность равноправных, но несхожих интерпретаций полученных смыслов и их структур, а также к доминированию постмодернистской парадигмы знания о социальных объектах, к которым отнесен и язык в своих социальных функциях. Множественность интерпретаций закономерно приводит к множественности номинаций, отражающих эти поиски. Каждая из таких аспектуальных терминологий способна адекватно отражать стоящие за ней конструкты и смыслы, но нужно помнить о недопустимости их смешения.

В качестве примера ограничимся двумя номинациями: *миноритарный язык* и *региональный язык*. Следует ли понимать под *миноритарным языком* язык, число носителей которого меньше, чем носителей другого языка на территории данного государства, или это функционально более слабый язык, или же язык с более низким статусом, чем государственный? При наличии института наций на территории государства можно ли считать титульный язык нации миноритарным на том основании, что в рамках государства в целом число его носителей безусловно меньше, чем у мажоритарного языка? Являются ли синонимами *миноритарный* и *малый языки*?

Номинация *региональный язык* также порождает ряд вопросов: идет ли речь о территориальном варианте какого-либо языка, то есть о диалекте, или же региональный язык — это структурно и функционально иной идиом, обслуживающий определенное коммуникативное пространство в рамках государственного образования (тогда он войдет в оппозицию *мажоритарный язык* — *миноритарный язык*).

Аспектуальная природа социополитических номинаций языков может быть раскрыта только в терминах дискурса и дискурсивных практик.

ДИСКУРСИВНАЯ ПРИРОДА НОМИНАЦИЙ

Рассматриваемая нами терминология не просто связана с различными дискурсивными практиками, а производна от них, поэтому формально схожие номинации языков (например, *национальный*, *родной* или *региональный язык*) имеют разную смысловую структуру, разную ценность, и, как следствие, занимают разное место в общей структуре номинаций Российской Федерации, Французской Республики или Китайской Народной Республики, при том, что они присутствуют и значимы во всех этих регионах.

Дискурс — одно из модных понятий лингвистики последних лет, но частое употребление данного научного конструкта в самых разных контекстах привело к размыванию его смысла и неустойчивости значения. Дело здесь, конечно, не только в небрежном, нетерминологическом употреблении слова, но и в том, что понятием «дискурс» пользуются самые разные сферы гуманитарного знания, решая свои специфические задачи и адаптируя термин под свои нужды. Анализ

этого понятия в рамках лингвистических концепций дан в работах Е.А. Красиной [4; 5]. Уточняя понятия *дискурс*, *высказывание* и *речевой акт*, автор определяет дискурс как «поле, в котором наряду с другими объектами существуют речевые акты и высказывания, и одновременно дискурс конституируется как сложная система знаний, которые могут быть представлены посредством высказываний и речевых актов» [5. С. 99]. Цели и задачи нашего исследования не предполагают углубления в лингвистическую проблематику и природу дискурса. Дискурс для нас — это сплав языка и действительности, некое смысловое поле, в котором формируются актуальные значения. Важными для нас оказываются идеи М. Фуко о дискурсе как установлении границы того, что подлежит означиванию, как конденсированном выражении господствующих социальных ценностей и социальных практик [6]. В понимании дискурса мы исходим из установок социального конструктивизма:

— знания и представления о мире являются результатом способов ее категоризации, а не прямым отражением реальности;

— знания и представления о мире имеют историческую и культурную обусловленность;

— способы понимания мира созданы и поддерживаются социальными практиками и процессами;

— существующие структуры знаний и истин имеют социальные последствия. Подробнее на эту тему см. [7. С. 24—25].

Каждое отдельное поле социополитической категоризации языков есть пересечение множества дискурсов, существовавших или существующих в данном коммуникативном пространстве. Поэтому означающее практически любой исследованной номинации представляет собой мерцающую структуру, разные грани которой отсылают к смыслам разных эпох, акторов, ситуаций и требуют определенных процедур вскрытия неявных смыслов той или иной номинации. Актуальным, как правило, становится только один из них, наиболее соответствующий моменту времени и господствующей точке зрения. В этом смысле продуктивны идеи М. Фуко о знании как археологии [6], что требует применения определенных процедур для понимания заложенных в нем смыслов.

В связи с этим также интересно было обратиться к циклу работ 30-х годов М.М. Бахтина, особенно к «Слову в романе» [8], и статье П.М. Бицилли «Проблема русско-украинских отношений в свете истории» [9].

В диахроническом и динамическом аспекте номинации миноритарных языков отнюдь не универсальны и не нейтральны, их структуры весьма различны в рассматриваемых регионах. За каждой из них стоит целый комплекс последовательно сменявшихся эпистемологических установок, идеологий разных эпох, интенций разных субъектов языковой политики и глоттополитики. Достаточно сказать, что Россия и Китай, кардинально или очень существенно сменив социальные и идеологические векторы развития, в целом сохранили формальную структуру терминологии в области категоризации миноритарных языков, но остались теми же или

изменились смыслы, стоящие за оболочками слов? При этом, подчеркнем еще раз, что категоризация языков находится в эпицентре языковых и национальных проблем и является вещью, очень и очень чувствительной для общества.

Любая номинация в интересующей нас области принципиально не может являться строгой логической проекцией вещи на язык. Это, как было сказано выше, единица определенного дискурса, определенной точки зрения. При этом нужно помнить, что меняются не только дискурсы, господствующие в общественной жизни, но и сами эпистемологические установки, с которыми коррелируют дискурсивные практики, в том числе и научные. Стоит напомнить, что за последние сто лет разные эпистемологические установки давали разный ответ на природу коннотативного компонента и значения в целом: марксизм искал их в социально-экономических отношениях, фрейдизм — в либидо и влечениях индивида, постструктурализм — в предшествующих текстах, культурных языках, смыслы которых бессознательно впитаны современной культурой, то есть в семиотике.

Наслоение смыслов номинаций различных эпох и идеологических формаций приводит к контекстуальной синонимии и полисемии номинаций.

Приведем еще один пример, который касается довольно сложных и интересных отношений между номинациями *гуаньхуа* — *мандаринский* — *гоюй* — *путунхуа* — *ханьюй* — *чжунгохуа*. Начиная с XIV века, с эпохи династии Мин (1368—1644), на территории Китая формируется более менее общий устный вариант языка, который получил название *гуаньхуа*, то есть речь чиновников. В российской науке для этого идиома традиционно использовалась номинация *гуаньхуа*, в традициях же западной науки он чаще назывался *мандаринский*, от португальского глагола *mandar* — приказывать. Само по себе то, что одна и та же реальность получила разные номинации, восходящие к разным научным традициям, представляет определенный интерес, тем более что сейчас и в российских изданиях часто можно встретить номинацию *мандаринский*.

Объяснение данному терминологическому заимствованию дано в работах О.И. Завьяловой: «Терминологическое выделение „мандаринского китайского“ в западной синологической традиции было обусловлено тем, что европейские миссионеры активно работали не только на севере, но и прежде всего на юге Китая. (...) Риччи и другие миссионеры, в частности Альваро Семедо (1585—1658), приехавшие в Нанкин в 1616 г., знали о существовании как далеко отстоящих от пекинского южных диалектах китайского языка, так и о его особой северной форме — мандаринской, или гуаньхуа. Отсюда и необходимость уже в ранней западной синологии терминологически выделять особый «мандаринский» вариант китайского языка, отличающийся от южных диалектов, которые активно изучали западные миссионеры» [10. С. 38].

Гуаньхуа послужил основой для формирования современной стандартной кодифицированной формы китайского языка, получившей название *гоюй*. Подчеркнем, что гоюй был сформирован не только на базе устной формы — гуаньхуа, преимущественно основанной на северных диалектах, но и письменной в большей степени общекитайской формы байхуа. После революции 1949 года номинация гоюй была признана неподходящей по ряду идеологических и политических причин. Гюй был переименован в путунхуа.

Путунхуа — это стандартная форма китайского языка или языка этноса хань: *ханьюй*. Ханьюй включает в себя путунхуа как наддиалектную форму и ряд диалектов, среди которых группа северных диалектов получила название гуаньхуа.

Таким образом, гуаньхуа — это база для языкового стандарта и стандартный язык прошлого и группа современных диалектов. Ханьюй может выступать синонимом путунхуа, но может быть и противопоставлен ему как общее название для стандартизованных и нестандартизованных форм. При встрече китайцы могут спросить друг у друга, говорит ли человек на ханьюй, то есть на китайском языке вообще, или, например, он владеет только языком меньшинств, но могут уточнить, говорит ли он на путунхуа. Иногда путунхуа и ханьюй употребляются безразлично.

В этом ряду есть еще одна номинация — *чжунгохуа*, дословно она означает ‘язык жителей срединного государства’. В самом широком смысле сейчас она употребляется как китайский язык в двух значениях: язык(и) Китая / язык китайской нации (нация как все гражданское сообщество), но может означать и собственно ханьский язык. В этом смысле в разных коммуникативных актах *чжунгохуа* может быть равен *путунхуа*, а может быть гиперонимом по отношению к нему. Может быть синонимом *ханьюй*, а может означать нечто иное, например любой автохтонный язык Китая.

Перейдем к основным принципам категоризации языкового пространства по социальным и политическим параметрам, а также рассмотрению возможных таксономий номинаций в данной области.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Прежде всего, кратко обратимся к трем понятиям — категоризация, классификация и типология — уточнение которых важно для нашей работы. Категории и категоризация, в данном случае безразлично понимаем ли мы их в кантовском духе или в традициях логического позитивизма, — это, в первую очередь, самые общие и глубинные *формы* восприятия и организации феноменов мира, и как таковые относятся в большей степени к гносеологии. Иными словами, они ориентированы на описание отношений между познающим субъектом и объектом познания. Философский энциклопедический словарь дает следующее их определение. Категории — это «общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Будучи формами и организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания» [11. С. 254].

Классификации и типологии — это *методы* научного познания и как таковые входят в эпистемологию и описывают отношения между объектом познания и формами знания как такового. Таким образом, категории и категоризация — явления принципиально иного порядка, чем таксономии, типологии и классификации. В нашем случае категоризация связана и в значительной степени производна от социальных, политических и, что особенно важно, психологических параметров общественного сознания и тесно связана с дискурсивными формаци-

ями, в которых находит и свое отражение и которые формирует, что будет учтено при дальнейшем изложении материала.

Для определения и разведения терминов «классификация», «типология» и «таксономия» обратимся к работе Г.П. Мельникова [12].

Опираясь на анализ многочисленных работ по предмету, Г.П. Мельников предлагает следующее понимание данных номинаций: «Можно обнаружить, хотя не всегда явно оговариваемую, но определенную субординацию (...) между «типологией» и «классификацией»: «классификация» ассоциирована обычно с понятием родового уровня, тогда как «типология» — это одна из разновидностей классификации, понятие видового уровня» [12]. В нашем случае речь идет о классификации языков по социально-политическим параметрам, то есть мы имеем дело с определенной классификацией языков, наряду с такими классификациями, как генеалогическая, типологическая или ареальная. Внутри данной классификации выделяются различные типы языков, например, социолингвистическая или социополитическая типология миноритарных языков или же типы языков в зависимости от институциональных параметров.

ТАКСОНОМИЯ И ТЕОРИЯ ПРОТОТИПОВ Э. РОШ

Сложнее определить место терминов «таксономия» и «таксон», поскольку «нередко они употребляются как дублиеты терминов „классификация“ и „класс“» [12. С. 30].

Термин «таксон» был введен в науку в 1813 году ботаником О. Декандром «для подчеркивания того аспекта, что эталоны классов, то есть типы, и результаты классификации, т.е. классы, как целостные единицы соотносятся между собой определенным образом, создают специфические, обычно так или иначе иерархизированные, схемы взаимодействия, т.е. представляют собой уникальные значимости в *сети* этих отношений. Следовательно, таксон — это рассматриваемый в значимостном, структурном аспекте тип, представленный соответствующим классом объектов» [12. С. 30].

Однако в силу того, что в современной лингвистике термин «таксономия» редко употребляется в таком конкретном значении и уже сложились определенные традиции его употребления во многом как синонима «классификации», мы будем понимать под таксономией классификацию, проведенную на основе иерархического представления входящих в нее объектов. Лингвистический энциклопедический словарь определяет таксономию как «совокупность принципов и правил классификации лингвистических объектов (языков и языковых единиц), а также сама эта классификация» [13. С. 504]. По характеру таксономической процедуры ЛЭС предлагает различать качественную и количественную таксономию. Качественная таксономия (группы объектов по наличию/отсутствию у них таксономических признаков) «дает четко разграниченные таксоны-классы. Количественная таксономия может содержать как классы, так и поля, т.е. таксоны, не имеющие четких границ и диффузно смыкающиеся с другими таксонами» [13. С. 504].

В нашем материале представлены обе группировки таксонов. Однако общая таксономия должна строиться, как представляется, по принципу поля.

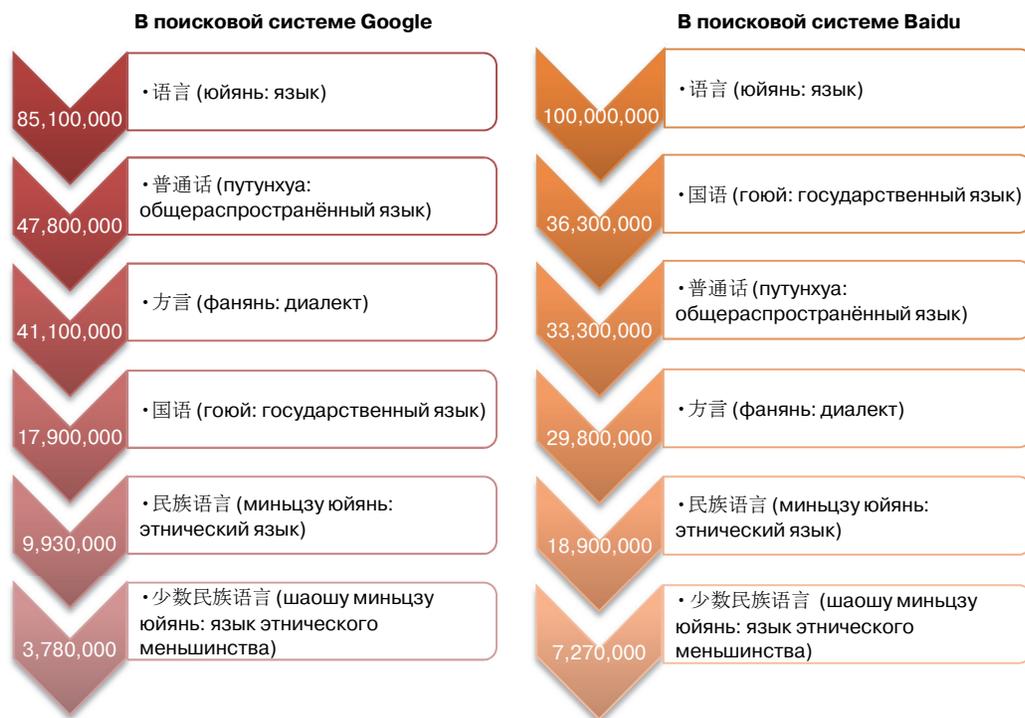
Исследование номинаций проводилось с применением, в числе прочих, методов семантического анализа, среди которых важное место принадлежит теории поля Й. Трир [14. С. 19—27] и теории прототипов Э. Рош [15]. Работы Э. Рош в области семантики показали существование у естественных категорий ряда свойств, определяемых не жестко заданными параметрами и связанными с ними дифференциальными семами, а на более гибких основаниях сходства/различия с прототипическим представителем категории, имеющим психический природу, что приводит к отказу от строгих определений и классификаций в соответствии с определенным, заранее заданным набором сем. Вместо этого предлагается построение своеобразных семантических группировок с центром и периферией, где центральные единицы будут наиболее типичными представителями класса, то есть прототипами. Прототипы данного семантического подхода в общем и целом соответствуют пониманию таксона. Для анализа нашего материала, представляющего социополитические номинации языков в русском и китайском языках, понятие «прототипа» весьма продуктивно, поскольку дискурсы власти формирует наиболее значимые для себя теоретические конструкты — номинации социополитических категорий языков, вокруг которых выстраиваются все остальные.

Прототипическими наименованиями для русского языка в исследуемых нами языковых пространствах будут *государственный*, *национальный* и *родной язык*. Для синоязычного пространства мы предлагаем считать таковыми *путунхуа/го юй* (общий язык, государственный язык), *фаньянь* (диалект) и *миньцзу юйянь* (этнический язык). Однако следует отметить, что категории данного типа очень подвижны и зависят от исторического момента и политической конъюнктуры, поэтому в каждый исследуемый период прототипические категории будут представлены разными номинациями.

ПРИМЕР АНАЛИЗА СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ КНР

Формат статьи не позволяет привести полный анализ номинаций языков и построенную на его основании таксономию. Мы покажем основные принципы и методологию анализа на примере ряда номинаций КНР.

Прежде всего из различных текстов юридического характера и научных изданий, преимущественно в области социолингвистики, были отобраны номинации, обозначающие социополитические категории языков, которые вместе с текстовыми дефинициями составили корпус исследования. Далее, в целях уточнения значимости выбранных номинаций и решения вопроса о прототипических номинациях в КНР были использованы поисковые системы Google и Baidu. Полученные данные позволили установить количество запросов и текстов, относящихся на соответствующие понятия. В следующей схеме по убыванию представлены номинации языков и количество их упоминаний (рис. 1).

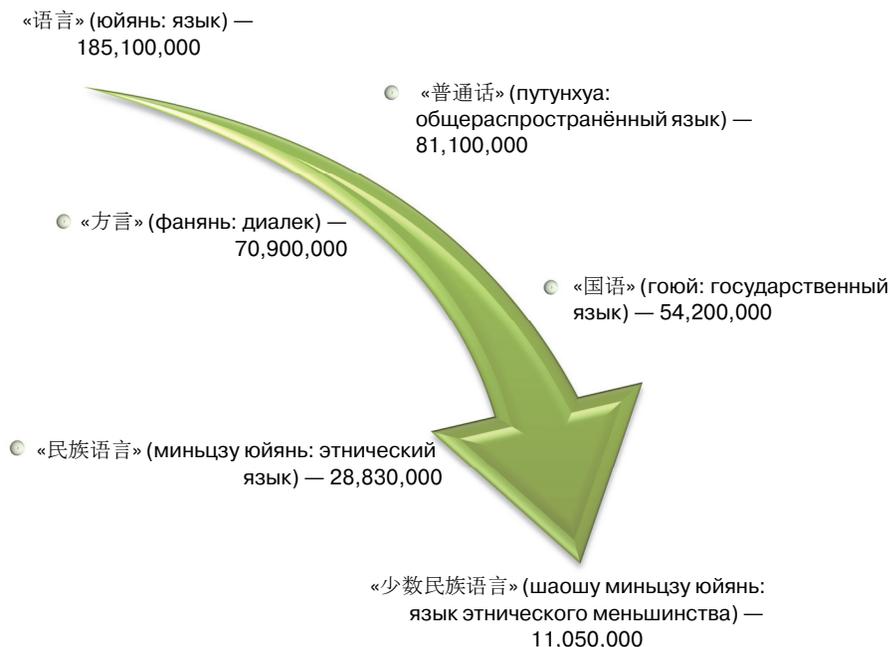

Рис. 1. Частотность социополитических номинаций в КНР по данным поисковых систем Google и Baidu

Очевидно, что в обеих поисковых системах наибольшее количество текстов приходится на понятие «语言» (юйянь: язык), и завершает их «少数民族语言» (шаошу миньцзу юйянь: язык этнического меньшинства). Различна в двух системах частотность номинации «国» (гоюй: государственный язык): в текстовой базе данных Google «国语» (гоюй: государственный язык) упоминается 17 900 000 раз, занимает четвертое место; а в текстовой базе данных Baidu «国语» (гоюй: государственный язык) упоминается 36 300 000 раз, догоняет и перегоняет «普通» (путунхуа: общераспространенный язык).

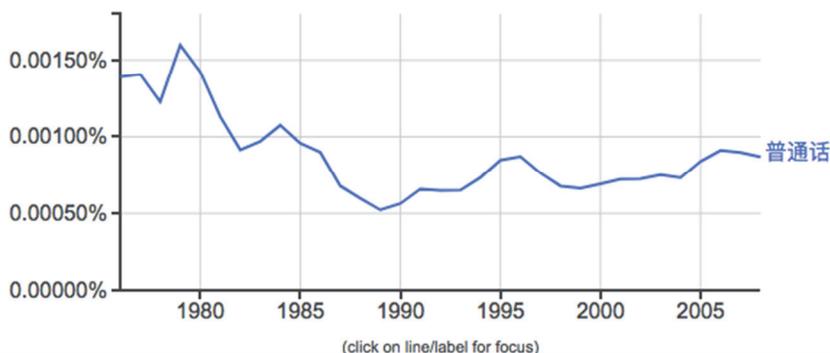
Дело в том, что Baidu используется не только на материковом Китае, но и на всем синоязычном пространстве, включая Тайвань и многочисленные китайские диаспоры. Именно этот факт обуславливает высокую частотность гоюй. *Путунхуа* является официальным названием стандартного языка в КНР, на Тайване и ряде других регионах по-прежнему используется *гоюй* [10; 16; 17]. В остальном результаты двух поисковых систем оказываются схожими: на третьем месте оказывается *диалект*, далее следует *этнический язык* и *язык этнического меньшинства*.

Обобщенные данные можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

Рис. 2. Обобщенные данные по частотности прототипических номинаций КНР

Далее при помощи системы Ngramm Viewer были получены данные о динамике изменения частотности выбранных номинации в период с конца Культурной революции (1976) по настоящее время (см. рис. 3—5). Данная процедура позволяет более точно расставить приоритеты и увидеть изменения в структуре поля номинаций и дает интересную информацию к размышлению.

Рис. 3. 普通话 (пу тун хуа: общераспространенный язык)

Частотность употребления номинации «普通话» (общераспространенный язык) после Культурной революции и до 90-х гг. имела тенденцию к понижению: пик ее употребления приходится на 1979 г. (0.00160%), а долина — на 1989 г. (0.00052%). С 90-х гг. изменение частотности употребления номинации относи-

тельно стабилизируется. Данные графика коррелируют с приоритетами языковой политики КНР и господствующими дискурсивными практиками: в эпоху Культурной революции основной задачей языкового планирования было повсеместное и всемерное внедрение путунхуа. В настоящее время это остается также приоритетной задачей, однако при уважительном отношении к языковому наследию страны и пониманию необходимости его сохранения. В первую очередь это относится к диалектам хань и к этническим языкам.

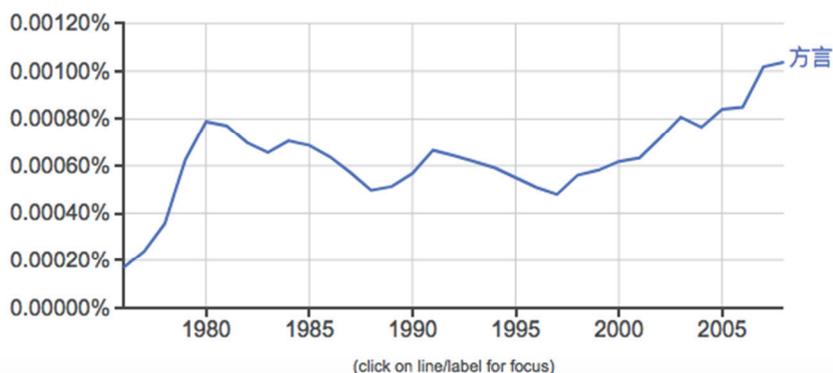

Рис. 4. 方言 (фанянь: диалект)

Согласно графику частотность употребления номинации «方言» (диалект) после Культурной революции имеет тенденции к росту. Первое резкий скачок происходит в 1976 г. и в 1980 г. достигает пика (0.00079%); затем частотность употребления немного снижается и стабилизируется. Второй рост приходится на период с 1997 года, когда частотность употребления данной номинации постоянно увеличивается. Оба периода соответствуют повышенному интересу со стороны общества к судьбам диалектов, прежде всего речь идет о диалектах хань.

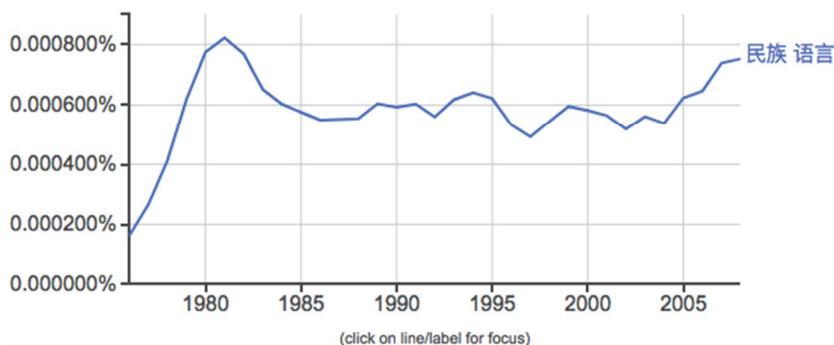

Рис. 5. Этнический язык

Стремительный рост частотности употребления номинации «民族语言» (этнический язык) также происходит после Культурной революции, в 1981 г. рост доходит до пика (0.00082%). Затем частотность употребления несколько снижается

и стабилизируется. С 2004 г. начинается новый рост использования номинации, что связано с обострением положения в национальных автономиях и повышением интереса к автохтонным языкам и культурам в КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье были предложены методологические основания для построения таксономий языков исходя из их социальных и политических аспектов. Таксономии данного типа должны строиться с учетом иерархических отношений между единицами и быть организованы по модели поля, в центре которого располагаются прототипические номинации языков. Поскольку данные номинации имеют преимущественно дискурсивную природу, их набор является уникальным для каждого региона. Он обусловлен историческими, идеологическими, политическими и социокультурными факторами. В качестве методов выборки номинаций и определения их места в структуре было предложено использовать такие инструменты статистического анализа, как поисковые системы Google и Baidu, а также Ngramm Viewer. Полученные данные подвергались интерпретации и анализу с привлечением широкого круга исторических, культурных и иных данных.

Как представляется, номинации языков не представляют собой термино-систему в строгом понимании, а являются совокупностями номенклатур, построенных по различным основаниям, как правило, в соответствии с прагматическими задачами того или иного исторического момента.

© Москвичева С.А., Ли Сюэ
Дата поступления: 10.05.2018
Дата приема в печать: 20.05.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Calvet J.-C.* La guerre des langues: et les politiques linguistiques. Paris, Payot, 1987.
2. *Viaut A. et Moskvitcheva S.* (dirs.). Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014.
3. *Мельников Г.П.* Основы терминоведения: Учебное пособие. М.: Издательство УДН, 1991.
4. *Красина Е.А.* К интерпретации понятия дискурс // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2004. no 6. С. 5—8.
5. *Красина Е.А.* Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Том 20. no 4. С. 91—102.
6. *Foucault M.* Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines. Paris: Gallimard, 1966.
7. *Филипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс Анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
8. *Бахтин М.М.* Слово в романе // Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930—1961). М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 73—223.
9. *Бицилли П.М.* Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Издательское общество Единство, 1930.
10. *Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. М.: Из-во Вост. Лит, 2010.
11. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1989.
12. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003.

13. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
14. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: URSS, 2008.
15. Mervis C.B., Rosch E. Categorization of natural objects // *Annual Review of Psychology*. 1981. Vol. 32. 89—115.
16. Москвичева С.А. Терминология в области социолингвистических категоризаций языков: поиск идеала или точки зрения? // *Вестник РГГУ. Психология. Педагогика. Образование*. 2017. no 4. С. 45—62.

УДК: 81'27(510)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-669-684

CATEGORIZATION OF LANGUAGE NOMINATIONS IN THE SOCIOLINGUISTIC SPACE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue

RUDN University

117198 Moscow, str. Miklukho-Maklay, 6, Russian Federation

Abstract. In this article, the principles of language taxonomies construction depending on the social and political categorization of language space are introduced. It is proposed to strictly differentiate the concepts of language categorization and classification/typology/taxonomy. Categorization is understood as a form of cognition, it connects the subject and the object of cognition, therefore its products are representations of different levels of abstraction in the individual or collective consciousness. Taxonomies and classifications, as methods of cognition, refer to epistemology and represent principles of regulation by the result of categorization. Since the socio-political categorization of language space is fundamentally discursive in nature, therefore, it represents the points of view of various subjects of cognition, it is unlikely to talk about the existence of terminology in this field in the strict sense. We are dealing with multiple nominations stemming from different periods, ideologies and the pragmatic goals of various actors of glottopolitics, which leads to broad contextual synonymy and antonymy of nominations in this area. The discursive nature of these nominations results in a fundamental difference in the semantic field of formally similar nominations in different cultural and political regions, which complicates adequate translation and requires careful semantic research.

Keywords: categorization, taxonomy, language situation, language policy, sociopolitical categories of languages, Russian language, Chinese language

REFERENCES

1. Calvet, J-C. (1987). *La guerre des langues et les politiques linguistiques*. Paris: Payot.
2. Viaut, A. & Moskvitcheva, S. (dirs.) (2014). *Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique*. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine.
3. Melnikov, G.P. (1991). *Fundamentals of Terminology: Textbook*. Moscow: Publishing House of the UDN. (In Russ.).
4. Krasina, E.A. (2004). Towards interpretation of discourse as concept. *Russian Journal of Linguistics*, 6, 5—8. (In Russ.).
5. Krasina, E.A. (2016). Discourse, Statement And Speech Act. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 91—102. (In Russ.).
6. Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard.

7. Phillips, L. & Jorgensen, M. (2008). Discours Analyse as Theory and Method. Khrkov: Gumanitarny tsentr. (In Russ.).
8. Bahtin, M.M. (2012). Word in the novel. In *Collected Works, Vol. 3: Theory of the Novel (1930—1961)*. Moscow: Âzyki slavânskikh kul'tur. pp. 73—223. (In Russ.).
9. Bicilli, P.M. (1930). The problem of Russian-Ukrainian relations in the light of history. Praga: Izdatel'skoe obšestvo Edinstvo. (In Russ.).
10. Zavyalova, O.I. (2010). The big world of the Chinese language. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
11. Philosophical Encyclopedic Dictionary. (1989). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
12. Melnikov, G.P. (2003). System typology of languages: principles, methods, models. Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Linguistic encyclopedic dictionary. (1990). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
14. Shchur, G.S. (2008). Field theories in linguistics. Moscow: URSS. (In Russ.).
15. Mervis, C.B. & Rosch, E. (1981). Categorization of natural objects. *Annual Review of Psychology*, 32, 89—115.
16. Moskvitcheva, S.A. (2017). Terminology in the field of sociolinguistic categorization of languages: the search for an ideal or point of view? *Vestnik RGGU. Psychology. Pedagogic. Education*, 4, 45—62. (In Russ.).

Для цитирования:

Москвичева С.А., Ли Сюэ. Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве Китайской Народной Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 669—684. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-669-684.

For citation:

Moskvitcheva, S.A. & Li, Xue (2018). Categorization of language nominations in the sociolinguistic space of the People's Republic of China. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 669—684. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-669-684.

Сведения об авторах:

Москвичева Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: социолингвистика, типология миноритарных языков, репрезентация языка, семантика, теория языка; *e-mail*: moskvitcheva@mail.ru

Ли Сюэ, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: терминология, терминоведение, систематика, лексикология, семантика, типология миноритарных языков; *e-mail*: evelynlee@mail.ru

Information about the authors:

Svetlana A. Moskvitcheva, PhD, Associated Professor, Associated Professor of the of General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty at Russian Peoples Friendship University (RUDN University); *scientific interests*: sociolinguistics, typology of minority languages, language representation, semantics, language theory; *e-mail*: moskvitcheva@mail.ru

Li Xue, graduate student of the General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty at the Russian University of Peoples Friendship; *scientific interests*: terminology, taxonomy, lexicology, semantics, typology of minority languages; *e-mail*: evelynlee@mail.ru

НАУКА 21.0

УДК: 811.111'271

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-685-695

HONORIFIC TITLES IN BRITISH ENGLISH AND AMERICAN ENGLISH

Julia B. Yuryeva

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. Our modern, globalized world is developing along the path expanding the cooperation in economic, political, social and cultural life. The result of this interaction is the rapid growth of cultural exchanges and direct contacts between state institutions, social groups and individuals of different countries and cultures. The interrelation of language and culture plays an important role in communication both between the members of one group and with the representatives of other cultures. English is a global language and the term “English as an International Language” (EIL) corresponds to British English (BrE), American English (AmE), Canadian English (CanE), and Australian English (AusE). The present paper aims at showing differences between the usage of honorific titles in two varieties of the English language — American and British — relating to address forms used in everyday interaction and explaining the differences through social and interpersonal relations, cultural values and politeness strategies.

The recent study of address forms is relevant as it helps us to find out speaker’s cultural peculiarities and to determine different usage of honorific titles in AmE and BrE. We draw on G. Hofstede’s Cultural dimensions (1991), Politeness theory (Brown and Levinson 1987, Hickey and Stewart 2005, Leech 2014), Intercultural pragmatics (Kecskes 2014, Wierzbicka 1991/2003). The data has been obtained through observation, questionnaires and interviews which contained a number of questions and situations, covering different social contexts: everyday communication with interlocutors of different age, sex and occupation. The study focuses on the main tendencies which illustrate the impact of culture on the usage of honorific titles in American English and British English.

Keywords: Address forms, Honorific titles, American English, British English, Culture, Intercultural communication

1. INTRODUCTION

Our modern, globalized world is developing along the path expanding the cooperation in economic, political, social and cultural life. The result of this interaction is the rapid growth of cultural exchanges and direct contacts between state institutions, social groups and individuals of different countries and cultures. The interrelation of language and culture plays an important role in communication both between the members of one group and with the representatives of other cultures. English is a global language and the term “English as an International Language” (EIL) corresponds to British English

(BrE), American English (AmE), Canadian English (CanE), and Australian English (AusE). Besides, English is very often one of the languages of comparison in the comparative studies. The present paper aims at showing differences between the usage of honorific titles in two varieties of the English language — American and British — relating to address forms used in everyday interaction and explaining the differences through social and interpersonal relations, cultural values and politeness strategies. While the English speaking world is becoming more culturally complex, BrE, AmE, CanE and AusE are a combination of linguistic, cultural and worldview elements that reflect the linguistic world-image of the language speaker. The cultural differences between English speakers from a wide range of linguistic and cultural backgrounds can lead to intercultural misunderstanding and miscommunication while speaking a common language like English.

In this paper we represent the results of our research and analyze the use of honorific titles in AmE and BrE in everyday interaction and explaining the same through differences in social and interpersonal relations, cultural values and politeness strategies. We will examine how accepted traditions and norms influence the verbal behavior while using address forms, the frequent use of kinship terms for addressing people.

The recent study of address forms is relevant as it helps us to find out speaker's cultural peculiarities and to determine different usage of honorific titles in AmE and BrE. "Communication is embedded in culture, which serves as its context and is based on the prior experience of a community. In intercultural relations culture is the most important extralinguistic factor shaping its members' communicative style and behavior" [1]. What address forms are characteristic to the members of one culture can be totally unacceptable to the representatives of another culture. We draw on G. Hofstede's Cultural dimensions (1991) [2], Politeness theory (Brown and Levinson 1987 [3], Hickey and Stewart 2005 [4], Leech 2014 [5]), Intercultural pragmatics (Kecskes 2014 [6], Wierzbicka 1991/2003 [7]; M. Clyne [8]). The data has been obtained through observation, questionnaires and interviews which contained a number of questions and situations, covering different social contexts: everyday communication with interlocutors of different age, sex and occupation. The study focuses on main tendencies which illustrate the impact of culture on the usage of honorific titles in American English and British English.

2. DATA AND METHODOLOGY

As culture is the most important part of communication, we will try to show the most essential features in the usage of address forms in the British and American cultures and explain them from such parameters of cultures as social distance and power distance (Hofstede, 1984, 1991) [2; 9].

The data for analysis was collected through quantitative method, which is focused on gathering numerical data among Americans and Englishmen through questionnaires, descriptive research, interviews in order to describe the use of honorific titles in AmE and BrE. In this paper we have examined how accepted traditions and norms influence the verbal behavior while using address forms, the frequent use of kinship terms for

addressing people in everyday communication with interlocutors of different age, sex and occupation. The recent study focuses on the main tendencies which illustrate the impact of culture on the usage of honorific titles in American English and British English.

The aim of the study was to analyze the use of honorific titles in everyday interaction and explaining the same through differences in social and interpersonal relations, cultural values and politeness strategies. The chosen situations were taken in order to determine and study symmetrical and asymmetrical relationship between the interlocutors. The questionnaire was filled by 120 informants (60 Englishman and 60 Americans), aged from 15 to 62. The collected data needs further and more detailed analyses in order to get more information concerning gender, age and social differences. Besides, the aim of this paper is to focus on the preliminary results obtained, which reveal the cultural similarities and differences and modern tendencies in the usage of honorific titles in BrE and AmE.

In this paper we take into account Fitch's categories of address terms (second-person pronoun, proper names, titles, kinship terms, nicknames and adjective terms) (1998) [10]. Besides, we are interested in appellative address forms (kinship terms and titles) while examine address forms.

3. ADDRESS FORM IN SOCIOCULTURAL CONTEXT

Forms of address are a key to the understanding of social concepts and human relationship in a society. Address forms are an essential area of research in the field of socio-cognitive linguistics as they demonstrate how a context reflects in the communication etiquettes and in language. "Communication is embedded in culture, which serves as its context and is based on the prior experience of a community. In intercultural relations culture is the most important extralinguistic factor shaping its members' communicative style and behavior" [1].

Address terms are an essential aspect of sociolinguistic studies. The usage of address terms denotes a speaker's reference and attitude towards the interlocutor. Besides, address terms reveal social and interpersonal relationships. While addressing the interlocutor, the usage of address forms evoke personal identities and define relationships such as close/distant, personal/professional, peers/rank-differentiated, etc [10]. According to Fitch's classification, second-person pronouns consist of all the ways to address the interlocutor as "you". Proper names include first name, last name, second name and full name. Kinship terms include terms that suggest biological relationship, used both literally and metaphorically. Titles reflect non-kinship positions/relations (educational, social, organizational positions). Nicknames and adjectival terms, derived from first names and last names, terms referring to personal characteristics, abilities, physical appearance.

Address terms are an important aspect of sociolinguistic studies. "General address form is one language form which is used by people to address each other in some speech communication forms" [11]. In a speech act, address forms refer to verbal communication by the addresser and the addressee, through different channels (e.g. verbal). The choice of address forms and expressions reflects the social relationships among people, represents the cultural connotation of a language. Polite address forms vary from culture to culture and even within different regions of one country. According to

our recent study we have examined the use of address forms in the boundaries of one language but in two different countries with their historical, cultural and political background. Our results have shown that nowadays both in BrE and AmE address forms including a title are used only in formal situations.

In cross-cultural situations, the choice of address terms reflects cultural differences. Every culture has its own rulers and norms, which govern the choice of address terms, which are appropriate to use between the interlocutors in this or that society. In order to analyze the usage of address terms, chosen by the interlocutors, who speak different varieties of one language (e.g. British English and American English) in similar situations, reveal how the socio-cultural context influences the usage of address terms. G. Leech explained the pragmatic choice of address terms, according to the differences relating to horizontal distance and vertical distance [5]. In British culture, horizontal distance is prominent in the context of privacy, as British people maintain their distance, use an elaborate system of negative politeness strategies and strict communicative taboos.

According to the Cultural dimensions by G. Hofstede [2; 9] both Great Britain and America are on the top of the most individualistic cultures. In these countries people are motivated by their personal interests. Power distance is measured by distribution of power within a single institution or even society. Both Great Britain and America are countries with a short PD (America — 40, England — 35). Such countries appreciate the equal distribution of power, equal rights and relationships. Uncertainty avoidance is the level of anxiety, the degree of discomfort experienced by the representatives of a particular culture while embarrassing situations or how they try to avoid them. America and the United Kingdom belong to cultures with a low degree of uncertainty avoidance (the United States — 46, the United Kingdom — 35). In such cultures behavior aimed at resolving the conflict is encouraged. In such cultures, uncertainty, variability, dynamism, high mobility, tasks and problems, high tolerance for ambiguity are valued. According to Hofstede's classification, Great Britain is a masculine country (66) and takes the 8th place out of 50, while America (62) takes the 11th place. The values of these cultures are mutually complementary sexual roles, the stiffness of men and the softness of women, clear distribution of roles between a man and a woman.

Each language is nationally specific and reflects not only the peculiarities of the natural conditions or culture, but also the national character of its owner, therefore the national and cultural identity of people, its peculiarities are regarded as the historical basis of its development and can be more fully and comprehensively understood in comparison with national and cultural features of peoples.

The ethno-cultural style of communication is a historically, culturally, traditionally predetermined type of communicative behavior of a community, reflecting a preference for certain strategies and means of verbal communication of its representatives [1].

Both British and American cultures are characterized by distance and equality in communication. The interlocutors use informal norms while addressing others, so they rarely have difficulties while interacting with people.

According to the main criterial features of the British communicative style, determined by Larina (2015) distance [12], identified as the main criterial feature, determines all subsequent features and dominates the entire communicative space of the British communicative style — verbal, non-verbal, emotional.

4. LANGUAGE SITUATION

The language situation is a definite type of language interaction (or different forms of existence of one language) in the public life of each nation at a certain stage of its historical development [13].

Among the language situation we detach: — endoglossal (sets of subsystems of one language) and exoglossal (relations of the set of languages). These groups are divided into balanced language situations if the constituent languages or their subsystems are equal in functional terms and unbalanced if the constituent languages or their subsystems are non-equal (consequently, inadequate) [14].

The language situation is determined by social conditions of language usage. So, it's determined by the following factors:

- a set of specific forms of language existence;
- the sphere and environment of the language use;
- the interaction of languages [13].

As for the another approach, according to its structure: — monolingual language situation (set of functions of all existing forms of language in all spheres of social activity under certain social attitudes in the life of a given collective), — multilingual language situation (real correspondence of the roles of different languages in the life of particular people its parts or representatives) [15].

Obvious, while describing the language situation it is necessary to take into account the following parameters:

- the number of languages;
- what kind of languages;
- under which circumstances it is used in the studied area;
- the number speakers;
- attitudes held by members of the collective.

The status of the language is one of sociolinguistic parameters or language profiles predetermining the possibility of presenting information about the forms and functions of the language in bilingual and polylingual societies [16]. The legal status of the language, fixed in the legislative order is focused on the language use in a particular situation is singled out. In this case, the legal states deals with the status of the state language. The actual status of the language is determined, due to its actual use, its functional load. At the same time, the actual status of the language is not always formalized by law.

Nowadays, English is a global language (International English, EIL) and the number of English speakers is growing. It's estimated to be spoken at least to some extent by a quarter of the world's population.

While considering the spread of English in the modern world, it's necessary to consider the sociolinguistic theory of “three concentric rings” by Braj Kachru. He showed the spread of English in the form of three circles:

a) the inner circle which refers to countries where English is a native language. These countries include the United States, Great Britain, Canada, Australia and New Zealand. The total number is 320—380 million people;

b) the outer or extended circle refers to countries where it has received the status of an official language. These countries include India, Singapore and many others. The total number is 150—300 million people;

c) the expanding circle includes countries where English is the main foreign language studied in educational institutions. These countries include Germany, Greece, China, Poland, Russia, Japan, etc. The number of such countries is steadily increasing. The total number is 1 billion people [17].

The term “international English” means British and American varieties of the English language. To a smaller extent, this term refers to Canadian and Australian varieties of the English language. The term “international English” does not apply to other regional varieties.

According to Oschepkova [18], all national variants of the English language combine common features and specific national features. All national variants of the English language are a combination of linguistic, cultural and worldview elements reflecting the linguistic picture of the world of its bearers. All these cause a wide variety of English and strength the process of nativization. Nativization is understood as the process of changing the language under the influence of local languages. At the same time, new types of English are being formed and the forms and structures of the so-called “standard” varieties of the English language are being changed.

5. DATA ANALYSIS

While addressing someone the interlocutor evokes personal identities, creates and defines relationships. According to the above mentioned theories British people are highly individualistic and they value equality, so in order not to show differences in social status, they avoid using special address terms. In the English language if one is not sure how to address the interlocutor, it is acceptable not to use any address forms at all. The use of honorific titles (sir, miss, madam) has reduced greatly and it confirms anonymous style of communication, as the interlocutors don't seem necessary to name the addressee. According to our study British people don't draw on the asymmetry in age, gender, even when they are present. Nowadays this tendency is increasingly noticeable.

According to our research we have proved that the use of honorific titles (sir, miss, madam) has reduced greatly in everyday communication and is generally used when the people need to get someone's attention or when you don't know the name of your addressee (e.g. at the hotel, bank or reception desk).

We have considered the use of honorific titles in America, except South America. In American English, generally the address forms, including the words “Miss” or “Ma'am” are used to get someone's attention or when you don't know the name of your addressee

- (1) “Hey **miss**, you've forgotten something”;
- (2) “Sorry **ma'am**, you've just dropped something”;
- (3) “Excuse me **sir**, how can I help you”;
- (4) “Excuse me **sir**, do you need my help”.

The word “Sir” is generally used in formal situations, when you don't know someone's name. You can easily hear this address form in different hotels or restaurants. In the majority of cases people try to call you by name, rather than calling you “Sir”.

- (5) “Excuse me **sir**, can you introduce yourself”;
- (6) “You must be **Mr. Martinez**. We are very glad to meet you” (at the hotel).

The word “Lady” is not normally used in America. Very seldom you may hear this title from someone, who works in service industry but he/she would rather prefer to call you by name.

(7) “*Did anyone else see the accident? — Yes, **the lady** in the post*”

The word “Madam” is not generally used in America. We have met it only once in the situation when the policeman interrogated the witness of the accident.

(8) “*What were you doing when you saw the accident, **madam**?*”

Ten years ago, in formal situations, we addressed men as “Mr.” (“Mister”), married women as “Mrs.” (“Misses”), unmarried women as “Ms.” (“Miss”, “Ms”) followed by the last name or surname. Recently, the address forms have changed significantly. Nowadays, we continue to address men of all ages as “Mr.”. We use “Miss” to address someone who is about 18 years old or younger. As women don’t usually officially take on husband’s last name or we may don’t know if woman is married or not “Ms.” can be used to refer to both married and unmarried women. If the woman has officially taken on her husband’s last name we address her “Mrs.” Recently, they don’t generally use these address forms in daily life but only in official correspondence.

According to our research in AmE people rarely used honorific titles (30%) and there were cases when people used titles (madam, lady) while addressing a stranger or the witness of the accident (20%). In AmE the titles “miss” or “ma’am” are generally used when someone’s trying to get someone’s attention.

(9) *Excuse me, **ma’am** how to get to the bus station.*

(10) *Hey, **ma’am** is a bus stop near here?*

Both Americans and British people use attention-getters (*Excuse me, Hey*) while addressing strangers or use zero address forms.

(11) *Excuse me, I would like to know how to get to the bus station. (BrE)*

(12) *Excuse me, is there a bus station near here? (BrE)*

(13) *Excuse me, do you know where the bus stop is. (AmE)*

(14) *Excuse me, where is the bus stop. (AmE)*

(15) *Excuse me, what time does the conference begin. (AmE)*

Besides, 25% of Americans used utterances containing a nominal address form at least once. They were used by informants while addressing young men and women (their age or younger than they). The nominal address forms (first names, titles) may be considered as the overarching principle that guides speakers in their choice of address forms. “Social distance is a multidimensional concept involving degrees of affect, solidarity and familiarity” [19].

In British English the use of address forms has changed during the last decade. Nowadays, address forms including a title are only used in formal situations. They must be followed by the surname, and can’t be used with the first name, or without any name. Recently, in formal situations, they address men as “Mr.”, and don’t normally use “Mister” in full. If the woman is married and has taken on her husband’s surname, they address her as “Mrs.” If the woman is single, or has kept her surname after the marriage

they may address “Ms.”. Officially, “Miss” indicates single status and is used for girls. Nowadays, “Master” which was used for boys is old-fashioned.

During informal situations it’s normal to use first name.

(16) *Hey, **Jim!** I haven’t seen you for ages.*

If we are talking about someone and are not sure if our addressee knows him, it’s normally to use first name and surname.

(17) *I’m not sure if you know **John Farry.***

According to our research in BrE people seldom used honorific titles (20%) and there were cases when people used titles (madam, lady) while speaking officially (15%).

(18) *Excuse me, **madam,** is there a bus station near here.*

According to T. Larina [20; 21; 21; 23], British communicative style is described as:

- indirect (in terms of expressing communicative intentions);
- distant (observing distance in different aspects);
- non-imposing (minimizing a direct impact on the interlocutor);
- person-oriented (priority to the status);
- informal, emotive (a deliberate demonstration of positive emotions);
- expressive (frequent use of superlatives).

Our study proves that politeness in England is to show equality and keep distance while communication.

CONCLUSION

In cross-cultural situations, the choice of address terms reflects cultural differences. Every culture has its own rulers and norms, which govern the choice of address terms, which are appropriate to use between the interlocutors in this or that society. In this paper we have studied the usage of honorific titles in AmE and BrE and found out the similarities and differences of their usage. Both British and American cultures are characterized by distance and equality in communication. In this paper we have examined how accepted traditions and norms influence the verbal behavior while using address forms, the frequent use of kinship terms for addressing people in everyday communication with interlocutors of different age, sex and occupation. This study was focused on the main tendencies which illustrated the impact of culture on the usage of honorific titles in American English and British English.

Polite address forms vary from culture to culture and even within different regions of one country. According to our recent study we have examined the use of address forms in the boundaries of one language but in two different countries with their historical, cultural and political background. Our results have shown that nowadays both in BrE and AmE address forms including a title are used only in formal situations.

© Y.B. Yuryeva

Дата поступления: 15.06.2018

Дата приема в печать: 25.06.2018

REFERENCES

1. Larina, T. (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7(5). Special Issue: Communicative Styles and Genres, 195—215.
2. Hofstede, G.H. (1991). *Cultures and Organizations: Software of the mind*. McGraw-Hill Book Company (UK) Limited. London.
3. Brown, P. & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Hickey, L. & Stewart, M. (2005). *Politeness in Europe*. England: Multilingual Matters.
5. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford: Oxford University Press.
6. Kecskes, I. (2014). *Intercultural Pragmatics*. OUP USA.
7. Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York: Oxford University Press.
8. Clyne, M., Norrby, C. & Warren, J. (2009). *Language and Human Relations: Style of Address in Contemporary Language*. Cambridge: CUP.
9. Hofstede, G.H. (1984). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills CA: Sage Publications.
10. Fitch, K. (1998). *Speaking Relationally: Culture, Communication, and Interpersonal Connection*. New York: The Guilford Press.
11. Zhang, X.A. (2011). Comparative Study of the Sino-American Address Forms from an Intercultural Communication Perspective. *International Journal of English Linguistics*, 1, 54—60.
12. Larina, T. (2015). Too many walls and not enough bridges: The importance of intercultural communication studies. *Russian Journal of Linguistics, Vestnik RUDN*, 4, 9—16.
13. Denisova, V.L. (2012). The language situation in the Chinese diaspora in Australia based on the data of the sociolinguistic experiment. *Philology. Art History*. Issue 65. 41—43.
14. Schweitzer, A. (1975). *Social differentiation of the English language in the United States*. Moscow: Nauka.
15. Avronin, V.A. (1975). *Problems of studying the functional side of the language*. Leningrad: Science.
16. Zhrebilo, T. (2016). *The language condition in conditions of bilingualism (on the example of the Chechen Republic)*. Nazran: Kep.
17. Kachru, B. (2012). World Englishes: Agony and Ecstasy, *Journal of Aesthetic Education*, 30(2). Special Issue: Distinguished Humanities, 135—155.
18. Oshchepkova V.V. (2004). *The language and culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand [Yazyk i kultura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoy Zelandii]*. Moscow; Sankt-Peterburg: GLOSSA/KARO, 336 p.
19. Clyne, M. (2009). Address in intercultural communication in languages, *Intercultural Pragmatics*, 6 (3), 395—409.
20. Larina, T.V. (2009). *A courtesy category and a style of communication: a comparison of English and Russian lingua-cultural traditions*. M: Languages of Slavic Cultures.
21. Larina, T.V. (2005). English style of the phatic communication In *Genres of speech*. Saratov: College. Issue. 4. pp. 251—262.
22. Larina, T. & Suryanarayan, N. (2013). Madam or aunty ji: address forms in British and Indian English as a reflection of culture and cognition. In Monika Reif, Justina A. Robinson, Martin Putz (eds.) *Variation in Language and Language Use: Linguistic, Socio-Cultural and Cognitive Perspectives Series*, Peter Lang, pp. 190—217.
23. Iliadi, P.L. & Larina, T.A. (2017). Refusal Strategies in English and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 531—542.

УДК: 811.111'271

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-685-695

ПОЧТИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В БРИТАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ю.Б. Юрѳева

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Россия

Цивилизация на современном этапе развивается по пути расширения сотрудничества стран в экономической, политической, социальной и культурной сферах, углубления глобализационных процессов. Результатом этого взаимодействия является быстрый темп роста количества культурных обменов и прямых контактов между государственными учреждениями, социальными группами и отдельными лицами разных стран и культур. Взаимосвязь языка и культуры играет важную роль в общении как между членами одной группы, так и с представителями других культур. Английский — это глобальный язык; термин «английский как международный язык» (EIL) включает в себя британский вариант английского языка (BrE), американский вариант английского языка (AmE), канадский вариант английского языка (CanE) и австралийский вариант английского языка (AusE). Данное исследование рассматривает различия в использовании почтительных обращений в двух вариантах английского языка — в британском и американском — в адресных формах, используемых в повседневном взаимодействии, а также предлагает объяснения различий в их употреблении, вызванных социальными и межличностными отношениями, культурными ценностями и стратегиями вежливости.

Недавнее исследование адресных форм имеет актуальное значение, поскольку оно помогает нам описать культурные особенности говорящего и определить различия в использовании почтительных обращений в AmE и BrE. Мы используем классификации Г. Хофстеда (1991), постулаты теории вежливости (Brown and Levinson 1987, Hickey and Stewart 2005, Leech 2014), Основные положения межкультурной прагматики (Kecskes 2014, Wierzbicka 1991/2003). Исследование было проведено на языковом материале, полученном с помощью наблюдений, анкетирования и интервью, в которых содержится ряд вопросов и ситуаций, охватывающих различные социальные контексты: ежедневное общение с собеседниками разного возраста, пола и рода занятий. Основное внимание в исследовании уделяется тенденциям, которые иллюстрируют влияние культуры на использование почтительных обращений в британском варианте английского языка и американском варианте английского языка.

Ключевые слова: формы обращения, почтительные обращения, американский вариант английского языка, британский вариант английского языка, культура, межкультурная коммуникация

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Larina T.* Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, Vol. 7, no 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres, 2015, pp.195—215.
2. *Hofstede G.H.* *Cultures and Organizations: Software of the mind*. McGraw-Hill Book Company (UK) Limited. London, 1991.
3. *Brown P., Levinson S.* *Politeness: Some Universals in Language Usage*, Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
4. *Hickey L. and Stewart M.* *Politeness in Europe*. England: Multilingual Matters. 2005.
5. *Leech G.* *The pragmatics of politeness*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
6. *Kecskes I.* *Intercultural Pragmatics*. OUP USA, 2014.
7. *Wierzbicka A.* *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York: Oxford University Press, 1992.
8. *Clyne M., Norrby C., Warren J.* *Language and Human Relations: Style of Address in Contemporary Language*. Cambridge: CUP, 2009.

9. Hofstede G.H. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills CA: Sage Publications, 1984.
10. Fitch K. *Speaking Relationally: Culture, Communication, and Interpersonal Connection*. New York: The Guilford Press, 1998.
11. Zhang X.A. Comparative Study of the Sino-American Address Forms from an Intercultural Communication Perspective. *International Journal of English Linguistics*. (1): 54—60, 2011.
12. Larina T. Too many walls and not enough bridges: The importance of intercultural communication studies. *Russian Journal of Linguistics, Vestnik RUDN*, (4): 9—16, 2015.
13. Денисова В.Л. Языковая ситуация в китайской диаспоре Австралии на основе данных социолингвистического эксперимента. *Филология. Искусствоведение*. Вып. 65. С. 41—43. 2012.
14. Швейцер А.Д. *Социальная дифференциация английского языка в США*. М.: Наука, 1983.
15. Авронин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975.
16. Жеребило Т.В. Языковое состояние в условиях билингвизма (на примере Чеченской Республики). 2-е изд., испр. и доп. Назрань: Кеп, 2016.
17. Kachru B. World Englishes: Agony and Ecstasy // *Journal of Aesthetic Education* Vol. 30, no 2, 2012. Special Issue: Distinguished Humanities. С. 135—155.
18. Ощепкова В.В. *Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии*. М.; СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004.
19. Clyne M. Address in intercultural communication across languages // *Intercultural Pragmatics*. no 6(3), 2009. С. 395—409.
20. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009.
21. Ларина Т.В. Английский стиль фатической коммуникации // *Жанры речи*. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. С. 251—262.
22. Larina T., Suryanarayan N. Madam or aunty ji: address forms in British and Indian English as a reflection of culture and cognition. In Monika Reif, Justina A. Robinson, Martin Putz (eds.) *Variation in Language and Language Use: Linguistic, Socio-Cultural and Cognitive Perspectives Series*, Peter Lang, pp. 190—217, 2013.
23. Илиади П.Л., Ларина Т.В. Стратегии отказа в английской и русской лингвокультурах // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2017. Т. 8. no 3. С. 531—542. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542.

Для цитирования:

Юрьева Ю.Б. Почтительные обращения в британском варианте английского языка и американском варианте английского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2018. Т. 9. № 3. С. 685—695. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-685-695.

For citation:

Yuryeva, Yu.B. (2018). Honorific titles in British English and American English. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 685—695. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-685-695.

Сведения об авторе:

Юрьева Ю.Б., аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: сравнительно-сопоставительное языкознание, прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков, Senior lecturer of the department of foreign languages, RUDN University

Information about the author:

Yulia B. Yuryeva, PhD student of the department of foreign languages, RUDN University; *academic interests*: comparative linguistics, pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages; *e-mail*: yureveyb@gmail.com

УДК: 811.512.121'373.21

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-696-711

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГИДРОНИМОВ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ КАРАКАЛПАКСТАНА

Г.Ж. Мамбетова

Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза
ул. Кудайбергенова, 14, Нукус, Республика Каракалпакстан, Узбекистан, 230100

В данной статье рассматриваются гидронимы северных районов республики Каракалпакстан: Шуманайского, Канлыккульского, Ходжейлийского, Кунградского, Муйнакского, Караузьякского, Тахтакупырского, Кегейлийского, Нукусского и Чимбайского. Гидронимы представляют собой особую группу топонимов. В тюркских языках, в том числе и в каракалпакском языке, гидронимы имеют ряд грамматических особенностей. В данной статье на материале гидронимов северных районов Каракалпакстана проведен анализ и доказано, что гидронимические единицы каракалпакского языка по составу являются простыми и сложными; образуются посредством аффиксов *-лы/-ли*, *-ма*, *-лык*.

В статье говорится о грамматических особенностях сложных гидронимов, отличительных особенностях словообразовательных аффиксов, участвующих в образовании гидронимов, о наличии языковых единиц, связанных с национальными особенностями каракалпакского народа, обрядами, традициями, с животным миром, живущим в воде, с названиями растений. Особенно важна роль аффиксов *-лы/-ли* в маркировании зоогидронимов, фитогидронимов и гидронимов, обозначающих рельефные особенности водных объектов. Доказано, что аппелятивные гидронимы могут выступать отдельно как простые гидронимы, но в каракалпакском языке сложные гидронимы встречаются чаще, чем простые. Отмечены формы сложных гидронимов, образованных от двух, трех, четырех компонентов, простые гидронимы, образующие сложные и объединенные гидронимы.

Для образования гидронимов северных районов Каракалпакстана характерны не все способы словообразования, гидронимы образуются способом сложения сложных гидронимов в сочетании с аффиксацией (сложение слов, сложение слов + аффиксация) и лексико-синтаксическим способом. Образование гидронимов другими способами нечастотны.

Автор подчеркивает необходимость дальнейшего изучения гидронимов, что имеет важное теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова: топонимика, гидронимика, аффикс, простой гидроним, сложный гидроним, фитогидроним, зоогидроним, компонент, морфологический способ

ВВЕДЕНИЕ

При грамматическом рассмотрении любой языковой единицы, употребляемой в конкретном языке, мы видим, что она вместе с качеством, определяющим значение, также имеет особенности строения. Актуальным представляется анализ морфологической структуры языковой единицы, определение продуктивного или непродуктивного ее использования, восстановление некоторых старых грамматических форм, выявление случаев языковых изменений, описание источников внедрения языковых единиц в язык, определение современных и устаревших способов словообразования.

Гидронимы в тюркских языках были описаны и систематизированы в трудах С. Атаниязова [1. С. 104], Р.М. Юзбашева [2. С. 109—114], К. Конкобаева [3. С. 117—119], Ф.Г. Гариповой [4. С. 76—82], Р.З. Шакурова [5. С. 209—212], а в узбекском языкознании такими лингвистами, как С. Кораев [6. С. 14—15], Т. Нафасов [7. С. 86—91; 8], З. Дусимов [9], Л. Каримова [10. С. 30—64], Н. Охунов [11. С. 86—90], Т. Эназаров [12. С. 52—55], Н. Бегалиев [13. С. 52—103], Н. Улуков [14. С. 151—187] и многими другими.

В казахской языковой традиции можно отметить работы А. Абдирахманова [15. С. 56—59], который, исследуя казахские топонимы, провел этимологический анализ гидронимов и описал их связь с топонимами других тюркских языков. В каракалпакском языкознании К. Абдимуратов [16. С. 5—12] описал топонимы, в том числе гидронимы со структурно-семантической точки зрения. К. Абдимуратов предложил их деление на простые и соединенные топонимы и описал гидронимы, образованные с помощью аффиксов *-лы/-ли*, *-шы/-ши*, *-лык/-лик*. М. Курбанов [17. С. 13—15], анализируя каракалпакские гидронимы в составе географических терминов, также разделил их на простые и соединенные географические названия. Исследуя соединенные географические термины, в том числе гидронимы, образованные аффиксацией, сложением слов и лексико-семантическим способом, он подтвердил правомерность их деления на данные три группы. В узбекском языкознании Л. Каримова [10. С. 30] при изучении узбекских топонимов (в том числе гидронимов) по морфологическому строю классифицирует их на:

- 1) простые топонимы (основа и производные топонимы);
- 2) соединенные топонимы (топонимы с двумя основами);
- 3) сложные топонимы.

Т. Эназаров [12] при изучении тюркских простых топонимов анализирует гидронимы по их строению и описывает топонимы, распределив их на три большие группы:

- 1) топооснова;
- 2) топоформанты;
- 3) топонимические определения (индикаторы).

Х. Холмуминов подчеркивает: *«Микротопонимы Байсунского края Узбекистана образуются тремя способами и соответственно этому грамматическая структура имеет три вида: простые топонимы, соединенные топонимы и сложные топонимы»*, также определяет и грамматическую структуру гидронимов [18. С. 105—125].

Гидронимы Самаркандской области Н. Бегалиев описывает по морфологическому составу и по способу образования слов:

- 1) простые гидронимы;
- 2) соединенные гидронимы;
- 3) составные гидронимы [13. С. 52—92].

Грамматический строй гидронимов Каракалпакстана, северные районы которого богаты водными объектами, до настоящего времени не был предметом научного исследования.

ОБРАЗОВАНИЕ ГИДРОНИМОВ ПОСРЕДСТВОМ АФФИКСОВ

В тюркских языках, в том числе и в каракалпакском языке, топонимы образуются разными способами, продуктивность которых описывается в лингвистических работах. Так, исследователь гидронимов узбекского языка Н. Улуков подчеркивает, что в тюркских языках, в том числе и в узбекском языке, аффиксация является продуктивным способом словообразования, но сами топонимы непродуктивны [14. С. 154].

В каракалпакском языке существительные, прилагательные, глаголы и наречия образуются разными словообразовательными способами. Следует подчеркнуть, что не все употребляющиеся деривационные аффиксы используются при образовании гидронимических терминов.

В каракалпакском языке аффиксы *-лы/-ли*, *-лық*, *-ма* принимают участие в образовании гидронимов. В большинстве случаев при помощи аффиксов *-лы/-ли* образуются фитогидронимы, зоогидронимы и гидронимы, обозначающие рельефные особенности водных объектов. Например:

Суўенли каналы (Кунградский район),
Блақалыжап каналы (Шуманайский район),
Кундызлы каналы (Кунградский район).

В этих примерах при помощи *-лы/-ли* образованы гидронимы, указывающие на большое количество в данном водоеме того или иного вида рыб, ондатр и др. Традиционно названия такого типа давались местными жителями по подобным признакам. Ученые-терминологи К. Пахратдинов и К. Бекниязов указывают на то, что *-лы/-ли* в топонимах не всегда являются аффиксальными по происхождению: «...не все топонимы с аффиксами *лы/-ли* могут быть образованы аффиксальным способом. Например, мы не можем сказать, что топонимы *Қумлық* (Кегейлийский район), *Дарьялық* (Шуманайский район), *Таслық* (Муйнакский район) образованы при помощи аффикса *-лық*. Потому что от слов *қум*, *дарья*, *тас*, в основном, были образованы производные слова *қумлық*, *дарьялық*, *таслық*. Это произошло до появления топонимов» [19. С. 69—70].

Тем не менее в каракалпакском языке отмечается ряд гидронимов, образованных при помощи *-лы/-ли*, которые употребляются в значении особенностей внешнего вида, рельефа, водного объекта. Например:

Таслы жап (Ходжейлийский район),
Тарлы жап (Кегейлийский район),
Бөгетли көл (Кегейлийский район).

В значительном количестве случаев гидронимы каракалпакского языка образуются при помощи словообразовательного аффикса *-ма* [20. С. 61]. Аффикс *-ма* по своим структурным особенностям связывается только с глаголом в деривации имени существительного, то есть гидронимического термина. Например:

Қуўанышжарма каналы (Тахтакупырский район),
Ташлама коллекторы 1 (Шуманайский район),
Ташлама коллекторы 3 (Шуманайский район),
Буралма салма (Нукусский район).

В северных районах Каракалпакстана часто встречаются гидронимы с индикатором *жарма*, *жармыс/жармыи*. Подобными названиями отмечали искусственные водоемы, появившиеся в тех местах, где раньше не было воды. При подобных обстоятельствах появились, например, названия каналов:

Қуўанышжарма (Тахтакупырский район),
Абатжарған Тахтакупырский район),
Абатжап (Тахтакупырский район).

Данные лексические единицы образованы при помощи примыкания к глаголу аффикса *-ма*. В гидронимах *Қуўанышжарма*, *Қуўаныштаслама тасламасы*, *Қуўанышжарма буралмасы* первый компонент назван по имени человека, а компоненты *таслама*, *буралма* называют связь с течением воды (*таслама* — вода падает свысока, с большим напором, *буралма* — вода течет извиваясь, однообразно).

При образовании гидронимов в каракалпакском языке продуктивно используется и аффикс *-лық*. Например:

Жигирмалық коллектор (Кегейлийский район) — номинировалось нахождение коллектора около поля площадью 20 гектаров,
Таллық канал (Муйнакский район) — *тал* (вид дерева),
Бийдайлық жап (Кегейлийский район) — *бийдай* (пшеница).

Гидронимы образованы путем примыкания к лексемам словообразовательного аффикса *-лық*. В основе новых терминов лежит наименование водного объекта *тальника* или *пшеничного поля*.

Несмотря на то, что сложные топонимы представляют собой комплекс из нескольких лексических единиц, они семантически составляют одно целое, то есть являются единым географическим названием. Если разделить сложные гидронимы северных районов Каракалпакстана по словообразовательным моделям, то можно выделить следующие их типы:

- существительное + существительное;
- имя прилагательное + имя существительное;
- имя числительное + имя существительное.

ТИП «СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

1. Гидронимы образуются из двух существительных. В данном сложном гидрониме оба компонента — имена существительные — не связаны, то есть первый компонент в составе гидронима соединяется с существительным без изменения грамматической формы. Первый компонент имени водного объекта будет связан с именем знаменитого человека той местности или тем, кто создавал данный водоем. Это можно увидеть в следующих словообразовательных моделях, например:

- 1) существительное + существительное — антропоним + (жап (водоем)),
Избасқанжап (Тахтакупырский район),
Марксжап (Тахтакупырский район),
Нагашибайжап (Тахтакупырский район),

Сайлыбайжап (Тахтакупырский район),
Абатжап (Кегейлийский район),
Дәуірханжап (Чимбайский район),
Исмайылжап (Чимбайский район) и другие;

2) существительное + существительное — антропоним + (өзек (приток)).
Первый компонент сложного гидронима содержит мужские имена. Например:

Ибраһымөзек (Тахтакупырский район),
Есимөзек (Караузякский район);

3) существительное + существительное — антропоним (женское имя) + канал (озеро). Например:

Амангүл канал (Чимбайский район),
Жанаркөл (Муйнакский район);

4) существительное + существительное — антропоним + (көл (озеро)). В данном случае озеро называется именем знаменитого человека. Например:

Сарманбай көл (Шуманайский район),
Алий көл (Караузякский район),
Аймурат көл (Караузякский район),
Есет көл (Муйнакский район),
Зәкир көл (Муйнакский район).

Каракалпакские гидронимы могут быть связаны с названиями народов и родов этого края. Так, этноним + (жап (водоем)) в составе сложного гидронима встречается в следующих примерах:

Айтеке жап (Чимбайский район),
Аралбай жап (Чимбайский район),
Бессары жап (Чимбайский район),
Ақтоғын жап (Кегейлийский район),
Қылқалы жап (Кегейлийский район),
Қатаған жап (Кегейлийский район),
Кепе жап (Караузякский район),
Қанжығалы жап (Караузякский район),
Қәндекли жап (Караузякский район),
Қарамойын жап (Караузякский район),
Қуйын жап (Чимбайский район),
Қостамғалы жап (Караузякский район),
Қазаяқлы жап (Караузякский район),
Шүйит жап (Кегейлийский район).

К данной группе сложных гидронимов относится словообразовательная модель этноним + (канал). Например,

Гүбедек каналы (Караузякский район),
Бессары жап каналы (Чимбайский район) —

сложное существительное образуется присоединением к гидрониму Бессары, связанному с родом *қытай*, компонентов *жап* и *канал*.

Примерами гидронимов, образованных от этнонимов, могут служить следующие топонимы:

Қазақдәрья (Муйнакский район),
Қазақ көл (Муйнакский район),
Кәрисжап (Чимбайский район).

В этих гидронимах составным элементом являются названия казахского и корейского народов, что связано с использованием ими этих водоемов для орошения земель или их проживанием рядом с данным водным объектом.

Топоним + (көл (озеро), канал, коллектор, город и др.) — по словообразовательной модели существительное + существительное — образует сложный гидроним. Например:

Ўзбекстан каналы (Тахтакупырский район),
Майжап каналы (Тахтакупырский район),
Кегейли каналы (Чимбайский район),
Алғабас көл (Караузякский район),
Ийшианқала коллектор (Кегейлийский район, на территории города Халкабад),
Аспантай көл (Муйнакский район).

Основой образования сложных гидронимов могут быть наименования частей тела человека, например:

Жамбас жап (Чимбайский район),
Мойын көл (Чимбайский район),
Табан көл (Канлыкулский район),

а также названия растений (фитоним) и животных (зооним), например, фитоним + гидроним:

Бийдай көл (Шуманайский район),
Арпа көл (Шуманайский район),
Шеңгел көл (Караузякский районы),
Шигин жап (Чимбайский район);

и зооним + гидроним:

Қораз ой (Канлыкульский район),
Көгеришин жап (Караузякский район),
Мешин жап (Караузякский район),
Бирқазан көл (Кегейлийский район).

В образовании гидронимов от топонимов элемент-топоним указывает на местоположение этого водного объекта, об особом влиянии топонимов на образование гидронимов, пишут К. Кошанов и А. Зарымбетов [21. С. 71].

2. Данный тип сложного гидронима представляет собой два имени существительных, при этом первый компонент стоит в именительном падеже, а второй компонент в именительном падеже с аффиксом принадлежности 3 лицу. Например:

М. Нурмухаммедов арнасы (Канлыкулский район),
Шериўши арнасы (Канлыкулский район),

Бадрақ каналы (Тахтакупырский район),
Қаратерең көлі (Тахтакупырский район),
Майжап каналы (Тахтакупырский район),
Өзбекстан каналы (Тахтакупырский район),
Телтий каналы (Тахтакупырский район),
Балықшы қолтығы (Мойнак районы),
Жилуан каналы (Кегейлийский район),
Абатжап каналы (Кегейлийский район),
Алғабас каналы (Чимбайский район),
Бессарыжап каналы (Чимбайский район),
Дәүкемтир көлі (Мойнакский район).

3. Данный тип сложного гидронима является сочетанием двух имен существительных, в котором первый компонент гидронима принимает окончание второго компонента в родительном падеже, второй компонент должен употребляться с притяжательными окончаниями 3 лица. Несмотря на то, что указанное сочетание считается литературной грамматической нормой каракалпакского языка, в письменной и устной форме допускается употребление и без формального выражения грамматических значений падежа и притяжательности, то есть без окончаний родительного падежа и притяжательности 3 лица. Например:

Тилеўбай бөгет — фактически Тилеўбай(дың) бөгет(и) (*бөгет Тилеўбая*) (Канлыккульский район),

Нийетулла көл — Нийетулла(ның) көл(и) (*көл (озеро) Нийетулла*) (Канлыккульский район),

Доспан қуйы — Доспан(ның) қуйы(сы) (Канлыккульский район),

Алий көл — Алий(дың) көл(и) (*көл (озеро) Алий*) (Караузякский район),

Аталық жап — Аталық(тың) жаб(ы) (Караузякский район) и др.

Прибавление притяжательных окончаний не говорит о том, что эти гидронимы принадлежат этому лицу, а только указывает на связь с ним.

ТИП «ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

Имя прилагательное номинует вид и качество предметов, обозначаемых существительным. В образовании сложных гидронимов в качестве первого компонента употребляются качественные и относительные прилагательные.

Прилагательные, составляющие первый компонент сложных гидронимов (имя прилагательное + имя существительное), в основном обозначают вид, цвет, вкус, размер, форму гидронимов. Гидронимы северных районов Каракалпакстана в основном представлены гидронимами, в которых первый компонент — имя прилагательное. Модель имя прилагательное + имя существительное можно рассмотреть, разделив его на две группы:

1) качественные прилагательные + существительные-гидронимы;

2) относительные прилагательные + существительные-гидронимы.

Гидронимы с компонентами качественными прилагательными и существительными можно разделить по семантике и по строению.

1. *Вид и цвет водного объекта.* В этом гидрониме первый компонент — качественное прилагательное, обозначающее цвет, а второй компонент — имя существительное — гидроним-аппелятив. Например:

Көк суу (Канлыкүлский район),
Көк өзек (Караузякский район),
Қызыл өзек (Тахтакупырский район),
Ақсуу қақ (Тахтакупырский район),
Ақ жағыс (Тахтакупырский район),
Ақтуба көлі (Кегейлийский районы),
Қаракөл (Тахтакупырский район),
Қарақудық (Кунградский район),
Қарадәрья (Караузякский район),
Алтын көл (Канлыкүльский район),
Қызыл көпір (Кунградский район).

2. *Форма водного объекта.* В этом гидрониме первый компонент — качественное прилагательное, обозначающее размер и объем, а второй компонент — имя существительное. Например:

Дөңгелек көл (Канлыкүльский район),
Табанкөл (Канлыкүльский район),
Гәүмис көл (Муйнакский район),
Жиңшике канал (Шуманайский район),
Жамбас жап (Чимбайский район),
Жарты құдық (Кунградский район),
Қыйсық саума (Кунградский район),
Домалақ көл (Муйнакский район),
Киши көл (Муйнакский район),
Жарық көл (Кегейлийский район),
Жалпақ жап (Кегейлийский район),
Үлкен жап (Ходжейлийский район),
Узынсуу сақлағышы (Тахтакупырский район),
Палұан жап (Кунградский район),
Қыйсық канал (Кегейлийский район),
Тегис көл (Кегейлийский район),
Айдын көл (Кегейлийский район),
Ор жап (Чимбайский район),
Тик өзек (Шуманайский район).

3. *По вкусу и запаху воды.* В этом гидрониме первый компонент — качественное прилагательное, а второй — существительное. Например:

Аишы көл (город Нукус, Караузякский район),
Сасық көл (Кегейлийский район),
Аишы көлмек (Караузякский район),
Сорша құдық (Кунградский район).

4. По температуре и лечебному свойству воды: Ыссы булақ (Чимбайский район).

5. *По виду течения воды.* В этом гидрониме первый компонент — качественное прилагательное, а второй — существительное:

Жаман көл (Кегейлийский район),
Еркин жасп (Ходжейлийский район),
Тентек жасп (Кегейлийский район).

Для образования гидронимов модели *относительное прилагательное + существительное*, в виде первого компонента выступают прилагательные, образованные с помощью словообразовательных аффиксов. Относительные прилагательные обозначают признак, выражающий отношение одного предмета к другому: «Относительные прилагательные образуются с помощью аффиксов других членов предложения (подлежащее и сказуемое). Они обозначают вид, внешность, размер, объем и связь с другими вещами» [22. С. 112]. Относительные прилагательные всегда являются производными словами. Основные аффиксы, образующие относительные прилагательные: *-лы/-ли, -сыз/-сиз, -кы/-ки, -гы/-ги* и др.

ТИП «ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ + ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

В языке каракалпаков часто встречаются гидронимы с числительными. Различаются названия водных объектов по месту нахождения или по числу прохождения водных объектов из определенной местности. Исследователь каракалпакского языка А. Бекбергенов пишет: «*В нашем языке 3, 7, 40 и другие числа, связываясь с определенными понятиями, дают sacramентальные значения, то есть связаны с обычаями и традициями*» [24. С. 186—191].

Числительные широко используются в образовании антропонимов, гидронимов, топонимов и зоонимов. Казахский ученый Т. Жанузаков отмечает, что «числа 1, 10, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 1000 чаще встречаются в мужских именах, а в женских именах не встречаются» [25].

В северных районах Каракалпакстана можно встречать гидронимы с числительными в их составе. Например, *Бес+сары+жасп каналы, Бес+жасп каналы, Тақ+жасп каналы, Төрт+сага каналы* (Чимбайский район), *Бес+қуй көл, Қырық+бес+жер салма, Қырық+жасп* (Кегейлийский район), *Бир+яб* (Караузякский район), *Бес+сага* (Нукусский район), *Қос+жасп* (Канлыкульский район). В вышеприведенном примере *Бессарыжасп каналы* — числительное *пять* взято из упоминания о каракалпакских родах, то есть является этнонимом и состоит из 4 компонентов, в этом гидрониме аппелятивы *жасп* и *канал* использованы вместе. Числительное *пять* можно встретить также в следующих гидронимах: *Бесжасп каналы* (Чимбайский район), *Бесқуй көл* (Кегейлийский район), *Бес сага* (Нукусский район). В первом примере понимается, что из одного большого канала формируются пять водоемов. В названии озера *Бесқуй* можно видеть две части: *Бес қуй* — числительное + глагол, вторая — *бес қуй(ы)* — числительное + существительное. Первая часть повествует о том, что в озеро вода текла из пяти источников, вторая часть номинует связь озера с колодецем. Значимая часть *колодец/низовой* считается лексическим единством образованных гидронимных аппелятивов, это место хранения воды, которое люди сами выкапывали для себя (для животных) вручную. Коло-

дец — в каракалпакском толковом словаре понимается так: «выкапывает землю до появления воды в круглой или квадратной форме» [26. С. 182]. Таким образом, в гидрониме *көл бес+қуї* аппелиатив *қуї* образован на основе *қуї/қудық* (колодец). В северных диалектах каракалпакского языка гидронимы с названиями *Бессага*, *Бесжап каналы*, *Төртсага* числа четыре и пять напрямую связано с их количеством.

Нумеративные слова *так*, *кос* (нечетное, объединенное) вместе гидронимными аппелиативами обозначают название водного объекта. Например: *Тақ жап* (Ходжейлийский район), *Қосжап* (Канлыккульский район), *Тақжап каналы* (Чимбайский район), *Жекесалма* (Кегейлийский район) и др. О нумеративных словах в грамматической литературе каракалпакского языка сказано, что: «вместо числительных используются и нумеративные слова. Например: *жалғыз* (одинокий), *жекке* (один) обозначают один, *егиз* (двойник), *жуп* (пара) обозначают два» [22. С. 112].

В каракалпакском языке сложные гидронимы образуются как сочетание числительное + географические термины (озеро, водоем, арык), выраженные именем существительным, их можно увидеть в нижеуказанных примерах:

Бесжап каналы (Чимбайский район),
Төртсага каналы (Чимбайский район),
Бессага (Кегейлийский район),
Жигирмалық коллектор (Кегейлийский район),
Қырық жап (Кегейлийский район),
Бир жап (Караузакский район),
Тағжап каналы (Чимбайский район),
Қосжап (Шуманайский район).

В приведенных примерах в составе гидронимов употреблены количественные числительные, например, пять, четыре, сорок пять; в гидрониме *жигирмалық* коллектор словообразующий аффикс *-лық* прибавлен к порядковому числительному; в гидронимах *Тағжап*, *Қосжап* использованы нумеративные слова — *Тақ*, *Қос* [23. С. 56].

ВИД «ГЛАГОЛ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

Такие сложные гидронимы образуются из двух или трех компонентов. Глаголы, входящие в состав данной группы гидронимов, обычно обозначают любые конкретные действия, например: *қазған* (копать), *кеткен* (здесь тонуть), *жарған* (дробить).

Активно участвуют в гидронимах глагол + существительное аффиксы *-ған/-ген*, *-қан/-кен*. Эти аффиксы в грамматике считаются глагольными и означают совершенное действие.

В работах, посвященных грамматическому строю каракалпакского языка, такие методы словообразования называют лексико-синтаксическими: «В этом методе роль словообразовательного форманта исполняют сложные слова. Некоторые сложные слова имеют смысловую форму и объясняют одно понятие. Например: *Қызкеткен*» [22. С. 112].

В северных районах Каракалпакстана отмечены следующие гидронимы типа глагол + существительное. Например:

Қызкеткен каналы (город Нукус нынешнее название Дослык (дружба)),
Қазанкеткен каналы (Кегейлийский район),
Дамбалкеткен көли (Муйнакский район),
Хожақуйған көли (Кегейлийский район),
Хәкимжарған каналы (Кегейлийский район),
Қоянқашқан көли (Караузякский район),
Доңызкеткен жап (Кегейлийский район),
Ботаөлген шүңгил (Муйнакский район),
Аткеткен көли (Кегейлийский район),
Сулайманжұтқан көл (Кегейлийский район),
Балакеткен салма (Чимбайский район),
Қыятжарған (Канлыкульский район),
Қарабекжарған (Канлыкульский район),
Болысжарған (Караузякский район).

Можно говорить и о существовании типа существительное + глагол, например:

Қуйғанбөгет (Караузякский район),
Қойбақты каналы (Караузякский район).

По мнению Ф.Г. Гарипова: «гидронимы, составленные из глаголов, называются предикативной синтагмой и «*Ат баткан кул*», «*Бала аккен йылга*» — трехсоставный, «*қазылған кул*», «*казған йылга*» — состоит из двусоставной предикативной синтагмы» [4. С. 101].

В узбекском языкознании Н. Бегалиев рассматривает гидронимы существительное + глагол как составные [13. С. 72—73].

СОЕДИНЕННЫЕ ГИДРОНИМЫ

В каракалпакском языке грамматическая оценка строения гидронимов не была дана. З. Дўсимов, исследовавший хорезмские топонимы, при анализе форм топонимов Северного Хорезма, в том числе гидронимов, особо указывает на такие примеры, как *Шортанлы көл* (озеро с жуками), *Шагал айдын* (*Шагалалы айдын* — водная гладь с чайками), *Блақалы жап* (водоем с сомами) [27. С. 79—80], которые по форме являются сложными. При анализе гидронимов Каракалпакстана мы отметили, что большинство названий являются сложными и могут быть разделены на следующие группы:

1) двухкомпонентные — *Абат жап* (Кегейлийский район), *Аман жап* (Кегейлийский район), *Қуйын жап* (Чимбайский район) и др.;

2) трехкомпонентные — *Арқа көлем коллектор* (Кегейлийский район), *Дийқан арна каналы* (Нукусский район), *Төрт сага канал* (Чимбайский район);

3) четырехкомпонентные — *Үш қуда жап каналы* (Ходжейлийский район), *Бес қудық ауыл жабы* (Шуманайский район), *Рейим көк көз салма* (Кегейлийский район) и др.

В каждой группе можно наблюдать ряд особенностей в образовании гидронимов с точки зрения сочетания различных частей речи и грамматических категорий.

Известно, что в языкознании появление новых слов путем соединения, при-мыкания двух или более морфем или путем сокращения или опущения некоторых морфем в слове называется морфологическим способом словообразования. При исследовании предложенного языкового материала мы видим, что гидронимы в каракалпакском языке образуются в большинстве случаев морфологическим способом.

Наиболее частотными являются конструкции типа существительное + глагол, числительное + существительное, существительное + существительное.

Систематизировав собранный материал и проанализировав каракалпакские гидронимы, образованные морфологическим способом, можно предложить следующую их классификацию:

Соединенные гидронимы:

- а) гидронимы, в которых оба компонента — имена существительные;
- б) гидронимы, образованные как существительное + прилагательное;
- в) гидронимы, образованные как прилагательное + существительное;
- г) гидронимы, образованные от глагола, первый компонент которого существительное, а второй — отглагольное прилагательное;
- д) гидронимы, образованные от числительного (первый компонент) и существительного (второй компонент);
- е) соединенные гидронимы, образованные внутренним флексийным способом:

— начальная форма корня соединяется, не подвергаясь никаким изменениям.

Например: *Ақжағыс, Қаратерең, Бозкөл, Жалпақжап, Қызылжар* и др.;

— начальная форма корня соединяется, подвергшись внутреннему флексийному изменению. Например, в гидронимах, подобных *Қарой, Қаттағар* звук а опускается, корень подвергается внутреннему флексийному явлению;

— гидронимы, образованные от несоединенных сложных слов, которые складываются из двух и более слов и номинуют гидроним. Например: *Дәүкемтир көли, Жекенайдың көли, Есимөзек каналы* и др. Начальные компоненты гидронимов, образованных от несоединенных сложных слов, в большинстве случаев выступают определением. Например: *Сүёнли жап каналы, Абат жап каналы* и др. Несоединенные компоненты гидронимов чаще выражаются существительными [29. С. 128].

Примерами могут быть сокращенное существительное + существительное. Например: *Колхозабад каналы, Райком арна* и др.; существительное + существительное + существительное. Например: *Аралбайжап каналы, Есбергенишганаң көли, Абат жауымыс каналы* и др.; производное существительное + существительное. Например: *Кегейли каналы, Бойрашы көл каналы* и др.; числительное + сокращенное существительное + существительное. Например: *2-РК каналы, 5-РК каналы, 6-РК каналы* и др.

Таким образом, гидронимы, образованные от несоединенных сложных слов, отличаются тем, что компоненты гидронимов нельзя заменить синонимами в языке, в противном случае получается другое название; слова в составе гидронимов

теряют свое лексическое значение и номинуют только особенность данного объекта. Грамматические значения подобных гидронимов часто бывают противоположными друг другу. Например: *Барса-келмес көли* и др. Здесь первый компонент названия образован от совершенной формы условного наклонения, а второй компонент — от несовершенной формы.

ВЫВОДЫ

Проанализировав собранные материалы гидронимики северных районов Каракалпакстана, мы выяснили, что гидронимы в каракалпакском языке чаще всего образуются морфологическим способом; наблюдается образование гидронимов путем соединения, сочетания и сращения.

В образовании гидронимов Каракалпакстана словообразующими элементами являются аффиксы *-лы/-ли*, *-ма*, *-лык*.

В каракалпакском языке встречаются гидронимы в простой и сложной форме. Сложные гидронимы встречаются чаще, чем простые гидронимы. Отмечаются формы сложных гидронимов, образованные от двух, трех, четырех компонентов.

Дальнейшее изучение гидронимов каракалпакского языка должно мотивировать развитие правописания лексики данной сферы и способствовать их единообразному написанию.

© Мамбетова Г.Ж.

Дата поступления: 20.05.2018

Дата приема в печать: 7.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Атаниязов С.* Топонимика Юго-Восточного Туркменистана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1966.
2. *Юзбашев Р.М., Будагов Б.А.* Проблемы топонимии Азербайджана // Советская тюркология. 1974. no 5. С. 109—114.
3. *Конкобаев К.* О киргизских топонимах с компонентами беш. Москва, 1975.
4. *Гарипова Ф.Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. М.: Наука, 1991.
5. *Шакуров Р.З.* Башкирские топонимы бассейна реки большой Иргиз // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976.
6. *Кораяев С.* Топонимика. Ташкент: Фан, 1970.
7. *Нафасов Т.* Қишлоғингиз нега шундай аталган? Тошкент: Фан, 1989.
8. *Нафасов Т.* Ўзбекистон топонимларининг изохли луғати. Тошкент: Ўқитувчи, 1989.
9. *Дўсимов З.* Хорезм топонимлари. Ташкент: Фан, 1985.
10. *Каримова Л.* Ўзбек тилида топонимларининг ўрганилиши. Тошкент: Фан, 1982.
11. *Охунов Н.* Жой номлари таъбири. Тошкент: Ўзбекистон, 1994.
12. *Эназаров Т.* Туркий содда топонимларининг этимологик тадқиқи. Тошкент: Университет, 2002.
13. *Бегалиев Н.* Самарқанд вилояти гидронимлари (лисоний таҳлил): дис. ... канд. филол. наук. Самарқанд, 1993.
14. *Улуқов Н.* Ўзбек тили гидронимларининг тарихий — лисоний тадқиқи. Тошкент: Фан, 2008.
15. *Әбдирахманов А.* Топонимика және этимология. Павлодар, 2010.

16. Абдимуратов К. Топонимика Каракалпакии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нукус, 1966.
17. Қурбанов М.Д. Қарақалпақ тилидаги географик терминларининг лексик-грамматик хусусиятлари: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нукус, 2011.
18. Холмўминов Х. Бойсўн ноҳияти ва унинг атроф худудлари микротопонимлари: Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1993.
19. Пахратдинов Қ., Бекниязов Қ. Қарақалпақстан топонимлерининг қурылысы // Илим ҳам жәмийет. Нукус, 2010. no 1—2. С. 69—70.
20. Дўсимов З., Эгамов Х. Жер атамаларының қысқаша түсиндирме. Нукус, 1996.
21. Қошанов К., Зарымбетов А. Об исследовании топонимов, происшедших от гидронимов Каракалпакистана // Илим ҳам жәмийет. 2012. no 3—4. С. 71.
22. Da'wletov A., Da'wletov M., Qudaybergenov M. Ha'zirgi qaraqalpaq a'debiy tili. Нукус: Билим, 2010.
23. Қарақалпақ әдебий тилиниң грамматикасы (сөз жасалыў ҳәм морфология). Нукус: Билим, 1994.
24. Бекбергенев А. Қарақалпақ тилиндеги санлықлардың сакраменталь мәнилери // Қарақалпақ тили бойынша изертлеўлер. Нукус: Каракалпақстан, 1971.
25. Жанузакоев Т. Обычай и традиции в казахской антропонимии // Этнография именов. Москва, 1971.
26. Қарақалпақ тилиниң түсиндирме сөзлиги. Нукус: Каракалпақстан, 1988. Т. III.
27. Дўсимов З. Шимолий Хорезм топонимларининг ясаилиши // Ўзбек тили ва адабиети. 1969. no 5. С. 79—80.
28. Хәзирги карақалпақ әдебий тили. Нукус: Билим, 2010.
29. Бекбергенев А. Қарақалпақ тилинде сөзлердин жасалыўы. Нукус: Каракалпақстан, 1979.

УДК: 811.512.121'373.21

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-696-711

GRAMMATICAL BUILD OF HYDRONYMS OF NORTHERN REGIONS OF KARAKALPAKSTAN

Gulnaz J. Mambetova

Karakalpak language department
of the Nukus State Pedagogical Institute named after Azhiniyaz
Khudaybergenov 14, Nukus, Karakalpakstan, Uzbekistan, 230100

Abstract. This article deals with hydronyms of northern regions of Republic of Karakalpakstan: Shumanai, Kanlikul, Xodjeli, Kungrad, Muinak, Karauzyak, Takhtakupir, Kegeli, Nukus and Chimbai districts. Hydronyms make up a great and particular group of toponyms.

In Turkic languages, specifically in the Karakalpak language hydronyms have a variety of peculiarities on grammatical structure. The article analyzes and proves that hydronyms of northern regions of Karakalpakstan are separate and complex and are formed with the aids of hydronymic affixes — li, li, ma, liq. In the article it's been ruraled linguistic role of word formation affixes in forming hydronymic names. In the article it is stated on grammatical peculiarities, destructions of word affixes, participating in formation of hydronyms, linguistic units related to national peculiarities of karakalpak people, customs, rituals, wildlife, living in water, names of plants).

Particularly the affixes -li/-li affect in explaining zoohydronyms, phytohydronyms and hydronyms that mean the relief features of water bodies. It is proved that appellative hydronyms can alone act as separate hydronyms, and also in the Karakalpak language complex hydronyms are more common than

individual hydronyms. There are forms of complex hydronyms formed from two, three, four components, individual hydronyms forming complex and united hydronyms are subject to the grammatical structure of our language. Hydronyms of the northern regions of Karakalpakstan are not formed in all forms of word formation. Hydronyms are formed by the method of affixing complex hydronyms (addition of words, addition of words + affixation) and lexicon-syntactically. The formation of hydronyms in other ways is insignificant.

Key words: Toponyms, hydronyms affix, separate hydronym, complex hydronym, phitohydronym, zoohydronym, component, morphological method (way)

REFERENCES

1. Ataniyazov, S. (1966). Toponym of South-eastern Turkmenistan. Ashkhabad.
2. Yuzbashev, R, Budagov B. (1974). Problems of toponyms in Azerbaijan. Baku.
3. Konkobaev, K. (1975). About Kirghiz toponyms in with Besh components. Moscow.
4. Garipova, F.G. (1991). Investigations on hydronymy of the Tatarstan. Moscow: Nauka.
5. Shakurov, R. (1976). Bashkir toponyms off the big Irgir river basin. Saransk. pp. 209—212.
6. Koraev, S. (1970). Toponymics. Tashkent: Fan. pp. 14—15. (In Uzbek.).
7. Nafasov, T. (1989). Why the village is so named? Tashkent: Fan.
8. Nafasov, T. (1989). Explanatory dictionary of Uzbek toponyms. Tashkent: Ukhituvchi. (In Uzbek.).
9. Dusimov, Z. (1985). The toponyms of Khorezm. Tashkent: Fan. (In Uzbek.).
10. Karimova, L. (1982). Learning of toponyms in Uzbek languages. Tashkent: Fan. (In Uzbek.).
11. Ohunov, N. (1994). Interpretation of place names. Tashkent: Uzbekistan. (In Uzbek.).
12. Enazarov, T. (2002). Etymological researches of Turkish simple toponyms. Tashkent: University.
13. Begaliev, N. (1993). Hydronyms of Samarkand region (linguistic analysis): [dissertation]. Samarkand.
14. Ulukov, N. (2008). Historical and linguistic studies of hydronyms of the Uzbek language. Tashkent: Fan. (In Uzbek.).
15. Abdirakhanov, A. (2010). Toponymics and etymology. Pavlodar. (In Kazakh.).
16. Abdimuratov, K. (1966). Toponymics of Karakalpak: [abstract of dissertation]. Nukus. (In Karakalpak.).
17. Kurbanov, M.D. (2011). Lexical-grammatical peculiarities of geographical terms in the Karakalpak language. Nukus. (In Uzbek.).
18. Kholmuminov, X. (1993). Boysun's essence and its all around microtoponyms: [dissertation]. Tashkent. (In Uzbek.).
19. Pakhratdinov, K. & Bekniazov, K. (2010). The structure of the toponyms of Karakalpakstan, *Journal of Science and Society*, 1—2, 69—70. (In Karakalpak.).
20. Dusimov, Z. & Egamov, H. (1996). Brief explanatory dictionary of geographical terms. Nukus. (In Karakalpak.).
21. Khoshanov, K, Zarimbetov, A. (2012). On the study of toponyms originated from the hydronyms of Karakalpakstan, *Science and society*, 3—4, 71.
22. Da'wletov, A., Da'wletov, M. & Qudaybergenov, M. (2010). Modern Karakalpak literary language. Nukus: Bilim. (In Karakalpak.).
23. Grammar of Karakalpak literary Language (Word Formation and morphology) (1994). Nukus: Bilim. (In Karakalpak.).
24. Bekbergenov, A. (1971). Sacramental meanings of Numerals in Karakalpak Language. In: *Researches on Karakalpak Language*. Nukus: Karakalpakstan. pp. 186—191. (In Karakalpak.).
25. Jzanuzakov, T. (1971). Customs and traditions in Kazakh anthroponymy//ethnography of names. Moscow. (In Kazakh.).
26. *Explanatory dictionary of Karakalpak*. (1988). Nukus: Karakalpakstan. T. III. (In Karakalpak.).
27. Dusimov, Z. (1969). Education of the toponyms of Northern Khorezm, *The journal "Uzbek language and literature"*, 5, 79—80. (In Uzbek.).

28. Modern karakalpak literary language (2010). Nukus: Bilim. (In Karakalpak.).
29. Bekbergenov, A. (1979). Word formation in the Karakalpak language. Nukus: Karakalpakstan. (In Karakalpak).

Для цитирования:

Мамбетова Г.Ж. Грамматический строй гидронимов северных районов Каракалпакстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 696—711. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-696-711.

For citation:

Mambetova, G.J. (2018). Grammatical build of hydronyms of northern regions of Karakalpakstan. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 696—711. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-696-711.

Сведения об авторе:

Мамбетова Гулназ Жаксымуратовна, старший научный сотрудник-исследователь кафедры каракалпакского языка Нукусского государственного педагогического института имени Ажинияза; *научные интересы*: лексикология, терминология, ономастика, топонимика, гидронимика; *e-mail*: gul_mambetova@mail.ru

Information about the author:

Gulnaz J. Mambetova, Senior Scientific Researcher of the Karakalpak Language Department of the Nukus State Pedagogical Institute Named After Azhiniyaz; *Interests*: lexicology, terminology, onomastics, toponymics, gidronimika; *e-mail*: gul_mambetova@mail.ru

УДК: 811.161.1'27:659.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-712-728

ОТОНИМНЫЕ ПРАГМАТОНИМЫ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

В.А. Омеляненко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются отонимные прагматонимы с национально-культурным компонентом в лингвокультурологическом и коммуникативно-прагматическом аспекте. Подобные примеры встречаются преимущественно в названиях торговых марок продуктов питания отечественного производства. Отонимные способы образования «коммерческих имен» называются *трансонимизацией*, которая заключается в переходе онима из одного подразряда имени собственного в другой.

При анализе материала, полученного методом сплошной выборки, применялся комплекс различных методов, в том числе метод лингвокультурологического (лингвострановедческого) комментирования и интроспективный подход, заключающийся в том, что у самих носителей языка есть какие-то представления о национальной маркированности тех или иных единиц своего языка вне сопоставления с другими языками. Методология исследования основывается на классических обобщающих работах, посвященных проблемам ономастики, в частности — словесным товарным знакам, а также на современных исследованиях, представляющих отдельные аспекты функционирования «рекламных имен» (чаще прагматонимов и эргонимов).

Выявлены наиболее типичные онимные источники, от которых они образуются, среди которых *антропонимы* (фамилии, имена, отчества, клички животных), разные виды *топонимов* (названия географических объектов). Как показал анализ, в современном рекламном пространстве наиболее употребительными являются *отфигтонимные* прагматонимы, которые представлены прецедентными именами. Популярность их объясняется лингвокультурологической ценностью. Анализируются также различные приемы языковой игры в наименованиях торговых марок, которые, как правило, являются *креативными*, то есть обусловленными каким-то намерением. Отонимные прагматонимы широко употребляются для формирования обобщенного положительного образа отечественного товара, который выступает как неотъемлемая часть благосостояния всей страны. Функция анализируемых единиц позволяет номинатору охарактеризовать особенность товара, указать производителя, местоположение производства, обозначить целевую аудиторию его потребления, а также перевести незнакомый продукт из категории «чужой» в категорию «свой». Обращение к патриотическим чувствам потребителя используется с коммерческой целью как средство речевого воздействия, с одной стороны, и как важное средство продвижения отечественных товаров для укрепления российского рынка.

Ключевые слова: национально-ориентированная реклама, национально-культурный компонент в рекламе, прагматоним, имя собственное в рекламе, лингвокультура, лингвострановедение, лингвокреатив в рекламе, языковая игра в рекламе

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА, МЕТОДЫ

Собственные имена, выступая в качестве носителей культурно значимой информации, приобретают символические свойства. Эта их особенность весьма востребована в культурной традиции и характерна для всех типов дискурса, в том

числе и для рекламного. Многие онимы как ключевые имена русской культуры так или иначе входят в структуру культурного кода, характеризуя русскую ментальность. Предметное содержание имени собственного как культурного знака существует в сознании носителя языка в форме фоновых знаний (ассоциативно-культурного фона).

«Роль культурных знаков (культурем) в современных российских СМИ (а особенно в рекламе — *B.O.*) гораздо более значима, чем роль простого стилистического приема, задача которого — в качестве испытанного средства — оживить текст в традиционной паре «стандарт—экспрессия». Они являются и средством выражения авторской оценки, и средством создания образности» [1. С. 182]. Исследование национально-культурного компонента в рекламе, а особенно в «рекламном имени», позволяет составить представление о том, какие именно ценности привлекают внимание потребителей при выборе продукции.

Объектом анализа в представленной статье являются прагматонимы (названия торговых марок (далее — ТМ) с национально-культурным компонентом), которые были выделены путем сплошной выборки из специальных источников [2], а также собраны в результате наблюдений. Отметим, что такие примеры встречаются преимущественно в названиях торговых марок продуктов питания (шоколад «*Россия*» — *щедрая душа*», водка «*Иван премиум*», пиво «*Балтика*», майонез «*Ряба*» и т.п.). При этом, как справедливо отметил Э. Хоффманн, «превращение национальной символики в символическую пользу рекламируемого продукта практикуется не для продуктов питания первой необходимости, а при продвижении дополнительных (не полезных для здоровья) изделий, которые находятся на периферии продуктов питания согласно «*Nizza Klassification 2002*» — шоколада, табака, алкоголя и т.п.» [3. С. 256].

Под **прагматонимом** мы понимаем «разряд онимов, под которым условно объединены различные категории имен собственных, имеющие денотаты в прагматической деятельности человека, связанные с практикой, предметной областью» [4. С. 110], в нашем случае — *словесный товарный знак* (Соболева-Суперанская 1986), *торговая марка* (ТМ), *бренд*. Торговая марка, определяемая как «*vecteur de sens*» [5. С. 31], становится брендом тогда, когда ее имидж становится значимым для большого количества людей. Также удачным можно считать термин *коммерческое имя* (Е.С. Кара-Мурза) или *рекламное имя* (И.В. Крюкова), под которыми понимаются не только прагматонимы, но и другие наименования коммерческих объектов, объединенные воздействующей функцией.

Прагматонимы — ключевые знаки рекламного дискурса, функционирующие на когнитивном уровне рекламного воздействия [6. С. 263—264]. В рекламном пространстве они передают смысл во взаимодействии с другими семиотическими модусами: визуальными (шрифты, цветовая гамма, графические символы, рисунки, фотографии и т.п.) и музыкальными, то есть выступают как **мультимодальные комплексы**.

Следует отметить то, что прагматоним трактуется не как разряд онимов, а как *номен* (номенклатурное обозначение), то есть слово или словосочетание, используемое для называния товарного знака [7. С. 161]. При этом еще в 70-е годы

в языкознании появляются два направления по вопросу места товарного знака в ономастике. Представители первого направления считают, что товарный знак — номен (А.В. Суперанская (статьи «Терминология и ономастика», «Апеллятив — онома»), Р.Е. Березникова, В. Бланар («Das spezifisch Onomastische»), А.А. Братина), представители второго рассматривают товарный знак как оним (А.В. Суперанская (монография «Общая теория имени собственного»), Н.В. Подольская («Словарь ономастической терминологии»), Л.М. Щетинин, П.Т. Поротникова, Н.Н. Волкова, Т.А. Соболева, А.А. Суперанская «Товарные знаки») [8. С. 7].

Отонимные способы образования наименований исследователи называют **трансонимизацией** (термин Н.В. Подольской), которая заключается в переходе онима из одного подряда имени собственного в другой. Однако отдельных комплексных исследований, посвященных изучению отонимных товарных знаков с национально-культурным компонентом, еще не проводились, что и послужило причиной обращения к анализу прагматонимов в данном аспекте. Следовательно, **цель** настоящего исследования — выявить наиболее типичные онимные источники, от которых образуются названия национально-ориентированных торговых марок российских производителей; **задачи**: классифицировать и проанализировать выбранные примеры в лингвокультурологическом и коммуникативно-прагматическом аспекте.

В статье применялся традиционный описательный метод, основанный на непосредственном наблюдении над языковым материалом; систематизация и обобщение функционирующих в рекламном дискурсе прагматонимов, метод лингвокультурологического (лингвострановедческого) комментирования, а также интроспективный подход, заключающийся в том, что у самих носителей языка есть какие-то представления о национальной маркированности тех или иных единиц своего языка вне сопоставления с другими языками [9. С. 224].

Методология настоящего исследования основывается на обобщающих работах, посвященных проблемам ономастики [10—12 и др.], в частности — словесным товарным знакам [13, 14 и др.], а также на современных исследованиях, представляющих отдельные аспекты функционирования «рекламных имен» (чаще прагматонимов и эргонимов) [15, 6, 16 и мн. др.] Также для данного исследования методологически значимыми являются принципы анализа языка рекламы в работах [17, 18, 3 и др.].

Образовательной базой для выбранных прагматонимов служат антропонимы (фамилия, имя, отчество, кличка животного), разные виды топонимов (названия географических объектов), а также прецедентные онимы. Обратимся к их анализу.

2. АНАЛИЗ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ (ПРАГМАТОНИМОВ)

2.1. Отантропонимные прагматонимы

Антропонимикон рекламных текстов представляет собой хорошо продуманную систему имен, среди которой отметим следующие виды антропонимов: личные имена и их производные, патронимы (отчества), зоонимы (имена животных).

2.1.1. Личные имена и их производные

Личные имена в названиях ТМ могут встречаться:

- ◆ в официальной (полной) форме — пельмени «*Дарья*», пиво «*Афанасий*», квас «*Никола*» (вариант имени Николай), водка «*Иван премиум*» и т.д.;
- ◆ в неофициальной (неполной) форме, которая, в свою очередь, может быть представлена *гипористической* (краткие имена, имеющие сокращенную форму основы), *квалитативной* (со значением субъективной оценки) и *димиутивной* формой (с субъективно-оценочным значением).

Гипористическая форма представлена в названии мороженого «*Гоша*» (кр. от Георгий), детского питания «*Тёма*» (кр. от Тимофей). Торговые марки товаров, предназначенных в первую очередь для детей, представляют собой качественные имена, используемые как ласковое обращение по отношению к детям. Чаще всего такие примеры можно встретить в названиях сладостей и мороженого: «*Алёнка*», «*Ванька*», «*Тимка*» и т.д. Значение выражается с помощью суффикса *-к(а)*, который, по мнению А. Вежбицкой, «обладает универсальным значением и в определенных ситуациях выражает нежность, дружеское отношение» [19. С. 137—138]. Примеры использования димиутивов (экспрессивных форм личных имен с уменьшительно-ласкательным оттенком) можно встретить в названиях товаров, предназначенных не только для детей, но и, например, для женщин — мучные изделия «*Настюша*» или для мужчин — водка «*Маруся*».

Использование имен собственных в названиях ТМ объясняется национально-культурным колоритом имени, например имя Иван (ср. устойчивое сочетание *русский Иван*; *Иван* «вообще русский человек») [11. С. 201], а также связанное с этим пристрастие к употреблению крепких напитков [20. С. 384]. «Водка является неотъемлемой частью российской идентичности... Традиционный образ юмористических передач — русский Ванька всегда пьян... или же взять к примеру культовый фильм «Особенности национальной охоты» и его продолжения, а также мир интернет-мемов» [21. С. 86]. Однако для названий спиртных напитков, как для водки «*Иван премиум*» (слоган *Русский до последней капли*) имя Иван не совсем удачное, так как в русских народных говорах зафиксировано несколько апеллятивных производных имени: *иванёц* ряз. «*пиво особого изготовления; бражка*»; *иванушко, ивашко* волог. «*последнее и самое плохое, жидкое пиво (при его производстве)*»; *ивашко-другон* волог. «*пиво, спущенное во второй раз, оно жиже и горчее (вообще хуже) первого*» (ср.: волог. *друган* «*пиво, приготовленное второй раз на том же сусле*») [22. С. 381].

Важно отметить, что в России уже прошла мода на немотивированное использование русских имен в отечественной промышленности в качестве товарных знаков (одеколон «*Саиша*», духи «*Натаиша*» и т.п.), как это было в 80-е, когда нейминг представлял собой «недостаточно хорошо обоснованное подражание западным образцам» [13. С. 93].

2.1.2. Патронимы (отчества)

Современная полная антропонимическая формула русского народа, имеющая трехкомпонентную структуру *имя + отчество + фамилия*, выступающая в качестве этнолингвального (культурно-исторического) феномена русского националь-

ного языка, как и вежливая вокативная модель *имя + отчество*, является уникальной [12. С. 67]. Поэтому среди национально-ориентированных ТМ часто встречается трансонимизированные отчества: продукты «У Палыча», соки «Иваныч» и т.п. Национально-культурный компонент в первом случае подтверждается сопровождающим рекламным текстом на сайте: *Большинство наших продуктов делается исключительно вручную людьми, которые чтут традиции русской кухни*. Во втором примере — слоганом: *Наши, самарские*.

«За рамками русской лингвокультуры отчество, как известно, также национально маркировано, а образованное от типично русского имени — маркировано вдвойне. «Употребление отчества без имени, возможное в ситуации дружеского (или фамильярного) общения, в том числе и всегдашних (или, наоборот, случайных) собутыльников, актуализирует идею типичного (типично русского) застолья» [20. С. 383].

2.1.3. Зоонимы (имена животных)

Название ТМ молока «Буренка» представляет собой распространенную кличку коровы бурой масти в русской традиции. Однако сегодня это имя собственное перешло в разряд нарицательных и современные словари дают определение с пометой *традиционно-народное, ласковое «корова (первоначально — распространенная кличка коровы бурой масти»* [22. С. 104]. Другой пример — название ТМ продуктов из птицы «Петруха», которое представляет собой стилистически сниженный синоним имени *Петя* — производного от *Пётр*. Петя и Петруха являются самыми распространенными кличками петуха в российской традиции, что можно объяснить созвучием имени Петя с глаголом *петь*, и производным от него существительным *петух*. В фольклорных произведениях, особенно в сказках и пестушках, также часто встречается герой *Петя-петушок*. Итак, интенция номинаторов в обоих случаях очевидна — вызвать ассоциацию продукта с домашним, деревенским, натуральным продуктом.

Однако Т.А. Соболева и А.В. Суперанская отмечают, что клички животных из-за своей вторичности не подходят для включения в состав товарных знаков: «лишь в очень редких случаях имя какого-либо широко известного животного может стать основой коммерческого неологизма» [13. С. 86], и в качестве примера приводят конфеты «Белка и Стрелка».

2.2. Оттопонимные наименования

Созданные на основе топонимов названия являются координатными, то есть содержат информацию о местонахождении предприятия, производящего данную ТМ. Номинации, связанные с географическими реалиями, можно рассматривать как результат «топонимической метонимии» [10].

Как правило, такие названия функционируют с целью соотнести производимый продукт с географическим положением его производителя: масло «Алтайское» (слоган *Вкусна каша, если масло наше*) — производится в Республике Алтай; пиво «Клинское», сосиски «Клинские» — в городе Клин и т.д. Однако могут быть и несовпадения: снеговая продукция «Клинские снежки», производящая

компания которых находится в г. Лакинске Владимирской области. Скорее всего, такое название мотивировано сходством с названием ТМ пива, что подтверждается слоганом — *Сухарики «Клинские» к «Клинскому»*.

Как правило, такие названия образуются опосредованно, например, от транслитерированных названий компаний, фабрик, производящих данный продукт. Например, названия ТМ пива «*Очаково*» и кваса «*Очаковский*» произошли от ЗАО «Очаково», которое названо по части района Москвы «Очаково-Матвеевское» (бывшая усадьба, село Очаковское). Другие примеры можно привести по формуле: пельмени ТМ «*Традиционные Останкинские*» ← предприятие по мясопереработке — ОАО «Останкинский мясоперерабатывающий комбинат» ← Останкинский район Москвы (бывшая деревня под Москвой); колбаса «*Егорьевская*» ← Егорьевская колбасно-гастрономическая фабрика ← город Егорьевск. ТМ колбасных изделий «*Царицыно*» ← группа компаний ОАО «Царицыно» (наследник построенного в 1970 году Царицынского мясокомбината) ← район в ЮАО Москвы.

2.2.1. Отхоронимные наименования

Хороним — вид топонима (собственное имя любой территории, области, района; городской хороним — имя любой административно-территориальной единицы, имеющей определенные границы, принятое в официальных документах; природный хороним — имя любой природно-ландшафтной области [4. С. 145—146].

Одним из самых ярких и популярных в России является бренд «*Россия*» — *щедрая душа*» шоколада «Нестле Россия» (до 1995 года «Кондитерское объединение «Россия»). В основу названия бренда взяты представления о характере русского народа, его национальные черты, главные ценности — щедрость, душевность, открытость, широта и щедрость русской души, которые находят отражение в широком ассортименте продукции: «*Российский*», «*Сударушка*», «*Родные просторы*» и др. [23. С. 346].

В качестве популярного производящего для наименований ТМ является хороним Сибирь, например, ТМ пива «*Сибирская корона*», сублимированные фрукты «*Сибирский гостинец*» и т.д. А.М. Литовкина обращает внимание на то, что, «концепт “Сибирь” является ментальной единицей, отраженной в национальном сознании, культуре и языке русского народа» [24. С. 73]. Основные когнитивные признаки концепта Сибирь: «огромное пространство», «богатство Сибири», «миролюбивость сибиряков», «единство с Россией», «красота природы», «суровость». В XX веке добавляются и становятся важными для концепта и другие признаки: «сила», «опора», «промышленность», «кладовая планеты» [25. С. 59]. «Однако в настоящее время российская культура в силу своей экзотичности для западного человека пользуется большим спросом, нежели ранее. Сибирь уже давно является своеобразным брендом, за которым кроется набор устойчивых ассоциаций» [25. С. 137]. Именно поэтому реклама сибирской продукции является национально-ориентированной.

Интенция производителя очевидна — позиционировать товар, созданный для людей, которых привлекает сибирский (сильный) характер: «Суровый, как север-

ные морозы; щедрый, как тайга; непостижимый, как алтайские вершины» [26]. С этой целью в 2015 году «Сибирская Корона» запустила линейку крафтового пива «Сибирский характер», каждый сорт которого посвящен одному из легендарных сибирских животных:

IPA «Алтайский Ветер»: Эль (IPA) оставит после себя хмелевую горчинку и философские размышления о жизни на вершинах Алтая;

ржаной эль «Амурский Нрав»: Эль, рыжеватоый, как окрас хищника. Издает едва уловимый рык, когда открываешь бутылку;

стаут «Таежный Бурый»: Попробуй стаут из шести сортов солода с шоколадными, сливочными и даже кофейными нотками во вкусе. Темный, как окрас хозяина Тайги.

2.2.2. Отоikonимные наименования

Еще одним достаточно популярным источником для номинации товарных знаков является *ойконим* — вид топонима, обозначающий собственное имя любого поселения, в том числе городского типа — *астионим* и сельского типа — *комоним* [4. С. 89]. Ограничимся термином *ойконим*.

Отоikonимными являются названия ТМ водки «Старая Москва» (ср. популярные с давних времен духи «Красная Москва»), минеральной воды «Ессентуки» и т.п.

ТМ «Ессентуки», пожалуй, самая известная в России, по названию оздоровительного города-курорта Ессентуки в Ставропольском крае. Основная прагматическая направленность наименования ТМ «Ессентуки» — полезность, и покупатель, приобретая минеральную воду в магазине, убежден, что она обладает лечебными свойствами.

Название ТМ «Якишинские вафли», как утверждают производители, стала почти нарицательным (ср. тульский пряник, бородинский хлеб и т.п.). Фабрика, где их производят, находится в городе Якишино Кемеровской области, и «Якишинские вафли» — ведущая марка предприятия. Логотип бренда представляет собой стилизованное под старославянское начертание название марки на красном фоне, что также поддерживает связь с традициями [2].

Название марки соков «Сады Придонья» происходит от небольшого поселка Сады Придонья в Волгоградской области РФ, в котором находится российская компания «Сады Придонья», занимающаяся производством на промышленной основе яблочного сока и продажей яблок.

Распространены названия от регионов, городов, где, как правило, производится продукт: пиво «Вятч» (ср. завод Вятч), а также оттопонимные притяжательные прилагательные в составе знака — «Вятский квас». В данных примерах используется производные от топонима (исторического ойконима + гидронима) Вятка — города, который после 1934 г. называется Киров, а также реки Вятка. От топонима Вятка образована и фамилия *Василия Вятского* — главного героя серии национально-ориентированных рекламных роликов, который воплощает в себе лучшие качества русской души.

Аналогичная ситуация в рекламной компании сухариков «*Воронцовские*». Название ТМ является отойконимным и происходит от названия деревни Воронцово, в которой они пекутся. В национально-ориентированных рекламных роликах о них поет «созданный персонаж» *Семён Воронцов* из группы «Корки», который живет в этой деревне. Национально-культурный компонент рекламы поддерживает и рекламный слоган — сухарики «Воронцовские» *пекутся о традициях забавы ради*.

Как видим, такой рекламный ход позволяет сделать рекламу интересной, запоминающейся и патриотичной.

2.2.3. Отурбанонимные наименования

Урбаноним — вид топонима, обозначающий собственное имя любого внутригородского топографического объекта [4. С. 139].

Имя ТМ масла «*Кремлевское*» образовано от названия городской крепости в центре Москвы (древнейшей ее части). Вместе с тем название «*Кремлевское*» имеет значение «связанный с Кремлем (как местом, где размещаются высшие административные органы России)» [22. С. 468], так как Кремль в результате метонимического переноса развил значение, принятое в общественно-публицистической лексике для обозначения высших кругов власти СССР и Российской Федерации как «место размещения аппарата Президента на территории Московского Кремля» [22. С. 468]. Это вызывает у потребителя ассоциацию, связанную с элитарностью и высоким качеством, чего и хотел достичь номинатор. Не даром первым «лицом» марки стал известный телевизионный диктор советских времен Игорь Кириллов. Рассказывая о новом продукте, он вызывал доверие потребителей к его качеству [2].

Вино «*Арбатское*» — ключевой бренд Московского межреспубликанского винодельческого завода, название которого образовано от исторического и административного района в Москве, богатого своими достопримечательностями, а также главной улицы этого района — *Арбат*. Это название можно считать удачным, так как Арбат тесно связан с историей русской культуры. С помощью ассоциативно-культурного фона название вина способно вызывать у потребителя положительные эмоции, чувство приверженности традициям.

2.2.4. Отгидронимные наименования

Гидроним — вид топонима, обозначающий собственное имя любого водного объекта, природного или созданного человеком [4. С. 48].

В качестве источника номинации торговых марок в России достаточно популярен гидроним Балтийское море. Например, название ТМ пива «*Балтика*» актуализирует обиходное название Балтийского моря и его побережья; майонез марки «*Балтимор*» — сокращенный дериват от словосочетания Балтийское море.

В рекламе пива «*Балтика*» актуализируются национальные ценности — все то, что «*объединяет нас в России*», в ряду прецедентных феноменов из разных источников: «*Схватки боевые, Да говорят еще какие!*» (М.Ю. Лермонтов «Бородино»), «*парус одинокий*» (М.Ю. Лермонтов «Белеет парус одинокий»); «*Звезда*

по имени Солнце» (В. Цой «Звезда по имени Солнце»), «Дубы колдуны» («Песня про зайцев», слова Л. Дербенева, музыка А. Зацепина), *Свет в оконце* (Сергей Галанин (СерьГа)), «И мир прекрасен этот, посмотри!» (Д.Ф. Тухманов «Как прекрасен этот мир»), «Нам всем любые доро́ги доро́ги» (м/ф «Бременские музыканты»). Заканчивается реклама фразой *Вот что в России ценим мы*. Затем звучит слоган: «Балтика» — там, где Россия, который, замыкая цепочку культурно-значимых реминисценций, ставит с ними в один ряд по значимости Балтийское море, с одной стороны, и пиво торговой марки «Балтика» — с другой. Хотя пиво и не является исконно русским продуктом, национально-ориентированная реклама пива в России является весьма популярной, «при просмотре различных рекламных роликов становится очевидным, что руководители маркетинга попытались поместить пиво в те же рамки, в которых находилась водка уже с XIX века, то есть придать пиву те же ценности, которые прежде были связаны с водкой» [21. С. 86].

Название рыбной продукции «Русское море» представляет собой обобщенное название водных объектов. Россия омывается пятнадцатью морями, поэтому здесь неплохо развито рыболовство. Россия уже на протяжении долгих лет входит в десятку стран, у которых самый большой улов рыбы. Кроме того, в X—XIV веках так называлось Черное море до середины XIX века — Баренцево море. Русское море — национальный бренд, рассчитанный на патриотично настроенного потребителя, так как «представляет собой своеобразное воплощение русской души, ее отражение через продукт, об этом говорит сама фонема бренда» [27].

Одним из удачных национальных брендов является название ТМ водки «Гжелка». Название ассоциируется с названием поселка Гжель в Раменском районе Московской области, который находится на берегах речки Гжелка. Поселок известен своим бело-синим фарфором, следовательно, эмблемой водки было выбрано стилизованное под гжелский народный промысел изображение сказочной синей птицы, которая как раз отсюда родом. Похожесть водки на сувенирную продукцию с гжелской росписью привлекает покупателя — ценителя народного промысла. Кроме того, «на бутылке имеется рельефное изображение быка — одного из древнейших символов мужской силы и потенции во многих культурах мира. Два узких пояса в верхней и нижней части цилиндра бутылки напоминают граненый стакан советских времен, что также связано с традициями. Две синие птицы — птицы удачи, сказочные Феникс, Сири́н, Алконост, по народным поверьям вызывающие чудесный поворот дел к лучшему или возрождение» [28].

2.3. Отфигтонимные наименования

Как показал анализ, наиболее употребительные прагматонимы — *отфигтонимные*, которые представлены прецедентными именами. Это обусловлено широкой узнаваемостью исходного имени всем представителям национального лингвокультурного сообщества. В первую очередь, это прецедентные антропонимы, которые апеллируют к самым разным источникам российской культуры. Например, к фольклорным и сказочным персонажам: майонез и кетчуп «Ряба», квас «Добрыня Никитич», сухарики «Емеля», конфеты «Карабас-Барабас», «Старик-Хоттабыч», «Коза-Дере́за» и т.д.), а также мультгероям: конфеты

«Почтальон Печкин», мороженое «Незнайка», «Винни-Пух», «Карлсон», «Матроскин» и т.д.

Подобные названия брендов, обладающих лингвокультурологической ценностью, представляют собой явление *интериконичности* — отсылки к прототексту не вербального, а визуального характера [29. С. 103].

Так, название ТМ «Ряба» вызывает у потребителя ассоциацию со сказочной курочкой Рябой, с домашним, деревенским бытом. Таким образом, производитель хотел убедить покупателя в том, что главным компонентом качественного майонеза являются домашние яйца. Сюжет национально-ориентированных рекламных роликов кваса ТМ «Добрыня Никитич» состоит в том, что богатырь русского народного эпоса Добрыня Никитич борется с «темными силами» и побеждает их, утолив жажду и укрепив силы бодрящим квасом, отражая тем самым интенцию производителя: *пейте квас нашей ТМ и будете сильными, мужественными, как Добрыня Никитич* (см.подробнее [30. С. 143—145]).

Источниками прецедентности выступают и исторические личности: сигареты «Пётр Первый» (также коньяк «Пётр Великий», кофе «Пётр Великий»), водка «Менделеев». В России вокруг водки образована разнообразная мифология. Один из мифов связывает появление водки с именем русского ученого Д.И. Менделеева на том основании, что его докторская диссертация называлась «О соединении спирта с водой», а с именем российского царя Петра Первого связано начало эпохи табакокурения в России.

Определенная «мода» в сфере рекламного нейминга — прецедентные фамилии в качестве названия. Причем фамилии могут называть реальных людей — основателей компании, фабрики, торговой марки, или вымышленные, легендарные фамилии, которые вызывают доверие потребителей. Так, марка конфет «Савинов» происходит от фамилии купца Савинова, основателя самарской фабрики «Кондитер». Самого Савинова в России никто уже не помнил, однако благодаря рекламной компании о нем вновь стало известно [2].

В основе наименования марки молочных продуктов «Иван Поддубный» имя профессионального борца, атлета и артиста цирка, происходящего из рода запорожских казаков. Прагматическая направленность названия ТМ — употребляй молочные продукты нашей торговой марки и будешь сильным и отважным, как запорожский казак.

Пиво торговой марки «Степан Разин» апеллирует к имени донского казака, предводителя крупнейшего в России восстания в истории России в допетровскую эпоху (1670—1671 гг). Как видим из этого примера, выбор донского казака в качестве бренд-амбассадора в данном примере не совсем удачный, так как реклама позиционирует этот продукт как «истинно петербургское пиво».

Шоколадная фабрика и изделия торговой марки «А. Коркунов» названы в честь российского предпринимателя, вице-президента Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России». Торговая марка пива «Ворсин» отсылает к знаменитым братьям Ворсиным, которые считаются родоначальниками пивоварения на Алтае, а завод является идейным продолжателем традиций алтайских пивоваров 19 века [2].

Отсылка к основателям продукта или ТМ, реальным или вымышленным, привлекает покупателя и создает имидж традиционного продукта, сохранившего свое качество со времен его появления и получившее общественное признание.

С такой же целью в названиях торговых марок используют русскую дореформенную орфографию: указать на долговременный спрос продукта, а также традиционность, качество и общественное признание. Кроме того, такая орфография вызывает ассоциацию с дореволюционной Россией, оживляя концептуальные смыслы «старая Россия», «настоящая Россия», «утраченная Россия», «золотой век России», что помогает реализовать стратегию «на повышение статуса». В качестве названия торговая марка майонеза «*Махеев*» получила фамилию одного из основателей. В рекламных целях была придумана даже легенда о том, как когда-то в Елабуге жил купец Махеев, построивший завод по производству майонеза. Подобный ход полностью оправдал себя, ведь давно известно, что покупатели с большим доверием относятся к именным брендам [2]. То же самое можно сказать про торговую марку «*Аведов*», которая имеет более чем столетнюю историю. Ее родоначальником был знаменитый российский заводчик Иван Аведов, который вместе со своим братом Степаном основал в 1898 году маслобойню в Екатеринодаре (ныне Краснодар) [2].

Национальный бренд мясных продуктов «*Микоян*» и Микояновский мясоперерабатывающий завод назван в честь сталинского наркома (министра) пищевой промышленности Анастаса Микояна. Именно в этом чине Микоян посетил США для знакомства с новейшими технологиями, которые были крайне необходимы комбинату, так как с 1933 года он являлся официальным поставщиком Кремля.

2.4. Языковая игра в прагматонимах

Отклонение от нормы в названиях ТМ, как правило, является *креативным*, то есть обусловленным каким-то намерением — «создание “маски автора”, формирование креативного имиджа, выражение авторской иронии, демонстрация “лингвистического остроумия”, лингвистическое экспериментирование со словом или его формой и т.п.» [31. С. 305].

Довольно распространенный вид языковой игры — использование вместо русского суффикса *-ов-* иноязычного *-off* (*-офф*), иногда в кириллической обличке («обратная транслитерация»). «Как известно, таким образом транскрибировались русские фамилии эмигрантов первой волны, переезжавших в Европу и Америку. Многие из них были людьми аристократического происхождения, поэтому иностранный формант *-off* до сих пор подсознательно ассоциируется с элитарностью и определенным статусом» [32. С. 136].

Известный мировой бренд «*Smirnoff*» (слоган *Чистокровная водка*) свое название берет от фамилии Петра Арсеньевича Смирнова — основателя спиртоводочного завода в Москве. Кофе марки «*Davidoff*» (а также ТМ сигарет и духов) производит швейцарская фирма. Основателем марки был эмигрант Зиновий Давыдов, сын торговца табачными изделиями из Киева. Таким образом, всемирно известные бренды «*Smirnoff*», «*Davidoff*», а также не менее известные украинские «*Nemiroff*» «*Мягkoff*» и «*Medoff*» стали моделью для образования наименования

ряда проектов предпринимателя Олега Тинькова: «Тинькофф банк», пиво «Тинькофф» и т.д., а также для водки белорусской ТМ «Неманoff» (от реки Неман).

Встречается такой прием языковой игры как **псевдоономимизация** (оказиональное имяобразование) с опорой на стандартный тип образования фамилии как притяжательного прилагательного, мотивированная метонимически. Так, название может быть мотивировано:

— **качеством товара**: наименование ТМ пива «Солодов» мотивировано существительным *солод* «продукт из проросших и смолотых зерен хлебных злаков, применяемый при изготовлении пива, кваса, спирта и т.д.» [22. С. 1233]; название ТМ пива «Бочкарёв» — существительным *бочка*, что связано с традицией хранения в крестьянских хозяйствах пива, кваса, вина и т.п. в бочках;

— **типом товара или его субъективной характеристикой**. Так, в основе наименования торговой марки каш быстрого приготовления «Быстров» лежит глагол *быстро*, тортов ТМ «Усладов» — существительное с пометой *традиционно-поэтическое* «наслаждение, удовольствие, отрада» [22. С. 1398], кваса ТМ «Утоляев» от глагола *утолять* — «удовлетворять потребность в еде, питье» [22. С. 1406].

Следует отметить, что приведенные фамилии являются реальными и зафиксированы в русском языке, поэтому в данном случае прием псевдоономимизации можно считать условным, в отличие от названий ТМ питьевой воды «Бутильковъ» (от существительного *бутылка*), ТМ «Ореховичи» и «Фруктовичи» (от существительных *фрукты* и *орехи*), которые являются яркими примерами псевдоономимизации.

Одним из эффективных способов сделать название продукта запоминающимся является такой прием языковой игры, как **трансформация антропонимической формулы**, в частности замена антропонимического компонента названием рекламируемого объекта. В качестве примера можно привести серии «Ореховичей» и «Фруктовичей»: «Орех Сергеевич Грецкий», «Клубника Николаевна», «Курага Петровна», «Чернослив Михайлович» и т.д.

Оказиональное имяобразование, основанное на сходстве, представлено в названии ТМ пельменей «Сам Самыч». Имя и отчество образовано от определенного местоимения *сам* по образцу Сан Саныч (офиц. Александр Александрович) в фонетическом варианте беглой речи. Такое название подчеркивает преимущество продукта — легкость приготовления, а также то, что покупатель без затруднения сможет сам «приготовить» пельмени.

Трансформация прецедентного имени, осложненная явлением **омофонии**, представлена в названии ТМ «Чайкофский». В результате **апликативной контаминации** — наложения слов *чай* и *кофе* на фамилию известного русского композитора *Чайковского* с графической трансформацией (*в* на *ф*). Актуализация всех трех компонентов производится в рекламном слогане *Для чая, для кофе и для хорошего настроения!* То есть сахар — для чая и для кофе, а Чайковский — для хорошего настроения.

Языковая игра иногда приводит к образованию аббревиатур в наименованиях ТМ. Так, заглавные буквы словосочетания «Пивоварни Ивана Таранова» стали

названием ТМ пива «ПИТ». Расшифровка ТМ пива «ДВ» — Дальний Восток. Национальный компонент присутствует в рекламном тексте: «ДВ» — *пиво с неповторимым свежим вкусом и настоящим дальневосточным характером.*

Оригинальный прием языковой игры в российской рекламе основан на созвучии названия торговой марки и фамилии российского Президента В.В. Путина, как, например, название ТМ водки «Путинка». Существует предположение, что «Путинка» — это уменьшительное от названия сезона наиболее интенсивного рыболовства. Однако в руководстве компании не отрицают, что сознательно выбрали название, связанное с Владимиром Путиным [2]. Имя российского Президента весьма часто используется в коммерческой рекламе, а особенно в названиях ТМ. Так, на этикетках овощных консервов, выпускаемых под маркой «Пуин», посередине слова изображен меч, похожий по очертаниям на букву «Т» (меч — один из символов КГБ), а само название марки размещено на фоне двуглавого орла. Таким образом, благодаря графической игре название однозначно прочитывается как ПУТИН.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированный материал далеко не исчерпывает многообразия русских отонимных прагматонимов с национально-культурным компонентом, но уже он дает представление о специфике национального характера, мышления, национального отражения реальной действительности — национально-языковой картины мира, подтверждая тезис о том, что собственные имена выступают маркерами национальной ментальности.

Исходя из вышеприведенного анализа, можно сделать вывод, что большинство анализируемых прагматонимов взяты из языка в том виде, в котором они существовали ранее.

Использование национально-культурных онимов в национально-ориентированном контексте для называния товаров отечественного производства позволяет маркетологу решить несколько задач: 1) воздействовать на потенциального потребителя благодаря имени, носитель которого пользуется авторитетом в данном обществе и вызывает положительные эмоции; 2) сообщить о качествах называемого товара: назвать производителя (отантропонимные номинации), местоположение его производства (оттопонимические названия) или указать целевую аудиторию потребления товара (пиво «Афанасий» — для Афанасия, шоколадка «Алёнка» — для Алёнки, мука «Настюша» для домохозяйки Анастасии и т.д.); 3) перевести незнакомый продукт из категории «чужой» в категорию «свой» (шоколад, пиво и т.п.) [33], а также продвигать неполезные для здоровья продукты питания (водка, пиво, майонез, кетчуп, снеки и т.п.); 4) вызвать ассоциации с вековыми российскими традициями, когда продукты были качественными и полезными (например, отфиктонимные названия), а также пробудить чувство патриотизма у целевой аудитории и убедить покупателя в том, что он следует традиции «поддержки отечественного производителя»; 5) реализовать аттрактивную функцию — создать привлекательное, благозвучное название, которое привлечет покупателя.

Таким образом, национально маркированные имена собственные в наименованиях торговых марок используются с коммерческой целью как средство речевого воздействия, с одной стороны, и как важное средство продвижения отечественных товаров для укрепления российского рынка.

© Омеляненко В.А.

Дата поступления: 20.04.2018

Дата приема в печать: 29.05.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ремчукова Е.Н., Евстратова С.Б. Актуализация национально-культурных компонентов в русскоязычной прессе Эстонии // *Acta Slavica Estonica*. V. 2014. С. 182—192.
2. Мегаманат. Портал о торговле в России. Режим доступа: <http://www.megamagnat.ru/> (дата обращения: 01.06.18).
3. Хоффманн Э. Еда в Лабиринте ценностей // В кн.: Еда по-русски в зеркале языка. Москва: РГУ: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2013. С. 177—264.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.
5. *Semprini A.* La marque // Presses Universitaires de France. 1995.
6. Крюкова И.В. Имена собственные в современной российской рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст / Науч. ред. Т.Н. Колокольцева. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. С. 261—278.
7. Турута И.И. Эргонимы и прагматонимы: сходство и отличие // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. 2016. Т. 24. Вип. 11. С. 159—170.
8. Мордвинова Н.Г. Словесные товарные знаки алкогольных напитков (на материале русского, чувашского, французского, итальянского, испанского, немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2008.
9. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, 2013.
10. Отин Е.С. Топонимическая метонимия: Вид связи «гидроним — ойконим». Избранные работы. М.: МФГО СССР, 1980. С. 106—121.
11. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, 2010.
12. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. В.: Перемена, 2000.
13. Соболева Т.А., Суперанская А.В. Товарные знаки. М.: Наука, 1986.
14. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. В.: Перемена, 2004.
15. Кара-Мурза Е.С. Новые имена. Коммерческое имя как риторическая и маркетинговая проблема // М.В. Ломоносов и современные стилистика и риторика / науч. ред. И.Б. Александрова, В.В. Славкин. М.: Флинта, Наука, 2008. С. 282—303.
16. Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П., Махиянова Л.Р. Проблемы нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. по 9. С. 328—333.
17. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
18. Ремчукова Е.Н., Страхова А.В. Рекламное «зазеркалье» России и Франции: Лингвокреативный и гендерный аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2016.
19. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996.
20. Феоктистова Л.А., Горяев С.О. Об «Иванах» в наименованиях алкогольных напитков // Ономастика Поволжья. Материалы XV Международной научной конференции. Арзамас, 2016. С. 380—384.

21. Золтан Н. «Пиво с мужским характером»: пиво и его локальные значения // Сибирские исторические исследования. 2014. no 2. С. 83—94.
22. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.
23. Ремчукова Е.Н., Омельяненко В.А. Языковые средства формирования имиджа России в современной рекламе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. no 2. С. 341—349.
24. Литовкина А.М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей до публикаций В.Г. Распутина»: дис. ... канд. филол. наук: Иркутский гос.пед. ун-т. Иркутск, 2008.
25. Терских М.В., Малёнова Е.Д. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование. Омск: ЛИТЕРА, 2015.
26. Союз российских пивоваров. Режим доступа: <http://www.beerunion.ru/> (дата обращения: 01.06.18).
27. KIAN. Компания Режим доступа: <http://kian.ru/agency/> (дата обращения: 01.06.18)
28. Кира и Рубен Каньян Водка: так просто, так сложно. Режим доступа: http://www.usconsult.ru/b_015.html (дата обращения: 01.06.18)
29. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.
30. Омельяненко В.А. Фольклорные традиции в современной рекламе / Язык: категории, функции, речевое действие // Сб. материалов X юбилейной межд. Конф. к 75-летию В.С. Борисова. Коломна: МГОСГИ, 2017. С. 143—146.
31. Ремчукова Е.Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на фоне активных языковых процессов // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009. С. 303—316.
32. Ремчукова Е.Н., Махиянова Л.Р. Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности в сфере городской номинации // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. no 2. С. 132—142.
33. Омельяненко В.А. Семантическая категория «свой круг» в национально-ориентированной рекламе // Русский язык в поликультурном мире. Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017а. С. 318—324.

УДК: 811.161.1'27:659.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-712-728

PRAGMATONYMS ON THE BASIS OF PROPER NAMES WITH A NATIONAL-CULTURAL COMPONENT IN RUSSIAN ADVERTISING

Viktoriiia A. Omelianenko

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

Abstract. This article is devoted to description of pragmatonyms on the basis of other classes proper names with a national-cultural component in the cultural linguistics and communicative-pragmatic aspects. There are revealed the most typical sources of proper names. In this article, author used a method of continuous sampling, country studying method and introspection linguistics approach. The pragmatonyms on the basis of proper names are widely used in advertising for the formation of generalized positive image

of domestic goods which act as a well-being integral part of the entire country. The function of analyzed units allows the nominator to characterize features of commodity, specify the producer, location of production, designate the target audience for its consumption, and transfer the unfamiliar product from the category of “alien” to the category “own”. Appeal to the consumer patriotic feelings is used with commercial purposes as well, as a means of speech manipulating on the one hand, and as a promotion of domestic products to strengthen the Russian market.

Key words: national-oriented advertising, national-cultural component in advertising, pragmatonym, proper name in advertising, cultural sign, country study, linguistic creativity in advertising, language game in the advertising

REFERENCES

1. Remchukova, E.N. & Evstratova, S.B. (2014). Actualization of national and cultural components in the Russian-language press of Estonia. *Acta Slavica Estonica*. V. pp. 182—192. (In Russ.).
2. Megamagnath. Portal about trade in Russia. URL: <http://www.megamagnat.ru/> (accessed 01.06.18) (In Russ.).
3. Hoffmann, Je. (2013). Food in the labyrinth of values In *Russian Food in the Mirror of the Language*. Moscow. pp. 177—264. (In Russ.).
4. Podolskaya, N.V. (1978). The Dictionary of Russian Onomastic Terminology. Moscow: Nauka. (in Russ.).
5. Semprini, A. (1995). *La marque*. Presses Universitaires de France. (In French).
6. Krjukova, I.V. (2016). Proper nouns in modern Russian advertising In *Advertising Discourse and Advertising Text*. Moscow: Flinta; Nauka. pp. 261—278. (In Russ.).
7. Turuta, I.I. (2016). Ergonyms and pragmatonyms: similarity and difference. *Visnyk of Dnipropetrovsk University. Series: Linguistics*, 24 (11), 159—170. (In Russ.).
8. Mordvinova, N.G. (2008). Verbal marketable symbol of alcohol drinks (based on the material of Russian, Chuvash, French, Italian, Spanish, German and English languages [dissertation]. I.N. Ulianov Chuvash State University. Cheboksary. (in Russ.).
9. Baranov, A.N. & Dobrovol'skij, D.O. (2013). The basics of phraseology (a short course). Moskow: Flinta. (In Russ.).
10. Otin, E.S. (1980). Toponymic metonymy: Type of connection “hydronym — oikonym”. [Selected Works]. Moskow: MFGO SSSR. pp. 106—121. (in Russ.).
11. Otin, E.S. (2010). Dictionary of connotative proper nouns. Donetsk: Jugo-Vostok. (in Russ.).
12. Suprun, V.I. (2000). Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential. Volgograd: Peremena. (in Russ)
13. Soboleva, T.A. & Superanskaja, A.V. (1986) Trademarks. Moskow: Knizhnyj dom «LIBRO-KOM». (In Russ.).
14. Krjukova, I.V. (2004). The Advertising Name: from the moment of creation to its precedence. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
15. Kara-Murza, E.S. (2008). New times are new names. Commercial name as a rhetorical and marketing problem // *M.V. Lomonosov and modern stylistics and rhetoric*. Moscow: Moscow State University. pp. 282—303 (in Russ)
16. Remchukova, E.N. & Sokolova, T.P. & Mahijanova, L.R. (2015) Naming problems: new Russian urbanonyms in a linguocreative aspect. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 9, 328—333.
17. Medvedeva, E.V. (2008). Advertising Communication. Moscow: Publishing house LKI. (in Russ)
18. Remchukova, E.N. & Strahova, A.V. (2016) The Advertising “Mirror World” of Russia and France: Lingvocreative and gender aspects. Moscow: LENAND. (in Russ.).
19. Vezhbicka, A. (1996). Semantics, Culture and Cognition. Translation from English. Moscow: Russian dictionaries. (in Russ.).
20. Feoktistova, L.A. & Gorjaev, S.O. (2016). About “ivans” in the names of alcohol beverages In *Onomastics of the Volga Region*. Materials of XV International Scientific Conference. Arzamas. pp. 380—384.

21. Zoltan, Nad', (2014). "B er with a masculine character": beer and it's local interpretations. *Siberian Historical Research*, 2, 83—94. (in Russ.).
22. Big Dictionary of the Russian language (2000). S.A. Kuznetsov (Ed.) St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
23. Remchukova, E.N. & Omel'janenko, V.A. (2017). Linguistic means of Russia's image in modern advertising. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 341—349.
24. Litovkina, A.M. (2008). The concept "Siberia" and its evolution in the Russian language picture of the world: from "Siberian chronicles" to the journalism of V.G. Rasputin [dissertation]. Irkutsk State Pedagogical University. Irkutsk. (In Russ.).
25. Terskih, M.V. & Maljonova, E.D. (2015). Media form of the Siberian region: linguocognitive modeling. Omsk: LITERA. (in Russ.).
26. Russian beerunion. URL: <http://www.beerunion.ru/> (accessed 01.06.18).
27. KIAN. Company. [Электронный ресурс] URL: <http://kian.ru/agency/> (accessed 01.06.18).
28. Kira & Ruben, Kan'jan. Vodka: so simple, so difficult. URL: http://www.usconsult.ru/b_2015.html (accessed 01.06.18).
29. Smetanina, S.I. (2002). Media text in the culture system. St. Petersburg: Izd-vo Mihajlova V.A. (in Russ.).
30. Omel'yanenko, V.A. (2017). Folk traditions in modern advertisig In *Language: categories, functions, speech action*. Kolomna: MGOSGI. pp. 143—146. (in Russ.).
31. Remchukova, E.N. (2009). Lingvocreative components of modern media on the background of active language processes In *Humaniora: Lingua Russica*. Works on Russian and Slavic philology. *Linguistics XII. Active processes in the Russian language of the Diaspora and the metropolis*. Tartu. pp. 303—316. (in Russ.).
32. Remchukova, E.N. & Mahijanova, L.R. (2015). Lexical and grammatical mechanisms of linguistic creativity in the sphere of urban nomination. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 132—142. (in Russ.).
33. Omel'janenko, V.A. (2017). Semantic category "own group" in national-oriented advertising. In *Russian language in a multicultural world*. Simferopol: IT «ARIAL». pp. 318—324. (in Russ.).

Для цитирования:

Омельяненко В.А. Отонимные прагматонимы с национально-культурным компонентом в российской рекламе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 712—728. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-712-728.

For citation:

Omelianenko, V.A. (2018). Pragmatonyms on the basis of proper names with a national-cultural component in Russian advertising. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 712—728. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-712-728.

Сведения об авторе:

Омельяненко Виктория Александровна, ассистент кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *e-mail*: omelianenko_va@rudn.university

Information about the author:

Viktoriia A. Omelianenko, Assistant at Department of Russian Language No 2 of Faculty of Russian and General Education Disciplines of RUDN, PhD student at Department of General and Russian Linguistics at RUDN University; *e-mail*: omelianenko_va@rudn.university

УДК: [811.581:811.161.1]’37

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746

СЕМАНТИКА ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЯ ЖЕЛТЫЙ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

У Пэйхуа

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются значение желтого цвета в китайской и русской лингвокультурах. Известно, что лексика цветообозначений как элементов словаря конкретного языка представляет собой особую микросистему, ее описание имеет значимую культурологическую ценность. В сопоставительном изучении лексики, обозначающей цвет, возможно увидеть фиксацию особого рода знаковой памяти каждой сопоставляемой лингвокультуры. В отличие от сравнения грамматической структуры языков лексическое сопоставительное описание данной группы единиц позволяет увидеть значительное количество совпадающих или сближенных элементов, характеризующих общечеловеческие когнитивные процессы.

Актуальность предлагаемой статьи определяется сравнительным анализом лексического класса цветообозначений на примере конкретного основного цвета двух неродственных языков. *Цель исследования* — сравнить семантический объем цветообозначения *желтый цвет* в китайской и русской лингвокультурах. *Методикой исследования* явились работы российских лингвистов Н.Б. Бахилиной, Т.М. Васильевой, Т.И. Вендиной, Л.С. Гуриева, И.В. Дворецкого, В.Г. Кульпиной, Ф.Н. Новикова, С.Г. Тер-Минасовой, Т.Ю. Светличной. *Новизной работы* является обращение к лексике цветообозначения в русском и китайском языках в сопоставительном аспекте. В работе применяется комплексная методика исследования, использованы такие *методы*, как дескриптивный, контекстуальный, статистический, сравнительный. Источниками исследования послужили работы российских и китайских лингвистов, русские и китайские словари, художественные и публицистические тексты на русском и китайском языках. Результаты и материал исследования могут найти применение в чтении лекционных курсов по лексикологии русского и китайского языков, а также в спецкурсах по проблемам взаимоотношения языка и мышления, культурологическим особенностям русской и китайской лексики цвета.

Ключевые слова: желтый цвет, цветообозначение, семантика, иероглифический знак, значение, китайская лингвокультура, русская лингвокультура

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике исследования, посвященные описанию аналогий, сходств и расхождений в цветообозначении в различных лингвокультурах, могут быть представлены в следующих группах:

- 1) теоретические аспекты лингвистического изучения цвета, например, монография В.Г. Кульпиной (2001) [1];
- 2) когнитивный аспект изучения цвета, т.е. его рассмотрения как фрагмента языковой картины мира, например, исследование Н.Б. Бахилиной (1975) на материале русского языка [2] или Рышарда Токарского (1995) [3] на материале польского языка;

3) функции и символика цвета, например, работа И.В. Дворецкого, Т.М. Васильевой (1993) [4] и Л.С. Гуриева (1993) [5];

4) лексемы, обозначающие цвет, как объект лингвистического описания конкретного языка (например, словообразование данных лексических единиц, их синтагматические возможности), в работах таких лингвистов, как Т.И. Шхвацабая (1985) [6], Е.А. Дивина (1996) [7];

5) сопоставительное изучение интерпретации цветов в разных лингвокультурах, в том числе в аксиологическом аспекте, например, работы А.П. Василевича (1987) [8], Т.И. Вендиной (1999) [9], С.Г. Тер-Минасовой (2000) [10], Ф. Озхан (2000) [11], Т.Ю. Светличной [12], Ф.Н. Новикова (2014) [13] и многих других;

6) паремиология с компонентами-названиями цветов, например, работа Н.А. Завьяловой (2007) [14].

I. МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ

1. Основные и неосновные цвета

Одним из подходов в изучении репрезентации цвета в языках мира может считаться принцип деления всей лексики, обозначающей цвет, на номинации основных и неосновных цветов. Данное разграничение мотивировано целым рядом факторов, так, например, основные цвета имеют *прототипические соответствия*. Данный постулат предложен в работах таких лингвистов, как А. Вежицкая (1996) [15], Б. Берлин и П. Кей (1969) [16], М. Ампель-Рудольф (1994) [17], Р.М. Фрумкина (1984) [18] и мн. других.

На материале более чем 80 языков, входящих в состав разных языковых семей, было высказано предположение об универсальном характере строения системы цветообозначения в языке. Среди выводов, сделанных Б. Берлином и П. Кеем, выделим следующие:

1) все языки мира имеют лексемы, номинующие черный и белый цвета;

2) универсальный перечень системы цветообозначения включает такие цвета, как белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый;

3) универсальный принцип появления лексем, обозначающих цвет: названия *белого* и *черного* цветов → *красный* → *желтый* или *зеленый* → *синий* → *коричневый* [16].

Основные цвета, по мнению исследователей, обязательно имеют *семантические и культурные коннотации*. Так, Е.В. Рахилина считает, что «обязательным условием для того, чтобы цветообозначение было признано базовым, является его способность характеризовать природные объекты» [19. С. 35].

Важно отметить наличие *метафорических функций* — неотъемлемой черты лексем, обозначающих основные цвета. Н.Н. Амосова пишет, что «цвета играют большую роль в формировании языковой картины мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения» [20. С. 74].

Также отмечаются морфологическая простота, широкая сочетаемость и отсутствие аксиологической оценки лексем, обозначающих основные цвета. Необходимо отметить, что цветообозначения базовых цветов принадлежат к *основному словарному фонду языка*.

Проблемы изучения неосновных цветов, по мнению К. Вашачковой [21], включают следующий комплекс вопросов:

- 1) определить список неосновных цветов каждого языка;
- 2) выстроить иерархию мотивирующих связей в основными цветами конкретного языка;
- 3) описать основные модели формирования лексики неосновных цветов.

Мотивированность лексических единиц, обозначающих цвет, то есть наличие ассоциаций с определенными объектами окружающего мира, связана с ограниченным кругом явлений. Основные цвета в синхронном аспекте часто представляются как немотивированные, однако в диахроническом рассмотрении возможно увидеть их этимологическую составляющую, например, *желтый* — от лексической единицы *желчь*. В.Г. Кульпина на примере русских и польских терминов цветообозначения выделяет следующие их группы:

- 1) названия растений: фисташковые орехи → *фисташковый*;
- 2) названия животных или рыб: лосось → *лососевый*;
- 3) названия минералов: изумруд → *изумрудный*;
- 4) названия продуктов: шоколад → *шоколадный*;
- 5) названия красителей: охра → цвет *охры*;
- 6) название природных явлений: цвет снега → *белоснежный* [1. С. 24].

2. СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЦВЕТ

С точки зрения частеречной принадлежности лексемы, выражающие значения цвета, в русском языке могут быть представлены прилагательными, существительными, глаголами и наречиями. Наиболее частотно цвет обозначается именем прилагательным. Тем не менее, признак предмета, имеющий семантику цвета, может быть представлен в нескольких разных вариантах. Приведем примеры:

- 1) цветообозначения, выраженные согласованным определением: *черный кот, золотой песок, синее море*;
- 2) цветообозначения, выраженные существительными: *цвет пиона, цвет незабудки*;
- 3) цветообозначения, выраженные прилагательными, образованными от существительных способом конверсии: *хаки, бордо*;
- 4) цветообозначения, выраженные глаголами: *белить, зеленеть*;
- 5) цветообозначения, выраженные наречиями: *от снега стало бело*.

3. СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЦВЕТ

Лексика, обозначающая цвет, появляется в языке несколькими путями. Представим их на рисунке 1.

Рис. 1. Способы появления лексем, характеризующих цвет

Основным способом формирования системы обозначения цвета в языке является лексико-семантический способ, при котором лексемой цветообозначения становится общеупотребительная единица языка, например, *вишневый, абрикосовый, лимонный* цвет. Распространенность данного способа связана с тем, что данный «способ языковой номинации ... является семантическое развитие слова» [22. С. 211]. Данный способ имеет несколько подтипов:

- 1) метафорический: *белое золото*;
- 2) метонимический: *белые воротнички*.

Вторым способом образования слов, имеющих сему «цвет», является деривационный способ, при котором с помощью системы аффиксов развивается вторичное значение цвета с указанием на, например, его интенсивность:

белый → *беловатый* (суффиксация);

белый → *пребелый* (префиксация);

бледно-розовый (словосложение, при котором используется лексема, обозначающая цвет, и лексема, которая уточняет оттенок или интенсивность);

бело-розовый (используются две лексемы, обозначающие цвет);

сине-бело-красный (используются три лексемы, обозначающие цвет).

Третьим способом образования слов, имеющих сему «цвет», является синтаксический способ, который используется в номинациях, состоящих из двух и более слов, например, *цвет солода, цвет меди, цвет слоновой кости*.

4. ЛЕКСЕМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЦВЕТ, КАК КОМПОНЕНТЫ ИДИОМЫ

Отдельным типом номинаций цвета являются устойчивые обороты с компонентом, обозначающим цвет. Данные единицы языка достаточно частотны и терминологически могут быть определены не как паремии — т.е. не содержащие законченную мысль, а как идиомы, в которых компонент, обозначающий цвет, обычно несет экспрессивную нагрузку, например, *голубая кровь* ‘аристократы’, *белая ворона* ‘человек, не похожий на других’, *коричневая чума* ‘фашизм’.

Данная модель является частотной, их отличительной особенностью является то, что они выполняют не номинативную, а характеризующую функцию. В лингвистической литературе описан значительный блок идеом с компонентом-цвето-

обозначением, который сформировался в европейских языках путем калькирования лексики и использования выражения единого прецедентного феномена средствами разных языков. Посчитано, что цветоидиоматика составляет значимую долю фразеологической системы каждого языка. Данные лексические единицы обладают не только экспрессией, но и широкой тематической представленностью. «Тематическая классификация фразеологизмов ... дает представление об источниках их, так и об оценке фразеологических образов человеком. Распределяя сочетания на группы, мы тем самым восстанавливаем экстралингвистические обстоятельства, обусловившие возникновение фразеологического образа» [23. С. 166].

Цветообозначения-компоненты идиом можно разделить на следующие основные группы:

◆ **Характеристики человека:**

— по происхождению, например, *голубая кровь* — синонимичное выражение лексической единице *аристократия*, известно в европейских языках с 18 века; *белая кость* — человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России.

Полковник доказывал, что верность и честь — принадлежность одних людей благородной крови, что если есть звери породистые, то есть и люди породистые, люди белой кости (Данилевский. Беглые в Новороссии) [здесь и далее 24];

— по характеру, например, *белая ворона*. Ирон. Человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей.

— Вы тоже колхозница? — спросил Сергей. — Нет, что вы! — Лена удивленно подняла брови. — Я здесь гость, по несчастью... Оттого мать и называет меня «белой вороной» (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды).

◆ **Номинация природного или социального явления:**

белый свет. Экспрес. Высок. Окружающий мир; земля со всем, что существует на ней.

Солоницына красавица была писаная, теперь, думать надо, изойти весь белый свет, такой не найдешь (Мельников-Печерский. Старые годы);

белое пятно. Экспрес.

1. Совершенно не исследованная территория, край и т.п.

Но ведь кому-кому, а дальневосточникам лучше других известно, что огромные пространства, занятые нескончаемой тайгой, — это те же «белые пятна» на земле (В. Ажаев. Далеко от Москвы).

2. Не разработана часть какой-либо темы, проблемы.

— Вся проблема подземной газификации пока что белое пятно (В. Кетлинская. Иначе жить не стоит).

◆ **Символическая номинация:**

белый лебедь. Устар. Денежная купюра достоинством в сто рублей.

Только одних белых лебедей нет... [Он] враз руку за пазуху, вынул из пачки белого лебеда, да и шаркнул его на поднос (Лесков. Очарованный странник);

белый шар. Устар. Избирательный шар, означающий: «за избрание».

— *Надо вам сказать, — перебил Платов, — что его выбрали почти что одними белыми шарами, ибо человек он наидостойнейший* (Тургенев. Затишье).

Среди всеобщей радости приступили к вотированию. Когда по окончании стали считать черные и белые шары, вдруг раздался голос возле меня! «Спрятал один белый!» (Добролюбов. Из Турина).

◆ **Полезные вещества:**

например, белое золото. Книжн. Хлопок.

В Средней Азии расширяются хлопковые плантации, растут урожаи «белого золота», все зажиточнее, культурнее становится жизнь колхозников (Известия, 1950, 21 мая).

Могилан никогда не говорил «хлопок», а всегда — «наше белое золото», а слово «пушина» он заменял выражением «наше мягкое золото» (В. Шефнер. Запоздалый стрелок);

белый камень. Спец. Мышьяк.

Ездит он на крыс с мешочком «белого камня», мышьяка... Стоит ему войти в дом... как гурьбой потянется крысиное пискучее племя вон из дому, в степь, в яруги (Бунин. Хороших кровей);

белый уголь. Нов. Движущая сила воды.

Весь горный массив Пиренеев становится мало-помалу исполинским источником электрической энергии. Все эти быстрые реки, сотни говорливых речек, тысячи быстрых, звонких ручейков — все они представляют собой неистощимый запас белого угля (Куприн. Юг благословенный).

[Забелин:] *Я берусь указать вам десяток мест, где мы можем сейчас, в естественных условиях, строить электростанции на белом угле* (Н. Погодин. Кремлевские куранты).

◆ **Совокупность людей:**

Великое белое братство — в эзотеризме и оккультизме синоним членов духовной иерархии, правителей земной цивилизации с высших духовных уровней] [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Белое_братство_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Белое_братство_(значения))].

◆ **Термины**, в составе которых закрепились лексемы, номинующие цвет, характерны для разных областей знаний. Приведем примеры из медицины, в которых номинация данного типа характерна для русского языка.

белая горячка. Алкогольный психоз (белая горячка алкогольная).

Правда, у Марии, если мне память не изменяет, брат умер от белой горячки... (С. Есин. Имитатор).

Спился отец Виталий, дошел до белой горячки и помер (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

красная волчанка (lupus erythematoses) — аутоиммунное заболевание неизвестной этиологии, характеризующееся появлением антинуклеарных антител (волчаночный фактор), LE-клеток (волчаночных клеток) и преимущественным поражением кожи (волчаночный дерматит) (https://ru.wikipedia.org/wiki/Аллергические_стоматиты_и_дерматостоматиты#Красная_волчанка).

5. СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ЖЕЛТЫЙ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

5.1. Контрастивный анализ семантики иероглифического знака *желтый* и русской лексики *желтый*

Приведем значения иероглифического знака 黄 *желтый* по словарю 汉语大字典 ‘Словарь китайского языка’. Иероглифический знак 黄 ‘желтый’ имеет следующие значения:

1. 像金子或向日葵花的颜色：黄色 黄昏。黄澄澄。信口雌黄。[25]. ‘Как цвет золота или цвет подсолнечника однолетнего. Сумерки. Золотистый. Болтать, выдумывать; безответственная болтовня (Перевод с китайского на русский здесь и далее У Пэйхуа).

2. 特指中国黄河：黄灾。治黄。黄泛区。Река Хуанхэ / Желтая река.

3. 指“黄帝” (即“轩辕氏”，传说中原始社会部落联盟首领) [26]：黄老 (黄帝和老子。炎黄子孙。‘Желтый император» (2717—2599 г.г. до н.э.), один из пяти мифических правителей Китая’.

4. 事情失败或计划不能实现：事情黄了。‘Провалиться (о деле); рухнуть, сорваться (напр. о плане); обанкротиться, закрыться (о предприятии); потерпеть неудачу (крах, фиаско). 这件事黄了 ‘это дело провалилось’.

这号买卖眼看要黄了 ‘Торговое предприятие, которое скоро должно обанкротиться’.

5. 姓。‘фамилия’

6. 色变黄。枯萎。‘Цвет стал желтым, завянуть’.

7. 指枯萎的枝叶。‘Сухие листья и ветки’.

8. 雌黄。

1) ‘желтая краска для исправления текста рукописей на желтой бумаге; замазывать желтой краской; [вносить] поправки (исправления)’;

2) ‘искажение (текста); исказить’.

9. 卵黄。‘желток [яйца]; цвет желтка’

10. 婴儿；小儿 ‘младенец, новорожденный; ребенок’

11. 黄簿。古时官员的档案簿册 [27] ‘в древности списки чиновников’

12. 病名。热病。‘название заболевания (болезни), простуда; тиф (редко)’

13. 黄色；淫秽。‘перен. желтый; бульварный; порнографический: грязный, безнравственный; непристойный, эротический’

14. 粪便。‘испражнения, экскременты; помёт; фекалии; нечистоты’

15. 方言。意谓门外汉。‘диалект, местный говор’

Рассмотрим подробнее некоторые значения многозначного иероглифического знака. В первую очередь нас интересуют значения, которые отсутствуют в совре-

менном русском языке. В фокусе лингвистического анализа оказываются следующие значения:

- наименование географических объектов;
- желтый цвет как индикатор императорской власти;
- иероглиф желтого цвета в значении ‘обанкротиться’;
- болтать, говорить неправду.

Использование иероглифа 黄 ‘желтый’ для наименования топонимов в толковом словаре китайского языка дается вторым значением. В современном китайском языке иероглиф 黄 ‘желтый’ используется для наименования Желтой реки в Китае, Желтого моря и Желтых гор. Китайская цивилизация возникла в бассейне Желтой реки — 黄河 [Хуанхэ] ‘Желтая река’. Река имеет важное значение для китайцев, так как именно в русле Желтой реки зародилась китайская цивилизация. Название реки появилось в результате метонимического переноса: почвы, где протекает река, имеют желтый цвет, поэтому вода в реке также окрашивается в желтый цвет. Желтая река или Хуанхэ впадает в Желтое море.

Горная гряда Хуаньшань названа в честь китайского императора Хуан-ди, или Желтого императора, который создал китайское государство в середине третьего тысячелетия до н.э. Существует легенда, согласно которой Желтый император вознесся на небо с горы Желтой горы или Хуаншань.

В словаре Shuowenjiezi ‘Словарь шовэнь цзецзы’ иероглифический знак 黄 ‘желтый’ имеет следующее значение: 黄，地之色也。 ‘желтый цвет — это цвет Земли’. В Китае существует теория системы пяти стихий — пяти первоэлементов «У-син» [28]. В представлении китайцев мир делится на пять категорий: золото, дерево, вода, огонь и земля. Цвета также являются частью этой системы. Желтый символизирует Землю в теории «У-син». Центр Вселенной — Китай, которому соответствует желтый цвет, именно поэтому в китайской культуре *желтый* цвет считается важным цветом. *Желтый цвет* обозначает стабильность, плодородие, императорскую власть, успех и вечность.

Особая семантическая наполненность желтого цвета имплицировала появление номинации *Желтый император*, Хуан-ди, объединивший под своей властью большую часть Китая [29].

В китайской мифологии Желтый император (2717—2599 г.г. до н.э.) привел людей к бассейну Желтой реки, чтобы поселиться там, и их жизнь изменилась: вместо охоты начали строить дома и выращивать урожай. В 2598 г. до н.э. Желтый император бросил большой треножник у моста у подножия горы. После этого Желтый Дракон (Хуанлун) сошел с небес, чтобы поприветствовать его. Тогда Желтый император взобрался на Желтого Дракона вместе с более чем семидесятью чиновниками поднялся в воздух среди бела дня и затем успешно приземлился [30].

Из мифологических персонажей, имеющих в имени иероглиф *желтый*, можно назвать Желтого императорского дракона с пятью когтями, которые символизировали власть над всем миром.

На протяжении долгого времени в Китае считалось, что только императоры или очень знатные особы имели право носить желтую одежду и аксессуары.

Желтый цвет символизировал благородное происхождение, поэтому парадная одежда императора с изображением дракона — мифического прародителя китайской нации, императорский дворец были желтого цвета.

Во времена династии Цин (1636—1911 гг.) одежду желтого цвета имел право носить только император. Император Цин жаловал желтые куртки 黄马褂 [магуа] ‘куртка, надеваемая поверх халата’ [31] как знак отличия имевшим значительные заслуги чиновникам.

Приведем примеры имен, в состав которых входит иероглиф 黄 ‘желтый’:

黄袍 [хуанпао] ‘желтый халат’ [32];

黄马褂 [магуа] ‘желтая куртка’, надевается поверх халата, ею награждал император’;

黄榜 [хуанбан] ‘императорский манифест (написанный на золотой бумаге)’;

金黄的大地 [цзиньхуандэдади] ‘хороший урожай, весь урожай стал желтым, все растения созрели’.

Таким образом, иероглиф, обозначающий желтый цвет, содержит сему *нечто имеющее отношение к императору, императорской власти*.

Восприятие желтого цвета как благородного, достойного императора имплицировало появление в китайской лингвокультуре положительных ассоциаций, которые отсутствуют в русской языковой картине мира. Так, желтый цвет ассоциируется с храбростью, преданностью и бесстрашием героев. В Пекинской опере актеры, играющие историческую личность Диана Вэй 典韦 [Диан Вэй], всегда выходят в желтом гриме [33].

В китайском языке желтый цвет также используется для наименования золота [34].

Отметим, что *желтый цвет* в китайской культуре имеет не только положительные коннотации, но и отрицательные. В китайском языке *желтая пресса* обозначает прежде всего порнографическую литературу, поэтому в Китае такие издания строго запрещены. Таким образом, в семантической структуре иероглифа, обозначающего *желтый цвет* в современном китайском языке, можно выделить сему *нечто, связанное с сексом*. Например:

黄色文化 [хуансэвэньхуа] ‘желтая культура, т.е. сексуальная культура’;

黄片 [хуанпянь] ‘желтый фильм, т.е. фильм о сексе’.

В русском языке у имени прилагательного *желтый* есть сходное с китайским значение — обозначение чего-либо, имеющего отношение к сексу. Так, во фразеологическом словаре русского литературного языка устойчивое словосочетание *желтый билет* трактуется как особый документ на желтом бланке, дающий право легально заниматься проституцией.

В китайском и русском языках лексическая единица *желтый* используется для обозначения нездорового человека. Приведем примеры,

◆ в китайском языке: 脸色蜡黄 [ляньсэлахуан] ‘нездоровый человек, лицо стало желтого цвета от болезни или голода’ [35; 36; 37]

面	黄	肌	瘦
лицо	желтый	тело	худой

В словаре фразеологизмов Chengyudacidian ‘Чэнюйдацидянь’ приводятся значение данного устойчивого словосочетания:

脸色发黄，肌肤消瘦。形容人营养不良或有病的样子。‘иметь голодный и болезненный вид’

♦ в русском языке: *желтое лицо* — значит больной человек; *желтый дом* в значении психиатрическая больница.

Систематизируем значения иероглифического знака *желтый* и лексемы *желтый* в таблице 1.

Таблица 1

Значения иероглифического знака *желтый* и лексемы *желтый*

значение	в китайском языке	в русском языке
желтый цвет	+	+
река Хуанхэ	+	–
золотистый	+	–
Желтый император	+	–
потерпеть неудачу	+	–
фамилия	+	–
желтеть; вянуть	+	+
сухие листья и ветки	+	+
желтая краска	+	+
искажение	+	–
желток [яйца]	+	+
младенец, новорожденный	+	–
списки чиновников	+	–
название заболевания	+	–
порнографический	+	+
испражнения	+	–
диалект, местный говор	+	–
древнее название местности	+	–
взаимозаменяемость иероглифов	+	–
болтать зря, выдумывать; безответственная болтовня	+	–
как цвет золота или цветы подсолнечника однолетнего	+	–

5.2. КИТАЙСКИЕ ИДИОМЫ С ИЕРОГЛИФИЧЕСКИМ ЗНАКОМ 黄 ‘ЖЕЛТЫЙ’

Рассмотрим китайские идиомы со иероглифическим знаком 黄 ‘желтый’:

Фразеологизм 黄袍加身 huáng páo jiā shēn [38] ‘надели желтый халат’ в значении провозгласить кого-либо императором; стать императором; вступить на престол, одержать победу, завоевать первый приз [39].

黄	袍	加	身
желтый	халат/платье	надеть / плюс	тело

В словаре фразеологизмов Chengyudacidian ‘Чэнюйдацидянь’ приводится следующее значение данного устойчивого словосочетания: 比喻发动政变获得成功 ‘произвести переворот и вступить на престол’.

Во фразеологизме 黄粱一梦 huángliáng yī mèng [38] ‘сон о просяной каше’, иероглиф *желтый*, употребляясь вместе с иероглифом *пшено*, приобретает переносное значение *несбыточная мечта* [40].

黄	粱	—	梦
желтый	пшено	один	сон

В словаре фразологизмов Chengyudacidian ‘Чэнюйдацядянь’ приводятся следующие значения данного устойчивого словосочетания:

1. 比喻虚幻不能实现的梦想。‘несбыточные иллюзии’;
2. 喻梦寐以求之欲望落空。‘заветная мечта разлетелась’.

Во фразеологизме 信口雌黄 xìnkǒucíhuáng [38] иероглиф 黄 ‘желтый’ в сочетании с иероглифом женский пол и рот имеет значение ‘выдумывать; болтовня, наглая ложь; говорить, что в голову придет; лгать всюю’ [41]:

信	口	雌	黄
письмо / верить	рот	женский пол	желтый
наобум, как попало		желтая краска / искажение	

В словаре фразологизмов Chengyudacidian ‘Чэнюйдацядянь’ приводятся такое значение данного устойчивого словосочетания: 是指不顾事实, 随口乱说或妄作评论, 该成语来源于《晋书·王衍传》。‘говорить, что в голову придет, безответственная болтовня, толковать вкривь и вкось’.

面黄肌瘦 miàn huáng jī shòu [38].

Фразеологизм 黄钟毁弃 huángzhōnghuǐqì [38] [хуанчжу] ‘разрушить и отбросить’ [42]:

黄	钟	毁	弃
желтый	колокол	разрушить	отбросить

Словарь фразеологизмов Chengyudacidian ‘Чэнюйдацядянь’ приводит следующее толкование данного устойчивого словосочетания: 黄钟：黄铜铸的钟, 我国古代音乐有十二律, 阴阳各六, 黄钟为阳六律的第一律; 毁：毁坏; 弃：抛弃。比喻贤人遭受摈斥 ‘золотые колокола разбиты и выброшены, т.е. талантливый человек заменен посредственным’.

Фразеологизм 飞黄腾达 [fēi huáng téng dá] [38] ‘Фэйхуан’ (имя легендарного коня) доскакать, т.е. сделать стремительную карьеру; быстро пойти в гору; получить важную должность, преуспеть [43]:

飞	黄	腾	达
летать	желтый	возносить	достигать
легендарный конь		доскакать	

В словаре фразологизмов Chengyudacidian ‘Чэнюйдацядянь’ приводятся значение данного устойчивого словосочетания: 飞黄：传说中神马名; 腾达：上升, 引伸为发迹, 宦途得意。形容骏马奔腾飞驰。比喻骤然得志, 官职升得很快。‘превосходный рысак мчится, переносное значение — сделать стремительную карьеру’.

Фразеологизм 哑巴吃黄连 [yǎ ba chī huánglián] [38] ‘держать горе в себе’ [44]:

哑	巴	吃	黄	连
немой		есть	коптис	китайский

Фразеологизм 人老珠黄 rén [lǎo zhū huáng] [38] ‘старый человек что пожелтевшая жемчужина (обр. в знач. постареть, состариться)’ [45]:

人	老	珠	黄
человек	стареть	жемчужина	желтый

В словаре фразеологизмов Chengyudacidian ‘Чэньюйдацзыдянь’ приводятся такое значение данного устойчивого словосочетания: 泛指人老了不中用。旧时比喻女子老了被轻视，就象因年代久远而失去光泽的珍珠一样不值钱。‘человек стал старым и негодным’.

Отметим, что ассоциации старости с желтым цветом есть и в русской лингвокультуре, что, по-видимому, объясняется метонимическим переносом, так как кожа нездорового человека часто имеет оттенок желтого цвета.

6. ВЫВОДЫ

Результат контрастного анализа выявил сходства и различия в семантике иероглифического знака *желтый* в китайском языке и лексемы *желтый* в русском языке. Отметим, что в семантических структурах лексических единиц, обозначающих желтый цвет, наблюдаются значительные расхождения. Так, в современном русском языке отсутствуют номинации с помощью лексемы *желтый* таких понятий, как императорская власть, император, храбрость; действий, семантика которых предполагает негативное к ним отношения, например, болтать глупости или обанкротиться.

Обозначения объектов окружающего мира с помощью желтого цвета в китайской и русской лингвокультурах также имеют существенные расхождения. В русской лингвокультуре не фиксируется номинаций топонимов с помощью лексемы *желтый*. В китайском языке, напротив, наиболее значимые географические объекты номинируются с помощью иероглифа *желтый*: *Желтое море*, *Желтая гора*, *Желтая гора*.

Сходство значений у иероглифа *желтый* и лексемы *желтый* обнаруживаются в номинации негативных явлений и объектов. Как в русском, так и в китайском языке старость; болезнь; пресса, публикующая недостоверную информацию, номинуются с помощью желтого цветообозначения. Очевидно, в китайском языке использование иероглифа *желтый* для обозначения таких действий, как болтать/врать, является мотивирующим элементом для иероглифического слова *желтая пресса* в китайском языке. Стоит отметить также тот факт, комбинация лексической единицы болтать/врать состоит из таких иероглифов, как *рот*, *женский пол* и *желтый*.

Некоторые значения иероглифа *желтый* и русской лексемы *желтый* обнаруживают частичное совпадение. Например, в китайском языке возможно словосочетание *желторотый младенец*, однако в русском языке прилагательное *желторотый* не может сочетаться с лексемами, обозначающими людей, возможны только словосочетания *желторотый птенец* и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что семантика одного из основных базовых цветов обнаруживает значительные расхождения в китайском и русской лингвокультурах.

© У Пэйхуа

Дата поступления: 20.06.2018

Дата приема в печать: 29.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. Москва: Московский лицей, 2001.
2. *Бахилина Н.Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
3. *Tokarski R.* Semantyka barw we współczesnej polszczyźnie. Lublin: Wydawnic-two Uniwersytetu Marii Cury-Skłodowskiej, 1995.
4. *Дворецкий И.В., Васильева Т.М.* Цвет одежды // Цвет в нашей жизни. Курск, 1993.
5. *Гуриев Л.С.* Символика цвета // Цвет в нашей жизни. Курск, 1993.
6. *Шхвацабая Т.И.* Цветообозначения в языке и речи (на материале английского языка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. филол. н. М., 1985.
7. *Дивина Е.А.* Синтагматика семантического поля цвета в русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. филол. н. Екатеринбург, 2007.
8. *Василевич А.П.* Исследования лексики в психолингвистическом аспекте: на материале цветообозначений в языках разных систем. М.: Наука, 1987.
9. *Вендина Т.И.* Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах 1998. М.: Индрик, 1999. С. 277—304.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
11. *Озхан Ф.* Лексико-семантические группы прилагательных со значением цвета в русском и турецком языке (лингвокультурологический аспект) // И.А. Бодуэн де Куртенэ: ученый, учитель, личность. Красноярск, 2000. С. 163—167.
12. *Светличная Т.Ю.* Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках. Диссертация на соискание ученой степени к. филол. н. Пятигорск, 2003.
13. *Новикова Ф.Н.* Цветообозначения как культурные коды. Лексический массив цветообозначений в русском, английском и французском языках // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. по 3. С. 130—138.
14. *Завьялова Н.А.* Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как отражение японской, английской и русской языковых картин мира. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. филол. н. Екатеринбург, 2007.
15. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
16. *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms. Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.
17. *Ampel-Rudolf M.* Kolory: Z bada leksykalnych i składniowo-semantycznych języka polskiego. Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1994.

18. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психологического анализа. М.: Наука, 1984.
19. Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. М., 2007. С. 36—37.
20. Амосова Н.Н. Этимологические основы словаря современного английского языка. М.: Либроком, 2015.
21. Waszakowa K. Colours and measure terms. Stockholm: Stockholms universitet. Slavistika institutionen, 1997. pp. 87—96.
22. Татаринов В.А. Теория терминоведения. Т. 1. М.: Московский лицей, 1996.
23. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989.
24. Русский фразеологический словарь. <http://glossword.info/index.php/index/6-russkijj-frazeologicheskijj-slovar-.xhtml> (дата обращения 06.06.2018).
25. 汉语大字典, 汉语大字典编辑委员会, 1988.
26. 《史记·五帝本纪》, 司马迁: 中华书局, 2009.
27. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/黄/517>.
28. 金木水火土, 胡化凯, 海天出版社, 2012年1月第1版.
29. Режим доступа: <https://lingvister.ru/blog/vse-tsveta-na-kitajskom-yazyke-bogataya-palitra-podnebesnoy>. (дата обращения: 01.03.2018).
30. Режим доступа: <https://www.epochtimes.com.ua/ru/china/culture/kitajskaja-mifologija-zheltyj-imperator-predok-kitajskoj-civilizacii-97466.html>. (дата обращения: 01.03.2018).
31. 《啸亭续录·黄马褂定制》, 爱新觉罗·昭槿, 中华书局, 1997.
32. 《说岳全传》, 清代钱彩, 花山文艺出版社, 2014.
33. 《三国志》, 陈寿, 中华书局, 2011.
34. 刘波.试分析俄语颜色词的内涵意义 [1].松辽学刊. 1997.
35. 《中俄颜色词文化含义对比研究-以红、黄、绿、为例》, 郝兰兰, 新疆大学校刊, 2015.
36. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=желтый>. (дата обращения: 01.03.2018).
37. Большой энциклопедический словарь. <https://bkrs.info/slovo.php?ch=面黄肌瘦>.
38. 《成语大词典》, 成语大词典编委会, 商务国际出版社, 2013.
39. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=黄袍加身>. (дата обращения: 01.03.2018).
40. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=黄粱一梦>. (дата обращения: 01.03.2018).
41. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=信口雌黄>. (дата обращения: 01.03.2018).
42. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=黄钟毁弃>. (дата обращения: 01.03.2018).
43. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=飞黄腾达>. (дата обращения: 01.03.2018).
44. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=哑巴吃黄连>. (дата обращения: 01.03.2018).
45. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=人老珠黄>. (дата обращения: 01.03.2018).

УДК: [811.581:811.161.1]37

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746

THE SEMANTICS OF YELLOW COLOR TERMS IN CHINESE AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

Wu Peihua

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article considers the importance of yellow color in Chinese and Russian linguocultures.

It is known that the vocabulary of color designations as elements of a specific language dictionary is a special microsystem, its description has a significant cultural value. In a comparative study of vocabulary, which denotes color, it is possible to see the fixation of a special kind of sign memory of each linguoculture to be compared. Unlike comparing the grammatical structure of languages, the lexical comparative description of this group of units allows us to see a significant number of coinciding or convergent elements characterizing universal cognitive processes.

The relevance of the proposed article is determined by a comparative analysis of the lexical class of color markings by the example of a specific primary color of two unrelated languages. The aim of the study is to compare the semantic volume of color identification in yellow in Chinese and Russian linguocultures. The method of research was the work of Russian linguists N.B. Bakhilina, T.M. Vasilyeva, T.I. Vendina, L.S. Guriev, I.V. Dvoretzky, V.G. Kulpina, F.N. Novikov, S.G. Ter-Minasova, T.Yu. Svetlichnaya. The novelty of the work is the reference to the vocabulary of color designation in Russian and Chinese in a comparative aspect. In the work a complex method of investigation is used, methods such as dextrypic, contextual, statistical, comparative are used. The sources of the research were the work of Russian and Chinese linguists, Russian and Chinese dictionaries, art and journalistic texts in Russian and Chinese. The results and material of the research can be used in reading lecture courses on the lexicology of Russian and Chinese languages, as well as in special courses on the problems of the relationship between language and thinking, and the cultural peculiarities of Russian and Chinese color lexicon.

Key words: yellow color, color terms, semantics, hieroglyphic sign, meaning, Chinese linguoculture, Russian linguoculture.

REFERENCES

1. Kulpina, V.G. (2001). Linguistics of color: The terms of color in Polish and Russian. Moscow: The Moscow Lyceum. (In Russ.).
2. Bahilina, N.B. (1975). History of colors in the Russian language. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Tokarski, R. (1995). The semantics of colors in contemporary Polish. Lublin: Publisher of the Maria Cury-Skłodowska University. (In Polish).
4. Dvoretzky, I.V. & Vasilyeva, T.M. (1993). Color of clothes In *Color in our life*. Kursk. (In Russ.).
5. Guriev, L.S. (1993). Color symbolism In *Color in our life*. Kursk. (In Russ.).
6. Shhvatsabaya, T.I. (1985). Color notation in language and speech (on the material of the English language) [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
7. Divina, E.A. (2007). Syntagmatics of semantic color field in Russian. [dissertation]. Ekaterinburg. (In Russ.).
8. Vasilevich, A.P. (1987). Studies of vocabulary in the psycholinguistic aspect: on the material of color designations in the languages of different systems. Moscow: Nauka. (In Russ.).
9. Vendina, T.I. (1999). Color in the ethnocultural system of Russian, Old Slavonic and Old Russian languages. In *Slavic Almanac 1998*. Moscow: Indrik. pp. 277—304. (In Russ.).
10. Ter-Minasova, S.G. (2000). Intercultural communication. Moscow: Slovo.

11. Ozkhan, F. (2000). Lexico-semantic groups of adjectives with the meaning of color in Russian and Turkish (linguoculturological aspect). In *I.A. Baudouin de Courtenay: scientist, teacher, personality*. Krasnoyarsk. pp. 163—167. (In Russ.).
12. Svetlichnaya, T.Yu. (2003). Comparative lingvocultural characteristics of color identification and color perception in English and Russian [dissertation]. Pyatigorsk. (In Russ.).
13. Novikov, F.N. (2014). Colour terms as culture codes. Colour terms corpora in Russian, English and French. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 5(3), 130—138. (In Russ.).
14. Zavyalova, N.A. (2007). Phraseological units with a component of color designation as a reflection of Japanese, English and Russian language pictures of the world [dissertation]. Ekaterinburg. (In Russ.).
15. Vezhbitskaya, A. (1996). Language. Culture. Cognition. Moscow: Russian dictionaries.
16. Berlin, B. & Kay, P. (1969). Basic Color Terms. Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press.
17. Ampel-Rudolf, M. (1994). Colors: From lexical and syntactic-semantic tests of the Polish language. Rzeszów: Publisher of the College of Pedagogy. (In Polish).
18. Frumkina, R.M. (1984). Color, meaning, resemblance. Aspects of psychological analysis. Moscow: Nauka. (In Russ.).
19. Rakhilina, E.V. (2007). On semantics of adjectival colors. In *Color names in Indo-European languages. System and historical analysis*. Moscow. pp. 36—37.
20. Amosova, N.N. (2015). Etymological foundations of the dictionary of modern English. Moscow: Librocom. (In Russ.).
21. Waszakowa, K. (1997). Colours and measure terms. Stockholm: Stockholms universitet. Slavistika institutionen. pp. 87—96.
22. Tatarinov, V.A. (1996). Theory of Terminology. Vol. 1. Moscow: Moscow Lyceum. (In Russ.).
23. Mokienko, V.M. (1989). Slavic phraseology. Moscow: Vysshaya-shkola. (In Russ.).
24. Russian phraseological dictionary. <http://glossword.info/index.php/index/6-russkiij-frazeologicheskij-slovar-.xhtml>. (In Russ.).
25. Chinese Dictionary (1998). Chinese Dictionary Editing Committee.
26. Sima, Qian (2009). Historical Records of the Five Emperors. Zhonghua Book Company.
27. URL: <https://baike.baidu.com/item/yellow/517>. (accessed: 01.03.2018).
28. Hu, Huakai (2012). Jinmu Shuihuo. Haitian Publishing House.
29. URL: <https://lingvister.ru/blog/vse-tsveta-na-kitayskom-yazyke-bogataya-palitra-podnebesnoy>. (accessed: 01.03.2018).
30. URL: <https://www.epochtimes.com.ua/ru/china/culture/kitajskaja-mifologija-zhelytyj-imperator-predok-kitajskoj-civilizacii-97466.html>. (accessed: 01.03.2018).
31. Xiaoting Renewal Huang Mawei Customization (1997). Ai Xinjue Luo Zhaoqiu, Zhonghua Book Company.
32. Say Yue Quan Chuan (2014). Qian Cai: Qing Dynasty Huashan Literature and Art Publishing House.
33. Three Kingdoms (2011). Chen Shou: Zhonghua Book Company.
34. Bo (1997). Analyze the connotations of color words in Russian. Songliao.
35. Hao, Lanlan (2015). A Comparative Study of the Cultural Connotations of Chinese and Russian Color Words — Taking Red, Yellow and Green as Examples. *Xinjiang University Journal*, 2015.
36. The Great Encyclopedic Dictionary. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=желтый>. (accessed: 01.03.2018).
37. The Great Encyclopedic Dictionary. <https://bkrs.info/slovo.php?ch=face yellow muscle thin>. (accessed: 01.03.2018).
38. Idiom Dictionary (2013). Business International Press.

39. The Great Encyclopedic Dictionary. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=Yellow robe>. (accessed: 01.03.2018).
40. The Great Encyclopedic Dictionary. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=Huang Weiyi>. (accessed: 01.03.2018).
41. The Great Encyclopedic Dictionary. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=Yuankou>. (accessed: 01.03.2018).
42. The Great Encyclopedic Dictionary. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=Huang Zhong destroyed>. (accessed: 01.03.2018).
43. The Great Encyclopedic Dictionary. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=Fei Huang Tengda>. (accessed: 01.03.2018).
44. The Great Encyclopedic Dictionary. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=Dumb to eat berberine>. (accessed: 01.03.2018).
45. The Great Encyclopedic Dictionary. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=人老珠黄>. (accessed: 01.03.2018).

Для цитирования:

У Пэйхуа. Семантика цветообозначения *желтый* в китайской и русской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 729—746. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746.

For citation:

Wu Peihua (2018). The semantics of *yellow* color terms in Chinese and Russian linguocultures. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 729—746. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746.

Сведения об авторе:

У Пэйхуа — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвокультурология, сопоставительная лингвистика, теория перевода; *e-mail*: peihuawu@mail.ru

Information about the author:

Wu Peihua, post-graduate student of the Department of General and Russian Linguistics of the Philological Faculty at RUDN University; *Scientifics interests*: linguoculturology, comparative linguistics, translation theory; *e-mail*: peihuawu@mail.ru

УДК: [811.161.1:811.512.162]'373.21"18/19"
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-747-760

НАХЧИВАНСКИЕ ЭТНОТОПОНИМЫ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Г.Г. Пашаева

Бакинский славянский университет
ул. С. Рустама, 33, Баку, Азербайджан, AZ1014

Топонимы, в особенности ойконимы, тесно связаны с этническим составом населения определенной территории, т.к. они являются продуктом мышления народов, которые их создают. В большинстве случаев можно определить географию распространения разных народов по топонимам.

Азербайджан и его неотделимая часть Нахчиван являются одной из древних территорий распространения поселений тюркских племен. Поэтому топонимический слой этих территорий сохраняет в себе особенности лексической, семантической системы тюркских языков. В составе нахчиванских топонимов можно обнаружить элементы, которые относятся к древнетюркскому языку. Вместе с тем большое количество ойконимов содержат в себе названия древних тюркских племен, которые сыграли большую роль в формировании этногенеза азербайджанского народа. Задача данной статьи с помощью семантических методов — методом сопоставления и компонентного анализа — описать нахчиванские этнотопонимы, которые зафиксированы в русских письменных памятниках XIX — начала XX веков. Отметим, что русские краеведческие источники дают богатый материал для изучения топонимов данной территории. В связи с историческими и политическими условиями сейчас от некоторых из некогда населенных нахчиванских селений ничего не осталось, некоторые из них сейчас находятся в составе нынешней Армении, а названия некоторых были изменены. Благодаря русским источникам мы можем иметь полное представление о названиях этих селений и их исторических изменениях.

Итак, анализ топонимического материала русских письменных памятников показывает, что некоторые из нахчиванских топонимов связаны с такими крупными тюркскими племенами, как кенгерли, огуз, булгар и с другими разными ответвлениями тюркских племен.

Ключевые слова: русские краеведческие источники XIX — начала XX века; нахчиванские этнотопонимы; ойконимы; этнотопонимы, связанные с племенами кенгерли; этнотопонимы, связанные с племенами огуз; этнотопонимы, связанные с племенами булгар; этнотопонимы, связанные с другими разными ответвлениями тюркских племен

ВВЕДЕНИЕ

Собственные имена играют большую роль в формировании исторических, географических, этнографических сведений о территории, к которой они относятся. В особенности ойконимы тесно связаны с этническим составом населения, с миграциями разных народов. В большинстве случаев можно определить географию распространения разных народов по топонимам, в особенности по ойконимам. Топонимы являются продуктом мышления народов, которые их создают. Так как собственные имена являются более устойчивыми единицами языка, то в них легко можно обнаружить древние элементы языка, к которому они относятся.

Нахчиван является одним из древних поселений тюркских племен. Поэтому топонимический слой этих территорий сохраняет в себе особенности лексической,

семантической системы тюркского языка. Большое число ойконимов связаны с названиями древних тюркских племен.

В статье нахчиванские топонимы изучаются на основе материалов русских источников XIX — начала XX века. В этом периоде после присоединения Северного Азербайджана к России происходили важные исторические и политические события, которые повлияли на дальнейшую судьбу нахчиванских топонимов. На данный момент как результат этих событий некоторые нахчиванские топонимические объекты находятся на территории нынешней Армении, некоторые из них больше не существуют или их названия были изменены на армянские. Поэтому мы можем получить полный список нахчиванских топонимов этого периода только из русских краеведческих источников.

Цель данной статьи — рассмотреть нахчиванские топонимы, которые происходили от названий разных тюркских племен. Анализ и изучение этих топонимов в статье ведется с помощью семантических методов — методом сопоставления и компонентного анализа.

1. РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ КАК СВОД МАТЕРИАЛОВ О НАХЧИВАНСКИХ ТОПОНИМАХ

Русские источники XIX — начала XX веков дают богатую информацию об азербайджанских топонимах. Известно, что после русско-персидских войн (1804—1813, 1826—1828) Северный Азербайджан был присоединен к России. После этого началось изучение этих земель и появились многочисленные краеведческие труды, например, «Статистическое описание Нахичеванской провинции» В. Григорьева, «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи» И. Шопена, «Алфавитный указатель к пятиверстной карте кавказского края» П. Пагирева, «Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края» К. Смирнова, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и т.д., которые представляют для нас особый интерес потому, что в этих источниках имеется информация о древней части территории Азербайджана — о Нахчивани. Изучая эти сведения мы можем представить список топонимов Нахчиванской территории XIX — начала XX веков. Отметим, что некоторые из топонимов того времени уже не существуют.

Нахчиван как древняя азербайджанская земля является одним из древних поселений тюркских племен. Поэтому многие топонимы данной территории, в особенности ойконимы, связаны с названиями разных тюркских племен. Рассмотрим некоторые нахчиванские этнотопонимы, которые встречаются в русских источниках XIX — начала XX веков.

2. НАХЧИВАНСКИЕ ТОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПЛЕМЕНАМИ КЕНГЕРЛИ

Один из сильных и крупных племенных союзов, живших на территории Нахчивана еще с древних времен является тюрко-огузское племя кенгерли. Племена, входящие в данный союз, охватывали значительную часть Нахчиванской территории. Эти факты отражаются в разных источниках, в том числе в русских

письменных памятниках XIX — начала XX веков. Например, К.А. Никитин в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» в своей статье пишет о Нахчиванском ханстве: «Татары составляли господствовавшее население в этом ханстве, куда с давних времен переселились Кенгерлы, по Шопену древние Канглы, или Печеньги, выходцы из Диярбекира и Кораджаларские Куртины» [1]. Под названием «татары» автор имеет ввиду азербайджанцев. К.Н. Смирнов уточняет: «Наиболее распространено мнение, что в Нахкрае осели племена Бяят, Джеваншир и Кенгерли. Сохранилось сказание о том, что около тысячи лет назад по вызову халифов для завоевания Закавказья кенгерлинское племя вместе с племенем джеванширов пришло в Карабаг и в Нахкрай» [2].

Другой русский автор В. Григорьев дает название всех кенгерлинских племен, живущих в разных деревнях. Это очень важная информация, потому что многие села в Нахчивани связаны с именами этих племен. Так, Юрдчу (в деревне Джахри), Гюмюшлу (в деревнях Гаурарх, Хок, Шахтахты, Гилдесер), Халхаллы и Гараханбейли (в деревне Вайхыр), Агабейли, Джыгатайлы, Гараджалы, Биллиджи, Гарадулаглы, Геджелер, Сарванлар, Шахбанлы, Алиханлы (в городе Нахчиван), Арованлы (в деревне Дизачи Керимбей), Салайчы (часть в городе, другая часть в деревнях Нахаджир, Кюлюс, Махмудоба), Гызыллы (в деревне Кюлтепе), Пирхаханы (в деревне Гахаб), Гызылгышлагы (в деревне Булган), Келфирли (в деревнях Тиркеш, Саласуз), Гарабаглар (в деревне Гарабаглар) [3] являлись этнически кенгерлинскими.

К.Н. Смирнов, основываясь на материалах Нахчиванского архива, дает названия 28 кенгерлинских племен: Юрчи, Гемаи, Аравсияклы, Гарадолаги, Гараханбекли Алиханлы, Сарабанлахи, Гаджилари, Гарабулаги, Сарбанлари Джамидли Гарагасанлы, Халхалы, Билиджи, Раяти, Пир-Гасанлы, Кизилкышлаги, Татарлы, Казилли, Джигаталы, Булгарлы, Агабекли, Гараджаги, Дидварлы, Салаги, Кяльфирли, Алекпери. Автор сравнивает списки других русских авторов и замечает, что «у И. Шопена нет нескольких названий, а с другой стороны, у Шопена есть поколения, неупоминаемые в более позднем списке». В списке И. Шопена отсутствуют Сарабанлахи, Караджаги, Карабулаки, Раяти и Татарлы. Но И. Шопен отмечает такие кенгерлинские племена, как Карабегляр, Куртлар, Шабанлы, Панагли, Бекдили, Курд-Махмудлу, Амянлы, Зиятлы, Баркушатлы [2]. Названия нахчиванских деревень Дидивар, Арафса, Халхал, Кечили, Гарабаглар, Гараханбейли, Саласуз, Туркеш, Йурдчу, Джагатай, Каласир, Рейте связаны с названиями кенгерлинских племен. В русских источниках XIX—XX веков в большинстве случаев неправильно толкуется значение этих ойконимов. Рассмотрим некоторые из них.

Арафса — К.Н. Смирнов пишет, что топоним Аравса имеет персидское происхождение и понимается как «склон горы», хотя автор сам выше указывает его как название одного из кенгерлинских племен.

Кечили — К.Н. Смирнов объясняет это название как «козеведы» [2], а другой русский автор Ф. Ганн как «место обитание коз» [4]. Но Кечили является этнопонимом. Кечи (то есть коза) являлась онгоном некоторых тюркских племен. В эпосе «Китаби Деде Горгуд» («Книга моего деда Горгуда») также имеются

эпизоды, связанные с онгоном коза [5]. Этноним кечили образовался на основе этого онгона. В тюркских племенах часто наблюдается превращение онгона в название племени. Названия племен Акгоюнлу (букв. Белобараны) и Гарагоюнлу (Чернобараны) является наглядным примером этого факта.

Гарабаглар — на территории Азербайджана такие топонимы, как Гарабаглар, Гарабаг, Гарабаглы, широко распространены. Исследователи связывают такие названия с племенем гарабаглар, которое являлась одной из поколений кенгерли-печенегов и пришло на Кавказ в составе гуннских племен [6].

Йурдчу-Гирдесер — в средние века йурдчу был названием должности. «В армии государства Хулаки служили такие чиновники, как инаг, бакаул, йурдчу, беларгучу, бахши и т.д. В лагерях, летовках и зимовках поселения падишаха и военных отрядов — юрты построились со стороны юрдчу» [7]. Одно из поколений кенгерли исполняло такую должность, а затем это утвердилось как их название.

Гурдгулаг — русский исследователь XIX века В. Григорьев отмечает Гурдгулаг как название деревни и горы на территории Дерелеезского магала [3]. Левый приток реки Арпачай тоже называется Гурдгулаг. Сейчас эта деревня находится на территории нынешней Армении, название деревни было изменено на Болораберд [8]. Известно, что в XIX веке, после того как Нахчиванское ханство было завоевано Россией, постепенно некоторая часть территорий ханства была передана нынешней Армении [9].

Топоним связан с тюркским племенем гурт. Г. Гейбуллаев отмечает, что в начале XIX века эти племена также жили в Ширване и относились к кенгерлинским племенам [10]. Русский автор И. Шопен название куртлар/гуртлар дает в списке кенгерлинских племен [11].

Второй компонент топонима — кулак в тюркских языках в географической терминологии употребляется в значении «балка, ущелье», «что-то выдающееся, четко выделяющееся в рельефе» [12]. Топонимы с компонентом «кулак» встречаются на многих тюркских территориях: Ташлы-кулак, Ариукулак, Газангулак, Гузугулак и т.д. [12].

3. НАХЧИВАНСКИЕ ТОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОГУЗСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Огузские племена, являющиеся предками азербайджанцев и оставившие свои следы на территории Нахчивана, имеют древнюю историю. М. Кашгари в своей книге «Дивани лугат-ит тюрк» приводит названия 22 огузских племен. Он пишет, что эти племена являются корневыми, они разветвляются на другие поколения, которые называются именами предков [13]. В некоторых письменных памятниках их число равняется 24-м. В русских источниках XIX — начала XX веков об этих племенах не говорится, потому что русские называли всех тюрков, живущих на территории Азербайджана, татарами. Названия огузских тюрков сохранились в топонимах всего Азербайджана и на территории Нахчивани. Например, ойконимы Бекдили, Боюкдуз, Эйрек, Халадж, Гарахесенли, Гарачуг, Гархун, Огуздаши, Чиве (от этнонима Ийве), Альшар (искаженная форма этнонима Афшар), Биченек

(от этнонима Печенег), Гайалы (от этнонима гайы), Сичанлы, ороним Газангёлдаг, название родника Газанийла связаны с названиями разных огузских племен.

Халадж — русский автор XX века К.Н. Смирнов объясняет слово *халач* как «трепальщик» [2]. Такое объяснение неправильно. Топоним связан с названием древнетюркского племени халадж. Халаджи, жившие на берегах Амударьи, распространились в XVII веке в Мугане, в конце XIX века в Джавадском уезде [14]. О халаджах упоминается в эпосе «Шу», который имеется в книге «Дивани лугатит тюрк» М. Кашгари. Отметим, что в этом эпосе описываются события времен Александра Македонского [5].

Гара Хасанлы — К.Н. Смирнов связывает этот топоним с именем разбойника Гара Хасан [2]. Но это объяснение нельзя считать правильным, так как топоним Гарахасанлы распространен как на территории Азербайджана, так и в других тюркских регионах [6]. Это позволяет прийти к мнению, что топоним происходит не от имени разбойника, как это отмечает К.Н. Смирнов, а от названия огузского племени гарахесенли [15].

Гарачуг — К.Н. Смирнов пишет, что топоним состоит из слов кара — «земля» и чок — «много». Деревня называлась так, потому что здесь много посевных участков [2]. Но название Гарачуг связано с именами огузских племен. В «Диване» М. Кашгари Гарачуг показан как один из огузских городов [16]. В эпосе «Китаби Деде Гогуд» Гарачуг является именем одного из героев.

Гархун — русский автор И. Шопен пишет, что в этой деревне известны интересные надгробные памятники — каменные фигуры баранов [11]. Баран был символом власти у зороастрийцев (I тыс. до н.э.), одним из тотемов огузских племен. Это свидетельствует о том, что в деревне Гархун с древних времен обитали огузские тюрки. Гархун является названием поколения, которые относились к огузским племенам Боз-Ок [17]. Средневековый автор Абулгази хан (XVI) писал о том, что каркыны (гархуны) являются потомками Йулдуз хана — сына Огуз хана. Гаркыны пришли в Азербайджан в 30—40 годы XI века. Некоторые полагают, что гархуны те же самое, что и гара хуны, то есть «черные гунны» [6].

Сичанлы — топоним сформировался присоединением к этнониму синджан суффикса -лы, который обозначает принадлежность. Синджан принадлежал к огузской племени бекдили. «Естественно, этноним синджан, принимая суффикс -лы, в результате адаптации к местному произношению участвовал в образовании топонимов в форме „сичанлы“» [8].

Махмуд кенд — по мнению исследователей, этот ойконим происходит от названия одного из поколений шахсеменов, которые являлись потомками огузов. Эти огузские племена смешались с местными тюрками в XIII—XIV веках [18].

Афшар — огузские племена афшары в период правления Сафавидов и Надир шаха Афшара сыграли важную роль в политической жизни территории [19]. Все ойконимы Афшар связаны огузскими племенами афшар.

Коланы гышлагы — К.Н. Смирнов объясняет этот ойконим как «открытый» и пишет, что здесь был открытый загон для скота [2], поэтому деревню называли Коланы гышлагы. Другой русский автор Ф. Ган отмечает ойконим в форме Келанлы, объясняет слово как «роща», «место рощи, лесистая местность» [4].

Но ойконим происходит от названия племени коланы, которое в Средние века проживало в Гарабахе и частично в Иревани [19]. По нашему мнению, этноним восходит к племенам кол, которые были потомками печенегов. Г. Гейбуллаев пишет, что эти племена известны в южно-русских степях под названием кул [20].

Чиве — топоним образовался на основе этнонима ийве/ййиве. Фонетический вариант этого этнонима — Чиве образовался в результате чередования звуков й~ч. Такое чередование характерно для тюркских языков [21]. В источниках говорится, что ийве является одним из 24 огузских этнонимов и огузское племена ийве населяли Закавказье. Ийве также был именем третьего сына Денгиз хана, который был сыном Огуз хана [22].

Биченек — ойконим связан с печенегами. В азербайджанской лингвистике об этом впервые упомянул З. Буянов. До него такие топонимы объяснялись как «место сенокоса», «сенокос». Исследователи считают, что печенеги являются одним из поколений кыпчагских племен.

Печенеги, жившие в VI—IX веках на территории между Уралом и Волгой, пришли на Южный Кавказ в VII—XI веках и сыграли большую роль в формировании этногенеза азербайджанского народа [23]. В источниках XIX века на Кавказе можно встретить многие топонимы, связанные с этим этнонимом: в Тифлисской губернии Бежантке, Беджаниани, Бесано, в Кутаисской губернии Бжиневи, в Иреванской губернии Беджини и т.д. [23].

4. НАХЧИВАНСКИЕ ТОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С БУЛГАРСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Одно из тюркских племен булгары являются древними жителями Азербайджана. В книге «Гарабагнаме» есть сведения о том, что в античных и древних веках (в V веке до н.э. — в X веке н.э.) на территории Азербайджана жили и правили некоторые тюркские племена. Роль таких племен, как булгары, гунны, сабиры, хазары, огузы, джинли, саки, гашгайы, гаргары, гарабанлары, агбанлары и др. в формировании этногенеза Кавказской Албании и Азербайджана несомненна [24].

Такие нахчиванские топонимы, как Булган, Газанчы, Гуллар, Вананд, связаны с названиями булгарских племен.

Булган — К.Н. Смирнов объясняет этот топоним как «водоворот» [2]. По нашему мнению, название деревни Булган связан с топонимом Булчу/Болчу, о котором четыре раза упоминается в Древнетюркских письменных памятниках [Памятник Кюл Тегин, восточная сторона, 37-я строка, Памятник Билге Каган, восточная сторона, 28-я строка, Памятник Тоньюкук, первый камень, северная сторона, 35-я строка, Памятник Шине-Усу, южная сторона, 1—2-я строка].

В.В. Радлов отмечает, что Булчу находится на западе Иртыша в стране Туркеш [25]. Тот факт, что в Нахчиване находится деревня Туркеш, еще раз утверждает связь названия деревни Булган с древнетюркским топонимом Булчу. Суффикс *-gan* (*-уан*, *-қан*, *-кан*) имеет два значения: уменьшительно-ласкательное значение и как суффикс, образующий гидронимы [12]. В составе некоторых топонимов суффикс *-gan* употребляется в значении «деревня». Итак, слово Булган означает «деревня Булчу».

Вананд — русский автор XX века К.Н. Смирнов пишет, что название связано со словом ванвенд — «лесистая местность» [2]. По нашему мнению, название происходит от имени болгарского вожака Венд. И. Шопен по этому поводу пишет: «Во время Аршакидов в период правления Аршака или Арзаса множество народа под предводительством некоего Венда оставило отечество свое в Кавказских горах и Булгарии переселились в округ Араратской провинции, называемый Анпант Басен, то есть Басен Безлесный, который в последствии, от имени сего Венда был назван Вананд» [11]. И. Шопен отмечает, что эта деревня находится сейчас вблизи истока реки Арпачай [11]. Эта река находится в Нахчиване. Значит, название деревни Вананд связан с болгарскими племенами.

Ордубад — в современных исследованиях слово Ордубад толкуются по-разному. Слово орду или орда является древнетюркским ойконимическим термином. В монгольском языке встречается в форме орда (например, Алтун Орда, Гёк Орда, Ак Орда) [26]. В тюркских языках это слово употреблялось в значениях «лагерь вожака кочевого племени», «ставка хана», «дворец хана», «постоянное место жительства» и т.д. Топонимы, связанные со словом орду/орда, встречаются на многих тюркских территориях: Орду, Куз Орду, Орду Халадж и т.д. [27].

Второй компонент ойконима — бад — является искаженной формой слова бард/пард, «который служил самоназванием прикамских болгар и одного из ответвлений татар. Этот древний этноним сохранился до сих пор в топонимии Прикамья — селение Бардым/Партым в Пермской области» [27]. В Азербайджане название города Барда тоже связано с этнонимом «бард». Отметим, что русский автор И. Шопен в своей книге также упоминает эти племена, отмечая, что он услышал здесь легенду о Короглу, воспеваемый здешними бардами [11]. Таким образом, ойконим Ордубад состоит из слов орду и этнонима бард и означает «город, лагерь бардов».

Бердик — на территории Кавказа встречаются топонимы, связанные со словом берд/берт/бард. Например: Берта, Бертанага, Бертах, Бертубани, Барда и т.д. [28]. В Туве существует ороним Берт-даг. Эти топонимы, в том числе топоним Бердик, связаны с этнонимом бард, о котором мы уже говорили. Бердик состоит из двух компонентов: этнонима берд/бард и слова дик. Слово дик в современном азербайджанском языке означает «холмистое место», «высокое место». Итак, ойконим Бердик можно понимать как «холм бардов».

Газанчы — топонимы Газанчы и топонимы с компонентом газан широко распространены на исторических территориях Азербайджана. По сведениям, до 1920-го года на Кавказе существовали 24 топонима с компонентом газан, а в Азербайджане 10 деревней Газанчы. Такие топонимы встречаются и на других территориях, где проживали тюрки — на Украине, в Башкирии, Туркменистане, в Восточной Сибири, Иране, Турции [23].

Существуют множество разных мнений о топонимах Газан/Газанчы. Естественно, что широкое распространение таких топонимов свидетельствует об их происхождении от этнонима. Известный ученый Г. Гейбуллаев считает газанчы одним из ответвлений болгарский племен [10]. Племена газан пришли на Закавказье

казию в составе болгаров во II веке до н.э. Есть сведения, что в XIII—XIV веках они были в составе кыпчагов [6]. Итак, ойконим Газанчы формировался на основе тюркского этнонима газан.

5. НАХЧИВАНСКИЕ ТОПОНИМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДРУГИМИ ОТВЕТВЛЕНИЯМИ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН

В XIX—XX веках на территории Нахчивани встречаются ойконимы, связанные и с некоторыми другими ответвлениями тюркских племен.

Салтаг — ойконим состоит из слов сал и таг. Сал является древнетюркским этнонимом. Тюркоязычные племена сал пришли в Албанию в составе аваров в 686-м году [29]. Византийский автор VI века Менандр также упомянул о гунских племенах сал на Северном Кавказе [23]. Топонимы с компонентом сал имеют большую географию. В Азербайджане такие топонимы, как Салоглу (в районе Агстафа), Салварды (в районе Шахбуз, название горы и реки), Салтах (в районе Джулфа), Салиер (в районе Шамкир), Салдаш (в районе Губадлы), название района Салйан и т.д. связаны с тюркскими племенами сал. Слово таг встречается в составе топонимов в разных фонетических вариантах на всех тюркских территориях и означает «гора».

Херхер (Herher) — этот нахчиванский ойконим сейчас находится в составе названий поселений нынешней Армении. Правый приток реки Арпачай тоже называется Херхерчай. Название деревни свидетельствует о его тюркском происхождении, ойконим связан с тюркскими племенами гаргар [20]. Эти племена жили в начале нашей эры в Кавказской Албании [14]. Топонимы, связанные с племенами гаргар в фонетических вариантах Гаргар/Херхер/Хархар, встречаются на разных территориях Азербайджана в составе ойконимов, оронимов, гидронимов. Например, Гаргар чай (на территории Нагорного Карабаха), селения Гергер (Gərgər) и Хархар, источник Хархар (в районе Гедебек), река Хархар (в районе Шамкир), ороним Гаргар (в районе Ходжалы) и т.д. [6; 14]

Гушчу — это нахчиванское селение сейчас тоже находится на территории нынешней Армении. Его название было изменено на Кечуд [8]. Этот тюркский ойконим в русских источниках XIX—XX веков трактуется как «птицевод» (от слова quş — птица). Авторы связывают название населенного пункта с занятием жителей и уточняют, что в этой деревне занимаются птицеводством, куроводством [4; 2].

С таким объяснением нельзя соглашаться. Широкий ареал распространения топонима утверждает его связь с тюркским этнонимом гушчу [30], который встречается также у других тюркских народов. Например, казахи называют их кушси, башкиры кушчи и кошси, туркмены кушчи, ногаи кушси, киргизы кушчу и т.д. [31]. Значит, топоним происходит от тюркского этнонима гушчу.

Арпа — этот топоним встречается в русских источниках XIX—XX веков как название реки и деревни в Нахчивани (Шаруро-Дерелеезком уезде). Сейчас деревня Арпа находится на территории нынешней Армении и ее название изменено на Арени [8].

Топоним Арпа имеет тюркское происхождение, связан с тюркским этнонимом арма/арба/арпа [29]. В источниках XIX—XX веков топонимы с компонентом арпа встречаются в разных территориях Кавказа. Например, в Карсе Арпа-гёл, в Зенгезуре Арпа-гедик, Арпатепе, Кагызмане Арпалы, в Загатале Арпа-дереси и т.д. [28]. Сейчас не только на территории Азербайджана, но и на других тюркоязычных территориях встречаются такие топонимы, как Арпа дагы (в районах Агсу, Шамкир), Арпа дереси (в районах Огуз, Агдам, Губадлы, Дашкесен, Газах, Зенгилян, Келбеджер, Горанбой, Ордубад, Ханлар), Арпа дузу (в районе Келбеджер), Арпа ялы (в районах Келбеджер, Шуша), Арпа чокейи (в районах Товуз, Ханлар), в Карсе Арпагала, Арпашен, в Грузии Арпатала, деревня Арпа, в Крыму Арпалар, в Казахстане Арпа сую и т.д. [14]. Такое широкое распространение топонимов с компонентом арпа еще раз доказывает их происхождение от этнонима.

Арбатан — эта деревня находится в районе Шарур. В некоторых исследованиях ойконим объясняется как «эг» — мужчина, джигит и «batan» — умер, то есть «место, где умер джигит» [32]. Русский автор начала XX века Ф. Ганн также разделяет это мнение и относит это слово к армянскому языку. Но даже такое объяснение слова арбатан говорит о его тюркской этимологии, так как слова эг и batmaq имеют тюркское происхождение. Топоним происходит от названия тюркского племени арбатан. Арбатан является названием одного из бурятских племен. Это название встречается среди монгольских племен и монголизированных элементов. Из истории известно о нашествии монголов в Азербайджан (XIII век). Естественно, что эти племена оставили свои следы в топонимах Азербайджана, и название селения Арбатан является одним из них.

Яйджы — название деревни встречается в письменных памятниках XVI века [32]. Сейчас деревни Яйджы находятся в районе Джулфа и Шарур (в Шаруре Ашаги Яйджы). Русский автор К.Н. Смирнов связывает название деревни с названием оружия, так как «уау» переводится как лук, и отмечает: «Яй — тетива лука, а также трепалка для шерсти. С одной стороны, может быть тут были хорошие стрелки из лука, а вероятнее, трепальщики шерсти. Этим именем называются два селения: одно в Шаруре, другое в Ордубадском районе» [2]. Название деревни происходит от этнонима яйджы. Впервые племена яйджы упоминаются Абулгази ханом Хивинским [10]. Племенные союзы шор тоже называли себя «уау» — тетивой лука. Мифизация названий оружия и отражение их в названии племени является древней традицией тюрков. Например, названия племен Бузуг (букв. Серые стрелы), Уч Ог (букв. три стрелы) тоже образовались в результате этого мифического представления [5].

Ахта — в XIX веке эта деревня находилась в Дерелеезском магале Нахчиванской провинции [11]. На данный момент находится в составе нынешней Армении. Ф. Ганн отмечает его как Ахты и пишет, что слово происходит от еврейского achot — «сестра» и полагает, что селение основано какой-то сестрой двух братьев, пришедших сюда [4]. Но это необоснованный факт, который приводит в заблуждение. На наш взгляд, название деревни происходит от тюркского этнонима ахта. Некоторые исследователи относят племена ахта/ахтачы к киргизско-огузским племенным союзам [33], а некоторые к племенам падар [10]. Н. Нуриева отмечает,

что племена ахтачы в древности жили у подножья Тьян-шаньских гор. Сейчас эти племена как одно из ответвлений кыпчаков живут в Ферганской области Узбекистана [33].

Топонимы с компонентом ахта встречаются также в других тюркских ареалах, название некоторых из них было изменено [23]. Например, в Башкортостане деревня Ахта, в Дагестане село Ахты, в Армении Ахта (сейчас Раздан), Ахтахана (сейчас Дзоростан), в Крыму Кыр Актачы (сейчас Даровка), Кучук Актачы (сейчас Куликовка), Актачы Кубан (сейчас Волноже) и т.д.

История слова ахта восходит к временам правления Чингиз хана, в эти времена людей, которые смотрели за лошадьми и строили их в ряд, называли ахтачы. Ахта на монгольском означает «лошадь». Ахтачы считалась важной должностью. Название этой должности потом превратилось в название отдельного поколения [34].

Азадек — деревня Азадек, которая находится на территории нынешней Армении, в XIX веке относилась к Дерелеезскому магалу Нахчиванской провинции [11; 3]. В некоторых источниках топоним встречается в форме Азадек, Азадык, Азадер. В русском источнике XIX века пишется, что деревня Азадер состоит из трех смешанных селений: Аза-Юхары (Верхняя Аза), Аза-Ашаги (Нижняя Аза) и Дер [3]. Отметим, что Ордубадский округ Нахчиванского магала был известен персами как Аза Джиран [11]. Этот топоним связан с тюркским этнонимом аз. Название племени аз встречается также в древнетюркских письменных памятниках. Слово аз/ас употреблялся в значении «сильный». Это тюркское племя, которое В. Бартольд назвал «неизвестным племенем», ассимилировалось в среднетюркском периоде [26]. На данный момент название этого народа сохранилось в таких топонимах, как Азия, Асса в средней Азии, около Сырдарьи Аса, Аснас, Асар, на Урале и на территориях между Волгой и Камой Ассы, Ассылы, Асы, Аша и т.д. «Некоторая часть древнего населения Азербайджана также называлась аз, которая потом была известна как азер. Этот факт еще раз утверждает тюркское происхождение племен аз... В древних и новых армянских памятниках встречается большое количество названий гор, рек, селений, юрты — топонимов, связанных с этнонимом аз//ас, на территории Анатолии, Ирана, Кавказа, где жили тюркские племена: Аз, Аза, Азалы, Азалу, Азах, Азаи-шен, Азанлы, Азаклар, Азбуга//Асбуга, Азиар (Азер), Аз-кала, Азмана, Аз-пинар, Азмана, Асилер, Аслы, Аскара, Асман, Асны, Аспакан, Аспек, Асиатсор, Аштарак и т.д.» [35].

Чирах-оглу/Чирахлу — в XIX веке относился к Дерелеезскому магалу Нахчиванской провинции [11]. П. Пагирев отмечает данное название этого селения в форме Чирахлур [28]. От селения сейчас остались только развалины [8]. Топоним связан с тюркским этнонимом сирак. Впервые о племенах сирак, живших на Северном Кавказе, упоминает Страбон в I веке [36]. По разным данным, племена сирак жили в Кубанской степи, со II века они начали расселяться на Кавказе [37]. Одно из ответвлений гызылбашов тоже называлось чыраглы [14]. Суффикс -лы/лу, присоединяясь к этнониму сирак/чирак, обозначает принадлежность жителей Чирахлу к племени чирак [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что мы представляли в данной статье только небольшую часть топонимов, которые по происхождению связаны с такими тюркскими племенами, как кенгерли, огузы, болгары и т.д. Но на древней и нынешней территории Нахчивана существуют множество топонимов, связанных с разными тюркскими племенами и их ответвлениями. Анализ данных топонимов помогает выявить общие для всех тюркских названий признаки, определить связь тюркских племен, живших на разных территориях, выявить факты о миграции разных племен в разные исторические периоды, их роль в формировании этногенеза коренного населения и другие вопросы. Такой анализ дает новые материалы для изучения языка, истории, культуры и мировоззрения жителей данной территории. Изучая нахчиванские топонимы, мы еще раз убеждаемся в том, что эти названия являются продуктом мышления тюркских народов.

Географические названия отличаются экстралингвистическими особенностями, то есть изменения в обществе, политическом строе могут значительно повлиять на дальнейшую судьбу топонимов. В связи с историческими и политическими условиями в Азербайджане XIX — начала XX веков некоторые из нахчиванских топонимов тюркского происхождения стерлись с лица земли, название некоторых из них изменены. Но в русских источниках этого периода они запечатлелись как неопровержимые факты истории. Эти топонимы, являющиеся свидетельствами истории, еще раз доказывают, что Нахчиван — это древняя тюркская земля.

© Пашаева Г.Г.

Дата поступления: 20.04.2018

Дата приема в печать: 29.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Никитин К.А.* Город Нахичеван и Нахичеванский уезд // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа. Вып. второй, 1882. С. 109—142.
2. *Смирнов Н.К.* Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Баку: Озан, 1999.
3. *Григорьев В.* Статистическое описание Нахичеванской провинции. Санкт-Петербург: Типография Департамента Внешней Торговли, 1833.
4. *Ганн К.Ф.* Опыт объяснения Кавказских географических названий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа. Вып. 40, 1909. С. 1—64.
5. *Eyvazlı Ə.* Naхçıvan qədim türk torpağıdır. Bakı: Elm, 2006.
6. *Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti: 2 cilddə. I c.* Bakı: Şərq-Qərb, 2007.
7. *Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası: 10 cildə. IX c.,* Bakı: ASE nəşriyyatı, 1986.
8. *Vayratov İ.* Qərbi Azərbaycanın türk mənşəli toponimləri. Bakı: Elm, 2002.
9. *Azərbaycan tarixi (XIX əsr): 7 cildə. IV c.* Bakı: Elm, 2007.
10. *Гейбуллаев Г.А.* Топонимия Азербайджана (историкоэтнографическое исследование). Баку: Элм, 1986.
11. *Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1852.
12. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.

13. *Mahmud Kaşğari*. Divani Lügət-it-türk. 4 cilddə: 1 c. Bakı: Ozan, 2006.
14. Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti: 2 cildə, I c. Bakı: Şərq-Qərb, 2007.
15. Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası: 10 cildə. VII c. Bakı: ASE nəşriyyatı, 1983.
16. *İsmayilöglü C.* XI yüzilliyin tarixi onomastik leksikası (Mahmud Kaşğarının “Divanı lügət-it-türk” əsəri əsasında). Bakı: Elm, 2008.
17. *Ahmet Turan*. Kırım ve Anadolu yer adları üzerine // Türk dünyası araşdırmaları dergisi. 1993, № 2 (85), 89—136.
18. *Rzayev F.H.* Qədim Şərur oykönimlərinin mənşəyi. Bakı: Nurlan, 2006.
19. Ermənistanda Azərbaycan mənşəli toponimlərin izahlı lüğəti: 4 cildə Режим доступа: <https://turuz.com/book/title/ermenistanda-azerbaycan-mensheli-toponimlerin-izahli-lughati-i> Дата обращения: 15.07.2016.
20. *Qeybullayev Q.Ə.* Azərbaycan türklərinin təşəkkülü tarixindən. Bakı: Azərnəşr, 1994.
21. *Çalilov F.* Azərbaycan dilinin morfonologiyası. Bakı: Maarif, 1988.
22. *Рашидаддин*. Сборник летописей. М.: Издательство АН СССР. Т. I. Кн. 1, 1952.
23. *Vaxşiyeva T.L.* Qafqazın türk mənşəli toponimləri. Bakı: Avropa, 2010.
24. *Qarabağnamələri*. III kitab. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.
25. *Erhan Aydın*. Bulçu yer adı üzerine notlar // Turkish studies international periodical for the languages, literature and history of Turkish or Turkic, 2010. no 5(1).
26. *Quliyev Ə.A.* Orxon-Yenisey abidələrinin dilində toponim və etnonimlər. Bakı: Nurlan, 2004.
27. *Камолиддин Ш.С.* Древнетюркская топонимия средней Азии. Ташкент: Шарк, 2006.
28. *Пагурев Д.Д.* Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. Тифлис: Типография К.П. Казловского, 1913.
29. Azərbaycan Toponimləri. Ensiklopedik Lüğət. Bakı: Azərbaycan Ensiklopediyası nəşriyyatı, 1999.
30. *Vəlili (Baharlı) M.* Azərbaycan (coğrafi-təbii, etnoqrafik və iqtisadi mülahizat). Bakı: Azərnəşr, 1993.
31. *Гусейнзаде А. К* этимологии топонима Кушчу // Советская тюркология, 1971. no 6. С. 89—95.
32. *Vağırov A.N.* Naxçıvanın oykönimləri. Bakı: Nurlan, 2008.
33. *Nuriyeva M.* Qərbdən-şərqə ulu türk yurd adlarının dəyişdirilməsi tarixindən. Bakı: Elm, 1999.
34. *Şahbazov İ.* Coğrafi adların xəritəsi // Elm və həyat, 1979. no 1. С. 30—37.
35. *Ağasioğlu F.* Azər xalqı. Bakı: Çarşıoğlu, 2000.
36. *Xasıyev Z.* Tovuzun toponim dünyası. Bakı: Sabah, 1997.
37. *Əhmədov T.M.* El-obamızın adları. Bakı: Gənclik, 1984.

УДК: [811.161.1:811.512.162]373.21"18/19"
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-747-760

NAKHCHIVAN ETHNOTOPONYMS IN RUSSIAN SOURCES OF THE 19TH CENTURY — THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Gilakhanim G. Pashayeva

Baku Slavic University
S. Rustam str., 33, Baku, Azerbaijan, AZ1014

Abstract. Toponyms, especially oikonyms, are closely related to the ethnic composition of the population of a particular territory. Because, they are the product of the thinking of the people who created them. In most cases, you can determine the geography of the distribution of different peoples by place names.

Azerbaijan and its inseparable part Nakhchivan is one of the ancient settlements of the Turkic tribes. Therefore, the toponymic layer of these territories retains the characteristics of the lexical, semantic system

of the Turkic language. As part of the Nakhchivan toponyms, one can find elements that belong to the ancient Turkic language. At the same time, a large number of oikonyms contain the names of ancient Turkic tribes, which played a big role in the formation of the ethnogenesis of the Azerbaijani people. The task of this article is to study the Nakhchivan toponyms in Russian written monuments of the XIX — early XX centuries associated with the Turkic tribes by means of semantic methods — comparison and analysis of the component. Note that Russian local lore sources provide rich material for studying the toponyms of a given territory. Due to historical conditions some of Nakhchivan villages have disappeared, some of them are in Armenia now and some of their names have been changed. Thanks to Russian sources, we can have a complete picture of these villages.

An analysis of the toponymic material shows that some of the Nakhchivan toponyms are associated with such large Turkic tribes as kangarli, oguz, bulgars and other different offshoots of the Turkic tribes.

Key words: Russian local lore sources of the XIX — early XX century; Nakhchivan ethnotoponyms; oikonyms; ethnotoponyms associated with the kangarli tribes; ethnotoponyms associated with the oghuz tribes; ethnotoponyms associated with the tribes of the bulgars; ethnotoponyms associated with other different offshoots of Turkic tribes

REFERENCES

1. Nikitin, K.A. (1882). Nakhichevan city and Nakhchivan county. In: *A collection of materials for describing the localities and the tribe of the Caucasus*. Tiflis: Department of the Caucasian Training District Publ. pp. 109—142. (In Russ.).
2. Smirnov, N.K. (1999). Materials on the history and ethnography of the Nakhichevan region. Baku: Ozan publ. (In Russ.).
3. Grigoryev, V. (1833). Statistical description of the Nakhichevan province. Saint Petersburg: Tipografia Departamenta Vneshney Torgavly publ. (In Russ.).
4. Gann, K.F. (1909). The experience of explaining the Caucasian geographical names. In: *A collection of materials for describing the localities and the tribe of the Caucasus*. Tiflis: Department of the Caucasian Training District Publ., pp. 1—64. (In Russ.).
5. Eyvazli, A. (2006). *Nakhchivan is an ancient Turkish land*. Baku: Elm publ. (In Azerb.).
6. Encyclopedic dictionary of Azerbaijani toponyms. (2007). In 2 volume, volume II. Baku: Sharg-Garb publ. (In Azerb.).
7. The Soviet Encyclopedia of Azerbaijan. (1986). In 10 volume, volume IX. Baku: ASE publ. (In Azerb.).
8. Bayramov, I. (2002). *Turkish origin toponyms of Western Azerbaijan*. Baku: Elm publ. (In Azerb.).
9. History of Azerbaijan (XIX century). (2007). In 7 volume, volume IV. Baku: Elm publ. (In Azerb.).
10. Geybullayev, G.A. Toponyms of Azerbaijan (historical-ethnographic research). (1986). Baku: Elm publ. (In Azerb.).
11. Shopen, I. (1852). The historical monument of the Armenian region in the period of its joining to the Russian Empire. Saint Petersburg: Tipografia Imperatorskoy Akademii Nauk publ. (In Russ.).
12. Murzayev, A.M. (1984). Dictionary of national geographical terms. Moscow: Misl publ. (In Russ.).
13. Kashgary, M. (2006). *Divany Lughat-it-turk*. In 4 volume, volume I. Baku: Ozan publ. (In Azerb.).
14. Encyclopedic dictionary of Azerbaijani toponyms. (2007). In 2 volume, volume I. Baku: Sharg-Garb publ. (In Azerb.).
15. The Soviet Encyclopedia of Azerbaijan. (1983). In 10 volume, volume VII: Baku: ASE publ. (In Azerb.).
16. Ismayiloghlu, J. (2008). Historical-onomastic lexicon of XI century (based on Mahmud Kashgari's "Divany Lughat-it-turk"). Baku: Elm publ. (In Azerb.).
17. Turan, A. (1993). Crimean and Anatolian place names. *The journal Turk dunyasi arashdirmalari dergisi. Series 2(85)*, 89—136. (In Turkish).

18. Rzayev, F.T. (2006). he origin of ancient Sharur oikonyms. Baku: Nurlan publ. (In Azerb.).
19. An explanatory dictionary of Azerbaijani origin toponyms in Armenia. URL: <https://turuz.com/book/title/ermenistanda-azerbaycan-mensheli-toponimlerin-izahli-lughati-i> (accessed 15.07.2016).
20. Geybullayev, G.A. (1994). From the history of the formation of Azerbaijani Turks. Baku: Azernashr publ. (In Azerb.).
21. Jalilov, F. (1988). Morphology of Azerbaijani language. Baku: Maarif publ. (In Azerb.).
22. Rashidaddin. (1952). Collection of annals. Moskow: AN SSSR publ. (In Russ.).
23. Bakhshiyeva, T.L. (2010). Turkish origin toponyms of the Caucasian. Baku: Avropa publ. (In Azerb.).
24. Garabagname. (2006). III book. Baku: Sharg-Garb publ. (In Azerb.).
25. Aydın, E. (2010). Notes on place name Bulchu, *The journal Turkish studies international periodical for the languages, literature and history of Turkish or Turkic*, 5/1. (In Turkish).
26. Guliyev, A.A. (2004). Toponyms and ethnons in the language of Orxon-Yenisei monuments. Baku: Nurlan publ. (In Azerb.).
27. Kamolidzin, Sh.J. (2006). Ancient turkic toponymy in Middle Asia. Tashkent: Sharg publ. (In Russ.).
28. Pagirev, D.D. (1913) Alphabetical index to the five-verst map of the Caucasus region. Tiflis: Tipografia K.P. Kazlovskovo publ. (In Russ.).
29. Azerbaijani Toponyms. Encyclopedic Dictionary. (1999). Baku: Azerbaijan Ensiklopediyasi Nashriyyati publ. (In Azerb.).
30. Valili, M. (1993). Azerbaijan (geographical, ethnographic and economic considerations). Baku: Azernashr publ. (In Azerb.).
31. Huseynzadeh, A. (1971). To the etymology of the toponym Kushchu. *The journal Sovetskaya turkologiya*, 6, 89—95. (In Russ.).
32. Baghirova, A.N. (2008). Oikonyms of Nakhchivan. Baku: Nurlan publ. (In Azerb.).
33. Nuriyeva, M. (1999). About the history of the change of the names of the great Turkic homeland from the West to the East. Baku: Elm publ. (In Azerb.).
34. Shahbazov, I. (1979). Map of geographical names, *The journal Elm ve hayat Series 1*, 30—37. (In Azerb.).
35. Aghasioghlu, F. (2000). The people of Azer. Baku: Chashioghlu publ. (In Azerb.).
36. Khasiyev, Z. (1997). The world of Tovuz's toponymy. Baku: Sabah publ. (In Azerb.).
37. Ahmadov, T.M. (1984). The names of our land. Baku: Ganclik publ. (In Azerb.).

Для цитирования:

Пашаева Г.Г. Нахчиванские этнопонимы в русских источниках XIX — начала XX веков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 747—760. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-747-760.

For citation:

Pashayeva, G.G. (2018). Nakhchivan ethnotoponyms in russian sources of the 19th century — the beginning of the 20th century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 747—760. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-747-760.

Сведения об авторе:

Пашаева Гиляханум Гасум, преподаватель кафедры современного азербайджанского языка Бакинского славянского университета, докторант Нахчиванского отделения Азербайджанской Академии наук; *научные интересы*: тюркские языки, ономастика; *e-mail*: gilexanimashayeva@gmail.com

Information about the author:

Gilakhanim G. Pashayeva, lecturer of the department of modern Azerbaijani language of Baku Slavic University, doctoral student of the Nakhchivan branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences; *scientific interests*: Turkic languages, onomastics; *e-mail*: gilexanimashayeva@gmail.com

УДК: [811.111:811.411.21]27
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-761-773

LANGUAGE AND CULTURE: CONTEXTS IN BRITISH ENGLISH AND IRAQI ARABIC

Mohammed A. Ali Al Fuadi

English department, Open Educational College, Ad-Diwaniya Centre,
general directorate of education in Ad-Diwaniya,
Ministry of Education, Republic of Iraq

Abstract. The use of language in interaction entails more than simply exchanging information about realistic ideas and objects amongst people; it is an important process, in which the relationships among people have outlined and negotiated. Any language refers to a particular culture, so learning any language does not mean learning only the grammar and the vocabulary of this language, but in fact, it is learning the behaviour and the customs of society as well as the characteristics that distinguish this community from others. There are no similar languages to the same extent as the social reality. We know that being aware of the culture is like being aware of the language so that we know that they are homogeneous psychological facts. Communication between people happens through direct linguistic messages and other messages that denoted by cultural features that are only understanding through the knowledge of the patterns specific to the society that produced them. The ideal and complex relationship between language and culture shows us that language is closely related to culture that influences each other, develops together and ultimately forming what it is to be human. Therefore, taking part in conversations, people consciously or unconsciously show their identities, their belongings to a specific culture or group and also their tendencies to become close or distant from others. By using language, people define their relationships to each other and identify themselves as part of a social group, implying that language is culture and culture is language.

Key words: cultural communication, customs, cultural differences, socio-pragmatics, notion of face

INTRODUCTION

Not only language conveys direct meanings by words and structures, but also it carries the culture of its speakers. Our interaction with language represents interaction with the culture represented by it. Thus, “*Language communicates through culture and culture also communicates through language*”.

This article tries to contribute to mutual understanding between the people of the two cultures. Understanding of cultural differences and the knowledge of socio-pragmatic rules of other cultures facilitate social communication and enhances friendliness or at least minimizes confrontation. The study deals with cultural values and traditions of Iraqi and British cultures and the notion of the face as revealed in selected literary texts and ordinary daily life speech.

One culture will be different from other culture in terms of being more or less individualistic or collectivistic. In addition, dimensions are not opposites. Therefore, the culture that practises more power distance is not the opposite of the one with small power distance. It is important to note that many cultures are neither wholly low-context

nor high-context, but instead combine the two and that the context may vary depending on the situation. However, those dimensions are of great importance as a framework for analysis and discussion.

Basically, “*the United States and other western societies can be considered low-context societies*” [1], which refers to the direct verbal communication is most often direct and the little need for nonverbal communication. [2] argues that at the core of a low-context society is the belief in the freedom of the individual, hence the term “individualistic” societies.

High-context societies include countries such as Korea, China, and Japan in Asia, Middle-Eastern countries such as Egypt, Iraq, and Iran [2: 20] and Latin American countries. Sometimes, these cultures are been referred to as collectivistic, or interdependent. Very often, these high-context cultures are hierarchical and traditional societies in which the concepts of shame and honour are much more important than they are in low-context societies [2: 56].

There are six obstacles previously proposed by Larry Barna [3] for intercultural communication to provide an appropriate answer to all questions that may arise when interacting with other cultures [3: 337]. The six obstacles include an assumption of similarities, language barriers, nonverbal misinterpretations, preconceptions, stereotypes, tendency to evaluate and high anxiety.

To understand the differences in communication among different cultures, we first need to understand the impact of culture on the patterns and forms of social and public communication. The best model that we need to follow is the one that was adopted by Geert Hofstede for studying the cross-cultural challenges in the design of interfaces. Hofstede [4: 5] states that culture is the collective programming of the mind that distinguishes the members of one group or category of people from others.

Regarding verbal communication, we can discuss two distinctive channels: content and form. For the British speaker, it is commendable to say that instead of the assertion of a personal point of view, it is advisable to initial with open questions. It is better to avoid certain topics in general such as politics, religion and the Royal family. First, the British value their privacy and may resent inquiries regarding their families or work situations [5: 9].

For the Anglo-Saxons, when A stops, B starts. On the other hand, they always attempt to prevent awkward pauses by keeping up the conversation and feel compelled to fill up the weighty silence with lively and entertaining chatter. That is why, as Kowol & Szumieł indicate, “*Eloquence is highly valued by British people, therefore they pay attention to the correctness of the language*” [6: 5].

As for the British, gestures maybe considered aggressive and direct eye contact “*may be misinterpreted as hostility and aggressiveness*” [6: 6]. Emotions do not come out easily, which gives communicators from other cultures the impression that the British prefer to be strictly soldier like and constrained.

Finally, concerning other aspects of speech, we find that the British speak in low degrees, measured tones, without raising the sound. It is not polite to interrupt others; intonation conveys one has finished speaking and, in British English, the voice normally goes down at the end of an affirmative sentence.

For Arabic, things are extremely different about cultural patterns, customs and ways of thinking. There are many commonalities in beliefs and values shared by Arabs from different countries and social and cultural backgrounds. The generally shared cultural attitudes have remained constant because Arab society is more conservative and demands conformity from its members [7: 73].

Non-Arabs communicating with Arabs should be able to recognize the dominant cultural patterns. Although Iraq is a secular country, the traditional Islamic culture predominates, with Quranic Law playing an active role in the day-to-day life in the country.

The following concepts which are the atomism, faith, the desire for reality, justice and equality, the madness of greatness, and the importance of the family on the self-care the fundamentals of the Arab culture. Arabs tend to see the world and events as isolated incidents, snapshots, and particular moments in time [7: 73]. This is a key psychological feature of Arab culture. It is important to point out that it is memory, not necessarily history, is the important aspect.

The belief among Arabs is that all things in life are the destinies, sovereignty, actions, power, weakness, and greatness, failure and success of humankind, many of which controlled by the will of God (fate). Arabs express emotion in a forceful, animated and exaggerated fashion. Their desire for modernity is contradicted by a desire for tradition (especially Islamic tradition, since Islam, is the one area free of Western identification and influence), as in the example of desiring democracy and modernization [7: 75].

According to Western standards, Arabs may seem so paranoid that Arabs always suspect US intentions in their territories, carefully consider the approach of US forces in the region is the basis of dealing with them. Some Arabs treat all Westerners as spies, especially those working in ethnically and sectarian diverse regions.

The fundamental phenomena identified for the introductory communication texts are the first that discovered by scholars. Feghali [8] organizes these into “*three main themes: (a) basic cultural values, (b) language and verbal communication, and (c) non-verbal and paralinguistic patterns*” [8: 351].

Arab cultures involve high power distance, high collectivism, low masculinity and high uncertainty avoidance. Hofstede suggests that Arab cultures display a lower masculinity than western cultures [9: 5].

Arabic of the Quran, Islam’s Holy Book is considered to be the highest and unequalled level of language. Almaney & Alwan [10: 91—96] while the other forms of Arabic as modern standard Arabic is the language of governments, media, public and religious speakers. However, the language of everyday interaction is colloquial Arabic dialect, which has developed within countries because of the variability of local dialects. It is inaccurate to assume that Iraqis, for example, readily understand one another in intercultural interaction although the observer can easily notice the variation in dialects during Iraq regions but recent research in sociolinguistics indicates that local prestigious dialects compete with the modern standard form. Also in Iraq, the variability of local dialects is not between the regions, between the south, middle, and north, or between eastern and western area but in fact between rural and urban areas. People who live

in cities switch from their local vernacular to the dialect in a range of natural situations, which represents a kind of local standard, or prestigious of Iraqi Arabic, they started to use a prestige variety of Baghdadi Arabic that is similar to the modern standard form Abu-Haider, 1989 as cited in Feghali [8: 357]. However, for the other Arab countries, Egyptian Arabic is more readily understanding in the region than the multitude of other local dialects, mainly due to its far-reaching and popular film industry [1; 2; 12; 13: 100—115; 14: 293] indicate that the native Arabic speakers share common features of communicative style which may conflict with styles of other language speakers such as (a) repetition, (b) indirectness, (c) elaborateness, and (d) effectiveness.

Repetition is the main feature of the Arabic discourse that has diagnosed by [15; 55] because of the occurrence of this feature on the phonological level, morphological and lexical, syntactic, grammatical and semantic. In the Arabic marketplace or *Souq* “transactions are marked by language in which reiterations of pious formulas and the swearing of religious oaths on the Quran and the Prophet are an integral part. The fact that they are conventional, are formulas, are constantly and automatically produced is a testimony to their absorption into life and not to a superficiality or insignificance” [16: 177].

Such pious formulas include *inshallah* (by God will), *el hamdullilah*, *hamdillah*, *kathirkhaiallah* and *ishkurallah* (Thanks be to God), and *sm'allah* (In the name of God). Arabs behaviours and complimenting tendencies to use considerably more proverbs and preceded ritualistic phrases to praise others [17: 30]. This complimenting behaviour indicates that there are stabled rules in greeting each other. For instance, the one person walking greeting the two and the sitting as well, the riding greeting the walking, the observing of this respect watching. that all Arabs, Muslim or non-Muslim using the word *As Salam Alaikum* (peace be with you) and replying *Wa'alaikum As Salam WarahmatulAlah Wabarakatuh* following the holy Quran instruction ‘*And when you are greeted with a prayer, greet ye with a better prayer or at least return it Surely, Allah takes account of all things*’ (Al-Nisa:87) [18]. While language reformers have indicated that, the Arabic language should accommodate for greater precision and simplicity. These rules indicate that repetition is at the very heart of the language and discourse.

Another characteristic of the Arab discourse is the indirectness of communication in the Arab communication style, which indicates the concealment of the speaker of the real demands or needs or objectives during the speech [12; 19: 100]. This characteristic is associated with Hofstede's [9] high vs. low context communication. Arab communities have labelled high context, with little information coded explicitly in a message but present in the physical context or internalized in the interactant's, for the members of high context cultures, courtesy and face-saving is more important than what westerns consider truthfulness. In other words, interactant's may respond in agreeable or pleasant ways, when director factual answers might prove embarrassing or distressing. In contrast, Hofstede also indicates that western societies have characterized as low context, in which interactant's clearly express their ideas or thoughts, even if the content may be harsh, uncomfortable, and unnecessarily straightforward.

Labelled genres of speech illustrate this tendency toward indirectness-directness. Iraqi Arab use *be Saraha* (meaning frankly, to accommodate and go along with *Mubasher*

(forthright) or face to face is to let the individual speak his or her mind under any circumstances, firm in the belief that expressing oneself openly prove to be the most effective strategy, whatever the circumstances [20: 112].

The rich expressive use of language elaborated as the third characteristics of Arab communicative style where the English can adequately express an idea in ten words while the Arabic speaker will typically use one hundred words. It might be more effective to simply state that native Arabic speakers may use substantially more words to communicate verbally than do speakers of some other languages [8: 359].

The elaborateness of Arab communicative style contributes to our perception that we have two rhetorical patterns such as *مبالغة* (*mubalagha*) meaning exaggeration and *التوكيد* (*Al tawked*) meaning emphasis serve a crucial function of regulating credibility during an interaction. Arabs forced to exaggerate and over-assert in their communicative style. Non-Arabs (unaware of the speaker's linguistic tradition and style) are likely to misunderstand his intent and thus attribute a great deal of importance to the over-stressed argument. In addition, when non-Arabs speak, simply and elaborately, the Arabs. Suleiman [14: 293] do not believe them. Consider the following examples from our daily speech extracted from Iraqi drama dialogue.

“الحجية: اشو يمّه إنطيني مي... ريكي يبس راح أموت”

The Old Lady (Hajia): Hey, mum. Give me some water. My throat is dry. I am going to die... [21: 4].

☐ راهيم: اخ راح اموت

Ibrahim: Akh, I am going to die.

Many researchers such as Prothro (1955) and [11] indicate and identify that elaborateness of speech as an area of problematic intercultural communication inclined to two main problems with English, lack of knowledge of language appropriate for formal and informal situations and performance of social rituals but English believed that Arab had problems:

“*Expressing ideas clearly and concisely*” but in fact both felt that Arabs encountered difficulties in “*repeating, paraphrasing or clarifying information*” [8: 360].

According to Johnstone-Koch [15: 55], Arabs effectively and currently use “presentation” persuasion, in which people and not ideas are responsible for influence. The argumentation of Arabs structured by the notion that is the presentation of an idea, that is persuasive, not the logical structure of proof, which Westerners see behind the words. Repeated words, phrases and rhythms move others to believe, rather than the quasi-logical style of Western logic, where interlocutors use ideas to persuade. Finally, one’s status or use of language is not as relevant, and decisions are not a matter of individual choice if a claim is true. Johnstone (1989:151) suggests that presentation persuasion often employed in cultural settings in which religion is central, settings in which truth is bringing to light rather than created out of human rationality.

An array of value has been addressed by scholars been considered prevalent in Arab societies: endurance and rectitude [22: 128]; loyalty and dignity [23]; generosity, courage, and self-respect [24: 5]; and pride, rivalry and revenge [10: 96—96]. The basic values

most commonly mentioned include (a) collectivism, (b) hospitality, and (c) honour. The influence of Bedouin values remains strong, despite the fact that around 90% of the population in the region presently resides in villages or cities [24: 7].

The honour of the Iraqi is a supreme value cherished and protected by the Iraqi as well as put it above anything else, sometimes even circumventing the need to keep alive. Criticism, even constructive criticism, can threaten or damage an Iraqi's honour; it will be considered as a personal insult. The Arab above all protects himself and his honour from this critical onslaught. Therefore, when an Iraqi confronted by criticism, you can expect him to react by interpreting the facts to suit himself or flatly denying the facts. Criticism or corrective remarks should be avoided, and praise would give good reaction from Iraqis. There is a considerable effect of appearances and ways of politeness used during communication. This would result in sacrificing the validity of a statement in an act of communication. So, even for simple and direct questions like, 'Do you understand?' the answer would not always reflect the truth, as "*the Iraqi's preoccupation with appearances and politeness automatically requires that the answer 'yes' whether it is true or not*" (Batiste, 2012: 3—1).

It is possible to say, "A flat 'no' is a signal that you want to end the relationship". The polite way for an Iraqi to say *no* is to say, "*I'll see what I can do*", no matter how impossible the task may be. After the Iraqi has queried several times concerning his success, an answer of "*I'm still checking*" or something similar means "*no*".

Honour (*ash Sharaf* or '*ird*') and shame (*al-hashma* or *Haya*) are the most fundamental principles governing social organization and interaction in Arab societies. These concepts interwoven in so many social interactions. The duty of preserving honour affects:

"numerous aspects of social behaviour can be traced to a universal need to uphold the honour of the individual and his or her family" [25: 6].

Social status based on social ethics determined by honour and which supports relationships between families, genealogies, and tribes, can mean the difference between life and death. This concept:

"is at once a central element in the value system of the society, a method of regulating social relations, an organizing principle for social behaviour, and a means of social control" [25: 6].

The socio-psychological need to avoid a loss of face or be subject to shame, and a consequent diminution in social status in the eyes of Arabic thinking, largely, underpins social behaviour and interaction between Arabs, at least in public. It also has ramifications for the marriage possibilities of an individual and their siblings.

One of the most important facts of the Arab is the honour that is usually associated with the 'Face', which is the outward appearance of honour where Arabs describe the face as black when it undermines the honour and on the contrary, the face is described as being white when the honour is restored. A loss of face may occur when someone refuses someone else's hospitality, ignores their authority, behaves disrespectfully

towards them, places themselves in a position of possible sexual compromise or in some other way transgresses a behavioural code:

“In order to regain honour, an individual or a family may have to resort to drastic restorative measures including blood-letting in some cases” [25: 7].

Dodd [6: 40] indicates that honour or as it called in Arabic, “*ird*” is a “controlling value”, legitimating the family structure and the ‘modesty code’ required of both men and women. Honour “*ird*” is manifested in sexual conduct and behaviours which exhibit or regulate manliness, such as the number of sons, a man fathers and the extent of hospitality one bestows [22: 127; 27: 125].

As Mackey describes:

“One’s honour determines one’s image. The key to saving face is the diligent avoidance of sham”.

Dodd [6: 45] claims that ‘*ird*’ appears to be a secular rather than a religious value, although diverse religious teachings have indirectly supported it. As primary possessors of ‘*ird*’, men—such as fathers, brothers, father’s brothers, and paternal cousins—strictly enforce norms related to honour by ensuring that the women of their family conduct themselves properly and, thus, maintain a chaste reputation. Even if a woman has not encouraged an advance that observed by her family maybe consider dishonoured. Violations are a matter of reputation more than fact. In other words, the penalty for loss of ‘*ird*’ is related to public acknowledgment of the violation; further, light to severe penalties, including death, must be enacted promptly to protect the ‘*ird*’ of the family.

The ‘*ird*’ of a family can be been raised or lowered, depending on the demeanour of its women (and the conduct of men towards its women). The network norms surrounding ‘*ird*’ extends too many actions that are only remotely connected with sex: loud speech, bearing, appearing in public places [6: 45].

Dodd [6: 50] posits that urbanization, political revolution, and education have not significantly changed the importance of ‘*ird*’ and its related norms. To the present day, reports of “honour crimes” periodically published in contemporary media in the region. Last ten years, there are many studies of domestic abuse in Iraq, verifies that legal systems uphold this practice by failing to negatively sanction men who have killed female relatives in the name of family honour. It is reasonable to maintain, now, that dishonourable behaviour considered disruptive and threatening to the social standing of families and communities.

The strong emphasis on mutual interdependence influences social interaction patterns throughout the lifespan. Sharabi [28: 45] for instance, examines child-rearing practices in urban Muslim, middle-class families. “All mediating institutions [educational and religious], reinforce the values (and attitudes) into which the family socializes its members”. The principal technique for child rearing is shaming. “He is made to feel ashamed because others see him as having acted wrongly, not because he inwardly regrets having done wrong and judges himself accordingly” [28: 248]. The proverb “الموت أولى من العار” *Al mawt Awla min Al Aar*, meaning, “death is better than being belittled in the eyes of people” (My own translation). Shows how serious the concept of being belittled in Iraqi culture is. This is because the concept of being belittled entails

loss of respectability among your people. If someone loses his or her respectability, he or she would ostracize. In this context, Feelings of shame in Arab societies contrast with feelings of guilt, or the internalized prohibitions against forbidden behaviour, which are more prevalent in Western societies. Because of the emphasis on extended family relations, Arab children grow up “*more intimate with and sensitive to their elders than to their peers, while [mainstream] British or western children, in general, are essentially oriented toward horizontal relationships with others rather than vertical ones*” [29: 386].

In addition, [8: 352] emphasizes the importance of family background and social class in determining personal status in Arab societies (as opposed to individual character or achievement). The strong sense of indebtedness to family in Arab societies generally maintained.

There is no doubt that the value of marriage in Iraqi culture is different from in English culture. An Iraqi respondent mentioned “marriage break-up” as among the actions that might cause face loss to Iraqis. Marriage break-up affects the face of the male and the female, and in most cases cause face loss to the whole family. Although the reasons and the circumstances of the break-up are different, there is one invariant fact, which is that the public self-image of the couple is affected. Such action cannot be been ignored if a divorced man or woman decides to get married again. People who want to engage in a new relationship with divorced people always seek information about the true reasons for their marriage break-up in order not to engage with people who commit serious anti-social acts and, consequently, may tarnish the name of the family.

The basic values of hospitality and generosity must be been supported in order to preserve one’s honour, which becomes seriously compromised by any displays of inhospitality. The “*refusal of hospitality without good reason will result in a loss of face for the host*” [25: 8], as he will be shown as not fulfilling hospitality requirements.

In societies where interdependence rather than individual autonomy stressed, behaviours that enhance social relations are crucial. As Feghali states: — “*Nomadic hospitality or diyafa dates to pre-Islamic times and emerged as a coping mechanism in the desert environment*” [8: 351].

As the severely brutal environment makes people’s life dependant on hospitality.

Arabs are generous and value generosity in others. They consider hospitality as a main factor in one’s reputation. So, “*Arab hospitality requires that refreshments must always be offered to guests*” [24: 86].

When offering something, politeness requires that the guest “*decline at least twice before accepting, and for the host to offer at least three times before finally accepting a guest’s negative response*” [24: 86]. Almaney and Alwan [10: 91] indicate that “*To a foreigner, the Arabs’ outstanding trait may well be hospitality*”.

Arabs raise their children highly evaluate hospitality. They implant in their children’s minds that it is something upon which their reputation depends. Certain occasions require elaborate displays of hospitality. During “*Marriage, burial, circumcision, and the completion of house-building; during the holy month of Ramadan, village-wide visiting and sharing of meals is common*” [10: 91].

Hospitality in the guest-host relationship guided by unmentioned and subtle cultural rules that depend on territoriality and the financial and social statuses of the individuals involved. Yousef (1974) indicates that social situations in Britain and West commonly

require a verbal or written invitation, while in Arab societies, the situation is vague, complex, and defined by context. Scholars suggest, in general, that hospitality requires immediate and extensive welcomes or assistance [10; 23].

Although the patterns of hospitality and visiting varied considerably according to whether members of the family are urban or rural, wealthy or poor, concentrated in one particular locality, or widely dispersed. However, Arabs expect hospitality from others, and one's personal status and reputation maybe been affected by the absence of such behaviour [30: 121].

CONCLUSION

Found that the differences between the two cultures manifested in expressions pertaining to face. In Iraqi culture, expressions and proverbs related to face are prevalent in everyday interaction. Iraqi face-related expressions — and so the examples supportive from poetry, Quran and prophets' speech classified into two groups: “Face upgrading/honouring” and “face demeaning/threatening”. Face upgrading/honouring expressions connected with honourable actions and used to uphold face, whereas face demeaning/threatening expressions are associated with disreputable actions and used to dishonour face. In British culture, on the other hand, face-related expressions not frequently mentioned, and so they are not as popular as in Iraqi culture.

Face-enhancing acts in British and Iraqi cultures connected with praising one's achievements and one's skills irrespective of the nature of the act. It also found that the face of the person could be enhanced by the behaviour of the people around him or her.

Losing face seen to be an area of both similarity and difference between British and Iraqi cultures. In both cultures, a face is lost because of someone's inability to meet certain expectations. It also found that in the two cultures, the group of people or family connection to the person might cause him or her to lose face, albeit this is clearer in Iraqi culture.

The findings illustrate that the Iraqi people sometimes have a tendency toward indirectness-directness throughout their common speech [20: 113]. From my personal experience, I found that is possible for Arab to use both direct and indirect communication depending on the context as well as positive and negative comments about personal appearance such as hairstyle, clothing, and jewellery, are often direct. A tendency toward indirectness in various cultural settings is relative to such issues as social practices, notions of responsibility or commitment, conceptions of truth and personhood and attitudes toward interpersonal life.

One of the findings suggests that the British are high-context when it comes to personal relationships and the maintaining of a group harmony. The British are very biased when it comes to this subject. Non-British may describe the British “*as cold, distant, severe and inexpressive*” [5: 133] because they are both polite from one side, but offended when they feel they do not receive the social interest they expect from others. Fox [5] argues that the British obsession with politeness is in fact only a matter of almost involuntary deeply ingrained manners. Goffman (1967a) [31] states,

“We enact the characteristics that go along with some line in an interaction and others act toward us in ways that sustain that image”.

In this way, we decipher this and hereby understand that the British reserve and social dis-ease are realized through the British behaviour in which they judge each other by themselves and assume that everyone else must feel the same way and therefore ignore them.

The British have remarkably many traits in common with the obvious high-context cultures such as Japan and countries from the Arabs world, but that is as far as the comparison goes. The British are not high-context but nor are low-context. The final statement of this research is that the British are a predominantly low-context culture but with many high-context traits in varying degrees depending on the situation. The British are “higher up the scale” than their Northern European neighbours and though not being frightfully different, the differences are significant enough to cause problems in cross-cultural interactions.

According to the aforementioned, therefore, we can say that learning a language is learning the behaviour of a given society and its cultural customs. An individual language speaker’s effectiveness in a foreign language directly related to his/her understanding of the culture of that language. Language carries within it all the cultural values that developed with its development.

© Mohammed A. Ali AlFuadi
Date of receipt 06.03.2018
Date of receipt 23.07.2018

REFERENCES

1. Rosenberg, S. (2004). “Face” Beyond Intractability. In: *Conflict Information Consortium*. University of Colorado, Boulder. URL: <http://www.beyondintractability.org/essay/face> (accessed: 14.06.2017).
2. Cohen, R. (1987). Problems of intercultural communication in Egyptian-American diplomatic relations, *International Journal of Intercultural Relations*, II, 29—17.
3. Barna, L. (1994). Stumbling Blocks in Intercultural Communication. In: *Intercultural Communication*. Publishing Company. pp. 337—346.
4. Hofstede, G.J. (2005). *Cultures and organizations: Software of the mind*. New York: McGraw-Hill.
5. Fox, K. (2004). *Watching the English — The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder & Stoughton.
6. Kowol, A. & Szumieł, E. (2007). United Kingdom: communication, negotiations and cultural background. URL: <http://works.adamkowol.info> (accessed: 15.06.17).
7. Faour, M. (1993). *The Arab world after Desert Storm*. Washington, DC: United States Institute of Peace Press.
8. Feghali, E. (1997). Arab Culture Communication Patterns. *International Journal of Intercultural Relations*, 21(3), 345—378.
9. Hofstede, G.J. (1984). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
10. Almaney, A. J. & Alwan, A.J. (1982). *Communicating with the Arabs: A handbook for the business executive*. Prospect Heights, IL: Waveland Press.
11. Adelman, M. & Lustig, M. (1981). Intercultural communication problems as perceived by Saudi Arabian and American managers. *International Journal of Intercultural Relations*, 5, 349—364.
12. Gudykunst W.B. (Ed.). (1988). *Theories in intercultural communication*. Newbury Park: Sage.
13. Ting-Toomey, S. (1988). Intercultural conflict styles: A face-negotiation theory. In *Theories in intercultural communication*. Newbury Park: Sage. pp. 213—235.
14. Suleiman, M.W. (1973). The Arabs and the West: Communication gap. In *Intercommunication among nations and peoples*. New York: Harper & Row. pp. 287—303.

15. Johnstone-Koch, B. (1983). Presentation as proof. The language of Arabic rhetoric. In: *Anthropological Linguistics*, 25(1), 47-55-60-151.
16. Gilson, M. (1983). *Recognizing Islam: Religion and society in the modern Arab world*. New York, NY: Pantheon Books.
17. Wolfson, N. (1981). Compliments in cross-cultural perspective. *TESOL Quarterly*, 15(12), 117—124.
18. Maulawi A. (2004). *The Holy Quran, Arabic Text and English Translation*. Islam International Publication LTD.s
19. Ting-Toomey, S. & Kurogi, A. (1998). Face work competence in intercultural conflict: An updated face-negotiation theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 22, 187—225.
20. Katriel, T. (1986). *Talking straight: Dugri speech in Israeli Sabra culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Salem, T. (1967). *Al Jisr: Iraqi Arabic play*. Al Wazeriya, Baghdad: AL Masader press.
22. Khalid, M. (1977). The sociocultural determinants of Arab diplomacy. In: *Arab and American cultures* Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research. pp. 123—142.
23. Nydell, M. (2006). *Understanding Arabs: A Guide for Modern Times*. Intercultural Press: Nicholas Brealey Publishing.
24. Patai, R. (1983). *The Arab mind (Revised Ed)*. New York: Charles Scribner's Sons.
25. The UK Government website (2007). *The Arab World: An Introduction to Cultural Appreciation*. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/HYPERLINK (accessed: 15.01.2018).
26. Dodd, P.C. (1973). Family honour and the forces of change in Arab society. *International Journal of Middle East Studies*, 4, 40—54.
27. Mackey, S. (1987). *Saudis: Inside the desert kingdom*. New York: Signet.
28. Sharabi, H. (1977). Impact of class and culture on social behaviour: The feudal bourgeois family in Arab society. In: *Psychological Dimensions of Near Eastern studies* Princeton, NJ: The Darwin Press. pp. 240—256.
29. Yousef, F.S. (1974). Cross-cultural Communication: Aspects of Contrastive Social Values between North Americans and Middle Easterners. In: *Human Organization: Winter 1974, Vol. 33(4)*. pp. 383—387.
30. Eichelman, D.F. (1981). *The Middle East: An anthropological approach*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
31. Goffman, E. (1967). On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction. In: *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behaviour*. New York: Pantheon Books. pp. 5—45.

УДК: [811.111:811.411.21]27

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-761-773

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: КОНТЕКСТЫ НА АНГЛИЙСКОМ И ИРАКСКОМ АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Мухаммед Ахмед Али Альфуади

Открытый учебный колледж, Центр ад-Дивания, Ирак

Использование языка во взаимодействии влечет за собой нечто большее, чем просто обмен информацией о реалистичных идеях и объектах между людьми; это важный процесс, в котором отношения между людьми излагаются и обсуждаются. Любой язык относится к определенной

культуре, поэтому изучение любого языка не означает изучение только грамматики и лексики этого языка, но на самом деле это изучение поведения и обычаев общества, а также характеристик, которые отличают это сообщество от других. Общение между людьми происходит через прямые языковые послания и другие послания, обозначаемые культурными особенностями, которые понимаются только через знание специфических для общества закономерностей, которые их породили. Идеальные и сложные отношения между языком и культурой показывают нам, что язык тесно связан с культурой, которые влияют друг на друга, развиваются вместе и в конечном итоге формируют то, что значит быть человеком. Поэтому, принимая участие в беседах, люди сознательно или бессознательно показывают свою идентичность, свое отношение к определенной культуре или группе, а также свое намерение сблизиться или отделить себя от других людей. Используя язык, люди определяют свои отношения друг с другом и идентифицируют себя как часть социальной группы, подразумевая, что язык — это культура, а культура — это язык.

Ключевые слова: культурная коммуникация, обычаи, культурные различия, социально-прагматики, понятие лица

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Rosenberg S.* “Face” Beyond Intractability // Conflict Information Consortium. University of Colorado Boulder. Posted: February, 2004. URL: <http://www.beyondintractability.org/essay/face> (accessed: 14.06.2017).
2. *Cohen R.* Problems of intercultural communication in Egyptian-American diplomatic relations // International Journal of Intercultural Relations, 1987. no II. 29—17.
3. *Barna L.* Stumbling Blocks in Intercultural Communication // Intercultural Communication. Publishing Company. pp. 337—346. 1994. URL: [http://pharmacy304.pbworks.com/f/Barna,+L.M.+\(1994\).pdf](http://pharmacy304.pbworks.com/f/Barna,+L.M.+(1994).pdf) (accessed: 14.06.2017).
4. *Hofstede G.J.* Cultures and organizations: Software of the mind. New York: McGraw-Hill, 2005.
5. *Fox K.* Watching the English — The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder & Stoughton. 2004.
6. *Kowol A., Szumiel E.* United Kingdom: communication, negotiations and cultural background. 2007. URL: <http://works.adamkowol.info> (accessed: 15.06.17).
7. *Faour M.* The Arab world after Desert Storm. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1993.
8. *Feghali E.* Arab Culture Communication Patterns // International Journal of Intercultural Relations, 1997. no. 21(3). pp. 345—378.
9. *Hofstede G.J.* Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1984.
10. *Adelman M., Lustig M.* Intercultural communication problems as perceived by Saudi Arabian and American managers // International Journal of Intercultural Relations, 1981. no 5. pp. 349—364.
11. *Almaney A.J., Alwan A.J.* Communicating with the Arabs: A handbook for the business executive. Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1981.
12. *Gudykunst W.B.* (Ed.) Theories in intercultural communication. Newbury Park: Sage, 1988.
13. *Ting-Toomey S.* Intercultural conflict styles: A face-negotiation theory // Theories in intercultural communication. Newbury Park: Sage, 1988. pp. 213—235.
14. *Suleiman M.W.* The Arabs and the West: Communication gap // Intercommunication among nations and peoples. New York: Harper & Row. 1973. pp. 287—303.
15. *Johnstone-Koch B.* Presentation as proof. The language of Arabic rhetoric. *Anthropological Linguistics*. 1983. no 25(1). pp. 47—60.
16. *Gilsenan, M.* Recognizing Islam: Religion and society in the modern Arab world. New York, NY: Pantheon Books. 1983.

17. *Wolfson N.* Compliments in cross-cultural perspective // *TESOL Quarterly*. 1981. no 15(12). pp. 117—124.
18. *Maulawi S.A.* The Holy Quran, Arabic Text and English Translation. Islam International Publication LTD. 2004.
19. *Ting-Toomey S., Kurogi A.* Face work competence in intercultural conflict: An updated face-negotiation theory // *International Journal of Intercultural Relations*. 1998. no 22. pp. 187—225.
20. *Katriel T.* (1986). Talking straight: Dugri speech in Israeli Sabra culture. Cambridge: Cambridge University Press.
21. *Salem T.* Al Jisr: Iraqi Arabic play. Al Wazeriya, Baghdad: AL Masader press. 1967.
22. *Khalid M.* The sociocultural determinants of Arab diplomacy // *Arab and American cultures*. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 1977. pp. 345—378.
23. *Nydell M.* Understanding Arabs: A Guide for Modern Times. Intercultural Press: Nicholas Brealey Publishing. 2006.
24. *Patai R.* *The Arab mind (Revised Ed)*. New York: Charles Scribner's Sons. 1983.
25. The UK Government website The Arab World: An Introduction to Cultural Appreciation. 2007. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/HYPERLINK (accessed: 15.01.2018).
26. *Dodd P.C.* Family honour and the forces of change in Arab society // *International Journal of Middle East Studies*. 1973. no 4. pp. 40—54.
27. Mackey, S. *Saudis: Inside the desert kingdom*. New York: Signet, 1987.
28. *Sharabi H.* Impact of class and culture on social behaviour: The feudal bourgeois family in Arab society / *Psychological Dimensions of Near Eastern studies*. Princeton, NJ: The Darwin Press, 1977. pp. 240—256.
29. *Yousef F.S.* (1974). Cross-cultural Communication: Aspects of Contrastive Social Values between North Americans and Middle Easterners // *Human Organization: Winter*. 1974. no 33(4). pp. 383—387.
30. *Eichelman D.F.* The Middle East: An anthropological approach. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 1981.
31. *Goffman E.* On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction // *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behaviour*. New York: Pantheon Books, 1967. pp. 5—45.

Для цитирования:

Мохаммед А. Али АльФуади Язык и культура: контексты на английском и иракском арабском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 761—773. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-761-773.

For citation:

Mohammed Ahmed Ali AlFuadi (2018). Language and Culture: Contexts in British English and Iraqi Arabic. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 761—773. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-761-773.

Сведения об авторе:

Мохаммед Ахмед Али Альфуади, ассистент лектора, отдел английского языка, Открытый учебный колледж Эд-Диванини, Ирак; научные интересы: социолингвистика, теория дискурсивного анализа, социально-прагматика; e-mail: mohammedalfuadi@yahoo.co.uk

Information about the author:

Mohammed Ahmed Ali AlFuadi, Assistant Lecturer in the Department of English Language, Open Educational College, Ad-Diwaniya Center; Interests: sociolinguistics, discourse analysis theory, socio-pragmatics; e-mail: mohammedalfuadi@yahoo.co.uk

УДК: 821.512.121-343

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-774-786

МОТИВ ЧУДЕСНОГО РОЖДЕНИЯ В КАРАКАЛПАКСКИХ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНДАХ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Г.С. Калбаева

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха
ул. Ч. Абдилов, г. Нукус, Узбекистан, 1, 230112

В статье представлен анализ одного из ведущих мотивов легенд — *чудесного рождения героя*, исторические основы которого рассмотрены в сопоставлении с древними архаическими представлениями, а также мотивами, появившимися на основе мусульманских и домусульманских религиозных понятий.

Автором доказывается связь идейных основ мотива *чудесного рождения* легенд, сказок, эпосов с греческими, вавилонскими, ассирийскими, иранскими, среднеазиатскими мифами о создании человека в древнейшие времена. Анализируются такие тексты, как «Рождение Персея», греческие мифы о «Девкалионе и Пирре», иранские мифы о рождении Каюмарса (Гаймартан из «Авесто»).

В статье освещен процесс диффузии этого мотива и его структурные и семантические изменения и доказывается, что данный мотив имеет различные формы на разных этапах развития сознания и человеческой цивилизации. Автор анализирует такие значимые элементы мотива, как рождение героя без участия отца при зачатии (от лучей солнца, сияния луны, порыва ветра, пены моря, от воды, фруктов, заклинаний фруктов, заговоров и т.д.), от брака с животными и птицами; дар детей супружеским парам со стороны посланников небесных сил или другого мира; наличие чудесных явлений во время рождения героя и т.д. Все это представлено на основе конкретных материалов, редко встречающихся в легендах генеалогического и этногенеалогического характера. Например, раскрывается художественная заслуга в создании идеальных образов всемирно известных исторических личностей Мухаммада пайгамбара (пророк), Деда Коркута, Искендер шаха, Чингизхана, Амира Темура, Эдиге и т.д.

В статье применены сравнительно-исторический метод исследования, рассмотрение материала сопровождается типологическим анализом сюжетов и проводится сравнительный анализ национальных особенностей мотива о чудесном рождении в каракалпакских народных легендах с произведениями других народов.

Ключевые слова: мотив, генезис, диффузия, мифологическое поверье, религиозные верования, тотемизм, шаманизм, чудесного рождения, миф, легенда, поэтическая роль

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ведущих мотивов фольклорной прозы является мотив *чудесного рождения героя*; в передаче событий слушающим в художественном и событийном аспектах отмечается особая поэтическая роль этого мотива. Этот мотив часто встречается в сюжетах генеалогических и этногенеалогических легенд.

Исторические основы мотива чудесного рождения — это древние архаическо-мифические понятия, сохранившиеся с далеких времен в духовном мире народа

на основе домусульманских верований и мусульманской религии. Древние люди, не понимая биологической основы рождения потомства у человека, верили в то, что лучи солнца, сияние луны, порыв ветра, пена моря, различные фрукты являются причиной зачатия и рождения детей. Здесь не имеет особого значения взаимоотношение супружеской пары, а главное место занимает представление о том, что детей дарят иные силы [29. С. 29].

Мотиву *чудесного рождения* посвящена статья В.Я. Проппа, который, рассмотрев этот мотив в сказках, выявил его исторические основы. В результате исследований В.Я. Пропп доказал, что мотив *чудесного рождения* неоднороден по своему происхождению, в его эволюции существуют несколько этапов, и выделил следующие три группы источников его происхождения [23. С. 237]:

- 1) мотивы, восходящие к мифам о создании первых людей;
- 2) представления, связанные с тотемизмом;
- 3) представления, связанные с живительной силой растительной природы (иногда с элементами тотемизма).

Мифы о создании первых людей на Земле встречаются у всех народов мира, а рождение человека отражается в различных явлениях. По утверждению В.Я. Проппа, люди, которые жили на начальном этапе цивилизации, воспринимали все виды чудесного рождения как истину. По их пониманию, первобытных людей создали боги и полубоги. Затем эти представления изменились и появились следующие обстоятельства происхождения человека: порыв ветра, дождь, вода, фрукты, растения и т.п., т.е. различные природные явления. Вожди, которые были главами родов, племен, придавали тотемам полубожественные качества, вследствие развития мифологии появляются новые представления о причастности тотемных животных или растений к созданию людей. Круг этих взглядов еще более расширялся и постепенно появились верования о создании человека от человека, в которых создатель меняется на обычных супругов. Таким образом, первоначально чудесному рождению человечество обязано богам и полубогам, затем такое рождение было свойственно главам рода, вождям-героям, царям, императорам [23. С. 209].

Если рассмотреть содержание мифов о происхождении человека, рассказанных древними племенами, боги создали человека как своего помощника. Но люди постепенно перестали слушаться, благодарить и совершать жертвоприношения. Недовольные этим боги приняли решение уничтожить человека и послали на Землю потоп [6. С. 41]. Можно отметить целый ряд вавилонских и ассирийских легенд, таких как «Атрахасис» (поэма о Гильгамеше) [6. С. 41], греческую легенду «Девкалион и Пирра», которые возникли на основе мифологических сюжетов о потопе. В легенде «Девкалион и Пирра»:

Прометей заранее сообщает своему сыну Девкалиону о потопе, он со своей женой, построив лодку, спасается. Затем они принесли благодарственную жертву Зевсу. Довольный этим Зевс передает через вестника богов Гермеса благодарность, дает обещание выполнить любое его желание. Девкалион попросил даровать жизнь погибшим в потопе. Тогда бог Зевс говорит им набрать камней и бросать их, не оборачиваясь, через голову. Они выполнили веление бога. Затем, обернувшись, они увидели, что из брошенных ими камней появились люди мужского и женского пола [16. С. 83—85].

Мотив создания человека из дерева и камня известен с самых ранних этапов цивилизационного развития человечества. В древних мифах местом хранения души (жизни) или силы человека считались дерево и камень. Мотив создания человека из глины, коррелирующий с мотивом создания человека из камня и дерева, появился у племен, где занимались гончарным ремеслом [23. С. 235]. В легенде «Сказание об Адам алейхссалам», которая сохранилась у каракалпакского народа, говорится о создании человека Богом из глины [13. С. 20].

В древних мифах Средней Азии первым человеком на Земле считается Каюмарс (Гаймартан в «Авесте»). Он появился из пота Бога на лбу [17. С. 31].

Некоторые виды чудесного рождения в мифах и легендах древних племен появились на основе веры в живительную силу растительной природы. Например, вкушение фрукта, его проглатывание, питье воды, купание в воде, солнечные лучи, лунный мираж, морская пена, дождевая капля, порыв ветра и т.п. Мотив чудесного рождения в результате питья воды или купанья в воде связан с самыми древними понятиями о том, что вода в природе все оживляет, оплодотворяет, выращивает, обеспечивает урожай. По представлениям первобытных людей, вода имеет действительно магические свойства, что объясняет распространенность культов богов воды и богов дождя у древних народов.

Древние народы Средней Азии вели кочевой или полукочевой образ жизни, важной частью их жизни было скотоводство. При переходе в оседлый образ жизни народы Средней Азии занялись земледелием, поэтому в духовной жизни данных народов имеют место поверья, приметы, обычаи, связанные с водой. В одном из широко распространенных в народах Средней Азии мифов говорится, что:

Один человек, который занимался охотой и рыболовством, жил на берегу реки со своей семьей. Однажды он внезапно скончался, и обеспечение хозяйства пало на плечи жены. Однажды женщина пошла на берег реки, чтобы поймать рыбу, вдруг неожиданно поднялась сильная волна, и вода брызнула на женщину. Она забеременела от воды и зачала ребенка. (В другом варианте этого мифа говорится, что лебедь, которая обитала в реке, обрызгала женщину водой, и от этого женщина забеременела.)

Этот миф похож на сюжет зачатия ребенка во время купания в реке в армянской легенде о Давиде Сосунском, он также упоминается в бурятских легендах о герое Хиродия, который родился от морской пены. В греческих мифах о рождении Персея говорится, что дочь правителя Агроса Аксирия Даная забеременела от капли золотистого дождя и родила сына Персея. Правитель пустил в море Даная с сыном в сундуке [16. С. 104].

На следующих этапах развития мифа появляется разграничение понятий, связанных с водой. Ребенок рождается теперь не от обычной воды, а от водоема, стоячей воды, русла реки, протока или от воды колодца, обладающих какими-либо магическими свойствами, и рождается в результате питья или купанья в нем.

Одним из широко распространенных мотивов чудесного рождения является рождение ребенка от съеденного или проглоченного плода. Это связывалось с тем, что фрукты имели полезные свойства [23. С. 209], и с древними анимистическими пониманиями о единстве человека и природы.

В.М. Жирмунский в контексте того, что мотив чудесного рождения является центральной частью многих сказок и эпосов, выразил следующее мнение о чудесном рождении Манаса в киргизском эпосе «Манас»:

Вкушение матерью Манаса во сне чудесного яблока представляет смягченную форму широко распространенного мотива чудесного зачатия от вкушения какого-нибудь плода, чаще всего именно яблока, которые подносит бездетной матери ее божественный покровитель, или от лучей солнца, от глотка воды из священного источника, от запаха цветка и т.п. По своему происхождению подобные древние сказания связаны с первобытными представлениями о «партеногенезисе» (т.е. девственном зачатии), восходящими к эпохе материнского рода. В более позднее время эти фольклорные мотивы остаются в эпосе и сказке как традиционный элемент чудесного в биографии героя [9. С. 36].

Чудесное рождение героя и такой традиционный сюжет, описывающий его жизненный путь, часто встречается в каракалпакских сказках, легендах и эпосах. Например, рассмотрим волшебное рождение героя в каракалпакской сказке «Жартыбас батыр» (Полуголовый богатырь).

В сказке один бездетный старик увидел сон. Во сне дедушка, держащий волшебную палку, дал ему пару яблок и сказал: дай это своей жене, и когда она съест, в скором времени она забеременеет. Старик отнес яблоко жене, и сделал так, как и сказал дедушка. Но по неосторожности половину яблока съедает коза. Ребенок родился с половиной головы [17. С. 64].

В сказках яблоко является не обычным фруктом, оно из другого мира, дарованного духами. В этом мы видим постепенное приобретение понятий, связанных с плодотворностью фруктов, с религиозными качествами. Детали рождения ребенка с физическим недостатком были связаны с народными приметами, это говорит о наличии демифологизации.

Первобытные люди не совсем понимали причины рождения ребенка от полового общения мужчины и женщины. Они верили, что ребенок появляется в определенных священных местах, где обитают духи, и женщины, желающие родить ребенка, посещали эти места [23. С. 208]. Считается, что мифологический старик, который оставил яблоко, пришел из мира духов, визит духа из другого мира связан с поздними религиозными верованиями. Такие верования, связанные с культом предков, большей частью встречаются в народных сказках, легендах, дастанах. Например, в легендах о рождении героя Коблана рассказывается о бездетных Кыдырбай и Бозкемпир, которые с целью иметь ребенка переночевали на кладбище Куусырык «Черная дверь». В скором времени у них родился ребенок.

Понятия древних людей о волшебной силе фрукта и о его участии в рождении ребенка начинают меняться в связи с религиозными верованиями. Именно поэтому позднее появляются понятия о рождении ребенка с помощью заклинаний на фруктах, заговоров [23. С. 210]. Также появляются другие формы магического слова, например, сочувствие, мечты, намерения, формы вымаливания (вымолить), связанные с представлением мотива чудесного рождения, которые встречаются в легендах.

С развитием человеческого общества и форм сознания постепенно в содержании и структуре мифов происходят изменения. Мифический сюжет, мотив и образы внедряются в структуру фольклорных жанров, то есть происходит процесс диффузии [26. С. 105]. Проникновение в содержание сказок и эпосов *чудесного рождения* также является видом диффузированного мифологического мотива. В результате этого процесса в структуре мотива, в его семантической природе происходят изменения, и функции легенд расширяются. Создатели и исполнители перерабатывают сюжеты готовых архаических религиозных мифов, художественно оформив и приспособив их к условиям, созданным временем, и к восприятию народа. В легендах мотив чудесного рождения объясняется явлением, присущим реальным историческим личностям. Например, известные всему миру цари, императоры, повелители, полководцы, пророки и святые родились чудесным образом. Легенда, доказывая чудесное рождение, и то, что эти герои, обладающие несравненной волшебной силой, владыки чудес, мудрые люди, и само их происхождение не похожи на других, все это упрочняет их идеальный образ. Например, можем отметить сюжеты чудесного рождения таких исторических личностей, как пророк Мухаммед, дед Коркыт, царь Искандер, Чингизхан, Сахибкирон Амир Темур, Эдиге и многих других.

В.М. Жирмунский приводя ряд древних мифов и легенд о чудесном рождении героя, часто встречающихся в мировом народном фольклоре, таких как Сонасар и Богдасар из «Давида Сосунского», Конхобар и Кухили из кельтской саги, Чингизхан и Кир и т.п., говорит, что подобные мотивы, уже утратившие свое первоначальное мифологическое значение, могут оцениваться как элемент поэтической идеализации образа народного героя [10. С. 210].

Легенды о рождении исторической личности Чингизхана под воздействием небесных сил (сияние луны, солнечные лучи) распространены у многих народов мира. В одном из вариантов, сохранившихся в каракалпакском народе, говорится:

Предки каракалпаков жили на берегу реки Едил (Волги) и Жайык (Яик) Днепра. Ханством на Днепре правил Алтын хан. У него была красивая дочка по имени Арухан. Хан, никому не показывая ее, держал взаперти в помещении без окон. Когда строили здание, на стене оставили место для ная (флейты), откуда была видно солнце. Девушка влюбилась в солнце и забеременела от него. Узнав об этом, хан пустил свою дочку по реке в золотом сундуке. Об этой легенде профессор И. Сагитов пишет следующее: еще тогда, когда был жив Чингизхан, его народ начал восславлять его в устном народном творчестве и эпосах о его всемогущей силе и о торжественных победах среди завоеванных им народов. Народ, чтобы возвысить культ Чингиза, связывал его рождение с солнечными лучами, и постепенно легенды о нем теряют исторические корни и приобретают легендарный вид второго Чингиза по желанию народа [25. С. 210—211].

Подобные сюжеты встречаются в летописях монголов, «Легенде о Чингисхане» и «Таинственном сказании», а также в летописях Рашид-ад дина.

В.Я. Пропп мотив таинственного рождения без участия отца связывает с законами и правилами матриархального общества [23. С. 206], так как по традициям периода матриархата в рождении детей роль отца была незначительной,

только матери, производящие на свет детей, считались волшебной силой. Это понятие сохранилось и в Авесте.

Образ героя, который борется против врага, является плодом воображения народа, что должно быть подтверждено необычным рождением будущих героев, полководцев. Например, можем отметить сюжеты чудесного рождения таких исторических личностей, как Сахибкирон Амир Темур, Эдиге и т.п. Например, в легендах генеалогического характера о герое (главнокомандующем) Эдиге рассказывается о чудесном рождении Эдиге и его предков, а главной задачей ставится идеализация образа героя. В казахской версии этой легенды говорится о предке Эдиге Баба Гумаре, который был святым, и когда его взгляд пал на одну девушку, она забеременела от него, и родился Баба Тукли Шашлы Азиз (отец Эдиге). В ногайской версии этой легенды один человек находит человеческий череп, на котором было вычерчено:

«Когда я был при жизни, я убил многих людей, и когда я умру, я убью еще сорок». Отец Эдиге Баба Тукли Шашлы женится на дочери того, кто нашел этот череп. Девушка, полюбопытствовав, что же это за черепной порошок, намазала свой лоб и забеременела, и в итоге родился Баба Тукли Шашлы Азиз [2. С. 84—85].

Мотив рождения людей от лизания черепа предков связан с мотивом перерождения предков. Потому что череп — это голова того, кто когда-то был живым человеком. После смерти она перерождается от девушки, которая лизнет этот череп.

В.Я. Пропп утверждает, что перерождение — это один из видов мотива чудесного рождения. По его мнению, *древние люди считали, что новорожденный — это не новорожденный, а перерожденный человек. Этот мотив появился на основе поверья, что человек умирает, но потом рождается снова. Обычно считается, что новорожденный — это предок ребенка [23. С. 214].*

В действительности верование в перерождение умершего в ребенка сохраняется в древних народах, а также в культурах развитых народов и до сегодняшнего дня. В.Я. Пропп утверждает, что мотив рождения умерших имеет различные виды на разных этапах развития человеческой цивилизации. Если рассмотреть самый ранний вид этого мотива, можно заметить, что в процессе развития такие абсурдные явления, как кушанье мяса, костей умершего, мяса ребенка, смягчились и показаны в более приятном виде. Например, кушанье праха сожженного человека или лизанье, кушанье растения на кладбище и т.п. [23. С. 216].

Быстрое взросление новорожденного — это один из видов мотива чудесного рождения героя в легендах, потому что такое быстрое взросление свидетельствует о его чудесном рождении. Поэтические функции мотива чудесного рождения особенны в сообщении о том, что новорожденный может стать святым, пророком, и в создании идеального образа. Например:

В легендах о рождении Коркыта повествуется о том, что мать Коркыта носила его в чреве три года. Девять дней длились схватки. В этот момент три дня и три ночи весь свет был охвачен тьмой. Шел сильный дождь, была буря, люди не могли увидеть друг друга, их сердца охватил страх. Малышу, рожденному в такой страшной обстановке, родители дали имя Коркыт (пугани). Он заговорил сразу после рождения [5. С. 201].

Обратим внимание на легенды, связанные с генеалогией пророка Мухаммеда:

Во время рождения пророка в мире происходит много чудес. Солнце якобы осветило мир ночью. Небо, земля с содроганием изменились. Озеро Сава мгновенно высохло, впитываясь в землю, а река Тигр вышла из берегов и затопила побережье. Пророк Мухаммед в трехмесячном возрасте стоял на ногах, в семимесячном — стрелял из лука, в восьмимесячном — начал говорить, в девятимесячном — своими мудрыми словами удивлял народ [11. С. 12].

Приведем примеры чудесных явлений, произошедших во время рождения героев в вышеперечисленных легендах: беременность могла длиться три года, описаны девятидневные схватки, ребенок мог заговорить сразу после рождения (Коркыт ата), в трехмесячном возрасте был способен ходить, семимесячном возрасте мог стрелять из лука, в восьмимесячном возрасте научился говорить, девятимесячном возрасте мог сказать мудрые слова (пророк Мухаммед) — все эти явления означали быстрый рост ребенка. Это традиционный эпический сюжет, показывающий эволюционный путь развития героя, в жанре легенды, который создает подобные сюжеты. Цифры 3, 7, 8, 9, указывающие на скорость развития ребенка, как и у других народностей, являются сакральными числами, обозначающими условные пределы.

Каракалпакские легенды не смогли сохранить все понятия того общества, где причины рождения человека древнего периода были неизвестны. Поэтому они не отражают все виды чудесного рождения (рождение от дерева, от рыбы, от камня, от печки и т.д.) давно прошедшего времени.

Фольклорист Ж. Хошниязов, отмечая своеобразие применения мотива *чудесного рождения героя* в каракалпакских народных эпосах, связывает это с повседневной жизнью каракалпакского народа, традицией, религиозными верованиями и утверждает, что: «Обращение богу с просьбой бездетных старых супружеских пар, приношение пожертвования, ночуя в святых местах, выход на встречу ему старика и его дар яблоки, коня, копья, щипцы означает, что они будут иметь ребенка. Здесь яблоко (фрукты) означает развитие, размножение, если конь обозначает тотемистическое представление, то щипцы обозначают хозяина печки (очаг), юрты, семьи. Здесь отношения супружеских пар не имеют большого значения, такое понятие, в котором занимает главное место, утверждающее что ребенка дарит иные силы» [29. С. 29].

В.М. Жирмунский, рассматривая данный тип чудесного рождения, т.е. мотив становления родителями и получения ребенка путем прошения у бога, паломничества по святым местам бездетных родителей, отмечает, что данное явление — это знак, свойственный многим героическим эпосам тюркских народностей, и в качестве конкретного примера приводит эпосы «Алпамыс», «Манас», «Шора батыр», «Кобланды батыр», а явление постепенного приближения мифического начала о чудесном рождении к жизни связывает с изменениями в традициях тюркских народностей, с периодом после принятия исламской религии [9. С. 228].

Измененную форму мифического сознания, отражающую мотив такого чудесного рождения, можно встретить и в сюжетах каракалпакских народных эпических дастанов «Коблан», «Маспатша». Например, в мотиве чудесного рождения главного героя дастана «Коблан» можно увидеть следы древнего мифического сознания, их наличие в поэтической структуре дастанов и постепенное видоизменение в сторону реальных жизненных событий, претерпевая явления демифологизации, т.е. переходя от мифа к легенде. Это можем увидеть в сохранении малозаметных следов волшебства, постепенно исчезающих со временем, в мотиве мифического чудесного рождения. Если рождение героя и кажется читателю волшебным, в основе его лежат реальные семейные отношения супружества, которые можно доказать реальными событиями. Например, в мотиве чудесного рождения в дастане «Коблан» мать Коблана Бозкемпир в период беременности сильно желает съесть тигриное мясо (привередливость, прихоти), а точнее желает съесть сердце тигра.

Чтобы создать героический, мужественный, богатырский образ Коблана, сказители связывают мотив чудесного рождения с реальными жизненными событиями. Родители Коблана Кыдырбай и Бозкемпир были очень богатыми, но не имели детей. Они терпят много издевательств от биев и палачей Акшахана из-за того, что не имели сына, который унаследовал бы их богатство и охранял бы свой народ от врагов. Поэтому Кыдырбай и Бозкемпир просят детей у бога и ходят по кладбищам.

Образ родителей такого бесстрашного богатыря, героя, ведущего борьбу против врагов за честь народа, был плодом фантазии народа. Жена Кыдырбая Бозкемпир, полоничая по святым местам (кладбищам), забеременела и стала желать попробовать сердце тигра. Эта деталь, по понятию народа, подсказывает, что рождаемый в будущем ребенок будет отличаться от других, будет героем, сильным как тигр. Огромное желание матери будущего героя сердца тигра является традиционным мотивом для народных дастанов. И этот мотив повторяется в дастане «Маспатша». Мать Маспатши Карашаш в период беременности так же, как и Бозкемпир, желает съесть сердце тигра.

Как утверждают ученые-фольклористы, относить свое происхождение к животным, птицам — это вид мифического поверья о древнем легендарном брачном отношении, а также это следы времен культа поклонения тотемам, культа поклонения животным и птицам. О происхождении каждой нации и входящих в эту нацию родов и племен есть легенды данного родословного типа, являющиеся мифологическими и этногенеалогическими.

В тюркских легендах, приведенных в древних источниках, волк указан как предок тюркских племен. У киргизов в легендах о предках рассказывается, что некий человек, укравшийся в облики белого лебедя, является их прямым предком. От этого человека по имени Аккуу (белый лебедь) забеременели сорок девушек, и родившиеся от них дети разделились на сорок родов киргизов [12. С. 241]. Один из мотивов, появившийся на основе такого мифического понятия, — мотив

рождения человека от животных и птиц. Е.В. Мелетинский о мотиве рождения детей в результате брачных отношений человека с животными в фольклорной прозе пишет:

«Здесь тотемистические представления перекликаются с верой «хозяев». Любовная связь с тотемными животными или духами часто считалась у первобытных людей источником силы и удачи. Такую супругу-духа-хранителя герой обычно получает, похитив ее одежду во время купания (женичины-лебеди и т.п.), а теряет, нарушив брачное табу» [18. С. 12].

В легендах рождение героя от брака человека с животными происходит не непосредственно от животного или птицы, а от человека, превращенного в зверя или птицу в результате демифологизации мифического персонажа (феи, русалки, рыбы-девушки).

Мифические сюжеты о построении семьи персонажей с существами в виде получеловека и полуптицы и рождение детей, а потом вновь превращении в птиц, путем перехода их в легенды, эпосы, сказки, вкладывает в содержание мифов новое идейное наполнение. Этот мотив служит характеристикой родившегося героя, не похожего на других, обладающего невероятной силой, и этим самым служит для выполнения социально-жизненных и поэтических задач.

Почти во всех версиях эпоса «Эдиге» есть мифическо-легендные сюжеты, изображающие чудесное рождение исторического героя Эдиге и его родителей. Ученый-едигевед К. Алламбергенов в своих исследованиях эпоса «Эдиге» и рассматривая чудесное рождение богатыря Эдиге, останавливаясь на исторической основе и художественной роли сюжетных мотивов рождения Эдиге от девушки в облике голубя, утверждает, что в деталях рождения Эдиге нашли отражение остатки начальных архаических ступеней тотемизма. Известно, что у каракалпаков существование традиций преклонения голубям ни в художественной, ни в научной литературе не отражены. Однако в эпосе Эдиге рождается не от феи, а от девушки в облике голубя. Это в свою очередь доказывает, что эпос впитал себе элементы этапа развития древнего мифического сознания матриархальной эпохи [2. С. 84—85].

ВЫВОДЫ

Если обобщить сказанное, то можно утверждать, что мотив *чудесного рождения героя* является ведущим мотивом генеалогических и этногенеалогических легенд. В идеализации образа героя, также в передаче событий слушающим художественно и действенно отражена особая поэтическая роль этого мотива. Исторические основы мотива *чудесного рождения героя* связаны с архаическими понятиями, тотемистическим культом, культом предков, культом природы и перекликаются с мифическими мотивами, появившимися на основе мусульманской и домусульманских религиозных понятий, а также созидательной силы растительного мира, магии слова.

В результате развития мифического сознания эти мотивы претерпевают структурные и семантические изменения. Также, освобождаясь от мифических функций, мотив *чудесного рождения героя* встраивается в структуру легенд. На различных этапах развития общества под влиянием условий, созданных временем, понятиями и поверьями, в духовном сознании народа мотив *чудесного рождения героя* имеет различные виды.

© Калбаева Г.С.

Дата поступления: 1.05.2018

Дата приема в печать: 15.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Айтмуратов Д.* Тюркские этнонимы. Ташкент, 1986.
2. *Алламбергенов К.* Миф, ертеке, тарийх хэм дэстан. Нөкис, 2014.
3. *Баҳадырова С., Мәмбетназаров Қ.* Қарақалпақ аңызлары, әпсаналары, шешенлик сөзлери. Нөкис: Қарақалпақстан, 1992.
4. *Баҳадырова С.* Қарқалпақ халық прозасы: миф, әпсана, аңыз // ӨзР ИА Қарақалпақстан бөлими Хабаршысы. Нөкис, 2007. по 1.
5. *Бердибаев Р.* Эпос — ел казнасы. Алмата, 1995.
6. Библийская энциклопедия. Москва: Библийское общество, 1996.
7. *Жабборов И.* Антик маданият ва маънавият хазинаси. Ташкент: Шарк, 1999.
8. *Жирмунский В.М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. Москва, 1958.
9. *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.
10. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Л., 1979.
11. *Ибринг В.* Мухаммед пайгамбардың өмири. Нөкис: Қарақалпақстан, 1992.
12. История киргизского народа. Книга I. Фрунзе, 1963.
13. Қарақалпақ фольклоры. Т. 77—87. Нөкис: Билим, 2014.
14. *Қасқабасов С.* Қазақтың халық прозасы. Алматы: Ғылым, 1984.
15. *Коруглы Х.Н.* Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. Москва: Наука, 1983.
16. *Кунн Н.А.* Әййемги Грецияның легендалары хэм мифлери [Legendy i mify drevnej Grecii]. Нукус: Каракалпақстан, 1990.
17. *Мақсетов Қ.* Қарақалпақ фольклористикасы. Нөкис: Қарақалпақстан, 1989.
18. *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Москва, 1958.
19. *Мухаммаджанов А.* Бўри культининг илдизлари // Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент, 2011. по 4. С. 39—42.
20. *Палымбетов К.* Қорқыт ата китабы хэм қарақалпақ эпослары. Нөкис: Билим, 2010.
21. *Пахратдинов А.* Мәнили гәплер хэм халық әпсаналары. Нөкис: Қарақалпақстан, 1989.
22. *Потанин С.В.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1889.
23. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Мотив чудесного рождения. Москва: Наука, 1976.
24. *Раҳманова М.* Афсоналарнинг анъанавий мотивлари // Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент, 2009. по 5. С. 58—61.
25. *Сағитов И.Т.* Сахра бүлбили. Нөкис: Қарақалпақстан, 1974.
26. *Саримсақов Б.* Эпик жанрлар диффузияси. В кн.: Ўзбек фольклорининг эпик жанрлари. Тошкент, 1981.
27. *Соколов С.Н.* Духовная культура. Религия. В кн.: История таджикского народа. Т. I. М.: ГРВЛ., 1963.

28. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.
29. Хошаниязов Ж. Миллий руўхый дўнъямыздың сағалары. Нөкис: Қарақалпақстан, 2007.
30. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.
31. Фрэзер Д. Фольклор в ветхом завете. Москва, 1985.

УДК: 821.512.121-343

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-774-786

THEME OF MIRACULOUS BIRTH IN KARAKALPAK FOLK LEGENDS AND ITS HISTORICAL BASES

Gulparshin S. Kalbaeva

Berdakh Karakalpak state university

230112, Berdakh Karakalpak state university (Nukus, Uzbekistan)

Abstract. The present article deals with the analysis of leading motives of legend character's miraculous birth. Historical bases of the motif was studied in comparison with the ancient archaic conceptions and with the motifs arising on the base of Moslem and before Islamic religious notions as well. It is proved that the ideal basis of miraculous birth motifs in legends, tales, epic poems are connected with the Greek, Babylon, Assyrian, Iranian, Central Asian myths of Creation Man in ancient times. "The Birth of Persey", greek myths about "Devkalion and Pirre", Iranian myths about the Birth of Kaiumars (Gaimartan from "Abesto") are analyzed.

The process of diffusion of the motif with the structural, semantic changes is interpreted. It is ascertained that the certain motif has various forms at different stages of the development of conscience and human civilization.

The birth of main character without father in germ (embryo) (from sunrays, moonshine, windgust, seafoam, from water, fruits, charms of fruits, exorcism and etc), from intermarriage with animals and birds, gift of children to married couples from messengers of heavenly bodies or of other world, origin of miraculous phenomena in the days of character's birth have been analyzed. All these have been grounded on the concrete materials rarely occurring in Legends of genealogical or ethnogenealogical features. In creation of character's image, artistic mounting of ideologic content of the work and repercussion of events the poetic role of miraculous birth theme is of great importance. For example, artistic desert in creation of ideal images of world known historical persons as prophet Mogamed, Korkut ata, Iskander shakh, Chingiz khan, Amir Temur, Edige and others are revealed.

In the article comparative historical method of investigation is used by accompanying typological analysis of plots. Comparative analysis of national peculiarities of motifs about miraculous Birth in Karakalpak folk legends with artistic works of other peoples is simultaneously carried out.

Key words: motif, genesis (origin), diffusion, mythological belief, religious beliefs totemism, shamanism, miraculous birth, legend, poetic role

REFERENCES

1. Ajtmuratov, D. (1986). Turkic ethnonyms. Tashkent. (In Russ.).
2. Allambergenov, K. (2014). Myth, fairy tale, history and legend. Nukus. (In Karakalpak).
3. Bahadyrova, S. & Mambetnazarov, K. (1992). Karakalpak legend, legends and sharp fellow. Nukus: Karakalpakstan. (In Karakalpak).

4. Bahadyrova, S. (2007). Karakalpak national prose: myth, legend, tradition. *Bulletin of the Karakalpak office of Academy of Sciences of RUz. Nukus, 1*. (In Karakalpak).
5. Berdibaev, R. (1995). The epos — a national treasure. Almaty. (In Kazakh).
6. Bible encyclopedia (1996). Moscow: Bible society. (In Russ.).
7. Zhabborov, I. (1999). Ancient art and treasure of spirituality. Tashkent: Vostok. (In Uzbek).
8. Zhirmunskij, V.M. (1958). Epic creativity of the Slavic people and problem of comparative studying of the epos. Moscow. (In Russ.).
9. Zhirmunskij, V.M. (1974). Turkic heroic epos. L. (In Russ.).
10. Zhirmunskij, V.M. (1979). Comparative literary criticism. L. (In Russ.).
11. Ibring, V. (1992). Prophet Muhammad's life. Nukus: Karakalpak. (In Karakalpak).
12. History of the Kyrgyz people (1963). Book I. Frunze. (In Russ.).
13. Karakalpak folklore (2014). Vol. 77—78. Nukus: Nauka. (In Karakalpak).
14. Kaskabasov, S. (1984). Karakalpak national prose. Almaty: Science. (In Kazakh).
15. Korugly. H.N. (1983). Interrelations of the epos of the people of Central Asia, Iran and Azerbaijan, Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Kunn, N.A. (1990). Legends and myths of Ancient Greece. Nukus: Karakalpak. (In Karakalpak).
17. Maksetov, K. (1989). Karakalpak folklore. Nukus: Karakalpak. (In Karakalpak).
18. Meletinskij, E.M. (1958). Hero of the magic fairy tale. Moscow. (In Russ.).
19. Muhammadzhanov, A. (2011). Genesis of a cult of a wolf. *Uzbek language and literature, 4*, 39—42. (In Uzbek).
20. Palymbetov, K. (2010). Book by the grandfather of Korkut and Karakalpak eposes. Nukus: Nauka. (In Karakalpak).
21. Pahratdinov, A. (1989). Catchwords and Karakalpak legends. Nukus: Karakalpakstan. (In Karakalpak).
22. Potanin, S.V. (1889). East motives in the medieval European epos. Moscow. (In Russ.).
23. Propp, V.Ja. (1976). Folklore and reality. Motive of the wonderful birth. Moskow: Nauka. (In Russ.).
24. Rahmanova, M. (2009). Traditional motives of a legend. *Uzbek language and literature, 5*, 58—61. (In Uzbek).
25. Sagitov, I.T. (1974). Nightingale of the steppe. Nukus: Karakalpak. (In Karakalpak).
26. Sarimsakov, B. (1981). Diffusions of epic genres. Tashkent. (In Uzbek).
27. Sokolov, S.N. (1963). Spiritual culture. In the book: History of the Tajik people. Vol. I. Moscow: GRBL. 596 p. (In Russ.).
28. Tokarev, S.A. (1990). Early forms of religion. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
29. Hoshnijazov, Zh. (2007). Source of national spirituality. Nukus: Karakalpak. (In Karakalpak).
30. Chistov, K.V. (1967). Russian national social and utopian legends of the 17—19th centuries. Moscow. (In Russ.).
31. Frjezer, D. (1985)/ Folklor in the old testament. Moscow. (In Russ.).

Для цитирования:

Калбаева Г.С. Мотив чудесного рождения в каракалпакских народных легендах и его исторические основы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 3. С. 774—786. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-774-786.

For citation:

Kalbaeva, G.S. (2018). Theme of Miraculous Birth in Karakalpak folk Legends and its historical bases. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(3), 774—786. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-774-786.

Сведения об авторе:

Калбаева Гулпаршын Сарсенбаевна, докторант кафедры каракалпакской литературы Каракалпакского государственного университета имени Бердаха. г. Нукус; *научные интересы*: фольклор, религия, этнография, культурология. *e-mail*: gulparshyn.kalbaeva@mail.ru

Information about the author:

Gulparshin S. Kalbaeva, Candidate for a Doktor's Degree Department of the Karakalpak Literature at the Karakalpak state University; *Interests*: folklore, religion, ethnography, culturology; *e-mail*: gulparshyn.kalbaeva@mail.ru